

Орловский объединенный государственный
литературный музей И. С. Тургенева
Тургеневское общество в Орле



ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2010 года

Орел 2011

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2010 года**



ОРЕЛ 2011

ББК 53.3 Р
Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2010 года/Сост. и ред. –
Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балыкова. – Орел: Издатель
Александр Воробьёв, 2011 – 292 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
А. А. Шевченко

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева.

© ОГУК Орловский объединённый
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2011.
© Издатель Александр Воробьёв, 2011.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрюхина Л.В. Музейный калейдоскоп..... 6

I. Научные исследования и сообщения

<i>Генералова Н.П.</i> Тургенев – читатель «Дневника писателя» Достоевского	13
<i>Лукина В. А.</i> Неизвестный отклик Я.П. Полонского на повесть Тургенева «Вешние воды».....	23
<i>Саррина М.А.</i> Тургенев и Аполлон Григорьев: диалоги во Франции	33
<i>Айнгорн Л.</i> Вокруг «Фриодолина».....	50
<i>Кривина Т.М.</i> Проза И.С.Тургенева в восприятии современных британских исследователей («Рудин», «Ася», «Затишье»).....	61
<i>Якушкина Г.В.</i> Посвящение П.В.Киреевскому (о собрании русских народных песен М.А.Стаховича).....	72
<i>Костромичёва М.В.</i> Рассказы о неведомом (современные записи)	77

II. Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>Мельник Е.Г.</i> В салоне Виельгорских	89
<i>Александрова Л.М.</i> «<...> вещь удивительная и не раз тронула меня <...> до слёз». И.С.Тургенев о Н.Кохановской.....	94
<i>Проц Е.В.</i> И.С.Тургенев и актрисы парижских театров (Э.Рашель, Л.Р.Аллан-Дюпреу, М.Дюма, С.Бернар).....	98
<i>Слуцкая Т.К.</i> Племянник великого писателя	106

III. По Тургеневским местам

- Ливцов В.А.* Судьба литературного памятника –
«Дом Лизы Калитиной» на Дворянском гнезде в Орле 117
- Кирилловская Н.М.* Дворянское гнездо, каким я его знала 126

IV. Наши публикации

- Письмо и проект А.П.Боголюбова об устройстве
губернских художественных музеев в России (1881).
Публикация С.А.Ипатовой 143
- Тургенев у Свечиных. Воспоминания Сергея Митрофановича
Зарудного о посещении Тургеневым семейства Свечиных
в Ситово Ефремовского уезда Тульской губернии.
Публикация Е.А.Козеевой 166
- Памяти Александра Флакера. *Публикация М.В.Алексеевой* 175
- Иванова (Преснова) Л.Н.* Однажды раннею весной.
Страницы жизни И.С.Тургенева: Пьеса в 2-х действиях –
6 картинах. (Окончание) 184

V. Из собрания Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева

- Жидкова С.Л.* Журнал «Отечественные записки»
в мемориальной библиотеке И.С.Тургенева 203
- Синякова Т.Ю.* «В знак уважения и памяти»
(«Энциклопедия ума» Н.П.Макарова в мемориальной
библиотеке Н.С.Лескова) 211
- Маричева Л.М.* А.Н.Апухтин в системе российского
правосудия (комментарии к двум письмам поэта) 220
- Полушина Т.В.* Коллекция И.А.Новикова в собрании
Орловского объединённого государственного литературного
музея И.С.Тургенева (Штрихи к портрету писателя) 227

VI. Из истории музея: люди, годы, судьбы

<i>Балькова Л.А.</i> Музей И.С.Тургенева: возвращение	237
<i>Гавлова Г.Н.</i> Пороховщиковы: продолжение темы	241
<i>Алексеева М.В.</i> «Первый Орловский сборник» (К 70-летию выхода в свет)	247
<i>Кондратенко А.И.</i> Воспоминания о Николае Чернове	257

VII. Друзья музея: творчество

<i>Кушелев И.Е.</i> Место, где хочется творить	271
<i>Борок А.</i> Искусство и природа в повести «Фауст»	276
<i>Забоева Н.</i> Сад как зеркало души в повести «Фауст»	279
Стихи <i>А.Бушунова, А.Лаухина, Л.Серовой, А.Солдатова</i>	282

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

2010 год – за последние 40 лет самый сложный и самый драматичный год в истории Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева. Над музеем нависла угроза необдуманной реорганизации, которая фактически стала бы уничтожением сложного, складывавшегося десятилетиями усилиями нескольких поколений музейщиков, живого организма. На защиту уникального, известного далеко за пределами Орла и даже России музея стали широкие круги мировой общественности, что позволило остановить готовившейся разгром.

Грозящая опасность сплотила коллектив музея; все его филиалы и подразделения, как никогда, почувствовали себя неразрывным целым. Работа в музее шла почти во фронтовых условиях, вопреки невниманию со стороны властных структур, вопреки информационной блокаде, вопреки клеветническим измышлениям недоброжелателей.

Как всегда центром музейного объединения был старейшина – музей И.С.Тургенева. Как бы в противовес жестокой реальности тема 2010 года в Музее Тургенева была выбрана очень лирическая, можно сказать даже эстетская: «Сады вокруг Тургенева». «Садовая» тематика воплощалась во всех формах работы «тургеньцев». В Лектории музея была открыта необычная выставка «Пойдём в мой сад! (Сады в дворянских гнездах времен Тургенева)». Автор выставки Е.Г.Мельник представила экспонаты, рассказывающие не только о тургеньских садах в Орле, в Спасском, в Москве, в Баден-Бадане и в Буживале, но и о других замечательных образцах садово-паркового искусства. Необычность и яркость выставке придало соединение музейных предметов с обилием живых растений. По выставке проводились экскурсии для разных возрастных категорий посетителей. По сути это было содержательное представление. И взрослые, и дети получили здесь не только новые знания, но и много положительных эмоций: в рамках выставки проводились разнообразные «садовые» игры.

Продолжением выставки в течение всего цветущего времени года стало посещение «Маменькина садика» - гости музея приглашались то на «Праздник цветения тюльпанов», то на путешествие по сказкам Тургенева, то на церемонию «Прощания с садом».

Традиционно в рамках «Тургеньской осени» прошли литературные «Игры школяров», темой которых на этот раз стали «Сады

вокруг Тургенева». Учащиеся орловских школ №1 и №25 соревновались в знании тех произведений писателя, где сад становится местом или смысловым центром действия. Участники Игр совершили прогулки «вместе с Тургеневым» по улицам старого Орла, заходили в сады городских усадеб, отправлялись в знаменитые некогда сады Н.В.Киреевского в Шаблыкине или тенистые аллеи грандиозного парка-сада Новосильцевых в Первом Воине.

Ещё одним знаменательным событием этого года стали мероприятия, связанные со 100-летием со дня кончины выдающейся французской певицы, друга Тургенева Полины Виардо. 18 мая, в день памяти г-жи Виардо в музейном саду прошла церемония посадки элитной ивы, получившей имя певицы. В этот день к нам пришли представители разных поколений, звучала музыка, стихи и проза Тургенева не только на русском, но и на немецком, французском, испанском языках. Церемония завершилась торжественным исполнением хора из оперы Дж.Верди «Набукко». В мероприятии приняли участие академический хор Орловского центра культуры под руководством заслуженного работника культуры Р.С.Анохиной.

Этой же дате были посвящены XIX Тургеневские чтения на тему «Тургенев и Полина Виардо: Музыкальный контекст». Помимо научных сотрудников музея Е.В.Векуа, С.Л.Жидковой, Е.Г.Мельник, в чтении принимали участие доктор филологических наук, профессор Орловского государственного института искусств и культуры Н.А.Куделько, педагоги Орловского музыкального колледжа М.С.Блюмкина и Н.С.Афанасьева, а также известный тургеновед из Канады Н.Г.Жекулин, который уже не в первый раз выступает в нашем музее. Его доклад «Тургенев и русские альбомы Виардо» был выслушан с большим вниманием и вызвал заинтересованное обсуждение. Чтения завершились «Маленьким концертом памяти Полины Виардо», подготовленным преподавателем Орловского музыкального колледжа И.Е.Кушелевым и солистами Орловской филармонии.

Гость из Канады передал в музей редкие записи опер, в которых в свое время блистала французская певица. Они помогли особенно содержательно провести традиционный День рождения Полины Виардо 18 июля – день, который Тургенев отмечал всегда, где бы он ни находился. Несмотря на изнурительную жару 2010 года, праздник, посвященный певице и получивший название «Casta diva» (по одной из мелодий, которую исполняла примадонна), прошёл с большим успехом.

Все эти мероприятия, как и книжная выставка «Тургенев во Франции», подготовленная для коллоквиума «Россия и Франция: две страны – единая история и культура» и участие в коллоквиуме с докладом (Л.А.Балыкова), были проведены в рамках перекрестного года «Россия и Франция».

Ярким событием этого года стала экспедиция по «апраксинским» местам Брянской области, проведенная музейщиками совместно с Тургеневским обществом. Мы посетили знаменитое Брасово, старинный конезавод в бывшем имении В.В.Апраксина Локоть, наконец, побывали в Площанской пустыни, где особенно поразил нас поистине «райский» сад, возделанный руками о.Диомида и других монашествующих в этой обители.

«Тургеневская осень» в музее, как всегда, началась 3 сентября Днем памяти писателя. На этот раз он проводился совместно с Тургеневским обществом и Попечительским советом по возрождению Дворянского гнезда. Из музея участники двинулись в сад Дворянское гнездо, на подходах к которому Кафедрой дизайна Орловского государственного технического университета была устроена фотовыставка «Возродим Дворянское гнездо!». На церемонии возложения цветов выступили зам. председателя Горсовета М.В.Вдовин, писатель А.И.Кондратенко, директор музея Бронетанкового училища Н.М.Кирилловская, зам. директора Орловского колледжа культуры Е.Н.Ашихмина. У памятника Тургеневу звучали стихи и романсы. Их музыка сливалась с шумом берез над головами, придавая всему действу нечто «тургеневское», что живет вне времени...

Дни «Тургеневской осени» были отмечены внедрением в череду музейных мероприятий новых сюжетов: путевых экскурсий «Путешествие с Тургеневым», «Легенды и были Дворянского гнезда», урока-экскурсии «Тургенев в гостях у Фета», причем в этих мероприятиях принимали активное участие не только орловские школьники, но и учащиеся районов – своими стихами, пением, небольшими театрализованными представлениями.

Завершилась «Тургеневская осень» Днем рождения Тургенева; возложением цветов к мемориальной доске на пересечении улиц Тургенева и Салтыкова-Щедрина, новым спектаклем студенческого театра «Ювента» (по пьесе Д.И.Фонвизина «Недоросль») и, конечно, именинным пирогом.

В течение 2010 года гости музея могли посетить и другие мероприятия: презентацию выставки «Столетье безумно и мудро» (Тур-

гев и XVIII век), «Именины у Тургенева», «Пушкин и поэты Серебряного века», детский утренник «Праздник басни».

Итоговым мероприятием года в музее И.С.Тургенева стала презентация очередного выпуска «Тургеневского ежегодника», в котором помещены материалы 2008-2009 годов. Перед гостями выступили авторы отдельных публикаций, читатели дали оценку коллективной работе участников сборника, его составителям и редакторам. С особенным удовольствием посмотрели гости сцену из пьесы Л.Н.Ивановой «Однажды раннею весной», основанной на документальных материалах и напечатанной в тургеневском ежегоднике». Её колоритно исполнили научные сотрудники музея А.Ю.Бушунов и Е.Г.Мельник.

Активно, творчески, разнообразно работали другие подразделения Объединённого музея. Во многом работу определяли юбилеи и круглые даты в биографиях писателей-орловцев.

В 2010 году отмечались 140-летие со дня рождения И.А.Бунина, 190-летие А.А.Фета и 170-летие со дня рождения А.Н.Апухтина. Этим датам посвящались большие проекты, часть из которых музей организовывал и проводил совместно с творческими и научными силами города.

В праздновании 140-летия И.А.Бунина самым главным событием, безусловно, стало долгожданное открытие полной экспозиции музея И.А.Бунина в соответствии с концепцией «Иван Бунин – классик русской и мировой литературы». Теперь экспозиция отражает последовательно всю творческую биографию писателя. В ней представлено много новых экспонатов, ранее не выставлявшихся. Но этому генеральному событию предшествовало много других: выставка работ учащихся Орловской детской школы изобразительных искусств и ремесел – иллюстрации к поэме Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе И.Бунина; «читательский конкурс», «Знаете ли вы Бунина»; литературно-художественный фестиваль «Бунинские яблоки». И, конечно, на всероссийскую научную конференцию «Орловский текст российской словесности: творческое наследие И.А.Бунина» собрались ведущие исследователи творчества писателя нашей страны.

В 2010 году прошли, помимо музейных чтений, ещё две большие конференции с международным участием: «Изучение творческого наследия Н.С.Лескова: Итоги и перспективы» и «Фетовский текст русской литературы».

Юбилейные даты А.Фета и А.Апухтина были отмечены большой выставкой «Мир от красоты», на которой зрители вновь могли увидеть мемориальные экспонаты из фондов этих поэтов в коллекции

Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева.

И ещё один важный юбилей 2010 года: 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эту дату в разных формах отмечали все музеи, входящие в объединение. Читались лекции о теме войны в творчестве писателей-орловцев, об их собственных военных судьбах, проводились литературно-музыкальные вечера, школьные научно-практические конференции. Самым же ярким событием этого направления работы, конечно, следует считать большую выставку «Рядовые культуры» (авторы А.Молозева, Г.Павлова, Л.Александрова), которая впервые в музейной практике показала роль работников культуры в победе над фашистскими захватчиками.

Один из центральных комплексов выставки был посвящен военной судьбе музея И.С.Тургенева, спасению и сохранению тургеневских меморий в годы войны, восстановлению и расширению музейного комплекса после возвращения из эвакуации в Пензу.

Выставочная работа была очень разнообразной. Помимо выставок из собственных фондов в выставочных залах Музея Тургенева и Дома Т.Н.Грановского свои работы демонстрировали художники: живописцы, графики, прикладники, фотохудожники. Впервые в канун Пасхи свои удивительные работы представили члены Артели православных художников на выставке «Светлое Христово Воскресение».

Вопреки сложной обстановке и отсутствию поддержки со стороны властных структур, музей жил и работал в напряженном творческом ритме. Музейными чтениями было отмечено 25-летие Дома Т.Н.Грановского, состоялись традиционные Андреевские чтения (уже в память не только писателя, но и безвременно ушедшей заведующей Домом Леонида Андреева О.В.Вологиной). Сотрудники филиалов и отделов с особой ответственностью относились к своему делу, демонстрируя высокий профессионализм, доказывая, что Орловский объединённый государственный литературный музей И.С.Тургенева занимает видное место в культурной жизни города и страны.

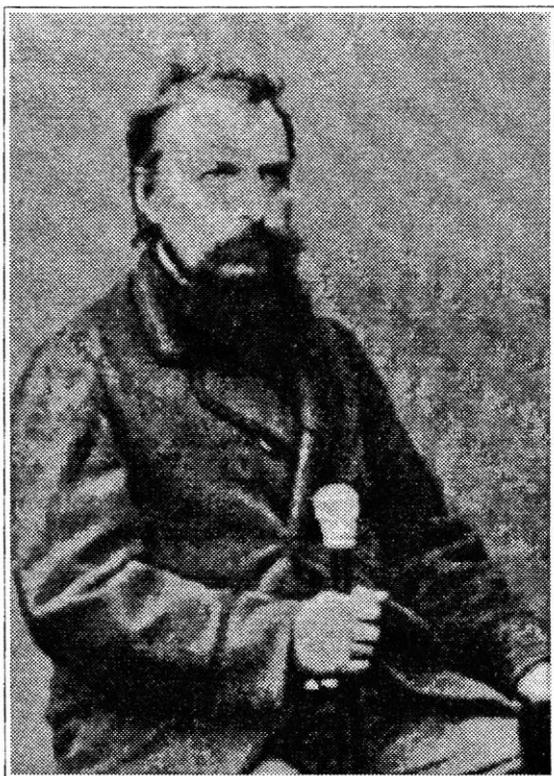
Заключительным аккордом 2010 года стал праздник, посвященный 92-ой годовщине создания Музея-библиотеки им.И.С.Тургенева, из которого впоследствии вышли остальные литературные музеи Орла, входящие ныне в Орловский объединённый государственный литературный музей И.С.Тургенева. Праздник засвидетельствовал, в который раз, жизнеспособность старейшего литературного музея России, высокий творческий потенциал и верность своему делу всех поколений сотрудников Тургеневского музея.



I.

*Научные исследования
и сообщения*





*А.А. Григорьев (1822–1864),
литературный критик, поэт.
С фото 1850-х годов*

ТУРГЕНЕВ — ЧИТАТЕЛЬ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ДОСТОЕВСКОГО

Название обстоятельного исследования Н.Ф.Будановой, посвященного отношениям Тургенева и Достоевского, — «Творческий диалог» — как нельзя лучше отражает суть вопроса. Отбросив проблему так называемой «психологической несовместимости» двух писателей, о которой написано немало («психологическая совместимость» вещь вообще достаточно редкая, в особенности, когда речь идет о творческих личностях), обратимся собственно к «творческому диалогу», потому что, даже если он и не был завершен, то во всяком случае продолжался до конца дней обоих писателей. Их последняя публичная полемика в 1880 году на открытии памятника Пушкину в Москве не могла поставить и не поставила точку в этом диалоге, поскольку в центре его стояли вопросы о судьбе России и русского народа.

Когда мы говорим о творческом диалоге Достоевского и Тургенева, то имеем в виду, как правило, отклики Достоевского, многочисленные и страстные, на те или иные произведения Тургенева. Позиция же по отношению к своему оппоненту Тургенева, столь растревожившего автора «Бесов», остается не до конца проясненной. Недаром в предисловии к своей книге Н.Ф.Буданова пишет: «...книга эта больше о Достоевском, чем о Тургеневе, и “диалог” ведет преимущественно Достоевский <...> Пусть в диалоге “Достоевский — Тургенев” <...> ведущим будет Достоевский, он имеет на это полное право: диалогичность художественного сознания и слова Достоевского, убедительно доказанная М. Бахтиным и другими учеными, в настоящее время общепризнанна»¹.

Позволю себе частично не согласиться с уважаемой исследовательницей, так много сделавшей для изучения творчества и Достоевского, и Тургенева. И прежде всего не согласиться с ее оценкой известного и «общепризнанного» тезиса М.М.Бахтина. Оставляя в стороне аргументацию, могущую увести нас далеко от намеченной темы, осмелюсь утверждать, что «диалогичность художественного сознания и слова» была присуща Тургеневу в гораздо большей



степени, чем Достоевскому. И именно этим я объясняю художественный срыв Достоевского, который пародийно вывел своего оппонента в романе «Бесы». Получился не диалог, а скорее разновидность монолога, осмеянная самим Достоевским в первой же части «Дневника писателя» за 1873 год. Между прочим, такой же «диалог» состоялся между Достоевским и Тургеневым в недавно вышедшем на телеэкран фильме Владимира Хотиненко. Здесь, хотя и в исполнении замечательного актера Евгения Миронова, достойно звучат реплики только Достоевского. Тургенев выглядит глупой и застывшей маской, назойливо твердя слова, которых в действительности он никогда не произносил.

Вот что писал Достоевский, вспоминая встречу с Герценом и его рассказ о чтении Белинским своей статьи «Русская литература в 1841 году», написанной в форме «разговора между господином А. и господином Б.»: «В этой статье господин А., то есть, разумеется, сам Белинский, выставлен очень умным, а господин Б., его оппонент, поплоче. Когда он кончил, то с лихорадочным ожиданием спросил меня: — Ну что, как ты думаешь? — Да хорошо-то, хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять. Белинский бросился на диван, лицом в подушку, и закричал, смеясь, что есть мочи: — Зарезал! Зарезал!»².

Стремясь побольнее уколоть своего оппонента в «Бесах», Достоевский нередко впадал «в шаржу», а тем самым в односторонность, уподобляясь «господину А.» из анекдота, рассказанного Герценом. Недаром и сам он чувствовал, что далеко не все было им высказано в романе, и намеревался продолжить полемику с Тургеневым в дальнейшем.

Исследователями справедливо отмечено, что «Дневник писателя» задумывался Достоевским во многом как продолжение «Бесов», следовательно, как продолжение спора с Тургеневым. Первым об этом сказал еще К.М.Михайловский в рецензии, появившейся в февральском номере «Отечественных записок» за 1873 год: «Потому ли, что идея “Бесов” вообще сильно занимает г. Достоевского, или потому, что “Дневник писателя” пишется под непосредственным влиянием писания “Бесов”, но дневник этот может быть рассматриваем как комментарий к “Бесам”. <...> Комментируя “Бесов” “Дневником”, мы уясним себе многое»³. И действительно, уже в первом выпуске «Дневника писателя» за 1873 год скрыто присутствует имя автора «Дыма».

Если Тургенев обратился в 1869 году к воспоминаниям о Белинском, защищаясь от нападков на «Дым», и продолжал развивать речи Потугина, то Достоевский начинает свой «Дневник» тоже с воспоминаний о Белинском и о встрече с ним, имевшей место, очевидно, в ноябре 1845 года. Этот эпизод с Белинским, вероятно, — все, что осталось от несохранившейся статьи Достоевского, носившей название «Знакомство мое с Белинским» (1867).

Как было замечено уже давно, в письме к Н.Н.Страхову от 18(30) мая 1871 года Достоевский, давая характеристику Белинского, как будто «задался прямой целью пункт за пунктом опровергнуть характеристику Белинского в “Литературных и житейских воспоминаниях” Тургенева<...>» и даже полемически назвал свою статью, «как бы противопоставляя свои воспоминания очерку Тургенева “Встреча моя с Белинским” (1860)» (Достоевский. Т. 21. С. 376. Комментарий Е.И.Кийко). Возвращаясь к воспоминаниям о Белинском в «Дневнике писателя», Достоевский вскользь упоминает «молоденького, начинающего литератора, заслужившего потом известность в литературе» (Там же. С.11). Этим «начинающим литератором» был, по убедительному предположению комментатора «Дневника» Е.И.Кийко, именно Тургенев. Тот самый Тургенев, о котором Достоевский сразу после описанной встречи написал брату: «На днях воротился из Парижа поэт Тургенев <...> и с первого раза привязался ко мне такую привязанностию, такую дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистошимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе» (Там же. Т.28. Кн.1. С.115).

Мы не знаем, насколько Тургенев «влюбился» в Достоевского, свидетельств в пользу подобной гипотезы не сохранилось, но автор «Бедных людей», без сомнения, был увлечен личностью нового знакомого. Должно было пройти более четверти века, чтобы Тургенев стал объектом жестокой пародии в «Бесах», а Белинский был назван «смердной букашкой» и охарактеризован следующим образом: «немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда»⁴. Продолжая свои обличения в следующем письме к Страхову (от 18(30) мая 1871 года), Достоевский оценивает «явление» Белинского как «самое смердное, тупое и позорное явление русской жизни» (Там же. С.215). «Этот человек

ругал мне Христа по-матерну <...> Ругая Христа, он не сказал себе никогда: что же мы поставим вместо него, неужели себя, тогда как мы так гадки <...> Он был доволен собой в высшей степени, и это была уже личная, смрадная, позорная тупость» (Там же). Эти крайние по своим выводам оценки, возникшие вследствие переоценки идейного наследия 40-х годов, и стали основой романа «Бесы», в котором представители «замечательного десятилетия» выступили в роли воспитателей молодого поколения нигилистов.

Вспоминая об увлеченности Белинского идеями французских социалистов и его яростном атеизме, Достоевский противопоставляет всему этому «сияющую личность самого Христа», «пресветлый лик богочеловека, его нравственную недостижимость, его чудесную и чудотворную красоту». Интересно, что, воспроизводя богохульные речи Белинского, Достоевский упоминает о том, что он с трудом переносил их: «Мне даже умилительно смотреть на него каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него все лицо изменяется, точно заплакать хочет...». Обращаясь к своему собеседнику, Белинский произнес: «Да поверьте же, наивный вы человек, поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком...» (Там же).

Несомненная отсылка к этому эпизоду из «Дневника писателя» содержится в одном из тургеневских «Стихотворениях в прозе». «Я видел себя юношей, почти мальчиком в низкой деревянной церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи...». Так начинается известное «стихотворение в прозе» Тургенева «Христос», помеченное декабром 1878 года. Вдруг лирический герой почувствовал, что рядом с ним встал человек и человек этот Христос. «Лицо, как у всех, — лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты <...> Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех». Герой усомнился, точно ли это Христос, «такой простой, простой человек»? Он вновь смотрит на Него и вновь видит «то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные, хоть и незнакомые черты». И понимает, что «именно такое лицо — лицо, похожее на все человеческие лица, — оно и есть лицо Христа». В комментариях к академическому изданию среди источников стихотворения называются книги Штрауса и Ренана, посвященные Христу, называется и ряд русских источников, среди которых и «Мальчик у Христа на



елке» Достоевского (1876), и произведения Л.Толстого и Лескова. Очевидно, к ним следовало бы добавить и «Дневник писателя» Достоевского за 1873 год. Как бы то ни было, но подобная «отсылка» к «Дневнику писателя» предоставила Тургеневу возможность еще раз в скрытой форме вспомнить дорогое для него имя Белинского и косвенно опровергнуть обвинение его в богохульстве.

Подготовительные материалы к «Дневнику писателя» и сохранившиеся черновики свидетельствуют о том, что сюжетов, относящихся к полемике с Тургеневым, должно было быть гораздо больше, чем осталось в печатном тексте⁵. Однако это не означает, что автор «Дневника» полностью отказался от своего замысла. Полемика ушла вглубь. Но чем дальше Достоевский разрабатывал в новом жанре свои идеи, тем чаще имя Тургенева возникало на страницах «Дневника» совсем в ином контексте. Похоже, Достоевский со временем полностью отказался от замысла специальной статьи о «Дыме». Герои и сюжеты из «Записок охотника» и «Дворянского гнезда» становились его союзниками и как бы приглушали пафос борьбы с Тургеневым как с самым ярким представителем «западничества», а вместе с тем нарастало и иное настроение — настроение примирения с недавними противниками. Основным оппонентом Достоевского становится главный герой «Дыма» Созонт Потугин. Нельзя не отметить, что писатель пронизательно заметил настоящее место этого героя в романе, в то время как основная часть критиков считала главными героями Литвинова и Ирину. Окончательно примирительная тенденция Достоевского выразилась в его Пушкинской речи, хотя она и вызвала протест у его оппонента.

Но знал ли Тургенев «Дневник писателя»? Точно известно, что он не только читал «Дневник писателя», где содержалось так много полемических выпадов против автора «Дыма», но и специально выписал через А.В.Топорова еженедельник «Гражданин», редактором которого более года был Достоевский. Правда, просьба о подписке на этот журнал содержалась в более позднем письме, когда Достоевский уже покинул «Гражданин», продолжая в нем печататься. Особо следует отметить, что Тургенев просил выписать журнал не на свое имя в Париж, а на имя его доброй знакомой госпожи Анштетт в Баден-Баден, очевидно, не желая оставлять свое имя среди подписчиков одиозного, с его точки зрения, органа. О том, что писатель внимательно читал журнал, свидетельствует ироническая фраза в одном из писем: «госпожа Анштетт усердно читает "Гражданин"».

Встречаются упоминания о «Дневнике писателя» и после 1873 года в письмах Анненкова к Тургеневу. Возможно, именно Анненков (чьи письма сохранились далеко не в полном объеме) сообщил Тургеневу о том, что в первых же выпусках «Дневника писателя» Достоевский продолжил полемику с автором «Дыма». В одном из писем (от 12(24) февраля 1877 года), касающихся романа «Новь», Анненков писал: «Не знаю, что говорит о нем Достоевский в своем “Дневнике”, а очень хотелось бы знать. Если вы получаете “Дневник”, перешлите мне под бандеролью, буде милость оказать хотите»⁶. А в письме от 22 августа (3 сентября) 1880 года сообщал: «У Вас в эту минуту Салтыков, которым я наслаждался здесь целую неделю. Как он себя терзать умеет, так это ни одному самому ярому монаху из ордена флагеллантов — и не снилось. Надо было останавливать, чтобы себя не засек, а между тем это и высоко честный и правдивый человек по отношению к себе. Не то что Достоевский например — тот печатно объявляет, что Христа проглотил и чувствует его у себя в животе. Кстати, очень хорошо и любезно сделаете, если вышлете мне “Дневник” и поскорей! <...> Хорошо сделали, что отказались от намерения войти в диспут с одержимым бесом и святым Духом одновременно Достоевским: это значило бы растравить его болезнь и сделать героем в серьезной литературе»⁷. Не останавливаясь на этой крайне резкой оценке Анненковым Пушкинской речи Достоевского (это тема для особого исследования), отметим, что из переписки Анненкова с Тургеневым становится очевидным, что «Дневник писателя» занимал внимание обоих корреспондентов.

В письме к А.В.Топорову от 22 марта (3 апреля) 1876 года Тургенев сообщает, что получил два «весьма интересных» номера «Дневника писателя» и благодарит за их присылку⁸, однако письмо с просьбой прислать это издание, до нас не дошло. Впрочем, она могла быть высказана и в устной форме. В письме к тому же корреспонденту от 22 июня (4 июля) 1876 года из Спасского, во время завершения романа «Новь», он указывает даже точную дату выхода очередного номера: «Пришлите мне, пожалуйста, “Дневник писателя” от 30 июня, когда он выйдет»⁹. Этот выпуск интересовал Тургенева в особенности потому, что в нем должен был появиться отклик Достоевского на смерть Жорж Санд¹⁰.

Одной из главных тем «Дневника писателя» была, как известно, судьба русского народа. Так или иначе, все сюжеты связаны с нею. Любопытно, что именно на страницах «Дневника» встречается



определение русского народа как «сфинкса», прямо отсылающее нас к «стихотворению в прозе» Тургенева «Сфинкс». Правда, впервые это определение прозвучало из уст критика «Русского вестника» В.Г.Авсеенко в статье «Опять о народности и о культурных типах», в которой подверглись резкой критике рассуждения Достоевского в февральском номере «Дневника писателя» за 1876 год, в том числе и утверждение, что «народ для нас всех <...> продолжает стоять загадкой» (*Достоевский*. Т.22. С.44).

«Вопрос о народе и о взглядах на него, — писал Достоевский, — о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается всё наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь. И однако же, народ для нас всех — всё еще теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть на самом деле, а лишь таким, каким мы его каждый себе представили» (Там же). Опровергая тезис Достоевского о необходимости «преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа», Авсеенко писал о неопределенности положения народа и неспособности его к активной общественной деятельности. «И вдруг нам говорят, что мы должны идти за этим странником, который сам еще не выбрал дороги, что мы должны ждать мысли и образа от этой загадки, от этого сфинкса, не нашедшего еще для себя самого ни мысли, ни образа! Разве это не ирония?»¹¹. Достоевский считал, что высказывать подобный взгляд «значит лишь совершенно не знать того предмета, о котором толкуешь, то есть вовсе не знать народа» (*Достоевский*. Т.22. С.119). С его точки зрения, «народ вовсе не так безнадежен, вовсе не так подвержен шатости и неопределенности, как, напротив, подвержен тому и заражен тем наш русский культурный слой <...>» (Там же).

Что же дает основание связать творческую историю тургеневского «стихотворения в прозе» «Сфинкс» (1878) и полемику Достоевского с Авсеенко? Комментаторы «Стихотворений в прозе» в Полном собрании сочинений и писем Тургенева М.П.Алексеев и Н.В.Алексеева справедливо указали, что метафора «Россия — сфинкс» встречается у Тургенева еще в письме к Полине Виардо от 4(16) мая 1850 года. Нельзя не согласиться с исследователями, что стихотворение Тургенева генетически связано с упоминаемым Герценом «неразгаданным сфинксом русской жизни» в главе XXX четвертой части «Былого и дум», писавшим о том, что и западни-

ки и славянофилы «равно стояли перед неразгаданным сфинксом русской жизни»¹². Это предположение выглядит тем более убедительно, что в этой главе Герцен рассказывает анекдот о «мурмолке» и национальном наряде К.Аксакова, которого народ, по словам П.Я.Чаадаева, «принимал <...> за персиянина». Напомним, что «стихотворение в прозе» Тургенева завершается следующей сентенцией: «Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!»¹³. И все же, думается, есть основания при соединить к названным источникам и «Дневник писателя». Ведь в письме Тургенева к Виардо и в «Былом и думах» Герцена речь идет о «России — сфинксе» и о «сфинксе русской жизни», а в «стихотворении в прозе» сфинксом назван русский народ. «Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы?»¹⁴. В особенности последняя фраза: «Давно ли попал ты в сфинксы?» указывает на какое-то более близкое ко времени создания «стихотворения в прозе» «Сфинкс» упоминание о русском народе как сфинксе, которое могло послужить толчком к размышлению Тургенева. Этим толчком вполне могла быть полемика между Достоевским и Авсеенко, с которой Тургенев был, без сомнения, знаком и за которой должен был заинтересованно следить. Не случайно, именно к «стихотворению в прозе» «Сфинкс» в скрытой форме апеллировал А.Н.Пыпин в инспирированной Тургеневым статье «С Пушкинского праздника», где читаем: «Действительно, наш народ — сфинкс, до тех пор, пока луч просвещения не осветит его дремлющее сознание и успехи общественности не дадут ему полного права гражданства»¹⁵.

В заключение приведем еще один пример, свидетельствующий, как представляется, о «присутствии» Достоевского в тургеневских «Стихотворениях в прозе». Я имею в виду первую же миниатюру, которая открывает весь цикл. «Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край <...>»¹⁶. Так начинается всем известное «стихотворение в прозе» «Деревня» (<I>), в котором художник создал незабываемую идиллическую картину русской деревни, завершив ее восклицанием: «О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!».

Трудно сказать, каким конкретным посещением русской деревни было навеяно это «стихотворение в прозе», однако в словах приветливой старухи-хозяйки, поднесшей горшок холодного молока и ломоть теплого хлеба, слышится время, когда Тургенев уже не жил

постоянно в России: «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!». При желании можно сравнить этот замечательный очерк с другим, не менее замечательным рассказом Достоевского «Мужик Марей», вошедшим в февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 год. Здесь столь же идиллически представлена русская деревня, оставившая неизгладимое впечатление в душе будущего писателя. Называя в упомянутом выше письме к А.В.Топорову от 22 марта (3 апреля) 1876 года два выпуска «Дневника писателя» «весьма интересными», Тургенев, без сомнения, имел в виду и этот рассказ, который начинается по-тургеневски лирически: «Мне припомнился август месяц в нашей деревне: день сухой и ясный, но несколько холодный и ветренный; лето на исходе <...>» (Достоевский. Т.22. С.47).

Идиллическая картина сельской жизни в «Деревне» не имела подзаголовка «Сон», который присутствовал первоначально в заглавии «стихотворения в прозе» «Христос» и где он был снят по совету все того же П.В.Анненкова. Однако приведенным восклицанием «стихотворение в прозе» «Деревня» не завершается. Вот его концовка: «И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и всё, чего так добиваемся мы, городские люди?». В этих финальных строках содержится квинтэссенция полемической позиции Тургенева в отношении Достоевского, известного своими выступлениями за взятие Константинополя.

Начиная с июньского номера «Дневника писателя» за 1876 год, Достоевский неоднократно возвращается к этому вопросу в своих рассуждениях о возможной, а затем и о начавшейся войне с Турцией. «Да, Золотой Рог и Константинополь — всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия <...> это случится само собой, именно потому, что время пришло <...>. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы» (Достоевский. Т.23. С.48)¹⁷. Несмотря на то, что Тургенев, как известно, занимал активную позицию во время русско-турецкой войны и открыто сочувствовал угнетенным славянам, великодержавные претензии на владение Константинополем ему были, безусловно, чужды. Политическим прогнозам Достоевского, его мечтам о великой роли России на мировом театре истории Тургенев противопоставляет довольство, покой, избыток, тишь и благодать вольной русской деревни. Спустя два года, уже после словесного поединка на Пушкинских торжествах, Тургенев напишет М.М.Стасюлевичу о речи Достоевского: «Эта очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь всецело по-

коится на фальши, но фальши, крайне приятной для русского самолюбия. <...> И к чему этот всечеловек, которому так неистово хлопа-ла публика? Да быть им вовсе и не желательно: лучше быть оригинальным русским человеком, чем этим безличным всечеловеком»¹⁸.

Примечания.

1. Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л., 1987. С.7.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1980. Т.21. С. 8. Далее ссылки на это издание даются в тексте: *Достоевский*, с указанием тома и страницы.
3. Н. М. Литературные и журнальные заметки. Февраль 1873 г. //Отечественные записки. 1873. №2. С.327.
4. Письмо к Н. Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871г. (*Достоевский*. Т.28. Кн.1. С.208).
5. См. об этом: Буданова Н. Ф. Указ. соч. С.125–145.
6. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. СПб., 2005. Кн.2. С.52.
7. Там же. С.121.
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1966. Письма. Т.11. С.240.
9. Там же. С.289.
10. Собиравшийся сам написать статью о Жорж Санд для «Вестника Европы», Тургенев отказался от своего замысла, по-видимому, ознакомившись с некрологическими статьями Достоевского (см. об этом: *Генералова Н.П.* И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С.138–142).
11. Русский вестник. 1876. Т.122. №3. С.371. Полемика с Авсеенко подробно прокомментирована в Полном собрании соч. и писем Достоевского В.Д.Раком: *Достоевский*. Т.22.
12. См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Сочинения. Т.10. С.504–505.
13. Там же. С.158.
14. Там же.
15. Вестник Европы. 1880. №7. С.XXXIII. См. об этом: *Мостовская Н.Н.* И.С.Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С.96–98.
16. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1982. Сочинения. Т.10. С.125.
17. Подробное описание откликов в русской прессе по вопросу о взятии Константинополя и о роли Достоевского в имевших место спорах см.: *Достоевский*. Т.23. С.375–377.
18. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1967. Письма. Т.12. Кн.2. С.272.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТКЛИК Я.П.ПОЛОНСКОГО НА ПОВЕСТЬ ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»

Как известно, из обширной переписки, которую на протяжении практически сорока лет (с разной степенью интенсивности) поддерживали Иван Сергеевич Тургенев и Яков Петрович Полонский, в большем объеме сохранилась именно тургеневская часть. Так, на 161 опубликованное письмо Тургенева приходится лишь 29 ответных писем. Пятнадцать из них были впервые напечатаны в восьмом томе сборника «Звенья» в 1950 году¹. Еще четырнадцать стали известны только после того, как в начале 1950-х годов значительная часть парижского архива Тургенева была приобретена Национальной библиотекой Франции. В 1964 году они были опубликованы во второй книге Тургеневского тома «Литературного наследства», значительно обогатив наши представления об отношениях между корреспондентами, а также введя в научный оборот существенные сведения об их творческой деятельности². При этом, за редким исключением, сохранившиеся письма Полонского, как отметила их публикатор Э.А.Полоцкая, представляют лишь «отдельные, случайно уцелевшие части обширной переписки»³. Таковы общеизвестные факты. Они зафиксированы и в посвященной Я.П.Полонскому статье, вошедшей в последний по времени словарь «Русские писатели»⁴.

Однако, как оказалось, эти сведения нуждаются в уточнении, поскольку в Отделе рукописей Парижской Национальной библиотеки обнаружили новые письма Полонского к Тургеневу, ранее считавшиеся утраченными. Об их существовании мне стало известно от Н.П.Генераловой, которой удалось во время своего пребывания в Париже в 1992 году просмотреть и переписать значительное количество тургеневских материалов, остававшихся до этого неизвестными исследователям. Речь идет, прежде всего, о документах, поступивших в Национальную библиотеку в 1968 году в составе так называемого дара госпожи Марсель Мопуаль, внучки Полины Виардо, дочери Клоди и Жоржа Шамро⁵. Переданные ею три коробки документов были впоследствии переплетены и составили семь томов, в один из которых (а именно в четвертый) попали «Письма,

адресованные Тургеневу» (NAF 16275). Среди них мы найдем письма к Тургеневу Альфонса Доде (2), Гюстава Флобера (43), Шарля Гуно (3), Ги де Мопассана (4), Проспера Мериме (24), Эмиля Золя (13), Полины и Луи Виардо и многие другие⁶. Замыкают этот раздел письма к Тургеневу русских корреспондентов, в их числе, например, опубликованные Н.П.Генераловой два письма А.А.Фета⁷. Сюда же были помещены, как указано в описи, и шесть писем Полонского.

При ближайшем ознакомлении выяснилось, что писем не шесть, а пять. По-видимому, ошибка вкралась в процессе брошюрования, в результате которого листы были разложены и переплетены не совсем верно. В итоге была нарушена хронологическая последовательность, а вторая часть письма за 10 января 1872 года была отделена от первой и фигурировала как отдельное письмо без даты. Как удалось установить, все новонайденные письма относятся к 1872 и 1873 годам. Содержание их превзошло самые смелые ожидания. Достаточно сказать, что вскрылись новые обстоятельства участия Тургенева в сборнике «Складчина», для которого был написан рассказ «Живые мощи» (1874), а к единственному уцелевшему письму Полонского за 1872 год⁸ добавились еще два пространных письма, заслуживающие пристального внимания⁹.

Первое и самое раннее из вновь найденных писем датировано 10 января ст. ст. и написано под свежим впечатлением от прочтения тургеневской повести «Вешние воды», которая вышла в свет в январском номере «Вестника Европы» за 1872 год. Еще в декабре 1871 года Тургенев сообщал Полонскому о скором выходе своей новой повести и выражал опасения, что его «пространственно рассказанная история о любви, в которой нет никакого ни социального, ни политического, ни современного намека», «едва ли понравится» читателю¹⁰. В первых строках ответного послания Полонский спешит поделиться впечатлением, произведенным на него «Вешними водами». Он признается, что собирался и даже начал отвечать Тургеневу еще 4 января (первая книжка журнала, в которой были напечатаны «Вешние воды», вышла в свет 1 января), но не окончил письма, поскольку не был удовлетворен отделкой своего нового стихотворения «Кляча и Пегас»¹¹, которое он намеревался представить, как обычно, на взыскательный суд друга. Тем не менее, далее он выписывает из этого, по всей видимости, несохранившегося варианта письма фрагмент, посвященный «Вешним водам», прибавляя: «потому что раз высказанное впечатление — в другой раз уже так не выскажешь».

Каково же было первое впечатление Полонского от новой повести Тургенева?

«Вчера читал я твою повесть, — писал он, — и читал, замирая от восторга и боли. — Пусть говорят, что она пуста; но каждая страница этой волшебной пустоты врезалась в моей памяти и врезалась навсегда. Читая повесть твою, переживал я лучшие мои годы — весенние воды мои как бы на время оттаяли и унесли меня. — Я сам был способен влюбиться именно так, как влюбился твой нелепый Санин (ибо я был так же нелеп до последней степени)». Как видно уже из этих строк, повесть произвела сильное впечатление на Полонского, пробудив дорогие ему воспоминания о собственной молодости, о любви и о его сватовстве к восемнадцатилетней красавице, ставшей вскоре его женой, — Елене Васильевне Устюжской¹². «Вспомни, — продолжал он, — что я когда-то в Париже прожил поэтически-очаровательные дни и ночи, когда был женихом дочери русского дьячка — моей покойной жены Елены Васильевны, с тою только разницей, что мне уже было за тридцать — и что я к барышням, подобным Полозовой, никогда не чувствовал никакого влечения, да и сам был не настолько взрачен или красив, чтоб мог останавливать на себе ее внимание».

Здесь же он сообщает некоторые любопытные подробности из своей жизни в Одессе, куда он отправился в 1844 году, по совету своего старого приятеля по Московскому университету Н.М.Орлова, не дождавшись даже аттестата об окончании университета. «Но больше всего, — признается он, — повесть твоя напомнила мне одну несчастную страсть мою в Одессе, куда я прибыл, только что окончивши мой курс в Московском университете. Твой Санин торговал в кондитерской, а я торговал в чужом клиросе. Я маялся в ожидании одной посетительницы — которая входила в дом со двора через задние двери и нередко заставляла меня одного, так как книгопродавец Тотти был женихом и беспрестанно убегал к своей певице. У моей красавицы, тоже с итальянским типом лица, оказался женихом немец, но (к счастью) судьба не помогла мне — я был опять-таки недовольно взрачен, чтоб отбить соперника-немца, и с отчаянья уехал на Кавказ». Можно предположить, что вряд ли неразделенная любовь была единственной причиной, вынудившей Полонского в 1846 году переехать в Тифлис и поступить на службу в канцелярию наместника князя М.С.Воронцова¹³, однако, возможно, она стала той самой последней каплей, которая побудила его оставить Одессу.



В подтверждение успеха «Вешних вод» среди читателей Полонский приводит мнение своего приятеля Шатковского, который, как он пишет, «тоже от твоей повести чуть с ума не сошел — прибежал ко мне и говорит, что ему тяжело, тяжело и тяжело — что дальше первой половины он читать боится — предчувствует, что будет что-то гадкое — и все-таки читать до конца хочется — что делать!».

На этом выписка из письма от 4 января заканчивается, однако далее Полонский сообщает дополнительные сведения о впечатлении, произведенном новой повестью Тургенева на общих друзей и знакомых. Известно, что появление «Вешних вод» вызвало оживленные толки в самых разных кругах¹⁴. Об этом одновременно с Полонским Тургеневу сообщал и П.В.Анненков, также подметивший расхождение в оценках простых читателей и критиков: «...повесть Ваша имеет большой, даже восторженный успех в публике, который не отражается в литературе, где все толкуют, что в ней нет никакого вопроса. Желаящие иметь серьезный вид тоже выражают эту новую мысль, но заглушены энтузиастами, а последних много. Таковы почти все мои знакомые без исключения, особенно женщины»¹⁵. Интерес был настолько сильным, что М.М.Стасюлевич вскоре принял решение о напечатании дополнительного тиража январской книжки «Вестника Европы»¹⁶. Как явствует из дальнейшего изложения Полонского, повесть действительно никого не оставила равнодушным. При этом он отмечает «резкую противоположность в суждениях».

Так, например, особого интереса заслуживает упоминание о визите супруги Б.М.Маркевича, состоявшемся, по всей видимости, 7 января. «В прошлую пятницу, — сообщает Полонский, — была у нас мадам Маркевич — она сказывала, что муж ее читал твою повесть вслух — и в восторге — говорит, что после тебя за перо взяться известно». А 10 января во втором номере «Гражданина» за подписью «М.» появилась в высшей степени положительная рецензия Маркевича, в начале которой он прямо заявил: «С самого начала своей литературной деятельности и по сей день <...> ничего более художественного не создавал еще г.Тургенев!»¹⁷. «Вешние воды», по его мнению, «в силу своей художественной правды, своей беспощадной объективности и какой-то скульптурной рельефности», представляют «один из самых блестящих этюдов человеческого сердца, какие когда-либо выливались из человеческого пера»¹⁸. Как видно, более всего Маркевич оценил и «с горячею и тем большею радостью» приветствовал «художественность» нового произведения Тургенева, от-

сутствие в нем «задней мысли», «притязания на решение какого-либо „настоятельного“, „современного“, „животрепещущего“ вопроса».

Заметим, что именно это — точно подмеченное Маркевичем отсутствие «современного намека» (выражаясь словами Тургенева из письма к Полонскому), — изначально и вызывало опасения писателя за судьбу своего детища, а впоследствии ставилось ему в упрек большинством критиков¹⁹. Хотя рецензия в «Гражданине» была едва ли не единственным благожелательным откликом на «Вешние воды» в печати (в целом же, как справедливо отметила Л.В.Крестова, «в отличие от читателей, критика встретила „Вешние воды“ недоброжелательно»²⁰) вряд ли ее появление особо обрадовало писателя. «Здесь нет ни малейшего „гражданского мотива“, — писал Маркевич, — ни вздора об этих не отыскавшихся „новых людях“, ни тени хотя бы потугинского, болезненного и бесплодного, самого отрицательного смеха, — и слава Богу! Живописец *русский*, живописец по преимуществу, скидывает с себя на этот раз не всегда в пору сидевшие на нем ризы, — и предстает пред нами только живописцем. И каким живописцем!..»²¹. Это восхищение было, как кажется, искренним. Оно сквозит и в письме Маркевича к М.Н.Каткову, в котором он высказывает искреннее огорчение в связи с появлением в «Московских ведомостях» уже упоминавшейся желчной статьи Л.Н.Антропова о «Вешних водах»²². «...Со времен „Дворянского гнезда“, — настаивает Маркевич, — ни одна вещь Тургенева не имела такого *retentissement* <отзвука. — *франц.*>, какое имеют „Вешние воды“ (по крайней мере здесь), а кроме того, с объективно художественной точки зрения, *ни одно* из его произведений не было так искусно скомпоновано, как это <...>»²³. Вместе с тем, с удовлетворением подчеркнув в своей статье, что «творец Базарова», успел, по-видимому, убедиться в «совершенно тщетном у нас искании „новых людей“, Маркевич не преминул уколоть активных защитников последних в лице Е.И.Утина, сотрудничавшего в «Вестнике Европы». Он ядовито заметил, что мнение Тургенева вряд ли разделит «некий господин Евг<ений> Утин, „новый“ *lumen mundi* <светоч мира. — *лат.*>, открывший недавно и объявивший нам самым радикальным манером в том же „Вестнике Европы“, в котором печатает свои произведения г.Тургенев и в то же самое время, когда печатался там „Обрыв“ г.Гончарова, что песенка Тургенева и Гончарова давно спета и что им следует, откланявшись публике, давным-давно переросшей-де их „своим развитием“, отретировать-

ся за кулису, чтобы не мешать на общественной сцене реальным отправлениям „новых людей”, „новой школы”, школы „подлиповцев”, Сысоек и Афросек все того же г.Решетникова <...>»²⁴.

Примечательно, что, хотя мнение самого Е.И.Утина о «Вешних водах» нам неизвестно, в целом общий характер его был, по всей видимости, подмечен Маркевичем верно. Это подтверждается и данным письмом Полонского: в нем он передает Тургеневу содержание своего разговора с Утиным, с которым накануне случайно встретился в театре: «Ну что повесть? — Это последний современный вопрос. — Утин негодует на избитость сюжета, на то, что лица, выведенные тобой, не новы — но отдает справедливость блестящему художественному изложению рассказа». И добавляет далее: «Тут какой-то юноша, модник, повертелся перед ним — и на вопрос, читал он твою повесть — сказал, что художественного он ничего терпеть не может — не читает и читать не будет! Этим конечно он хотел покрасоваться и выиграть в глазах г.Утина».

Еще одно нелицеприятное мнение о «Вешних водах» было высказано на очередной «пятнице» Полонского сотрудником петербургской газеты «Русский мир», которого сам Полонский обозначил как «некий г.О—ко — пишущий фельетоны в „Русском мире”». По всей видимости, имеется в виду В.Г.Авсеенко, почти еженедельно печатавший в этой газете свои «Очерки текущей литературы». «Он изумил меня, — сообщал Полонский, — говорит, что отроду ничего хуже твоей повести он не читывал — что ты напомнил ему Марлинского — что таких женщин, как Полозова, никогда отроду не существовало и не существует. Я оспаривал — и разумеется, в свою очередь, изумлял его». Переданный Полонским отзыв в целом перекликается с оценкой, которую Авсеенко дал «Вешним водам» в своем очередном фельетоне, фактически отказав повести Тургенева в «самостоятельном художественном значении»²⁵.

Разумеется, письмо Полонского не исчерпывается приведенными выше сведениями об откликах на «Вешние воды», оно содержит и другие чрезвычайно любопытные подробности. В нем, например, он трогательно рассказывает о семействе своей покойной жены, просит Тургенева съездить к ним, познакомиться с тремя ее сестрами — Юлией, Елизаветой и Марией — и даже посылает письмо на имя Василия Кузьмича Устюжского²⁶. «Я до сих пор не прекратил с ними сношений — считаю их милым семейством, — признавался Полонский, — они меня любят и, назовись ты им другом моим — бу-

дешь принят с любовью». Надо отметить, что знакомство Тургенева с Устюжскими в скором времени действительно состоялось²⁷.

Второе новонайденное письмо было послано вдогонку первому. «О твоей повести толки еще не умолкают», — сообщал в нем Полонский. Хотя письмо не датировано, можно предположить, что оно было написано не ранее 12 или 13 января. Об этом свидетельствует упоминание Полонского о присланной ему накануне М.Л.Златковским²⁸ вырезки из «Московских ведомостей» со статьей Л.Н.Антропова о «Вешних водах». «Статья, — как справедливо отмечает Полонский, — сильно враждебная — и резкая»²⁹. Подводя итог оценкам, прозвучавшим в прессе, Полонский заключает: «Вообще бранят тебя за то, что ты не вывел еще на сцену ни одного русского мужчину с характером — и доказывают это тем, что якобы в самом себе ты не находишь мужественной силы, а стало быть, и не веришь ей». «Увы! — сетует он, — художественная сила твоего таланта будет ценима только нами, последними могиканами — да еще теми непосредственными натурами, которые еще не успели заболеть

Заемной мысли раздраженьем».

Все это заставляет Полонского задуматься о новом поколении, которое пришло на смену людям «сороковых годов». И сравнение это приводит его к неутешительным выводам. «Наше поколение» «живало сердцем, нынешнее — головой», — с грустью констатирует он. «Мы в 35 лет не были такими практиками, как теперешние школьники. Каждый юноша заранее уже избрал себе ту или иную карьеру, высчитывает, сколько будет получать он жалованья, сколько разных посторонних доходов. Есть и такие 16-летние мужи, которые героине говорят: наша цель нажить себе состояние всеми правдами и неправдами.

Думаю, что никакая Половцова <так!>, никакая итальянка не увлечет их. — Любовные страсти так же, как и иные, так же как и эстетическое чувство, ушли на последний план и, главное, стали проще. Потребность целоваться и потребность есть и пить — одно и то же — но последние конечно важнее, ибо без женщины еще кое-как можно промаяться, а без хлеба — дудки! Разумеется, нет правила без исключений. Все же, мне кажется, что современный русский герой — это горячий по темпераменту и уже порядочно расхолодивший себя; — во-1-х, неудачными попытками сыграть роль велико-

го гражданина или общественного деятеля и 2) рано сложившимся убеждением, что ум прозрел, что при помощи микроскопа и телескопа глаза перестали нас обманывать, что все прежние мечтания: философия, метафизика, поэзия, верная любовь, семейное счастье и проч. и проч. должны быть отнесены к разряду галлюцинаций.

Но о современном типе можно писать много, очень много — и живи ты все это время на святой Руси, — шляйся по провинциям и посещай наши столицы — ты бы, конечно, лучше всех подметил бы новую струю; — но что я говорю лучше! Думаю, что ты единственный, который бы мог это сделать, ибо у нового поколения в литературе крупных талантов не намечается».

Следует ли говорить о том, что отзыв Полонского не мог не порадовать Тургенева, всегда сомневавшегося в успехе своих новых произведений, а приведенные в письмах отклики читателей были для него драгоценным свидетельством не угасшего на родине интереса к его сочинениям. И даже последняя приведенная фраза из письма Полонского о современных типах в русской жизни, которые один Тургенев мог бы достойно изобразить, звучит как будто пророчеством о последнем романе писателя — «Новь», который будет завершен им несколько лет спустя.

Примечания.

1. И.С.Тургенев. Переписка с Я.П.Полонским /Вступ.ст. и коммент. Г.П.Миролюбова //Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. М., 1950. Т.8. С.152–261. Далее ссылки на это издание: *Звенья*, с указанием страницы;
2. Письма Я.П.Полонского (1857–1873) /Публ. Э.А.Полоцкой //Литературное наследство. М., 1964. Т.73. Кн.2. С.195–248;
3. Там же. С.197;
4. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т.5. С.55; статья Е.В.Ермилова и А.З.Грешного;
5. Небольшую биографическую заметку о М.Мапуаль (урожд. Шампо) см.: *Maupoil Robert. Marcelle Maupoil (1879–1973). Notice biographique // Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1980. №4. P.31;*
6. Краткое описание этих материалов см.: *Ibid.* P.32–34;
7. *Ауэр А.П., Генералова Н.П.* Письма А.А.Фета к И.С.Тургеневу //Проблемы изучения жизни и творчества А.А.Фета. Курск, 1993. С.328–338;
8. См.: *Звенья*. С.167–170. Здесь воспроизведен черновик письма, поскольку

- оригинал остается необнаруженным. Черновик не датирован, но, судя по ответному письму Тургенева от 2 (14) марта, письмо Полонского было отправлено в конце февраля 1872 года;
9. В настоящее время письма Полонского к Тургеневу готовятся к публикации в очередном выпуске сборника «И.С.Тургенев: Новые исследования и материалы»;
 10. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1999. Т.11. С.185 (письмо от 18 (30) декабря). Далее ссылки на это издание — *Тургенев*, с указанием серии, номера тома и страницы;
 11. Впоследствии это стихотворение под заглавием «В степи» («Скучно-бесцветные дни, — сумерки, вместо дневного...») вошло в сборник Полонского «Озими» (1876);
 12. В этом отношении примечательно письмо Полонского к Л.П.Шелгуновой, относящееся ко времени его знакомства и сватовства к Е.В.Устюжской и в полной мере передающее настроение поэта в то время: «Если Богу угодно, чтобы я женился, пусть будет, что будет. — Не даром вдруг нашла на меня такая решимость, которой от роду не доставало при обстановке более благоприятной и при более счастливых случайностях. Быть может, все к лучшему. <...> Вы меня теперь спросите — влюблен ли я? Чувство, которое я испытываю теперь, совсем не то, которое я испытывал, когда влюблялся, и, вероятно, это оттого происходит, что я начал с того, что сам не знаю, почему задумал жениться. Я этим до такой степени сам себя озадачил, что все, что есть в страсти слепого и безрассудного, все меня покинуло. — Я жажду понять ее, даже ищущу, нет ли в ней недостатков, и, право, нашел бы их, если бы они были. Роковая встреча с нею и вообще все это дело мною начатое, подняли со дна души моей все, что чуть не с детства покоилось в ней. Все хорошие и дурные стороны моего характера, все выступили наружу и я борюсь то со своим самолюбием, то с испугом за будущее, то с невольной боязнью взять на свою ответственность новое для меня существование, не имея под ногами у себя прочной почвы. За все такие колебания я называю себя Подколесиним, упрекаю себя в такой трусости. <...> я переживаю трудное для меня время: отступить я не могу, мне хочется видеть ее каждую минуту, потому что, глядя на нее, я ничего не боюсь, силы мои вырастают — в ее спокойствии душа моя почерпает покой, страх за будущее кажется ребяческим и меня недостойным» (Из переписки Я.П.Полонского //Русская земля. 1904. 3 янв. №3. С.2–3);
 13. Так, еще 10 января ст. ст. 1844 года, сообщая М.Н.Орлову о назначении М.С.Воронцова наместником на Кавказе, Полонский писал: «Вся Одесса в волнении — все здешнее народонаселение двинется за ним, как за конновожатым. Одесса опустеет — и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу» (Письма Я.П.Полонского к Н.М.Орлову //Новые Пропилеи /Под ред. М.О.Гершензона. М.-Пг., 1923. Т.1. С.66);

14. Так, Б.М.Маркевич в письме к М.Н.Каткову от 11 января 1872 года сообщал о том, что его разговор с Александром II на большом бале в Зимнем дворце начался «с новой повести Тургенева» (цит. по: Громов В.А. «Вешние воды». Статья и письмо Б.М.Маркевича о повести Тургенева //Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева. Л., 1969. Вып.5. С.304). Впоследствии появление злобной статьи Л.Н.Антропова о «Вешних водах» в «Московских ведомостях» (1872. 12 янв. №9) вызовет резкое неприятие и осуждение Маркевича, о чем он не преминет сообщить Каткову. По его мнению, появление этого глумливого и несправедливого отзыва могло быть только на руку «здесьним “реалистам”» и компрометировало газету, которую он считал «единственно серьезным у нас органом» (см. об этом там же: С.304–305);
15. Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу: В 2 кн. /Изд. подготовили Н.Н.Мостовская, Н.Г.Жекулин. СПб., 2005. Кн. 1. С. 192;
16. См. письмо Тургенева к М.М.Стасюлевичу от 14(26) февраля 1872 года: *Тургенев. Письма*. Т.11. С.214.
17. М. <Маркевич Б. М.> Вешние воды. Соч. Тургенева («Вестник Европы», №1) //Гражданин. 1872. №2. 10 янв. С.66; раздел: «Критика и библиография»;
18. Там же;
19. Об этом Тургенев писал, например, П.В.Анненкову: «Как Вы предсказывали, Буренин остался недоволен — и, по словам Стасюлевича, другие критики также упрекают меня, зачем моя повесть не с „начинкой“?» (*Тургенев. Письма*. Т.11. С.200; письмо от 13(25) января 1872 года);
20. *Тургенев. Сочинения*. Т.8. С.508. Неодобрение повесть вызвала, как ни странно, и у критиков либеральной прессы, например, «Санкт-Петербургских ведомостей»;
21. Гражданин. 1872. №2. 10 янв. С.67;
22. Речь идет о статье «Новая повесть Тургенева „Вешние воды“», появившейся в №9 «Московских ведомостей» за подписью: Л. А—ов;
23. Громов В.А. «Вешние воды». Статья и письмо Б.М.Маркевича о повести Тургенева. С.304;
24. Гражданин. 1872. №2. 10 янв. С.67;
25. См.: А.О. <Авсеев В. Г.> Очерки текущей литературы //Русский мир. 1872. 22 янв. №20;
26. Данное письмо Полонского позволяет восстановить отчество его тестя: Кузьмич, ранее оставшееся неизвестным;
27. Как следует из письма Тургенева к Полонскому, знакомство состоялось 23 января (4 февраля) 1872 года. «Он <В. К. Устюжский>, — писал на следующий день Тургенев, — кажется очень добрым и тихим человеком — и все его дочки очень милы — особенно одна, белокурая, с тонким профилем и симпатическими глазами. Да и все они очень красивы <...> и все очень тебя любят и сохраняют теплую память о тебе» (*Тургенев. Письма*. Т.11. С.207–208);

28. Среди писем Златковского к Полонскому, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ, этого письма обнаружить не удалось;
29. Анненков, также вскоре выславший Тургеневу вырезку из «Московских ведомостей», назвал статью Антропова «бесчестной». Как следует из его письма, подобного мнения придерживалось большинство читателей. «Хотя Вы добрым вестям вообще плохо верите, предпочитая им ядовитые известия, — писал он, — но все-таки должен Вам сказать, что ругательство это возбудило общее омерзение, даже у молодежи, распознавшей в нем расчеты Каткова и давно пенившуюся у него желчь за оставление Вами „Рус<ского> вестника”» (*Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу. Кн.1. С.193, письмо от 18(30) января 1872 года.*)

М. А. Саррина
С.-Петербург

ТУРГЕНЕВ И АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ: ДИАЛОГИ ВО ФЛОРЕНЦИИ



История творческого диалога И.С.Тургенева и А.А.Григорьева достаточно продолжительна. Начался этот диалог в 1840-е годы, когда были опубликованы первые отзывы молодого критика на ранние рассказы Тургенева, продолжился в конце 1840-х — начале 1850-х годов. Однако в эти годы характер заочной дискуссии писателя и критика, вероятно, можно определить не как «диалог», а, скорее, как «спор», «острую полемику» по целому ряду вопросов. Этот спор завершился созданием Тургеневым предисловия к отдельному изданию «Записок охотника» (не сохранилось) и статьи о комедии А.Н.Островского «Бедная невеста» («Современник», 1852, №3), полемически заостренных против суждений Григорьева. В свою очередь критик в годовом обзоре «Русская изящная литература в 1852 году» отрицательно отозвался о некоторых произведениях Тургенева, якобы искажающего действительность в угоду предвзятой «задней» мысли.

В 1855 году, с приходом Н.Г.Чернышевского в журнал «Современник», ситуация в русской критике заметно изменилась. В 1856 году Чернышевский стал полностью определять концепцию отдела критики «Современника», статьи Боткина и Анненкова стали в нем редкостью, а Дружинин, ведущий активную борьбу с новым направлением журнала, окончательно перешел в «Библиотеку для чтения».

Стремление противопоставить Чернышевскому критика иного направления, но столь же сильного, обладающего цельным мировоззрением, заставило «круг «Современника»» иначе оценивать своих оппонентов. Именно желанием «нейтрализовать» Чернышевского можно объяснить попытку В.П.Боткина предложить Некрасову привлечь Ап.Григорьева в журнал в качестве постоянного сотрудника. «При твоём контроле Григорьев был бы кладом для журнала: это единственный человек, у которого есть то, что нужно для журнала и чего, кроме него, нет ни у кого. Притом он во всем несравненно нам ближе Чернышевского. Переговори об этом с Тургеневым, а право, об этом стоит подумать»¹, – писал Боткин Некрасову 19 апреля 1856 года. Начиная переговоры, Боткин обратился за помощью и поддержкой к Тургеневу. Именно весну 1856 года можно считать началом нового этапа творческого диалога писателя и критика.

Переговоры состоялись 5(17) мая 1856 года, однако, во многом из-за максимализма требований Григорьева, который, указывая на недостаток в «Современнике» «ясно сознанных и постоянно высказываемых серьезных принципов критического взгляда», требовал изгнать Чернышевского и поручить ему самому «критический отдел, журналистику и театр с правом просмотра всех <...> статей, кроме статей Анненкова, Дружинина и Некрасова) по этому отделу, с правом выбрать в *Москве* специальных сотрудников по отделу книг религиозного содержания и книг по русской истории и русско-му быту»², не увенчались результатом.

Весну – лето 1856 года следует считать временем сближения Григорьева с «кругом Тургенева». В июне – июле 1856 года критик гостил на даче В.П.Боткина в Кунцево, где состоялось знакомство с Дружининым, положившее начало деловым и приятельским отношениям двух литераторов. Боткин, увлеченный философией Карлейля, познакомил с этим учением Григорьева (об этом эпизоде критик упомянул в «Моих литературных и нравственных скитальчествах»). Философия Карлейля и идеи Шеллинга легли в основу теории органической критики Григорьева, основы которой он начал разрабатывать уже давно.

Время наиболее активного сближения Григорьева с «кругом» Тургенева совпало с отъездом самого писателя в Европу. Однако сведения о критике Тургенев получал в то время регулярно и сам постоянно интересовался состоянием дел Григорьева: «Что делает А.Григорьев?», «Передай мой поклон Островскому, Писемскому и

Григорьеву... Григорьев не приютился ни в одном журнале?» (письма Боткину от 18(30) сентября и от 7(19) ноября 1856 года)³. Узнав об отъезде критика в Европу, Тургенев спрашивал у Фета в письме от 7(19) ноября 1857 года: «Вы пишете, что Григорьева нет в Москве — а не пишете, где же он? Может быть, он где-нибудь здесь, поблизости и его можно будет увидеть, если не залучить»⁴. В декабре того же года писатель из Рима сообщил Фету, что нашел адрес критика во Флоренции и написал ему. Наиболее значимым (и единственным относительно полным, подробным) отзывом Тургенева о Григорьеве является его письмо Островскому от 7(19) мая 1856 года из Парижа. Тургенев писал: «Поклонитесь от меня также Григорьеву. Так вышло — к крайней моей досаде, что не удалось мне увидеть его в нынешнем году в Москве. Я знаю, мы бы спорили с ним до упаду, но я чувствую, что мы бы очень тесно сошлись. Меня влечет к нему, он напоминает мне покойного Белинского. Это сравнение, может быть, ему не понравится; но оно так, и для меня все, что напоминает Белинского, мило. Что прикажете делать! Я остаюсь верен своим привязанностям»⁵.

Видимо, сходство Григорьева с Белинским действительно было очень большим. Его замечали и друзья покойного критика, и сам Григорьев. В письме к В.П.Боткину он писал: «Вы находите справедливо сходство в моей натуре (не в таланте — Бог видит, сколько далек я от ложного самолюбия) с натурой покойного Виссариона Григорьевича: я сам знаю это очень твердо; потому и хочу того же положения в отношении к “Современнику”, какое было у него в отношении к “Запискам”»⁶.

Встреча Тургенева и Григорьева состоялась во Флоренции лишь в марте 1858 года. Отчет критика М.П.Погодину об этой встрече удивительно перекликается с процитированным выше письмом Тургенева: «Приехал Тургенев, и мы с ним сидим ночи и говорим, говорим. Тургенев говорит, что готов подписаться под каждым моим началом как началом, а как дошло до последствий, так в сторону — ибо весь он западник по развитию и гегелист по принципу и светский человек по воспитанию и манерам <...>»⁷. Беседы писателя и критика, их споры об искусстве, литературе, о судьбе России нашли, по-видимому, отражение в романе Тургенева «Дворянское гнездо» и в цикле статей Григорьева, написанных после прочтения этого романа⁸.

Давая в письме к Погодину характеристику Тургенева, Григорьев называет писателя «западником по развитию и гегелистом по прин-

ципу». Вопрос об общественно-литературных направлениях в России был одним из наиболее важных моментов в дискуссии писателя и критика, вырабатывающего в это время свое оригинальное учение.

Тургеневу была хорошо известна славянофильская направленность статей Григорьева «москвитянинского периода». Во Флоренции писатель понял, что новое учение Григорьева действительно не вписывается в рамки славянофильства и очень самобытно. Так, в письме к Погодину Григорьев приводит ценное свидетельство Тургенева: у него «в настоящую минуту есть сила, <...> полнота какого-то особенного учения, которое вовсе не исключительно как славянофильство, то есть *не теория*, не поставленная вперед тема, а философия и жизнь <...>»⁹. Обсуждая с Тургеневым вопрос о славянофильстве, Григорьев говорил о превращении патриотического чувства в идею, теорию, что значило для него смерть чувства. Критикуя это направление, он, вероятно, рассуждал примерно так, как в письме к Майкову: «...они не верят в *искусство*, т. е. что это значит? Они думают, что жизнь должна идти по теории, ибо, как только неверие в искусство, так вера в теорию. Они не верят в *настоящее* жизни, то есть любят не народ, по законам бытия своего развившийся, — и естественно развившийся так в *свободных* классах, — а народ, который еще может пойти по теории (то есть только крестьянство. — М.С.)»¹⁰. Б. Ф. Егоров справедливо отметил, что под народом как единым организмом Григорьев подразумевает преимущественно социальные низы и купечество. Одной из важнейших претензий критика к славянофильству был также «пуританизм» официального православия, которое Григорьев считал мертвым, теоретическим и противопоставлял ему истинную, стихийную, живую веру.

Находясь в Европе, Григорьев разрабатывал мысль о принципиальной двойственности природы русского человека: «Народное, наше, типическое — не есть одно только старое, — но и старое и новое — или лучше та двойственность, которая всюду у нас проглядывает в старом и новом (князя дружинники и охранники и князя промышленники-вотчинники, — святость Ильи Муромца и ерничество Алеши Поповича, — земледельческое население и купеческое, — покорность семейному началу в одной песне и загул в отношении к этому началу в другой и проч. и проч. и проч.»¹¹. Именно осознание двойственности русской натуры («стремительной, протестной, личностной и осаживающей сил русского характера») определило одно из отличий общественно-политических взглядов Григорьева

от славянофилов — отрицание им общинности как основной черты характера русского человека. В письмах Григорьев упоминает в том числе и богатыря Чурилу Пленковича, о котором позднее будет спорить Достоевский с Тургеневым. Однако своеобразие учения Григорьева о двойственности русского характера заключается именно в принципиальной ненужности, неправильности выбора между святым Ильей Муромцем и ерником Алешей Поповичем с франтом Чурилой Пленковичем, в которых он видел народные типы, а не отвлеченные «поэтические идеалы». Вероятно, Тургеневу особенно была близка мысль критика об историческом единстве до- и послепетровской России, о невозможности вычеркнуть два века русской истории и вернуться к древнерусским формам государственного устройства.

Создавая свое «особое учение», критик формулировал его отличия и от славянофильства, и от западничества. Аргументами Григорьева в споре с «западником по развитию и гегелистом по принципу» Тургеневым были философские системы Шеллинга и Гегеля. В концепции «положительного идеалиста» Григорьева понятие «гегелизм» имеет значение более широкое, чем учение Гегеля, и является синонимом слова «западничество». Противопоставление гегелизма и идеализма (как «положительного» и «отрицательного» идеалов) в методологии Григорьева, который в те годы находился под влиянием философских идей Шеллинга, является концептуальным. Вечный и неизменный идеал (правда, красота, добро), который «всегда составляет единицу, норму души человеческой»¹², противопоставлен сиюминутному, временному «отрицательному» идеалу гегелизма. Гегелизм и так называемое историческое воззрение, с точки зрения критика, исповедуют мысль о «безграничном» и «безначальном» развитии, «ибо идеал все время находится в будущем»¹³. Душа человека, стремящаяся к идеалу, «забывается» и «поглощается» «отвлеченным духом человечества»¹⁴. Искусство, «по сущности своей идеальное», должно судиться «с точки зрения идеала жизни, а не явлений ее»¹⁵, не условного, рационального идеала, когда все критерии становятся относительными, то есть ложными.

«Ложная формула» гегелизма лишает народы и лица «цельного, самоответственного значения» во имя отвлеченного духа, общечеловеческого идеала. Развиваются же, — продолжает критик идеи Шеллинга, — только «народные организмы», к которым нельзя подходить «с ножом теории». «Каждый такой организм сам в себе

замкнут, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого»¹⁶. Единство всех народных организмов — это «правда души человеческой». Мерой сохранения этой вечной правды судятся «века, эпохи и народы».

Таким образом, Григорьевым практически полностью отвергается мысль о связи между народным, национальным и общечеловеческим (в понимании западников — европейским). Именно в этом критик видел основное отличие своего учения от теории западников: «Правда, мною <...> сознаваемая и исповедуемая, ненавидит вместе с западниками и сильнее их деспотизм социальный и общественный. <...> Кроме того, она не помирится в западничестве с отдаленнейшей его мыслью, с мыслью об уничтожении народностей, цветов и звуков жизни, с мыслью об отвлеченном, однообразном, форменном, мундирном человечестве»¹⁷. Сравнивая казармы николаевской эпохи и фаланстеры утопических теорий, Григорьев называл западничеством утопические теории, крайние течения, к которым относил демократов-материалистов конца 1850-х годов (Чернышевского и его последователей, то есть «тушинцев», «тушинский стан») и упрекал их за «затаенную мысль узаконить, возвести в идеал распутство, утонченный разврат, эмансипированный блуд и т. д.»¹⁸.

Таким образом, следует помнить, что Тургенев и Григорьев вкладывали в понятие «западничество» несколько разных смыслов. Для Григорьева, критиковавшего западничество как направление, в конце 1850-х годов важно было выделить в мировоззрении либералов 1840-х годов и демократов 1850-х не различия, а общий философский принцип. В начале 1860-х годов, напротив, критик стал разрабатывать мысль о сложном генезисе «отрицательного взгляда» (западничества), основоположником которого считал Белинского.

Наиболее спорным моментом в диалоге «западника по развитию» Тургенева и «почвенника» Григорьева была оценка критиком западной культуры. Григорьев судил с точки зрения «вечного идеала» «живую русскую культуру и «умирающую» европейскую культуру, сравнивая богослужения на Рождество в Италии и России, таверны и трактиры, готические соборы и русские церкви, русскую масленицу и итальянский карнавал¹⁹. Противопоставление в письмах Запада и Востока как теории и жизни позволяет говорить о концептуальной близости позиции критика в вопросе «Россия — Запад» мысли Герцена и Достоевского (с начала 1860-х годов) об исчерпанности

прогрессивной роли Европы. Однако рассуждения критика о политическом устройстве Европы также несколько односторонни, как и его рассуждения об отрицательных чертах западничества в России; в основном они сводятся к критике уравнивающего всех социалистического учения.

Необходимо отметить, что размышления Григорьева культуроцентричны: для критика значим вопрос не об угасающей, социально несправедливой, негуманной европейской цивилизации (как для Герцена и позднее — Достоевского), а об умирающей европейской культуре, в которой отсутствует типическое, но развито индивидуальное. Наиболее ярко это отразилось в его размышлениях о европейской культуре и религии «... все, что православие хранило как символ, как линии — напоминающие и выводящие к другому миру — католичество развило в мифы, отелесило так, что видимое заменило собой невидимое»²⁰. В то же время в этом письме о Мадонне Мурильо (как и во многих рассуждениях Григорьева итальянского периода) тесно переплетены важнейшие философские, культурологические наблюдения и личные, субъективные. На картине Мурильо он видел не лик Богородицы, а «идеал женственности», точнее свою возлюбленную Л.Визард, поэтому и называл католическую живопись язычеством.

В письмах Григорьева из Италии чередуются отзывы о «мелочности настоящей жизни» умирающей европейской цивилизации и о памятниках культуры Европы, которые он вдохновенно изучал, открывая для себя живопись и скульптуру. Споря с критиком, Тургенев, вероятно, говорил о влиянии европейской культуры на становление его личности, о европейских философских учениях, определивших жизнь целого поколения русского «культурного слоя». Поэтому и характеризовал его Григорьев как «западника по развитию», а не по убеждениям.

В письмах из Европы критик высказывал суждения, абсолютно чуждые русскому европейцу Тургеневу: «жить <...> можно только в России, даже, специально говоря, в Москве»²¹. Возможно, эти замечания Григорьева также напомнили Тургеневу о Белинском, который «изнывал за границей от скуки, его так и тянуло назад в Россию. Уж очень он был русский человек и вне России замирал, как рыба на воздухе»²². Впрочем, и сам Тургенев, которому корреспонденты из России постоянно рассказывали о грядущих реформах и звали на Родину, в это время намеревался вернуться в Россию. Годом ранее

он писал Анненкову: «Мне хочется поскорей вернуться; время, проведенное мною здесь, есть погибшее время»²³.

Обсуждение ситуации в России не было для Тургенева центральным вопросом в споре с Григорьевым, потому что (в отличие, например, от споров с Фетом) не имело практической направленности. Григорьев не был помещиком, столбовым дворянином и принадлежал только к «партии искусства», поэтому реформа в России, предстоящая отмена крепостного права, объединившая на время западников и славянофилов, для Григорьева никогда не была проблемой первостепенной важности. Так, в 1861 году, в разгар крестьянской реформы Григорьев напишет Н.Н.Страхову: «Есть вопрос и глубже и обширнее по своему значению всех наших вопросов — и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о ужас!) о политической свободе. Это — вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности. В допотопных формах этот вопрос явился только в покойнике “Москвитяине” 50-х годов. <...> Пуста и гола жизнь после этого сна <...>»²⁴.

В письмах из Италии критик очень точно характеризует себя словом «артист»: «Характера у меня нет, как у всех артистических натур, а есть только воля, страстная, упрямая, самолюбивая»²⁵. Понятие «артист» для Григорьева — знаковое. Артистом мечтал быть критик в юности и сыграть роль Гамлета, актером называл он датского принца в рецензии 1850-го года. В феврале 1859 года в письме Е.С.Протопоповой Григорьев называет себя артистом, как и Гамлета, но «недовершенным Создателем артистом», у которого «любовь ли, мысль ли, впечатление ли (как Италия), — все как-то обращалось и обращается <...> в казнь и язву»²⁶. В 1859 году он характеризует себя так, как ранее, в 1850 году, характеризовал героя Шекспира: артистизм и болезненная рефлексия. В этом письме он фактически выводит формулу «русского гамлетизма»: «Ведь я все жить, жить и жить хочу, хоть самому это подчас смешно, — хоть все покушения любить, верить и проч. разрешаются сомнением, разочарованием и даже отвращением»²⁷. Важно, что эту черту Гамлета — любовь к жизни, жажду жизни — отмечал и Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот».

Многозначному слову «артистизм» в понимании А.Григорьева синонимичны слова «искусство» (критик пишет об «отвергающем все артистическое социализме Чернышевского») ²⁸, «поэзия». Вера «артиста» «в жизнь, в идеалы и искусство», то есть во «внутрен-

нее» — «в Христа, т.е. в Идеал, в меру, Красоту» противоположна «отвратительным» для Григорьева «вещам равного нумера и достоинства»: «дилетантизму православия», «циническому атеизму Герцена» и «петербургскому прогрессу»²⁹.

Можно предположить, что именно вопрос об «идеалах и искусстве», о роли художника в обществе, о путях развития русской литературы были основными в беседах Тургенева и Григорьева во Флоренции. В Италии Григорьев осмыслил основные положения органической критики. Замысел первого «органического цикла» Григорьева «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» относится именно ко времени пребывания критика за границей. Это подтверждают его письма к разным корреспондентам: «Знаете ли, как мы начнем? Рядом “Литературных мечтаний”, то есть переверкою всей литературы, как некогда Виссарийон в блаженной памяти “Молве” 1833 года»³⁰.

В Италии он впервые утверждает и непреходящее значение гения Пушкина: «В Пушкине мы только в нашу меру впервые верим, впервые сознаем себя! Это море своим разливом определяет границы нашей суши <...>»³¹.

Мысль Григорьева «начнем... как Белинский» очень важна. В духовных исканиях критика конца 1850-х годов вопрос о роли и значении критического наследия Белинского был одним из ключевых. Значимость этой проблемы для Григорьева определялась одним из наиболее важных положений его органической критики — личность писателя/критика является важнейшим объектом исследования, потому что позволяет судить о «духе» эпохи, нации, местности. Белинский являлся для Григорьева аналогом Пушкина в литературе: «анализ натуры Белинского есть анализ нашего критического сознания, по крайней мере, в известную эпоху — как анализ пушкинской натуры есть анализ всех творческих сил нашей народной личности — по крайней мере, на весьма долгое время»³². Как верно отметил Б.Ф.Егоров, критика в первую очередь волновала этические черты героев и авторов, этические проблемы, которые он считал «главнейшими в человеческом общежитии»³³. Тургенев, друг и единомышленник великого критика, мог ответить на многие вопросы, касающиеся личности критика, что особенно волновало Григорьева в те годы. Возможно, сближение имен Белинского и Пушкина, прозвучавшее в лекциях Тургенева 1859 года, выдержки из которых были приведены в очерке «Воспоминания о Белинском»

(цикл «Литературные и житейские воспоминания»), произошло не без влияния бесед с Ап. Григорьева. К этому сопоставлению Тургенев вернулся в знаменитой Пушкинской речи 1880 года³⁴.

Естественно, Григорьева интересовала сама личность Белинского, что не могло не привлекать Тургенева. Можно предположить, что писатель охотно делился личными воспоминаниями с критиком. Но и черты характера самого Григорьева, искренне верящего в идеалы искусства, бескомпромиссного в борьбе, напоминали ему ушедшего друга. Сравнение Григорьева с Белинским говорит о том, что писатель высоко ценил талант критика и сохранял уверенность в том, что он является в русской критической мысли силой, способной противостоять Чернышевскому и его последователям. В содержательной статье «Тургенев и Аполлон Григорьев» С.Н. Носов утверждает, что «гамлетизм, с его самоуглубленностью, самоанализом и замкнутым кругом неотвязных сомнений много более соответствовал собственному мироощущению писателя. И в личном плане Тургеневу могли быть близки именно гамлетические черты григорьевского склада характера и его отношения к жизни»³⁵. Возможно, такое утверждение нуждается в дополнениях. Ведь комплекс донкихотских черт Григорьева был для Тургенева не менее значим как в личном плане, так и в контексте борьбы с утилитарной эстетикой «молодой редакции» «Современника». Именно с Дон-Кихотом не раз сравнивал себя в письмах и сам Григорьев. Не может быть никаких сомнений в том, что впечатления от личного общения с Григорьевым во Флоренции отразились в речи Тургенева о русских Гамлетах и Дон-Кихотах.

Основные положения независимого оригинального учения Григорьева изложены в статье «Критический взгляд на основы, значения и принципы современной критики искусства» (1858), которую можно рассматривать как своеобразный эстетический манифест. Это единственная статья, опубликованная в России за все время жизни критика за границей, была названа им «исповеданием, долго думанным и, кажется, ясным»³⁶.

В этой работе наиболее полно изложены воззрения Григорьева на природу искусства. Приняв в философии Шеллинга учение о единстве всех мировых процессов и явлений, критик рассуждает о мире, человеке, произведении искусства как о живых организмах, составляющих единое целое, и, как следствие, об органичности искусства. В шеллингианстве критик принимает различие между положительной и отрицательной философией. Объявив себя положительным

философом, Григорьев иначе стал воспринимать идеальное, называя его «ароматом и цветом реального», «силой крепкой, как обоюдоострый меч»³⁷. Определенное влияние на формирование нового метода Григорьева оказало учение Карлейля, у которого, по словам современного исследователя, «мы найдем и учение о таинственности человеческой души и вечной и неизменной жизни в целом, и приоритет нравственных проблем над социальными, и представление о художнике как вдохновенном ясновидце, открывающем “покровы тайны”, и, соответственно, мысль о громадной роли интуиции в художественном творчестве и критике»³⁸. В статье «Критический взгляд на основы, значения и принципы современной критики искусства» Григорьев формулирует основные принципы своего органического метода: искусство имеет значение вершины познания (потому что художник, воспринимающий мир во всей полноте, более глубоко и разносторонне отражает реальность); истинные произведения искусства «рождаются», а не делаются механически; только искусство, то, что «приняло художественный образ», «вносит в мир новое, органическое, нужное жизни»; совершенному произведению искусства могут предшествовать «допотопные» формы, а гениальное произведение оказывает влияние на целую эпоху в искусстве. Задача искусства — быть «идеальным отражением жизни, *положительным*, когда в жизни нет разъединения, *отрицательным*, когда оно есть»³⁹. Поэтому искусство нужно судить с точки зрения идеала жизни, а не ее конкретных явлений.

Одним из важнейших положений нового учения Григорьева является требование от художника определенности мирозерцания, под которым критик понимает «наличие твердого нравственного идеала», «исторически конкретное преломление в творчестве некоего идеала художника»⁴⁰. Главный недостаток гегельянства и «односторонне исторической школы» состоит в произвольно выбранном, условном «критериуме», прилагаемом беспощадно вместо подлинного — вечного и неизменного идеала человеческой души.

Можно предположить, что статья Григорьева, опубликованная в январе 1858 года, могла обсуждаться во Флоренции критиком и писателем. Видя в Григорьеве потенциал, который поможет критику занять «место Белинского», Тургенев внимательно относился к его работам. Если особый шеллингианский идеализм Григорьева Тургеневу, безусловно, не был вполне близок, то отношение критика к искусству, его позицию в спорах петербургских журналов писатель

разделял вполне. Идея Григорьева защитить «мысль сердечную» от «мысли головной» (теории, прикладываемые к быстротекущей жизни, моментально становятся несостоятельными) была, несомненно, родственна писателю. Это вероятно, и подтверждают слова Григорьева из письма к М.П.Погодину: «Тургенев готов подписаться под каждым моим словом».

Обсуждая с Григорьевым статью «Критический взгляд на основы, значения и принципы современной критики искусства», Тургенев не мог не заметить, что критик, не называя фамилию Белинского (ни одного имени критиков, своих современников, Григорьев не упомянул, потому что не ставил перед собой полемических целей), постоянно апеллирует к его наследию. Задачи критики и своеобразие своего метода Григорьев определял, утверждая принципиальное отличие своего метода, во-первых, от основных направлений современной ему русской критической мысли, во-вторых, от метода так называемой исторической критики (то есть критического метода Белинского).

Одним из главных положений Григорьева было утверждение важнейшей роли в литературе критики вообще и личности критика в частности: «Критик (я разумею здесь настоящего, призванного критика, а таковых было немного) есть половина художника, может быть, даже в своем роде тоже художник, но у которого судящая, анализирующая часть перевешивает силу творящую. <...> Что художество в отношении к жизни, то критика в отношении к художеству: разъяснение и толкование мысли, распространение света и тепла, таящихся в прекрасном создании»⁴¹.

Задачи критики Григорьев определял, исходя из тезиса об «органическом родстве» в «сознании идеального» между искусством и критикой. Критика, как и искусство, с точки зрения Григорьева, должна быть не исторической (как у Белинского), а органической, чтобы осмысливать «анализом те же органические начала жизни, которым систематически сообщает плоть и кровь искусство»⁴².

Центральная мысль статьи Григорьева — связь литературы и жизни; в каждом важном вопросе искусства и науки «лежит на дне его вопрос, плотию и кровию связанный с существенными сторонами жизни <...> только в такие вопросы вносят плоть и кровь могучие силами борцы»⁴³. Поэтому Григорьев критиковал представителей художественного, «чисто технического», метода: «Попытки удержаться в пределах отрешенно-художественной критики остаются ни



более ни менее как попытками: немногие из решающихся на такие попытки сами не могут долго удержаться в пределах чисто технических задач и впадают или в нравственное отношение к искусству, или в исследование вопросов, касающихся уже не искусства как техники, а опытной психологии <...>⁴⁴. В первую очередь это замечание Григорьев адресовал П.В.Анненкову. Причину появления в русской критике «отрешенно-художественного» подхода критик определял «как законное противодействие губительному фанатизму теории или яростному тупоумию»⁴⁵.

Защищая «мысль сердечную» от «мысли головной», значительно более критично Григорьев высказывался о «теоретическом методе» в отечественной критике: «Явился взгляд, который в художественных произведениях постоянно ищет преднамеренных теоретических целей, вне их лежащих; варварский взгляд, который ценит значение живых созданий вечного искусства постольку, поскольку они служат той или другой, поставленной теорией, цели»⁴⁶.

Критикуя эстетику Чернышевского, утверждавшего необходимость отказа от идеализма в пользу действительности и сформулировавшего функцию литературы как «воспроизведение жизни, объяснение жизни и приговор над жизнью», Григорьев относил философию искусства Чернышевского к «отрицательному идеализму», обусловленному «деспотизмом теории» при отсутствии идеала в душе.

Эта статья была первой попыткой Григорьева изучить генезис метода Чернышевского и указать на его отличия от критического метода Белинского, последователем которого не раз называл себя новый ведущий критик «Современника». В статьях первого органического цикла, оправдывая «преднамеренный взгляд» в работах Белинского после 1844 года, Григорьев напишет о увлечении «страстной натуры» «вихрем вопросов жизни». Следствием этого увлечения стало «ослепление» Белинского «весьма мелко понимающими народную жизнь и народную сущность» произведениями некоторых писателей натуральной школы, вызванное «страстной любовью к народу и народной жизни». Следствием «ослепления» называл критик также понимание Белинским исключительного, приоритетного значения в русской литературе творчества Гоголя и всего «обличительного направления»: «Мы видели, как ставила и низвергала критика кумиры и кумирчики, как клала она всю русскую литературу к подножию одного, хоть и действительно превосходного произведения <...>»⁴⁷.

Резко критикуя «теоретический метод» Чернышевского, Григорьев называет его эстетическую теорию уже не ослеплением, а «органическим недостатком», «отсутствием чувства красоты и меры». В то же время Григорьев признает господство в русской критике именно этого метода: «Тем не менее в последнее десятилетие явилось множество статей, в которых фанатизм теории, желчное раздражение или яростное тупоумие заменили всякое художественное понимание, всякое чувство красоты и меры»⁴⁸.

В условиях, когда имя и сочинения Белинского длительное время находились под запретом и были недостаточно известны молодому поколению, часто изучавшему Белинского по статьям Чернышевского, мысль Григорьева о принципиальной необходимости указать на отличия критического метода Чернышевского, получавшего все больше последователей, от метода Белинского, стремление «защитить» наследие Белинского, без сомнения, была очень близка Тургеневу. «Добролюбов, например, написал на основании Белинского и пяти умных книжек, г. Антонович — уже на основании одного Добролюбова, г. В. Зайцев — уже на основании одного г. Антоновича и что придут такие, которые будут писать уже на основании одного г. Зайцева»⁴⁹, — с горечью напишет Григорьев.

Стремление Тургенева «познакомить» молодое поколение талантливых последователей Чернышевского с учением Белинского, не искаженным утилитарной эстетикой и философией, прослеживается и в статье «Встреча моя с Белинским» (диалог с Писаревым), и в «Воспоминаниях о Белинском». «Воистину детское и к тому же не новое, подогретое объяснение искусства подражанием природе не удостоилось бы от него (Белинского — М.С.) ни возражения, ни внимания; а аргумент о преимуществе настоящего яблока перед написанным уже потому на него бы не подействовал, что этот пресловутый аргумент лишается всякой силы — как только мы возьмем человека сытого»⁵⁰.

В статье «Критический взгляд...» Григорьев главной причиной кризиса критического жанра в России называет «неверие в историю»: «Неужели те в нее веруют, которые понимают последовательность исторического развития литературы только в проведении своих мыслей? <...> Нет! не веруют они в историю, ибо не способны <...> сознать иной исторической и литературной задачи, кроме их собственной, <...> не в силах встать выше преходящих явлений, выше самих себя, в уровень с вечными идеалами правды»⁵¹.

Не соглашаясь полностью с Григорьевым в его апофеозе идеализма, Тургенев должен был в полной мере разделить ностальгию критика о «пламенно чистом искусстве зеленого “Наблюдателя”», о «пламенной вере» «всему, что говорил нам непрерывно волновавшийся и нас непрерывно волновавший голос великого, даровитого критика», о времени, когда «первое, что жадно разрезывал читатель в новой книжке журнала, был отдел критики и библиографии»⁵².

Поддержка Тургенева была особенно важна критику. Мечтая в Италии о возрождении «Москвитянина», Григорьев представлял себе новую редакцию журнала, в которой хотел бы видеть Тургенева. «...Коалиция “Современника” расстраивается, так что Островский, Толстой и Тургенев могут быть нашими», — писал он Погодину в ноябре 1857 года⁵³. Таким образом, не только Тургенев заинтересованно «присматривался» к Григорьеву, видя в нем потенциальную силу для обновления «Современника», но и Григорьев присматривался к Тургеневу в поисках возможности перехода писателя в свой стан. Позднее, став редактором «Русского слова», Григорьев рассчитывал на участие в деятельности журнала Тургенева, Фета, Островского.

Тезис о Пушкине и Белинском как ключевых фигурах русской литературы Григорьев выдвинет позднее, в статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859). Но можно предположить, что именно беседуя с Тургеневым во Флоренции, Григорьев понял, что шеллингианское понимание связи между интуитивным познанием и художественным постижением жизни, размышления о природе творчества и личности творца в полной мере подтверждаются рассказами Тургенева о личности Белинского.

Взгляды Григорьева на личность гениального художника/критика, устойчивые противопоставления в его работах искусства как интуитивного, цельного разумения жизни «головному» знанию («настоящий, призванный критик» «чувствует (не только знает, но и чувствует, что гораздо важнее, где что не так)»⁵⁴, а художника-проповедника, «актера на кафедре» — ученому, доказывающему истину, могут быть «проиллюстрированы» мемуарными очерками Тургенева «Встреча моя с Белинским» и «Воспоминания о Белинском»⁵⁵. Вот как вспоминал Тургенев первое посещение Белинского: «...но когда он был в ударе и умел сдерживать свои нервы <...>, не было возможно представить человека более красноречивого в лучшем, в русском смысле этого слова <...>; это было неудержимое изливание

нетерпеливого и порывистого, но светлого и здравого ума, согретого всем жаром чистого и страстного сердца и руководимого тем тонким и верным чутьем правды и красоты, которого почти ничем не заменишь»⁵⁶. Характеризуя Белинского, Григорьев и Тургенев используют и аналогичные художественные приемы. Например, характеристика критика путем сравнения: в воспоминаниях Тургенева с Сенковским, у Григорьева с И.В.Киреевским.

Критикуя представителей «теоретиков» и сторонников «чистого искусства» за произвольное толкование работ Белинского, Григорьев обращался к наследию критика для решения творческих задач и позднее, в статьях первого органического цикла. Творческий диалог И.С.Тургенева и А.А.Григорьева в начале 1860-х годов продолжился и мог бы стать предметом дальнейшего исследования.

Примечания.

1. Переписка Н.А.Некрасова: В двух томах. М., 1987. Т.1. С.226.
2. *Григорьев А.А.* Письма /Издание подготовили Р.Виттакер и Б.Ф.Егоров. М., 1999. С.107.
3. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). *Письма*. Т. 3. С.126, 134.
4. Там же. С.271.
5. Там же. С.147.
6. *Григорьев А. А.* Письма. С.112.
7. Там же. С.194.
8. См. об этом: *Бродский Н.Л.* Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Ч.2. М., 1924. *Носов С.Н.* Тургенев и Аполлон Григорьев //И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С.32–45.
9. *Григорьев А.А.* Письма. С.194.
10. Там же. С.170.
11. Там же. С.203.
12. *Григорьев А.А.* Сочинения: В 2-х т. Т.2. /Издание подготовил Б.Ф.Егоров. М., 1990. С.42.
13. Там же. С.23.
14. Там же. С.25.
15. Там же. С.44.
16. Там же. С.27–28.
17. *Григорьев А.А.* Письма. С.128.
18. Там же.
19. См. например, письмо к Е.С.Протопоповой от 26.01.1858. (*Григорьев А.А.* Письма. С.184–185).
20. *Григорьев А.А.* Письма. С.151.
21. Там же. С.144.

22. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.11. С.48.
23. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Письма. Т.3. С.192.
24. *Григорьев А.А.* Письма. С.262.
25. Там же. С.197.
26. Там же. С.210.
27. Там же.
28. Там же. С.208, 280.
29. Там же. С.184.
30. Там же. С.188.
31. Там же. С.188.
32. *Григорьев Ап.* Сочинения. В 2-х т. Т.2. С.121.
33. *Егоров Б. Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. Л., 1982. С. 175.
34. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.12. С.347–348.
35. *Носов С.Н.* Тургенев и Аполлон Григорьев //И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С.39.
36. *Григорьев А.А.* Письма. С.253.
37. *Григорьев Ап.* Сочинения. Т.2. С.19.
38. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России середины XIX века. С.169.
39. Там же. С.18, 19.
40. *Журавлева А.И.* «Органическая критика» Аполлона Григорьева. С.22–23.
41. *Григорьев Ап.* Сочинения. Т.2. С.21.
42. Там же. С.46.
43. Там же. С.13.
44. Там же. С.10.
45. Там же. С.12.
46. Там же. С.11.
47. Там же.
48. Там же.
49. *Григорьев Ап.* Эстетика и критика. С.144.
50. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.11. С.36.
51. *Григорьев Ап.* Сочинения. Т.2. С.31.
52. Там же. С.29.
53. *Григорьев А.А.* Письма. С.154.
54. *Григорьев Ап.* Сочинения. Т.2. С.21.
55. Проблема различения художественного и научного познания жизни стояла достаточно остро в современной Григорьеву отечественной мысли. Этот вопрос не раз поднимался в статьях постоянного оппонента Григорьева Н. А. Добролюбова. См. об этом, например: *Журавлева А. И.* «Органическая критика» Аполлона Григорьева. С.21–22.
56. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.11. С.168.

ВОКРУГ «ФРИДОЛИНА»

Роман И.С.Тургенева «Дворянское гнездо», «вдвое больше «Рудина», был опубликован более 150 лет тому назад в первом номере журнала «Современник» за 1859 год и до наших дней остается одним из самых популярных творений писателя.

Известно, что Тургенев в работе над произведениями «составлял список действующих лиц, писал им «формуляры», с кратким указанием их биографии, возраста, характера, внешности и т.п.»¹, и тем самым подготавливал оправданную линию поведения героев в дальнейшем. По этой же схеме представлена биография Лемма, она является содержанием пятой главы «Дворянского гнезда», написанной как бы на одном дыхании без единой красной строки. Если главу дополнить связанными с героем событиями, которые помещены на других страницах, то могла получиться отдельная повесть о талантливом немце-музыканте, чье имя Христофор Теодор Готлиб (его зовут на русский манер Христофором Федоровичем), имеющем внешность гофмановских персонажей и заброшенной судьбой в Россию, в провинциальный город О... в качестве учителя музыки.

С другой стороны, роман о «лишних людях» состоялся бы, если бы этого героя и не было вовсе или ему отводилась роль эпизодического персонажа — фабула бы точно не пострадала. Слова и мысли Лемма могли быть высказаны вполне в авторских отступлениях или другими действующими лицами.

Академик М.П.Алексеев, комментатор романа в Полном собрании сочинений Тургенева, объяснил так появление образа Лемма: «Человек чистой души, он один из тех, кому автор предоставил право обнажать нравственную сущность героев, судить их судом совести»². Можно добавить, что герои романа проявляются в свою очередь еще и в отношении их самих к Лемму. Такой взаимообмен «информацией» происходит на музыкальном фоне. Музыкальная тема, как и любовная, проходит через судьбы буквально всех героев романа, подтверждая пушкинский тезис: «Одной любви музыка уступает; но и любовь мелодия...»³.

В романе Лемм предстает перед читателями не только как учитель музыки сестер Калитиных (в «обществе» полагалось обучать

детей музыке), но и как композитор, и об этой стороне его таланта Тургенев рассказывает: «Поклонник Баха и Генделя, знаток своего дела, одаренный живым воображением и той смелостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Лемм со временем – кто знает? – стал бы в ряду великих композиторов своей родины, если б жизнь иначе его повела; но не под счастливой звездой он родился! Он много написал на своем веку – и ему не удалось увидеть ни одного своего произведения изданным; не умел он приняться за дело как следовало, поклониться кстати, похлопотать вовремя. Как-то давным-давно тому назад, один его поклонник и друг, тоже немец и тоже бедный, издал на свой счет две его сонаты, - да и те остались целиком в подвалах музыкальных магазинов; глухо и бесследно провалились они, словно их ночью кто в реку бросил. Лемм, наконец, махнул рукой на всё; притом и годы брали свое: он зачерствел, одеревенел, как пальцы его одеревенели»⁴.

Тургенев, как знаток и тонкий ценитель классической западной музыки, безусловно, обдумывал, творчеству кого из известных композиторов уподобить Лемма. В черновике романа он называет Баха и Бетховена, заменив в окончательном варианте на Баха и Генделя, тем самым как бы подчеркивая традиционность и некий консерватизм Лемма.

Не вдаваясь в подробности, можно говорить о немецкой романтической литературе, использовавшей музыку как средство для психологической характеристики героев. Не случайно в этих же традициях представлен и Лемм.

С первым музыкальным произведением «старого человека» (ко времени событий, происходящих в романе, Лемму исполнилось 56 лет) Тургенев знакомит нас в начале романа - это кантата. «Он давно ничего не сочинял; но, видимо, Лиза, лучшая его ученица, умела его расшевелить: он написал для нее кантату <...> Слова этой кантаты были им заимствованы из собраний псалмов; некоторые стихи он сам присочинил. Ее пели два хора – хор счастливых и хор несчастливцев; оба они к концу примирались и пели вместе: «Боже милостивый, помилуй нас грешных, и отжени от нас всякие лукавые мысли и земные надежды»»⁵.

Скорее всего, не надеясь на точное понимание как самой музыки, так и содержания текстов протестантских псалмов, Лемм делает на заглавном листе надпись: ««Только праведные правы». Духовная кантата. Сочинена и посвящена девице Елизавете Калитиной, моей

любезной ученице, ее учителем, Х.Т.Г.Леммом. Слова «Только праведные правы» и «Елизавете Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для вас одних, für Sie allein».

Посвящение нельзя воспринимать как некую фантазию стареющего эротомана, это скорее попытка робкого излияния чувств, нереальных по возможности претворения в жизнь по своей сути, но, тем не менее, Лемм не хотел, чтобы она стала известна окружающим. И действительно, никто не может догадаться, какие чувства владеют скромным учителем музыки, побудительным мотивом к творчеству которого стала любовь. Только искушённый в любовных делах Лаврецкий в дальнейшем разберется в этой ситуации и убедится, что Лемм влюблен в Лизу.

С Лаврецким Лемм познакомился в доме Калитиных, и между ними сразу же возникли чувства взаимной симпатии. (Кстати, Федор Лаврецкий имел немецких предков - выходцев из Пруссии, в черновом варианте – из Венгрии). Обратимся к тексту: «В полночь Лаврецкий проводил Лемма на квартиру и просидел у него до трех часов утра. Лемм много говорил; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблестали; самые волосы приподнялись над лбом. Уже так давно никто не принимал в нем участия, а Лаврецкий, видимо, интересовался им, заботливо и внимательно расспрашивал его. Старика это тронуло; он кончил тем, что показал гостю свою музыку и даже спел мертвенным голосом некоторые отрывки из своих сочинений, между прочим целую положенную им на музыку балладу Шиллера „Фридолин“. Лаврецкий похвалил его, заставил кое-что повторить и, уезжая, пригласил его к себе погостить на несколько дней. Лемм, проводивший его до улицы, тотчас согласился и крепко пожал его руку; но оставшись один на свежем и сыром воздухе, при только что занимавшейся заре, оглянулся, прищурился, съежился и, как виноватый, побрел в свою комнатку. „Ich bin wohl nicht klug“ (я не в своем уме), пробормотал он, ложась в свою жесткую и короткую постель»⁶.

«Фридолин» – это романтическая баллада Иоганна Фридриха Шиллера «Der Gang nach dem Eisenhammer», написанная в 1797 году, и переводится как «Путь в плавильню» или «Путь в кузницу». В.А.Жуковский – переводчик многих баллад немецкого писателя, сообразуясь с содержанием и смыслом баллады, озаглавил ее «Божий суд» (1834). Привычное название «Фридолин» (по имени главного героя) появилось в русских переводах баллады в пятидесятые годы, то есть к моменту развития событий в романе «Дворянское

гнездо» – 1842 год – оно еще не существовало. Видимо, Тургенев не придумал этому значения и привел название, якобы данное сочинителем музыки.

Писатель любил Шиллера, «поэта гуманности» (по выражению Белинского), был хорошо знаком с его творчеством, а какие-то произведения знал наизусть. Об этом можно судить хотя бы по тому, что он широко цитировал Шиллера и порой с неточностями, следовательно по памяти, не сверяясь с первоисточниками.

Известно, что с произведениями немецкого классика Тургенев познакомился в детстве. Приехав в Спасское в 1881 году, как оказалось, в последний раз, он задумал цикл рассказов «Отрывки из воспоминаний своих и чужих», и для одного из очерков он записал имена своих учителей. Об одном из них, имя которого не вспомнил, говорилось: «Немец – ттец Шиллера». По свидетельству современника, Тургенев рассказывал, что этот учитель впервые познакомил мальчиков (Тургенев имел в виду себя и старшего брата) с немецкой литературой. «И был он до того чувствительный, что бывало, начнет что-нибудь читать из Шиллера и всегда с первых же слов расплачется»⁷.

Выбор баллады «Фридолин» не случаен: в ней утверждались, прежде всего, моральные аспекты поступков героев, что соответствовало «немецкому» восприятию самого Тургенева. Это справедливо заметил Л.Шестов: «Примером того могут служить немцы, которые не только начинают, но и кончают день благословением и для которых вполне достаточно протестанство, т.е. мораль вместо религии»⁸.

К тому же Шиллер был одним из наиболее читаемых в России немецких писателей, во всяком случае, в культурных семьях или в так называемом «образованном обществе». Чернышевский считал: «Поэзия Шиллера как будто родная нам...»⁹.

Герцен же от своей дочери Ольги «требует, именно требует, - чтобы она читала Шиллера»¹⁰. Можно также вспомнить его слова: «Тот, кто теряет вкус к Шиллеру, тот или стар или педант, очерствел или забыл себя»¹¹.

Знарок жизни и быта дворянских слоев русского общества XIX века Ю.Лотман утверждал: «В Московском университете <...> в начале XIX века царил настоящий культ Шиллера»¹².

Особое отношение к Шиллеру в России подчеркивал Ф.М.Достоевский. Он считал, что в переводах Жуковского немец-

кий писатель «всосался в душу» русского народа: «Да, Шиллер действительно вошел в плоть и кровь русского общества, особенно в прошедшем и запрошедшем поколении. Мы воспитывались на нем, он нам родной и во многом отразился на нашем развитии»¹³.

Очень точно и проникновенно передал свои ощущения А.Блок, записав в дневнике: «Вершина гуманизма, его кульминационный пункт – Шиллер. Широкий и пыльный солнечный луч, бьющий сквозь круглое стекло. Озаряющий громадный храм стиля барокко – «просвещенную» Европу. Оттого Шиллер так бесконечно близок сейчас, что он озаряет, так в последний раз соединяет в себе искусство с жизнью и наукой, *человека с музыкой*»¹⁴.

История, рассказанная в балладе, была взята Шиллером, как не без основания считается, у его современника французского писателя Ретифа де ла Бретонна, а тот, в свою очередь, переработал народную балладу. Шиллер хорошо знал творения Ретифа, а его автобиографию считал, о чем можно судить по письму к Гете, книгой драгоценною по живости изображения французских нравов.

В изложении Шиллера, прислуживавший графине паж по имени Фридолин был оклеветан одним из слуг – сокольничим Робертом. Ревнивый граф Севернский осудил пажа и, проходя мимо литейной палаты, приказал служащим бросить в огонь того, кто первым придет и спросит: «Сделано ли то, что граф приказал». После этого он призывает к себе Фридолина и направляет его в плавильню узнать о выполнении «приказа». Перед тем, как пойти в плавильню, Фридолин зайдет к своей госпоже и поинтересуется, нет ли у нее каких-либо поручений, и та попросит его посетить церковь и помолиться вместо нее, так как сама она не может оставить заболевшего ребенка. Фридолин сразу же идет в церковь, помятуя, что «Долг Богу, потом господину», а затем направляется в плавильню выполнять поручение графа. Когда он явится в плавильню и спросит служащих, то те, смеясь, покажут ему на огонь, в котором догорали останки Роберта. Тот по своей инициативе явился туда, чтобы убедиться в гибели Фридолина, и оказался первым, кто задал вопрос, тем самым невольно став жертвой своего же коварства. Выходя из плавильни, Фридолин встречает графа, который понимает, что свершился Божий суд, и именно клеветник был наказан. Граф убедился в невиновности Фридолина и оставил его на службе у графини.

Лемму была близка идея беззаветной преданности, а также вера в силу судьбы, и, скорее всего, это определило выбор им баллады Шил-



лера. Нравоучительный и вместе с тем чувствительный, даже, можно сказать, не лишенный сентиментальности рассказ о Фридолине свидетельствовал также о литературных вкусах Лемма, который достаточно строго подходил к выбору литературы для чтения. Так, Тургенев отмечает, что помимо Библии и псалмов, герой читал Шекспира в считавшихся классическими стихотворных переводах Августа Вильгельма Шлегеля, виднейшего представителя и теоретика немецкой романтической школы. Лемм не мог не ощущать психологических особенностей персонажей, а также борьбу страстей, как раз то, что сближало творчество любимого им Шекспира и Шиллера. Позволим себе не согласиться с мнением Ф.М.Достоевского, что Шекспир и Шиллер «роднее и понятнее русским, чем, например, немцам»¹⁵.

Лаврецкому произведение музыканта понравилось, и он предлагает Лемму погостить у него в Васильевском, где собирается создать для него творческую атмосферу. Предложение принимается. Лаврецкий сам заезжает за учителем, чтобы отвезти его в деревню. Во время совместной поездки героев происходит примечательный разговор: «Лаврецкий навел речь на его сочинение и, полушутя, предложил ему написать для него либретто. «Гм, либретто! – возразил Лемм, – нет, это не по мне: у меня уже нет той живости, той игры воображения, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился сил моих...»¹⁶.

Оценивая свои возможности, Лемм тут же делится с Лаврецким планом создания романа о звездах и любви. Для музыканта синонимом чистоты чувств является неземная любовь. «Вы, звезды, чистые звезды, – повторил Лемм... – вы взираете одинаково на правых и на виновных... но одни невинные сердцем, – или что-нибудь в этом роде... вас понимают, то есть нет, – вас любят <...> Прошло несколько мгновений... Лаврецкий прислушался... «Звезды, чистые звезды, любовь», – шептал старик. «Любовь», – повторил про себя Лаврецкий, задумался – и тяжело стало у него на душе»¹⁷.

Тургенев вернется к символу «звезды» в дальнейшем в момент спора Лаврецкого и «умного человека» Паншина, в доме Калитиных. Помимо непонимания прогрессивных веяний и изменений, происходящих в России, Паншин обнаружил свое полное творческое бессилие, он попытался перевести разговор «на красоту звездного неба, на музыку Шуберта – все как-то не клеилось»¹⁸.

Творчество Лемма затронуло и потрясло Лаврецкого в сильной степени, и он возвращается к впечатлению от «Фридолина».

««Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофор Федорыч, – промолвил он громко, – а как вы полагаете, этот Фридолин, после того как граф привел его к жене, ведь он тут и сделался ее любовником, а? « Это вы так думаете, – возразил Лемм, – потому что, вероятно, опыт... « Он вдруг умолк и в смущении отвернулся. Лаврецкий принужденно засмеялся, тоже отвернулся и стал глядеть на дорогу»¹⁹.

Как видим, за выражением восторженного восприятия музыки последовала совершенно неожиданная реплика и фантазийная реакция Лаврецкого – ведь ничего подобного о дальнейшем поведении героев в балладе не говорится, нет даже и намека. Можно предположить, Лаврецкий знал историю Фридолина не только по Шиллеру, но читал самого Ретифа и такой вывод сделал на основании тех нескромных произведений, которыми отличался французский писатель. Возможно, это был распространенный взгляд вообще на героев французской литературы.

Сам же Тургенев наверняка был знаком с творчеством Ретифа де ла Бретонна. В его библиотеке, например, была знаменитая книга французского писателя «Развращенный крестьянин» («Le Paysan perverti»), ее он упоминает в повести «Фауст», описывая библиотеку героя.

Что касается Лемма, то писатель ничего не сообщает о каких-либо связях героя с женщинами в прошлом и особо подчеркнет: «он никогда женат не был». Несмотря на такое целомудренное отношение к своим героям, Тургенев тем не менее после написания романа «Накануне» (1859) невольно заметит: «Я теперь не имею никакого суждения о том, что я произвел на свет: кажется, эротического много...»²⁰.

В итоге этой ночной поездки Лемм почувствовал, что «небывалая, сладкая мелодия собиралась посетить его: он уже горел и волновался, он чувствовал уже истому и сладость ее приближения ...но он не дождался ее... «Не поэт и не музыкант! « – прошептал он наконец...»²¹. Как видим, попытка не увенчалась успехом: неудовлетворенность разумным порядком природы не позволила музыканту создать достойное замыслу произведение, не удалось в результате определиться с состоянием своей души, попросту, не проявились в этом случае силы таланта.

Далее следуют страницы, на которых разворачивается основная тема романа – любовь Федора Лаврецкого и Лизы Калитиной,

и тогда вновь появляется Лемм, он уловил настроение героев, его предвидение сбывается. Сам Лемм отошел в сторону, но его желание создать романс реализовалось, и он представил свое сочинение во время приезда семьи Калитиных в Васильевское. «После обеда Лемм достал из заднего кармана фрака, куда он то и дело запуская руку, небольшой сверток нотной бумаги и, сжав губы, молча положил его на фортепьяно. Это был романс, сочиненный им накануне на старомодные немецкие слова, в которых упоминалось о звездах. Лиза тотчас села за фортепьяно и разобрала романс... Увы! музыка оказалась запутанной и неприятно напряженной; видно было, что композитор силился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усилие так и осталось одним усилием. Лаврецкий и Лиза оба это почувствовали – и Лемм это понял: ни слова не сказав, положил он свой романс обратно в карман и, в ответ на предложение Лизы сыграть его еще раз, покачав только головой, значительно сказал: «Теперь – баста! «– сторбился, съежился и отошел»²². Романтизм молодого поколения не был созвучен представлениям старшего: Лемму так и не удалось «пробиться» к звездам.

Как гласит немецкая пословица: «Kunst liebt Gunst» («Искусство требует вдохновения»), цель не реализовалась, и, казалось бы, что талант Лемма как композитора на этом исчерпан, но Тургенев познакомит нас с еще одним произведением Лемма. Именно оно определено писателем как лучшее из того, что создал музыкант за период событий, описанных в романе. Это произойдет тогда, когда Тургенев представит нам картину объяснения в любви героев – Лизы и Лаврецкого. Они любят друг друга, Лиза отвечает на любовь Лаврецкого.

Вот как об этом говорится в романе. «Исчезни, прошедшее, темный призрак, <...> она меня любит, она будет моя», – так думает Лаврецкий, возвращаясь со свидания домой, и писатель, чтобы передать его ощущения, обращается к музыкальным ассоциациям. «Вдруг ему почудилось, что в воздухе над его головою разлились какие-то дивные, торжествующие звуки; он остановился: звуки загремели еще великолепно: певчим, сильным потоком струились они, – и в них, казалось, говорило и пело всё его счастье. Он оглянулся: звуки неслись из двух верхних окон небольшого дома. „Лемм! – вскрикнул Лаврецкий и побежал к дому. – Лемм! Лемм!“ – повторил он громко. Звуки замерли, и фигура старика в шлафроке, с раскрытой грудью и

растрепанными волосами, показала в окне. „Ага! – проговорил он с достоинством, – это вы?“ „Христофор Федорыч, что это за чудная музыка! Ради бога, впустите меня“.

Старик, ни слова не говоря, величественным движением руки кинул из окна ключ от двери на улицу. Лаврецкий проворно вбежал наверх, вошел в комнату и хотел было броситься к Лемму; но тот повелительно указал ему на стул, отрывисто сказал по-русски: „Садитесь и слушать“; сам сел за фортепьяно, гордо и строго взглянул кругом и заиграл. Давно Лаврецкий не слышал ничего подобного: сладкая, страстная мелодия с первого звука охватывала сердце; она вся сияла, вся томилась вдохновением, счастьем, красотой, она росла и таяла; она касалась всего, что есть на земле дорогого, тайного, святого; она дышала бессмертной грустью и уходила умирать в небеса. Лаврецкий выпрямился и стоял, похолодевший и бледный от восторга. Эти звуки так и впивались в его душу, только что потрясенную счастьем любви; они сами пылали любовью. „Повторите“, – прошептал он, как только раздался последний аккорд. Старик бросил на него орлиный взор, постучал рукой по груди и, проговорив, не спеша, на родном своем языке: „Это я сделал, ибо я великий музыкант“, – снова сыграл свою чудную композицию»²³.

Перед нами великолепные выразительные строки о чуть ли не гипнотическом воздействии музыки даровитого немецкого композитора и исполнителя, каким является Лемм. Где-то «несколько элементарный и все же трогательный»²⁴ он свою любовь трансформировал в музыку и передал как благословление любящим друг друга героям, достойным, по его мнению, этого чувства. Не его вина, что судьба распорядилась так, что в дальнейшем сердца влюбленных не смогли соединиться. Заключительная фраза Лемма, обращенная к Лаврецкому после крушения надежд влюбленных на счастье, такая: «Всё умерло, и мы умерли (Alles ist todt, und wir sind todt)»²⁵.

Отмечалось, что «Дворянское гнездо» самое, если можно так сказать, музыкальное произведение Тургенева, музыкальное по самой сути – в нем каждому сюжетному ходу соответствует «музыкальный момент». Речь в романе идет не просто о музыке, а о классической музыке немецких композиторов, в их числе и Лемма, героя со своими поисками и волнениями, сопутствующими развитию его таланта. Есть нечто трагическое в душевных страданиях этого привлекательного человека, что находит отражение в музыке.

Благотворное влияние музыки мы ощущаем также в истории главных героев романа – Лизы Калитиной и Федора Лаврецкого. Их, если не всегда глубокие, то, по крайней мере, искренние впечатления от музыкальных произведений были созвучны или не противоречили профессиональным взглядам Лемма.

Как композитор, Лемм испытывал непреодолимое отвращение и не мог примириться лишь с «молодым дилетантом» Паншиным, и само слово «дилетант» звучит в его устах как крайняя степень презрения и протеста. Интересно, что и у Паншина прослеживаются немецкие корни: он приехал «для исполнения временного казенного поручения» в город О... (без сомнения Орел) к своему родственнику губернатору Зонненбергу. (Заметим, что настоящая фамилия орловского военного и гражданского губернатора была Крузенштерн – генерал-майор, позднее сенатор. Он являлся сыном известного путешественника адмирала И.Ф.Крузенштерна.)

Речь идет о романсе, музыку и слова которого «сочинил Паншин». Слова романса – это раннее стихотворение самого Тургенева, первые его четыре строки – свободное переложение из Гейне («Der Mond ist aufgegangen»). Написано оно в 1840 году и посвящено московской красавице А.Н.Ховриной (Шушу) – предмету пылкой, но кратковременной любви писателя. Требовательный к своему творчеству, Тургенев безжалостно приводит текст романса как образец дилетантской поэзии, но не надо забывать, что одно время он сам действительно считал себя дилетантом, хотя им уже были созданы «Записки охотника». Став писателем-профессионалом, Тургенев напишет молодому Льву Толстому (письмо от 17/29 января 1858 года): «Я хотел только сказать, что всякому человеку следует, не переставая быть человеком, быть специалистом; специализм исключает дилетантизм (извините все эти „измы“), а дилетантом быть – значит быть бессильным. До сих пор в том, что вы делали – всё еще виден дилетант, необычайно даровитый, но дилетант; мне бы хотелось видеть Вас за станком, с засученными рукавами и с рабочим фартуком»²⁶.

Как нам кажется, Лемм мог судить только о музыке этого романса, а не о стихах, так как он говорил «дурным русским языком» и не все понимал, поэтому герои пытаются разговаривать с ним по-немецки. В самом романе Тургенев, отмечая, что герой говорит по-немецки, приводит его речь на правильном русском языке.

Ввод в роман в качестве персонажа немца-музыканта позволил писателю также высказаться о своем отношении к музыке. Тургенев был в числе немногих, кто сумел в литературных произведениях передать чувства, настроения и эмоциональные воздействия, которые может вызвать музыка, и сделал саму музыку объектом художественного изображения. Подобное в русской литературе после него удавалось, пожалуй, лишь Л.Толстому, А.Чехову, А.Куприну.

Аполлон Григорьев точно заметил, что «поэтические натуры, как натура Тургенева, – во всякое новое произведение вносят весь свой внутренний мир, – разумеется, в том моменте этого мира, в каком произведение застаёт душу художника»²⁷.

Хотя Тургенев наделил героев «Дворянского гнезда» большой нравственной силой и чистотой, что соответствовало идеалам самого писателя, никто из них, как кажется, так и не сумел достичь тех «звездных вершин», к которым они стремились.

И как глубоко заблуждался Вас.Розанов, утверждавший, что у Тургенева «невысказанное, но ясное безразличие ко всему, кроме искусства»²⁸.

Примечания

1. Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии. М., 1959. С.96.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений. Сочинения. Т.VII. 1964. С.484.
(В дальнейшем ссылка на этот том дается с указанием страницы).
3. Пушкин А.С. «Каменный гость». Сцена II.
4. Тургенев И.С. Указ.соч. С.139.
5. Там же. С.139 – 140.
6. Там же. С.194.
7. Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М., 2003. С.61-62.
8. Шестов Л. Тургенев. Ardis, 1982. С.38.
9. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. Т.IV. М., 1948. С. 505.
10. Орлова Р. Последний год жизни Герцена. N.J., 1982. С. 45-46.
11. Герцен А.И. Собр.соч. в 30-ти т. Т.VIII. М., 1956. С.84.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 2002. С.348.
13. Достоевский Ф.М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. С.101.
14. Блок А. Дневник. М., 1989. С.293.
15. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1981. Т.23. С.31.
16. Тургенев И.С. Указ.соч. С.194 –195.
17. Там же. С.195.
18. Там же. С.239.

19. Там же. С.195-196.
20. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т.III. М.-Л.: Наука, 1961. С.359. (В дальнейшем – «Тургенев», «Письма», с указанием тома и страницы).
21. Тургенев И.С. С.196.
22. Там же. С.207.
23. Там же. С.237-238.
24. Борис Зайцев. Дни. М.-Париж: УМСА-Press. Русский путь, 1995. С. 262.
25. Тургенев И.С. С.282.
26. Тургенев И.С. Письма. Т.III. С.188.
27. Григорьев Аполлон. Сочинения.1.Критика. Villanova University Press, 1970. С.220.
28. Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе. СПб., 1906. С. 59.

Т.М. Кривина

ПРОЗА И.С. ТУРГЕНЕВА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ («Рудин», «Ася», «Затишье»)

Сравнительно недавно, в 2008 году, вышла в свет книга «Тургенев и русская культура»¹. Вводная статья Джо Эндрю предваряется тремя эпиграфами, содержание которых сводится, во-первых, к утверждению: «в наши дни вряд ли кто читает книги Тургенева», автора «гуманного, чувствительного», «совести целого поколения», и, во-вторых, к выражению робкой надежды на восстановление «законного места» писателя «среди звезд русской и мировой культуры»².

Констатируя тот факт, что изучение русской литературы на Западе в настоящее время находится в состоянии кризиса, Джо Эндрю предполагает, «что данное издание станет началом возрождения интереса к изучению творчества Тургенева и русской литературы XIX века в целом, как они того достойны»³.

Следует заметить, что британский сборник в основном обращен к И.С.Тургеневу: из девятнадцати включенных в него статей только пять не имеют прямого отношения к его творчеству. Почти все авторы хорошо владеют русским языком, о чем свидетельствует тот факт, что они чаще всего апеллируют к различным изданиям полно-

го собрания сочинений и писем Тургенева, к оригинальным текстам других русских писателей. В большинстве случаев исследователи предлагают собственный перевод тургеневских произведений. В то же время, к сожалению, лишь немногие из них обращаются к серьезным трудам российских тургеноведов: в основном британцы опираются в своих размышлениях о различных аспектах тургеневского творчества на работы западных литературоведов.

Тематика статей различна⁴. Что касается методологии исследований, то, по моему мнению, во многих случаях авторы статей прибегают к эклектичному совмещению различных типов анализа художественного текста. Явное стремление следовать принципам структуралистско-семиотического, формалистского подхода к литературным явлениям сопрягается в ряде случаев с выходом к традиционному для нашего литературоведения историко-литературному, тематически-проблемному осмыслению текста. Впрочем, сегодня и российские филологи все более явно тяготеют к подобной эклектике.

Не ставя перед собой неразрешимой задачи полностью осветить содержание англоязычной книги, попытаюсь дать представление о тех ее аспектах, которые мне представляются репрезентативными для современного западного тургеноведения. При этом обращусь лишь к трем статьям, наиболее показательным, как мне кажется, с этой точки зрения.

Первой из них станет работа Бориса Кристи ««Застегнутый на все пуговицы» герой своего времени: знаковое использование лексики, обозначающей предметы одежды, в «Рудине»». Вводя в язык литературоведения понятие, которое можно было бы дословно перевести как «одежные маркеры» (*vestimentary markers*), Кристи утверждает, что слова и словосочетания, обозначающие одежду, «могут быть разделены на две категории – синхронистические и диахронистические». Он поясняет, что «синхронистические маркеры» вечны, не зависимы от эпохи и социальной принадлежности человека: они определяют одежду такими терминами, как «старая» или «новая», «простая» или «роскошная», «чистая» или «грязная». «Диахронистические маркеры» более сложны. Их значение связано с требованиями дресс-кода определенного времени и места. Соответствие тому или иному дресс-коду, равно как и отклонение от него, несет определенную информацию [message – Т.К.]⁵.

В своей статье Криста сосредоточивается на выявлении коммуникативной роли как «синхронистических», так и «диахронических» «одежных маркеров». Автор статьи уверен в том, что «в «Рудине» Тургенев разрабатывал технику использования лексики, обозначающей одежду»⁶. Исследователь даже подсчитал количество соответствующих лексических единиц в романе - 181, а для сравнения заметил, что в «Отцах и детях» их будет 283. Хорошо, что он все же заявляет: «Мы не знаем, имел ли Тургенев теоретические познания в области семиотической коммуникации в литературе». Для исследователя важнее всего тот факт, что писатель «на практике был мастером в ее использовании и не только понимал, что одежда имеет язык, но и знал, что людей воспринимают по одежде»⁷.

Автор статьи достаточно убедительно иллюстрирует мысль о том, что «основная функция одеждыных маркеров заключается в указании на социальный статус персонажа». Отмечая, что «Тургенев был сведущ в дресс-кодах своего времени»⁸, Криста приводит ряд конкретных примеров из текста – описывает одеяние Ласунской, Пандалевского, Басистова, Лежнева, Липиной, выявляя роль этих действующих лиц в романе именно на основе «одежных маркеров».

Так, в частности, говоря о Ласунской, Криста замечает: «она живет в деревне, но одевается официально к обеду каждый день. Когда она в плохом настроении, сморкается в надушенный платок. Для встречи Рудина в гостиной она «оделась просто, но изящно, la madame Resamier!». Понимающему человеку это говорит о ее вкусе, в любом случае – о ее изысканности и богатстве. Более того, для Тургенева характерно то, что в его произведениях о хозяевах говорят и их слуги. Дворецкий Ласунской был «в черном фраке, белом галстуке и белом жилете». При этом хозяйка по-французски спросила Рудина, не похож ли ее дворецкий на Каннинга. Социальный статус Ласунской раскрыт однозначно»⁹. Многие замечания Кристи представляются справедливыми, точными. Впрочем, порой автор статьи неправомерно суживает роль «одежных маркеров», сводя ее, прежде всего, к обозначению социального положения персонажей. Меньше внимания он уделяет тому, каким образом одежда отражает их характер. В частности, цитируя описание внешнего вида Ласунской и ее дворецкого, он не замечает того, что Тургеневу важнее показать снобизм этой женщины.

В связи с этим можно не согласиться с Борисом Кристой в утверждении, что Тургенев использует различные знаковые детали одежды «не только для характеристики героев, но для полной социальной информации и выявления - на уровне подтекста - изменений, происходящих с ними» (*подчеркнуто мною – Т.К.*)¹⁰. Дело в том, что исследователь отводит коммуникативной роли одежды в тургеневском романе первостепенное место. Однако сам писатель почти во всех случаях дает представление о социальном статусе своих персонажей прежде, чем описать их внешний вид: так, ту же Ласунскую автор романа представляет уже в начале второй главы как знатную и богатую даму, а Криста цитирует начало четвертой. Портретные зарисовки, включающие описание одежды, становятся лишь одной из составляющих тургеневского психологизма. Кроме того, собственно определение социального статуса персонажа - не самое главное в произведениях писателя. Впрочем, британский исследователь это понимает и, как он сам заявил, уделяет внимание более глубокой «характеристике героев» и «выявлению - на уровне подтекста - изменений, происходящих с ними».

В этом отношении необходимо вспомнить, что особенное место отведено в данной статье, естественно, Рудину. Криста доказывает, что «магнетический Рудин, мыслитель, лидер, оказывается эфемерной фигурой». И «разрушение» героя в глазах читателя «осуществляется постепенно, тонко, но безжалостно с помощью одежных семиотических знаков. Особенно выразительны в описании поражения Рудина синхронистические маркеры. Они отражают его фиаско в амбициозных проектах утопического социального порядка»¹¹. На мой взгляд, эта мысль в работе Бориса Кристи получает четкое обоснование.

При всей парадоксальности постановки вопроса о познаниях Тургенева в области семиотики, сам анализ текста романа, проведенный Борисом Кристой, в основном не вызывает противления. Фактически британский ученый выходит к размышлениям о роли одежды в рассматриваемом произведении Тургенева, а именно - в создании характера, в выявлении социального положения персонажей, в какой-то степени – в понимании их психологии и жизненной судьбы. В то же время, получается, что для нас новаторским в данной статье является только использование непривычной для российского тургеневедения терминологии. Роман Тургенева подвергался раз-

личным трактовкам в отечественной литературной критике, Криста предложил одну из интерпретаций произведения, которая на проблемном уровне в основном не вступает в противоречие с современным взглядом наших филологов на творчество писателя.

Другой пример методологической эклектики - объемная статья Джо Эндрю «Смерть и девушка»: повествование, пространство, женщина и мужчина и проблема идентификации в «Асе». Автор этой работы неоднократно апеллирует к работе М.Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», а также к трудам Ю.Лотмана «Структура художественного текста» и «Происхождение сюжета в типологическом освещении». Так, «сюжетное построение» повести Джо Эндрю рассматривает в контексте лотмановской идеи, согласно которой: «Элементарная последовательность событий в мифе может быть сведена к цепочке: вхождение в закрытое пространство - выходение из него (цепочка эта открыта в обе стороны и может бесконечно умножаться). Поскольку закрытое пространство может интерпретироваться как «пещера», «могила», «дом», «женщина» (и соответственно наделяться признаками темного, теплого, сырого), вхождение в него на разных уровнях интерпретируется как «смерть», «зачатие», «возвращение домой» и т. д., причем все эти акты мыслятся как взаимно тождественные. Следующие за смертью-зачатием воскресение-рождение связаны с тем, что рождение мыслится не как акт возникновения новой, прежде не бывшей личности, а в качестве обновления уже существовавшей. В такой же мере, в какой зачатие отождествляется со смертью отца, рождение отождествляется с его возвращением»¹².

Британский исследователь обнаруживает в тургеневском тексте соответствующие аналогии: «В начале произведения герой покидает замкнутое пространство и снова входит в замкнутое пространство в курортном городке. Неудачные отношения с вдовой не приводят к повторному рождению. И отношения с Асей также не приводят к повторному рождению»¹³. Далее он развивает эту идею: «Повторяется одна и та же парадигма: Н.Н. несколько раз пересекает Рейн, чтобы попасть в «волшебное королевство», где живет Ася, и покидает его в конце дня. Наиболее интенсивно парадигма Лотмана проявляется не на вершине холма, где жила Ася с братом, а в доме фрау Луизе. Тургенев приводит своего героя в темную комнату, а это равнозначно и «пещере» и «могиле» одновременно. Момент нового рождения

для героя был близок, но он сам его отверг. Он терпит поражение в проверке любовью, как все герои Тургенева. Герой входит в замкнутое пространство и умирает, но у него не возникает сексуальных отношений, вот почему он не рождается вновь»¹⁴.

Размышляя о месте действия, Эндрю исходит из представлений М. Бахтина о хронотопе, цитируя его высказывание о том, что хронотопы «являются организационными центрами основных сюжетных событий романа. В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы. Можно прямо сказать, что им принадлежит основное сюжетообразующее значение»¹⁵.

Выделяя в своей статье раздел «Порог», Эндрю опять ссылается на М. Бахтина, полагавшего, что «порог» - «это хронотоп кризиса и жизненного перелома»... У Достоевского, например, порог и смежные с ним хронотопы лестницы, передней и коридора, а также и продолжающие их хронотопы улицы и площади являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека»... «Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением»¹⁶. Эндрю замечает при этом, что в тургеневской повести «пороги» - «это места где могут быть приняты спонтанные решения, которые определяют будущее персонажей»¹⁷. А далее он рассуждает о том, что многое в истории Н.Н. связано с порогом (или по Бахтину – родственными порогам понятиями) – в прямом и переносном смысле. С точки зрения автора статьи Н.Н. не способен пересечь порог в символическом плане, т.е. – решиться на активные действия.

Можно было бы предположить, что в своей интерпретации тургеневского текста Джо Эндрю сближается с современными феминистами, когда резко, жестко осуждает Н.Н. и Гагина в том, что они деспотично относятся к Асе, мешают ее самоосуществлению, подавляют ее естественное желание быть любимой. В то же время британский исследователь солидаризируется в своем неприязненном отношении к Н.Н. с Чернышевским, автором статьи «Русский человек на rendez-vous».

В конечном счете, автору статьи удастся, на мой взгляд, дать довольно тонкий психологический анализ сложных взаимоотношений тургеневских персонажей. Более того, он достаточно глубоко и аргументированно показал особенное – подчиненное, неполное – суще-



ствование Аси в произведении. По мнению Эндрю, героиня повести представлена Тургеневым только через призму мужского взгляда на нее. По сути, перед нами проблемный анализ художественного текста, осуществленный в значительной степени посредством формалистического подхода.

Среди создателей сборника есть исследователи, верные историко-литературной филологической традиции. Особенно явно это ощущается в статье Эрика де Хаарда «Использование поэтического текста в прозе Тургенева: “Затишье”». Этот автор, не раз обращаясь к трудам западных тургеноведов, в равной, если не в большей степени опирается в анализе тургеновского текста на работы российских литературоведов, вступая с ними в творческий диалог¹⁸. Хаард проявляет должную филологическую эрудицию: его интерес к русским классикам представляется весьма глубоким и основательным: например, он легко цитирует стихи Пушкина, письма Толстого, эссеистику Гумилева и пр. Привлекает в этой работе то, что британский исследователь пытается определить место повести «Затишье» в творческом наследии писателя.

Между прочим, он затрагивает и чрезвычайно важную проблему перевода русского художественного текста на английский язык. Хаард, в частности, приводит два варианта английского перевода названия повести «Затишье»: «A Quiet Spot» и «A Backwater». Автор работы следующим образом комментирует их: «Первый перевод содержит позитивную или, по крайней мере, нейтральную сему «тихий» (still, quiet); второй отражает движение в направлении застоя, отсталости - stagnation, backwardness [*Хаард использует русское слово «тихий»; английские слова мною оставлены здесь намеренно – Т.К.*]. Оба перевода имеют право на существование. Сложность обусловлена различным подходом персонажей к своему месту. Помещик Ипатов говорит петербуржцу Астахову: «не то чтобы захолустье, но затишье, ... уединенный уголок». Он отрицает захолустный характер места, настаивает на позитивном характере его существования. Позднее, на балу в поместье Акилина он снова будет говорить о положительном содержании «затишья». Однако Астахов, который будет вызван на дуэль, с иронией скажет: «Хорошо, к черту, затишье». И позднее с насмешкой повторит это слово. Таким образом, слово «затишье» с авторской точки зрения имеет неоднозначный смысл – и не только в одном аспекте: «тишина» разрушена драмати-

ческим событием»¹⁹. По мнению Хаарда эта двойственность лучше передается первым переводом. Да и лирическое описание природы (правда, не всегда, идиллическое) свидетельствует о приоритете первого перевода. Автор статьи отмечает, что сам Тургенев французскому переводу рассказа дал название «Анчар». Это подчеркнуло значение одного из цитируемых в рассказе стихотворений. Именно выявление места пушкинского стихотворения в повести «Затишье» является одной из основных задач Хаарда.

На фоне ведущих тенденций современного западного литературоведения автор статьи кажется даже несколько старомодным, ибо обходится без «архетипных» аналогий и постмодернистской терминологии, хотя рассматривает роль «чужого» текста в тургеневском произведении.

В своей статье он делает акцент на том, что «неоднозначность названия отражает суть самой рассказанной истории»²⁰. На всех уровнях он обнаруживает в повести неоднородность, неопределенность, противоречивость – в композиции, в характерах персонажей, в описанных событиях. Особое внимание он уделяет жанровому разнообразию стихотворных текстов, играющих важную проблемную роль в произведении. Так, в частности он отмечает следующее: «Одним из наиболее ярких аспектов произведения является то, что неоднородный ряд характеров, ситуаций, настроений, стилей, смешение трагически-серьезного и развлекательно-сатирического сочетается с большим количеством стихотворных текстов, фигурирующих здесь»²¹.

На мой взгляд, Хаарду удалось почувствовать главное – «сочетание описания обычного течения жизни с сильным эмоциональным напряжением»²². Британский исследователь предлагает достаточно глубокий и гибкий анализ проблемного содержания тургеневской повести (британец называет «Затишье» «рассказом», так как «повесть» - чисто русское понятие). Центральное место в ней он отводит героине и, соответственно, роли пушкинского «Анчара» в повести – психологической и эстетической.

Вот основные его выкладки: «Мотив «хозяин – раб» - ключевой для повествования, но не единственный. «Яд» - отношения между Марией Павловной и Веретьевым. «Пустыня» переключается с тихим местом, «затишьем». «Одинокое дерево» - одиночество Марии Павловны (хотя отравлена именно она)»²³. Кроме того, Хаард вы-

являет символическую роль сада, деревьев, ветвей в произведении Тургенева. Он видит связь между всеми этими образами и пушкинским анчаром.

Эрик Хаард не скрывает того, что многое в своих размышлениях о творчестве Тургенева и русской поэзии он черпает из русской литературной критики XIX века и современного российского литературоведения²⁴. Однако его апелляция к этому филологическому материалу имеет творческий и аналитический характер.

Три извлеченных нами из англоязычной книги статьи приоткрывают различные грани современного британского литературоведения. Многие аспекты исследовательских поисков, получивших отражение в данном издании, естественно, остались за пределами рассмотрения. Можно, однако, с полной уверенностью сказать в заключение, что публикация сборника «Тургенев и русская культура», безусловно, свидетельствует о непрекращающемся интересе западной славистики к русской классической литературе, а также о дальнейшем плодотворном развитии русско-британских литературных контактов, вступающих в новую фазу.

Примечания:

1. Turgenev and Russian Culture: Essays to Honour Richard Peace /Ed. by Joe Andrew, Derek Offord and Robert Raid. Amsterdam-New York, 2008. Книга издана в Амстердаме и Нью-Йорке, но авторы статей – британцы. Ричард Пис, которому посвящено данное издание, принадлежит к послевоенному поколению славистов, положивших начало основательному, широкому изучению классической русской культуры в Британии и окончательно утвердивших изучение русского языка в качестве отдельной дисциплины в университетах. Ему принадлежит большое количество трудов по творчеству Достоевского, Гоголя, Чехова, Гончарова и других русских классиков. Монография о Тургеневе вышла в электронной публикации: Richard Peace. The Novels of Turgenev: Symbols and Emblems – 2002 - <http://eis.bris.ac.uk/~rurap/novelsof.htm> (Ричард Пис. Романы Тургенева: символы и эмблемы).
2. Andrew, Joe. Introduction. Turgenev and Russian Culture //Turgenev and Russian Culture. P.7 – Здесь цитируются отрывки из высказываний Далл'Аглио (Dall'Aglio), Генри Гиффорда (Henry Gifford) и Фрэнка Сили (Frank Seely). *Русский перевод текста статей сборника здесь и далее мой – Т.К.*
3. Там же. С.8.

4. Сборник включает следующие работы: Pease, Richard. *The Dark Side of Turgenev* (Ричард Пис. Темное начало в Тургеневе); Burnett, Leon. *Turgenev and the Sphinx* (Леон Бёрнетт. Тургенев и Сфинкс); Reid, Robert. *A Hunter's Sketches: A Peircean Perspective*. (Роберт Рейд. «Записки охотника»: пирсеанская перспектива); Haard, Eric de. *The Use of Poetry in Turgenev's Prose: A Quiet Spot*. (Эрик де Хаард. Использование поэтического текста в прозе Тургенева: «Затишье»); Christa, Boris. A "Buttoned-up" Hero of His Time: Turgenev's Use of the Language of Vestimentary Markers in *Rudin* (Борис Криста. «Застегнутый на все пуговицы» герой своего времени: знаковое использование лексики, обозначающей предметы одежды, в «Рудине»); Andrew, Joe "Death and Maiden": Narrative, Space, Gender and Identity in Asia (Джо Эндрю. «Смерть и девушка»: повествование, пространство, женщина и мужчина и проблема идентификации в «Асе»); Whitehead, Claire. *Ivan Turgenev's Phantoms: The Spectre of Hesitation*. (Клейр Уайтхед. «Призраки» Ивана Тургенева: спектр сомнений); Pursglove, Michael. *Dulcis fumus patriae: Tiutchev, Turgenev and Smoke* (Майкл Пёрсглов. *Dulcis fumus patriae*: Тютчев, Тургенев и «Дым»); Smith, Alexandra. *Nostalgic Vision and Mnemonic Figures: Tsvetaeva's Allusions to Ivan Turgenev's Goethian Outlook* (Александра Смит. Ностальгическое видение и мнемонические фигуры: Аллюзии Цветаевой к гетевским взглядам Тургенева); Dixon, Ros. "The avant-garde, you know, can easily become the rearguard. All it takes is a change of direction". Anatolii Efros' Production of *A Month in the Country: A Dialogue with Stanislavskii* (Рос Диксон. «Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться арьергардом... Все дело в перемене направления». Постановка «Месяца в деревне» Анатолия Эфроса: диалог со Станиславским); Cornwell, Neil. *First Loves and Last Rites: from Ivan Turgenev to John Banville* (Нейл Корнуэлл. Первая любовь и последние ритуалы: от Ивана Тургенева к Джону Бэнвиллу); Marsh, Cynthia. *Post-War British Month(s) in the Country* (Синтия Марш. Послевоенные «Месяцы в деревне» в Британии); Briggs A.D.P. *Did Carmen really come from Russia (with a little help from Turgenev)?* (А.Д.П. Бригс. Действительно ли «Кармен» пришла из России (не без помощи Тургенева?).
5. См.: Christa, Boris. A "Buttoned-up" Hero of His Time: Turgenev's Use of the Language of Vestimentary Markers in *Rudin* // *Turgenev and Russian Culture*. P.127.
6. Там же.
7. Там же. С.128.
8. Там же.
9. Там же. Текст из романа «Рудин» процитирован по изд.: Тургенев И.С. *Рудин* // Сочинения. В 2-х т.т. Т.1. М., 1980. С.83. Криста цитирует текст романа по ППС 1960-68г.г. в своем переводе. – ТК.

10. Там же. С.127.
11. Там же. С.130.
12. Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. <Электронный ресурс> http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/index.php Автор статьи цитирует Ю.Лотмана по: Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении //Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллинн, 1992.
13. Andrew, Joe. "Death and Maiden": Narrative, Space, Gender and Identity in Asia //Turgenev and Russian Culture. P.37.
14. Там же. С.37-38.
15. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике //Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С.398. Эндрю ссылается на англоязычный источник: *M.M.Bakhtin, "The Forms of Time and the Chronotopos in the Novel. From the Greek Novel to Modern Fiction", PTL. A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature, 3, 1978.*
16. Там же. С.397.
17. Andrew. "Death and Maiden". P. 30.
18. Так, автор статьи ссылается на работу Т.Сильман «Заметки о лирике» (1977). В дальнейшем он опирается на комментарий к различным изданиям ППСиП Тургенева, в том числе – к последнему. Надо отдать должное автору статьи, в отличие от других, он довольно неплохо осведомлен о российском тургеневедении (называет Г.Б.Курляндскую, Н.Н.Мостовскую, Н.С.Никитину - как составителя «Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева» - и др.).
19. Naard, Eric de. The Use of Poetry in Turgenev's Prose: *A Quiet Spot* // Turgenev and Russian Culture. P.p.176-177. Текст повести Тургенева «Затишье» здесь цитируется по изд.: Тургенев И.С. Повести. М., 1976. С.с.89, 128. Хаард цитирует в статье английский перевод Х.Стивенса и А.Кнопфа;
20. Там же. С.177.
21. Там же. С.181.
22. Там же. С.187.
23. Там же. С.186.
24. Так, в частности, Хаард ссылается на книгу А.П.Чудакова (Чудаков А.П. О поэтике Тургенева-прозаика (Повествование – предметный мир – сюжет) //Тургенев в современном мире. М., 1987) и многие цитаты из русской литературной критики заимствует из этой книге (например, высказывания А.Григорьева, Страхова, Родзевича и др.).



**ПОСВЯЩЕНИЕ П.В.КИРЕЕВСКОМУ
(О СОБРАНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
М.А.СТАХОВИЧА)**

Михаил Александрович Стахович (1820-1858) родился в родовом имении Пальна Елецкого уезда Орловской губернии. Известно, что несколько поколений Стаховичей занимались коннозаводческим делом, разводили орловских рысаков и английских скакунов. Однако среди представителей этого дворянского гнезда было немало творческих личностей, оставивших заметный вклад на писательской и поэтической ниве, в музыкальной и театральной жизни своего времени. Присущие им патриотические и демократические умонастроения отразились в участии Стаховичей как в общественной и административной деятельности, организации монастырей, школ и больниц, так и занятиях краеведением.

М.А.Стахович – яркий представитель своей семьи, старший из детей, сумевший талантливо проявить себя в разных качествах. Он разделял передовые взгляды на освобождение крестьянства с землёй и вопреки сопротивлению губернатора сам освободил многих своих крестьян. Несмотря на молодой возраст Стахович был избран уездным предводителем дворянства. Михаил Александрович оставил разнообразное творческое наследие, в том числе краеведческий труд «Елецкий уезд в историческом, этнографическом и статистическом отношениях», пьесы, повести и рассказы, очерк истории семиструнной гитары, музыкальное собрание русских народных песен.

Молодой Стахович учился в Московском университете на словесном отделении философского факультета, после окончания которого (в 1841 году) изучал в Германии философию и музыку и в течение года брал уроки у дрезденского музыканта-теоретика Дацауэра. «Моё единственное дело – перо стихотворное, и учение, да гитарная струна», – писал Стахович в 1845 году из-за границы.

Обучаясь искусству игры на гитаре у знаменитого М.Т.Высотского, Михаил Александрович постепенно и сам стал прекрасным музыкантом-гитаристом. По воспоминаниям современников, во время дружеских собраний, гитара в руках Стаховича «ходоном ходила». В 1854 году Стахович издал «Очерк истории семиструнной гита-

ры», где пояснил удивительную популярность данного инструмента в России как в среде образованной, так и у простого народа и отметил органичное слияние терцового строя семиструнной гитары с мелодикой русских народных песен. Именно аккомпанементы к народным песням, их обработки и вариации наиболее утвердились в репертуаре семиструнной гитары в XIX веке. Неслучайно в своём «Собрании русских народных песен» Стахович впоследствии аранжировал песни разных жанров для голоса и гитары (также и фортепиано).

Стахович входил в литературные кружки 1850-х годов в Москве и Орле, был членом «молодой редакции» «Московитянина», который возглавляли А.Н.Островский и Ап.Григорьев. В эти же годы Стахович начал публиковать первые стихи и пьесы («Ночное», «Святки»), посвящённые народной жизни.

Дружба связывала Михаила Александровича с Хомяковым, П.В.Киреевским, Аксаковым, Лесковым, Якушкиным. По воспоминаниям С.В.Максимова, Стахович и Якушкин были увлечены исполнением народных песен. Причём, уступая в самом вокальном мастерстве и красоте голоса, например, певцу Т.И.Филиппову, друзья с энтузиазмом и настойчивостью пели любимые произведения, неизменно привлекая к себе внимание собравшихся (3; с.248).

Взгляды Стаховича-фольклориста сформировались под влиянием Петра Васильевича Киреевского. Включившись в собирательскую работу, тем не менее в «Собрание народных песен» Киреевского Стахович представил лишь несколько текстов. Будучи талантливым музыкантом, возможно, он сразу сосредоточился на подготовке собственного музыкально-нотного издания. Однако П.В.Киреевский с благодарностью упоминает имя М.А.Стаховича в предисловии к изданным в 1848 году «Русским народным стихам», называя его среди тех, кто представил песни, «хотя в небольшом количестве, записанные ими с голоса в различных концах России; и эти песни, в своей сложности, много увеличили моё собрание» (2; с.426).

Вернувшись в Пальну, Михаил Александрович изучал крестьянский быт и местный фольклор, записывал песни от крестьян Орловской и соседних губерний – Тамбовской и Воронежской. Аранжировав собранные песни, он издал их в виде 4-х тетрадей «Собрания русских народных песен» (первая тетрадь вышла в 1851 году, вторая – в 1852 году, третья и четвёртая – в 1854 году). В дальнейшем Стахо-

вич планировал издать ещё четыре тетради, но его ранняя смерть в 38 лет помешала осуществлению замыслов.

Посвящая свой труд П.В.Киреевскому, Стахович обращается к нему со словами: «Милостивый государь Пётр Васильевич! Оканчивая первую часть своего издания русских песен, приятным долгом считаю посвятить их Вам: несовершенный труд мой возбуждён примером Вашего подвига – Вашим богатым и образцовым собранием русских песен. Почти сизмальства имел я счастье пользоваться Вашею опытностью, научиться из разговоров с Вами настоящему пониманию этого дела; и если в слабом труде моём найдётся хоть малый проблеск той ясности и жизни, которые составляют отличительное качество Вашего взгляда на все художественные произведения нашей поэтической старины, то это будет лучшая похвала и надежда моей первоначальной работе.

Желаю от души, чтобы скорейшим изданием вашего Собрания Вы подвигли ещё многих на возделывание богатой, почти не початой почвы нашей народной музыки и поэзии.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга, Михаил Стахович. 10 марта 1854 год. Москва» (4; с.4).

«Методологически» Стахович подходит к собирательской работе, опираясь на идеи П.В.Киреевского о значении вариантов в народном песенном творчестве, о необходимости распределения песен по однородным музыкальным отделам, о ценности разных фольклорных жанров. Среди музыкальных изданий своего времени «Собрание» Стаховича отличается тем, что в нём впервые появляются песни крестьянской традиции, записанные непосредственно от крестьян. Говоря словами Стаховича, «сборник народных песен должен быть словарём точным, в котором отношение мотивов, распределение музыкальных отделений и связь вариантов должны быть главною целью композитора» (4; с.11).

Всего в четыре тетради вошли 38 песен, 31 из которых – представляют самостоятельные записи Стаховича, 2 – варианты на две из них, 4 – взяты из сборника Кириши Данилова, 1 – болгарская песня. В жанровом плане в сборнике представлены свадебные, величальные, необрядовые лирические, хороводные, плясовые, игровые песни. Есть богатырская, ямская, бурлацкая и солдатская песни. Примечательно, что к лирическим необрядовым песням Стахович не применяет понятие «протяжная», определяя их как уличные или

карагодные, тем самым указывая, со слов народных певцов, на место исполнения. Такое определение лирических песен, как отмечает музыковед Н.Владыкина-Бачинская, было характерно именно для народных певцов из сёл и деревень Орловской губернии (4; с.7-8).

«Собрание» Стаховича занимает промежуточное положение между первыми сборниками народных песен, подготовленными в конце XVIII – начале XIX вв. Трутовским, Львовым и Прачем, Кашиным, Рупиным и др., и сборниками второй половины XIX в., подготовленными Лопатиным и Прокуниным, Пальчиковым, Мельгуновым и др. В частности в изданиях народных песен до Стаховича преобладали источники записи в лице городской интеллигенции, городских певцов-любителей, перпевающих традиционные образцы фольклора с изменениями, свойственными городскому исполнительскому стилю. Стахович выходит за эти рамки и записывает народные песни от следующих групп: во-первых, «простонародных певцов», то есть крестьян (не указывая их имён и точное место записи); во-вторых, цыганских хоров, являвшихся чрезвычайно популярным исполнительским явлением своего времени; в-третьих, коллег и единомышленников – Ляковского, Александрова, Соболевского, Якушкина, Емельянова, Васильева.

Как известно, в музыкальных сборниках народных песен второй половины XIX века постепенно будут решаться задачи паспортизации и жанровой классификации фольклорных произведений, нотации подголосков в многоголосной партитуре и отражения локальной песенной традиции.

В целом нотные издания XVIII–XIX веков отразили эволюцию восприятия и понимания народной песни музыкальными деятелями прошлого. В теоретических взглядах, представленных в предисловиях к песенным сборникам, а также в критических статьях их современников осмысливаются проблема вариантов в музыкальном фольклоре и обосновывается самоценность народной музыки как самостоятельной музыкальной системы. А это как раз и обуславливает необходимость опубликовывать песни в их подлинном, необработанном виде.

Приветствуя выход песенных тетрадей из «Собрания» Стаховича, единомышленники по литературному кружку критично отнеслись к музыкальной стороне представленных песен, указывая на то, что Стаховичем были взяты не самые лучшие, с их точки зрения, вари-

анты напевов (Т.И.Филиппов), а сами обработки отличает «сухость» гитарного аккомпанемента» (Ап.Григорьев). Музыкальные критики А.Ф.Тюрин и А.Н.Серов также были не во всём согласны с «бедной и бледной» гармонизацией напевов, предложенной Стаховичем, считая, что он недостаточно употребил свои вкус и воображение.

На прозвучавшую критику Стахович ответил своей «Анти-критикой», где объяснял предумышленность предложенного им скромного и строгого аккомпанемента, дабы не внести ненужную музыкально-стилевую пестроту в народные мелодии и отразить присущие им стилевое единство и типичность. При этом в частности Н.А.Римским-Корсаковым была одобрена выполненная М.А.Стаховичем редакция четырёх напевов Кирши Данилова, вошедшая в «Собрание» Стаховича, а позднее и в сборник самого Римского-Корсакова.

Обладают несомненной ценностью предисловия, написанные Стаховичем к каждой из тетрадей народных песен, и особенно к третьей и четвёртой из них. Стахович предстаёт в них как исследователь, сумевший сделать важные для своего времени выводы о необходимости рассмотрения каждой песни с её вариантами как основы изучения народной музыки и поэзии; об органичном интонационном единстве напева и слова в народной песне. Первый среди собирателей-музыкантов Стахович даёт общие сведения о месте записи песен и обращает внимание на «провинциальное наречие» этих местностей; делает тонкие наблюдения о преобладании в мелодиях 2-х и 4-х дольного метров при малой распространённости 3-х дольного метра, о переменности лада, свойственной народной песне, и её взаимосвязи с песенной музыкальной формой.

Тем не менее, Стахович представил в своём издании крестьянские и городские песни в обработанном, то есть изменённом виде – в изложении для голоса с аккомпанементом, с итальянским обозначением темпа, избирательно подходя к воспроизведению диалектных особенностей текста. В данных музыкально-поэтических чертах угадывается стиль романса, наиболее популярного жанра этого времени, хотя сам Стахович называет представленные произведения «песнями» для голоса.

Обращает на себя внимание и само расположение песенного материала: с соблюдением принципа контраста между произведениями, с неизменным началом каждой из тетрадей одной из самых

ярких песен. Такая забота Стаховича о благоприятном восприятии своего «Собрания русских народных песен» любителями пения и музицирования снискала популярность изданию как в XIX веке, так и спустя долгие годы. При этом Стахович, как свидетельствовали его современники, был «не столько озабочен тем, чтобы сделать русские песни средством к своей славе, а имел в виду распространение в обществе истинного об них понятия» (4; с.9).

Сборник Стаховича был признан и широко востребован композиторами-классиками, занимая одно из первых мест по количеству использования мелодий песен в произведениях разных жанров (операх, симфонической и инструментальной музыке) Римским-Корсаковым, Балакиревым, Чайковским, Аренским, Гречаниновым. Песни из «Собрания» Стаховича используются в современной образовательной и исполнительской практике.

Примечания.

1. Елецкие корни. Елец: Елецкие куранты, 1996.
2. Собрание народных песен П.В.Киреевского. Тула: Приокское книжное издательство, 1986.
3. Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина. Т.2. Ленинград: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1986.
5. Стахович М.А. Русские народные песни /Предисл., ред. и примеч. Н.Владыкиной-Бачинской. М., 1964.

М.В.Костромичёва

РАССКАЗЫ О НЕВЕДОМОМ (современные записи)

Рассказы о неведомом представлены, в основном, демонологическими рассказами (историями о различных проявлениях нечистой силы, о связи с потусторонним миром). Здесь мы приведём записи, сделанные в 2003 и 2006 годы в четырёх орловских населённых пунктах студентами филологического факультета Орловского государственного университета:

1. Знаменский район, д.Саморядова (запись 2006 года, записала Рябова Юлия, информант Анохина Валентина Герасимовна, 1933 г. р.);

2. Покровский район, п. Берёзовая роща (запись 2006 года, записала Рябова Юлия, информант Пискарева Нина Ивановна, 1934 г.р.);

3. Корсаковский район, д. Заречье (запись 2003 года, записала Павликова Ольга, информант Киреева Екатерина Александровна, 1927 г.р.);

4. Шаблыкинский район, с. Хотьково (запись 2003 года, записала Запалова Наталья, информант Матяшова Татьяна Васильевна, 1927 г.р.).

Говорить о современном характере таких историй можно только с достаточной долей условности. Обычно в самом рассказе содержится указание на удалённость описываемого события от момента рассказывания. Степень отдаленности события обычно маркируется определенными временными отсылками.

Так, во многих историях события описываются информантами как произошедшие в недавнем прошлом лично с ними или с их близкими, соседями.

Дочка рассказывала, что когда я лежала в больнице, то к мужу моему домовой приходил, наваливался на него; он и во сне кричал. А оказалось, домовой приходил в ту ночь, когда мне делали операцию, а они об этом не знали. Вот он его и предупреждал (2).

Мать, отец и брат мой ехали поздно из гостей. И вот едут они и видят на перекрёстке барашек белый стоит и блеет. Отец пожалел его и взял, а брат мой не хотел брать, но отец его не послушал. Едут они, барашек у матери на руках сидит; гладит она его и говорит: «Бяша, бяша», а барашек поднял голову и отвечает: «Бяша, бяша». Мать испугалась, скинула с ходка. Отец остановился. Огляделись они, а барашка и нет. Нечисть, значит, пугала их (2).

Отдалённость события маркируется указанием на то, что после описанного события прошёл большой промежуток времени (например, участник события к моменту рассказа умер).

Рано утром вышел мой отец по хозяйству дела справить. Корма корове дал, лошадь вывел и ещё что-то пошёл делать. Вернулся он к лошади и видит себя же, и что он сам лошадь расчёсывает. Он в дом побежал – домочадцев позвать и им показать. Выбежали они, а там нет ничего, а к вечеру отец ослеп. Возила мать моя его по больницам, а толку всё равно не было. И поехали они к знахарке. Она посмотрела отца и говорит: «Зря ты хотел хозяина [домового] всем показать; он не ожидал, что ты его увидишь, не успел спрятаться, вот и наказал.

Тебе никто не поможет». Отец мой до смерти слепым был, никто его не вылечил (2).

Большая отдаленность события обычно обозначается как произошедшее с самим рассказчиком, но в более отдаленное время (обычно, в молодости, если рассказчик пожилой).

Молодая я была, легла спать, а мама болела моя и в больнице была. Я проснулась ночью от того, что на меня кто-то навалился. Спросила: «К худу аль к добру?», а мне отвечает: «К худу» и слез. Слышу, как кто-то пошёл и на печку полез. Мне на душе тяжело стало, до утра заснуть не могла, а утром сообщили, что мама моя умерла (1).

Вышла я только замуж и жила у свекрови. Как-то они все на работу разошлись, а я дома по хозяйству осталась. Зашла в хату и убираюсь. Слышу, стучит кто-то. Я вышла, гляжу – стоит женщина и просит меня, чтоб я ей покушать чего дала. Я хлеба вынесла, ячичка, молока. Она села на пороге и есть стала. А у меня с утра на глазу ячмень вскочил. Поела женщина и говорит: «Дай, дочка, я тебе помогу, что ж ты мучаешься. Принеси мне воды непитой». А я только воды из колодца начерпала, вынесла ей, она воды в рот набрала и как мне в лицо прыснет, я аж испугалась. А она крестик на глазу провела пальцем и прошептала: «Убери, Господи, глаз худой с рабы твоей». Посмотрела на меня пристально и говорит: «Спасибо, дочка, накормила ты меня. И знай, ты мне яйцо дала, а яйцо за 40 милостыней выходит. Значит, не мне ты только помогла». Ушла бабушка, а к вечеру опухоль с глаза моего и прошла (1).

Описание событий с участием дедушек, бабушек ещё более отдаляет от момента собственно рассказа.

У моего деда лошадь была, он рассказывал: «Пойду я поутру в сарай лошадь выводить, а у неё косички в гриве заплетены. Я растушу, а на следующее утро то же самое. И так почти каждый день. Любит, значит, главный хозяин лошадку эту» (2).

Бабушка рассказывала: собрались молодые ехать на венчание, а лошади на дыбы и не идут. Как ни погоняли их, не идут с места, и всё тут. А по соседству мужик жил, слыл он колдуном, а его на свадьбу не пригласили. Родители молодых одумались и к нему, на колени упали, прощение попросили, на свадьбу пригласили. Пришли от него, тронули лошадей, они и пошли (1).

Наконец, самый отдаленный, но конкретно обозначенный временной промежуток обозначается следующим образом.

Бабушка рассказывала моя, а ей её бабушка, что когда её бабушка молодая была, у них на селе церковь красивая стояла. И как-то раз собрались люди на молитву, зашли в церковь, и тут гром прогремел, земля затряслась, и начала церковь под землю уходить. Кто успел – выскочил, а кто не успел – те вместе с церковью под землю ушли. А на месте церкви озеро образовалось, и вода там стала чистая-чистая. Многие мужики молодые ныряли, но так ничего там и не нашли под водой, а озеро это священным стало (1).

Часть поверий, связанных с нечистой силой имеют вневременной характер, это касается рассказов, повествующих об обычаях и поверьях, которые для рассказчика осознаются как постоянно действующие, или по меткому орловскому диалектному определению, «неумерущие». Проявляется это обычно в том, что само повествование имеет характер своеобразного «инструктажа»: что нужно или, наоборот, нельзя делать в определенной ситуации. Большинство таких поверий связано с домовыми и колдунами.

Если что долго найти не можешь, нужно сказать: «Шут-шутай, пошутит и назад возврати». Вещь обязательно найдётся (1).

Чтобы перевезти домового на новое место, надо сказать три раза: «Хозяин мой, пойдём со мной» (1).

Когда колдун умирает, подходить и трогать его нельзя. А кто это не знает, может и подойти, тогда колдун возьмётся за этого человека, и вся сила так и перейдёт, а человек мучиться будет... Колдун умирает очень тяжело. Чтоб ему помочь, выбивают доску над ним, и его душа уходит. А чтоб он после смерти не ходил, кол осиновый ему забивают на могиле. Ему не кладут крест, руки не скрещивают, не отпевают в церкви (1).

Выходишь из дома и говоришь: «Первая дорога оберегает, а вторая остерегает, третья дорога ведёт». Крестишься и идёшь. Ничего худого не будет (1).

Чтобы стать колдуном, нужно выучить книгу чёрной магии. На Петров день в 12 часов ночи идёшь на перекрёсток: там змея с открытым ртом, в рот сажают цвет папоротника. В это самое время соединяются все злые силы, и так становятся колдуном. На следующую ночь к колдуну прилетают помощники и просят у него задания. А если взялся и не выучил наизусть, то сходит с ума и умирает (2).

Невольно можно стать колдуном по передаче. До умирающего колдуна нельзя дотрагиваться и разговаривать с ним. Если кто не

знал и заговорил с колдуном или дотронулся, то сила ему и переедет (2).

Когда умирает колдун, то кричит: «Возьмите!» К нему подходить нельзя и разговаривать с ним нельзя. А чтоб он быстрее умер, над ним выламывают доску в потолке и смотрят на него через хомут. Он и умирает. Хоронят так же, как и всех, только крести не надевают, в церкви не отпевают. Родные не должны скрывать, что колдун был, грех скрывать. А что б после смерти никого не побеспокоил, на могиле осиновый кол вколачивают (2).

Считается, что пока покойника не отпели и он находится в доме, можно сказать усопшему то, что не успел сказать при жизни. Делают это один на один с покойным. стакан с водой и хлеб переносят от головы умершего к ногам, закрывают шторы и, не глядя на покойного, стоя к нему спиной, читают заклинание:

«Душа спит, грудь дышит, раб Божий (имя) меня слышит. Ангела тьмы укрою, самоновым ключом рабу (имя) уши открою. Яви, Архангел Михаил, то, что прошу. Услышь, раб (имя), то, что скажу. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь».

Затем к покойному оборачиваются. Считается, что в этот момент мертвец видит, слышит и подаёт какой-то знак, однако нельзя говорить об этом знаке до Судного дня (4).

Реалистичный характер демонологическому рассказу придает использование различных деталей.

1. Ссылка на конкретных лиц – участников события. Участники событий могут быть близкие рассказчику люди либо посторонние, но обозначенные по имени люди.

У моей мамы утонула дочка, 6 лет ей было. Похоронили её, а мать всё плачет и плачет, и день, и ночь горюет. И как-то снится ей Наташа её и говорит во сне матери: «Мама, что же ты делаешь, я вся мокрая лежу, так мне плохо. Не плачь больше, мне здесь хорошо, передай мне платъице. А мать говорит ей: «Как же я передам, доченька?» «Умрёт в соседней деревне женщина через девять дней, ты сходи, дай моё платъице. Не бойся, они возьмут, и не убивайся больше, скоро у тебя доченька родится, утеха тебе будет, а меня слезами не воротишь, ты мне только плохо делаешь». Проснулась мать и рассказала отцу. Через девять дней поехали они в соседнюю деревню, а там и правда женщина умерла. Отдали они платъице, мать убиваться перестала, и я через год родилась. Больше сестра моя матери не снилась (1).

Племянница моя, Катя, нашла крестик золотой и сдуру головы подняла и домой принесла. Прошло три дня и напал на неё ходун: как ночь наступает, уходит из дома, доходит до моста (у нас в деревне мост был деревянный), переходит его, а назад пройти не может – является ей волк, зубы оскалит и не пускает домой. Так до утра и стоит на мосту, рассветёт – только тогда возвращается домой. Начали её дома закрывать, а она, как юла, вертится, кричит, спать никому не даёт. Решили её к бабушке отвезти. Привезли её к целительнице, она на неё посмотрела и говорит: «Ты зачем крест с перекрёстка поднимала? на золото позарилась, теперь сама мучаешься и родных мучаешь, в 25 лет седая стала. Помогу я тебе, но должна ты делать то, что я тебе скажу». Катя всё выполнила. Вылечила её бабушка, а напоследок говорит: «Крест этот недруг специально бросил, баба это бросила, на красу твою позарилась, извести тебя хотела. Никогда ничего больше с дороги не бери». Больше Катя моя болеть не стала (1).

Заломщик это делает... Дедушка мой был зажиточный, поле у него было. И как-то два лета подряд не загаживался у него урожай. Горевал он, а что сделаешь. Посадил поле на следующее лето, пошёл он поле обходить и видит: сосед его Митрофан по полю его ходит. Странно ему показалось, он подкрался сзади и смотрит – Митрофан заломы делает. Дед мой всё понял, окликнул его. Тот, было, испугался и бежать, а дед мой всё ж перехватил его. А в руках вилы были у деда моего, он вилы на него наставил и говорит: «Так вот кто урожай мне не даёт! Развязывай. А ещё хоть год урожай у меня не будет, то заколю вилами и по деревне пронесу». Митрофан испугался, что сделал – исправил. Урожай всегда у деда после этого случая был (1).

Хозяин у нас заметил, что кто-то его корову доить ходит. Вот он подкараулил вечером и видит: с перемёта кошка спрыгивает, подходит к корове и молоко высасывает. Он её коромыслом и стукнул. А на Матрёну у нас говорили, что она колдунья. Пошёл он утром к ней, а она лежит больная. Вот и выяснил он, кто его корову доит (2).

2. Ссылка на конкретные географические реалии.

Возвращался как-то парень с другом из деревни Малиновка. Дело было ночью. Хотели перейти мост, смотрят, а на мосту стоит телёнок необыкновенных размеров и не собирается уступить им дорогу. А дело-то было ночью, и какой хозяин ночью телёнка, да такого

огромного, на улице у леса оставит? Ребята со страху в речку бросились, да вплавь решили до дома добраться. Как потом оказалось, это был оборотыш (оборотень). Им бабушка рассказала, что можно увидеть и необыкновенного кота, и телёнка огромного, и овцу или еще какое-нибудь животное или человека (3).

Жила как-то в Заречье бабка. Слухи о ней ходили недобрые. Говорили, что она ведьмой была. Жители её боялись. И правда, бабка страшная была, на ведьму похожа, на одном глазу бельмо было, и глаза такие злые. А если что скажет недоброе – всё сбывалось. Все хотели ей угодить: то молочка принесут, то хлебушка, то ещё чего-нибудь. Она ото всего отказывалась, ничего не брала.

Была у этой бабки дочка. Она жила в Москве и иногда навещала мать. Когда же дочь уезжала обратно, то всегда чувствовала себя очень плохо, как будто мать из неё все соки выжимала. Она не раз говорила об этом людям.

Однажды бабка очень сильно заболела. Никого из соседей она к себе не подпускала, только просила, чтобы дочь приехала и привезла с собой внучку. Та приехала, но одна. Бабка начала сильно кричать и просить привезти внучку:

– Я не умру, пока не погляжу на нее, – сказала она дочери.

Делать нечего. Послали телеграмму – приехала внучка (ей было лет десять). Как только бабка увидела её, взгляд её сатанинский стал таким ясным, глаза загорелись, а бельмо куда-то исчезло. Она попросила внучку:

– Дай мне руку.

Внучка только хотела положить свою руку в бабкину, но мать заподозрила что-то неладное и вложила свою руку. Бабка крепко-крепко, аж до синевы, сжала руку дочери и произнесла последние слова:

– Так у меня ничего и не получилось...

Тут крыша дома отъехала. Мужики сразу же бросились за осиновым колом. Они вбили его бабке в плечо. После этого рука бабки ослабилась, а крыша стала на своё место.

Существует поверье, что ведьмы могут передавать свое колдовское умение только внучкам (3).

3. Упоминание реальных современности различного характера.

Возвращались как-то два парня с дискотеки домой. Шли из Малиновки в Заречье. Внезапно прогремел гром и началась гроза. Они решили спрятаться в ближайшем доме. Дом был двухэтажный, ста-

рый. Света нигде не было. Забежали они туда. Вдруг дверь сама хлопнулась. Ребята пробовали её открыть, но дверь не поддавалась. Они начали звать на помощь, но никто из хозяев не вышел, и даже не открыл дверь. Тогда ребята начали вспоминать молитвы и читать их вслух. После этого дверь резко отворилась, гроза закончилась. Когда ребята вышли на улицу, всё было тихо (3).

Была я в доме, слышу: в дверь кто-то звонит. Я вышла, открыла дверь, а там никого нет. Так продолжалось всю ночь, я три раза выходила, а затем внимание не стала обращать: подумала, что звонок заело. Утром встала, пошла подоила корову, а банку с молоком на стол поставила и вышла. Захожу через пару минут, а банка с молоком на мелкие кусочки разбита. Я стёкла подобрала, вытерла молоко разлитое и в зал пошла по делам. Захожу, а люстра снятая на полу лежит. Если б она упала, то разбилась бы, а то целая и нетронутая. Тут-то у меня сердце и ёкнуло: поняла я, что что-то случилось. Прошло три часа, и мне сообщили, что сына моего убили (2).

Пришел парень с армии, красавец, много за ним девок бежало. И получилось так, что одну девку он обманул: поиграл с ней и не взял, а она тяжёлая осталась. Мать этой девки ходила к нему, просила, что б он взял её, а он ни в какую, загордился собой. Тогда мать этой девки съездила к бабке, а та подделала ему. Стал он чахнуть, перестал на человека походить, люди смеяться над ним стали. И пошёл он как-то в поле и не вернулся, его мёртвым там нашли. И сестра у него была, так в девках осталась и мучилась за брата: чахла, из дома убегала; лечит её возили к знахарке, но не помогло, так и умирала безумной (2).

С моей дочерью такой случай был. Ей сказали, что она детей не сможет иметь. Она долго лечилась, а толку не было; она надежду на своего ребёнка потеряла, и решили они с мужем взять дитё в детдоме – с врачом договорились. и почти всё было готово. И вот приходит она домой (а жила она сначала со свекровью и свёкром) пришла она домой, зашла в свою комнату, переделалась и легла отдохнуть, и как бы задремала, но слышала, как телевизор работает в соседней комнате. Она открыла глаза и видит: на неё с потолка смотрит женщина в белом, лицо очень доброе, и стала эта женщина потихоньку наклоняться и руки к моей Гале протягивает, а на руках у неё ребёночек, грудничок. И низко так повисла над ней, почти над лицом. Галя испугалась, но никому не сказала, а на сердце легко стало. Было это в 9 вечера, а через три дня ей сказали, что она беременна, и срок уже 5 недель (2).

Как-то вечером выгуливали две женщины кошку и собаку. Время к 12 часам шло. Идут они по переулку, разговаривают. Видят, в конце переулочка какая-то бабка как сумасшедшая носится. Тут бабка их услышала и на них кинулась, и так и хочет дотронуться до кого-нибудь. Кошка в это время зашипела и убежала. Смотрят женщины, а это не бабка, а просто одежда без человека. Собака кинулась на это нечто. Она до него дотронулась – одежда на землю повалилась и замерла.

Собака с тех пор начала чахнуть. Хозяйка целыми днями читала молитвы над ней. Вскоре собаке стало лучше. Говорят, это нечто хотело до женщин дотронуться и недуг, а то и смерть на них напустить. Им потом одна знахарка сказала, что это бестелесный за ними ходил (3).

Наконец, наиболее реалистичными выглядят рассказы, где событие описывается как абсолютно достоверное с упоминанием конкретного времени, места, с достаточным количеством достоверных деталей.

Существует легенда, что в д. Заречье Корсаковского района жили одни колдуны и ведьмы. Даже фашист во время Великой Отечественной войны обходил деревню стороной. Вот как это получилось.

Как-то один немецкий офицер увел девку из этой деревни и хотел над ней надругаться. Затащил её в сарай на сеновал. Тут девка начала кричать и произносить какие-то непонятные слова. Внезапно крыша сарая отъехала в сторону и между офицером и девушкой встала какая-то белая то ли прозрачная стена, то ли пелена. Она стала двигаться на немца и гнала его аж до гарнизона. Немецкие офицеры тоже видели эту стену. Они открывали огонь, но стена двигалась и двигалась. Остановилась она у реки, которая разделяла деревни Заречье и Малиновка, и встала, как бы ограждая Заречье.

Больше немцы в эту деревню ни ногой. Жители деревни Малиновка, которая находится рядом с Заречьем, много раз строили мост через речку, разделяющую деревни, но он постоянно исчезал на следующую ночь. Ещё говорят, что днем на этой речушке был брод, а ночью она становилась очень глубокой (3).

В заключение приведу рассказ об одном погребальном ритуале (не орловском), который, хотя и не относится к области демонологических рассказов, однако весьма необычен.

Ездил я недавно к родственнице в Тюменскую область. И такой страшный обычай у них на похоронах. Когда умирает кто, то кла-

дут его в голый гроб, а в подушку тряпок набивают. Вот оденут покойника, положат его в гроб, тут приходит участковый милиционер и начинает описывать, в чём покойник одет, вообще до трусов опись делает. Я у сестры спросила: «Зачем вы так делаете?» А она ответила: «К нам сюда раньше людей ссылали, у нас глухо тут, ну, вот кто умрёт если, то каторжники себя за покойника выдавали, а сами документы покойника себе забирали и уезжали: и чист он казался, и спросу нет. А как власти прознали, стали присылать полицейских; те всё сверяли, делали опись. С тех пор и пошло, так и поныне осталось» (2).

Здесь были приведены рассказы, записанные от информантов, относящихся к старшему поколению. Однако, как показывает практика, рассказы о неведомом занимают особую нишу в народной культуре, и всё, что связано с потусторонними силами, непознанным и загадочным миром демонологии, всегда будет востребовано человеком, а рассказы о неведомом будут, как видно, существовать и тогда, когда традиционные жанры народного фольклора останутся в прошлом народа.





II.

*Вокруг тургеневской
энциклопедии*





*А.Н. Тургенев (слева), двоюродный племянник
И.С. Тургенева и Н.Г. Мотовилов.
С фото из личного архива Т.К. Слуцкой*

В САЛОНЕ ВИЕЛЬГОРСКИХ

В письме к П.Виардо от 9 марта ст.ст. 1844 года Тургенев упоминает о встрече с близкими, преданными ей людьми, назвав их её «старой гвардией». В их число, кроме И.С.Тургенева, входили П.В.Зиновьев, С.А.Геденов, А.М.Гулевич. Несомненно, принадлежали к «старой гвардии» и братья-меломаны Михаил Юрьевич и Матвей Юрьевич Виельгорские. О них и пойдет речь.

«Гениальнейший из дилетантов» – так характеризовал Р.Шуман страстного любителя музыки, богатого и знаменитого царедворца графа Михаила Юрьевича Виельгорского (1788-1856). Не менее восторженно звучит отзыв о Виельгорском Ивана Сергеевича Тургенева, который хорошо знал Михаила Юрьевича и его семью: «Граф Михаил очарователен <...>. Это личность ярко и щедро одаренная, которая могла бы сделаться не тем, чем стала. Он очень учен, но не видно, чтобы придавал этому особое значение»¹.

Тургенев попал в салон Виельгорских в начале 1840-х годов и не мог не оценить оригинальность этого человека, его несхожесть с другими. Музыкальное образование Михаила Юрьевича было невероятным. Он знал наизусть все «замечательные симфонии и партии! Виельгорский сам был хорошим музыкантом и композитором. Романсы его пользовались популярностью.

Михаил Юрьевич прошёл почти незамеченным в русской жизни, а между тем редкий человек мог быть одарен такими многосторонними достоинствами как он. Души чистой как кристалл, ума тонкого и пронизательного, учености изумительной, богослов, филолог, математик, доктор. Он всё изучил, всё прочувствовал, вельможа и артист, светский человек и семьянин, то простодушный как ребёнок, то ловкий как дипломат, он умел согласовывать в себе самые непримиримые крайности и пользовался общей любовью <...>. Редкий день проходил для него без приглашения ко двору, но он любил проводить время с артистами. Придёт, бывало, вечером из дворца в какое-нибудь скромное собрание музыкантов, сбросит с себя свои доспехи и, окунув подбородок в огромный галстук, равнодушный к съехавшему набору парика, начинает прения в дыму сигар о музыкальных вопросах», – вспоминает о Виельгорском писатель граф В.А.Соллогуб².

В экспозиции Орловского музея Тургенева представлен портрет графа Виельгорского: Михаил Юрьевич обнажил голову и как бы преклонил одно колено в знак любви и уважения к великому искусству. Мемуаристы запечатлели ряд картин, которые дают нам возможность погрузиться в неповторимую атмосферу салона Виельгорских. Однажды, по случаю свадьбы дочери, Виельгорским был устроен великолепный концерт при участии знаменитой Пасты.

Присутствовали государь и весь двор. Государь, как известно, не был меломаном и остался в гостиной. Между гостиной и концертной залой двери были отворены настежь. Музыка началась. Государь, величественный, как всегда, стоял посреди гостиной и разговаривал с каким-то посланником.

Разговор шел довольно тихо, но звучный металлический голос государя всё-таки был несколько слышен в зале. Вдруг с ужасом все увидели, что Михаил Юрьевич идет себе через всю гостиную прямо к дверям, берется за обе половинки и преспокойно их притворяет. Затем он почтительно кланяется государю и извиняется, что он это сделал, «потому что государь мешает слушать музыку. Немногие отважились бы на такой поступок»³.

В зале дома Виельгорских постоянно давались открытые концерты и музыкальные утра, собиравшие весь интеллигентный Петербург. Берлиоз называл этот дом «маленьким министерством изящных искусств северной столицы».

Здесь весной 1836 года состоялось исполнение оперы Глинки «Иван Сусанин», здесь неоднократно выступал Ф.Лист, принимали участие в концертах Виельгорских знаменитые вокалисты того времени Д.Рубини, А.Тамбурини, Д.Паста⁴. В музее И.С.Тургенева можно видеть характерное изображение: музицирование в доме Виельгорских.

Здесь бывали литераторы: Н.М.Карамзин, В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, который, говорят, был влюблен в младшую дочь Виельгорских. «Граф Михаил Юрьевич Виельгорский был один из первых и самых любимых русских меценатов, - пишет граф Соллогуб. - Всё этому в нём способствовало: большое состояние, огромные связи, высокое положение, которое он занимал при дворе, тонкое понимание искусства, наконец, его блестящее и вместе с тем очень серьезное образование и самый добрый и простой нрав».

Между тем он был вполне оригинальным русским человеком. Вспоминают, например, такой забавный эпизод. Как-то во время

застолья говорили о несчастной склонности соотечественников к пьянству, к которому особенно пристрастны люди талантливые. И упоминали такого-то и такого-то, которые умерли от этой пагубной привычки.

Виельгорский, до тех пор сидевший молча, вдруг поднялся и торжественно произнёс: «Не правда ли, господа, это прекрасная смерть»⁵.

Михаил Юрьевич слыл человеком весьма демократичным. Если приёмы его супруги Луизы Карловны «отличались самой изысканной светскостью и собирали в её роскошных покоях цвет придворного и большого света, то у графа раза два-три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актёры, и начинающие карьеру газетчики и даже просто неизвестные люди»⁶.

Однако семейная жизнь графа Михаила складывалась весьма драматично. Его брак с Луизой Карловной (сестрой покойной его жены) по церковным законам был невозможен. Поэтому Виельгорский с супругой вынуждены были покинуть столицу и целых десять лет провести в Курском имении его жены⁷. Их общий сын Иосиф умер в молодости на руках Гоголя. Эта потеря стала для четы Виельгорских тяжёлым ударом⁸.

Второй глава дома – граф Матвей Юрьевич (1794-1866) – холостяк, большую часть жизни прожил возле старшего брата, в его семье. Участник войны 1812 года, выйдя в отставку, он посвятил себя, главным образом, музыке. По мнению Одоевского, был «отличным виолончелистом», сочинял пьесы для этого инструмента и в молодости хорошо пел.

Не случайно вскоре после приезда П.Виардо в Петербург осенью 1843 года, она немедленно попала в поле зрения братьев Виельгорских. Они тут же пригласили её в свой дом. Из всей семьи Виельгорских, большинство членов которой неизменно выказывали Виардо ласковое внимание, именно Матвей Юрьевич сделался её подлинно «дорогим и превосходным другом», с которым она вела многолетнюю переписку⁹. В память об их трогательной дружбе певица посвятила Матвею Юрьевичу романс «Весенний день» на стихи Тюркети.

Вероятно, именно у Виельгорских Виардо познакомилась с русскими народными песнями и творчеством русских композиторов. Их сочинения заняли прочное место в её концертном репертуаре сразу по приезде в Россию.

Виардо не могла не понимать и общественной значимости Виельгорских, и ценности для себя их связей. Дружба с ними служила ей опорой в чопорном аристократическом обществе, которое не склонно было отнестись к ней как к равной. Вот характерный эпизод того времени: однажды на балу у графини Ростопчиной к князю Мещерскому подошла хозяйка с просьбой пригласить г-жу Виардо хотя бы на одну кадриль, потому что г-жу Виардо никто не приглашает, и она одна не танцует. Даже танцевать с актрисой считалось в то время зазорным¹⁰.

После отъезда Виардо на родину Тургенев становится частым посетителем салона Виельгорских. Заходил утолить музыкальный голод, ему было приятно побыть в обществе друзей Виардо, тонких ценителей изящных искусств, привлекала такая яркая незаурядная личность, как граф Михаил.

Хозяева узнали и оценили молодого писателя. После отъезда Тургенева за границу Виельгорские защищали его всякий раз, когда слышали невыгодные толки на его счёт. Возвратившись на родину, Тургенев привозит в дом Виельгорских новинки французской музыки, в частности, знакомит их с творчеством молодого композитора Ш. Гуно.

Когда же писатель оказался в Спасской ссылке, Виельгорские стали посредниками в его переписке с г-жой Виардо.

Тургенев, вероятно, понимал, что богатство, связи, протекция Виельгорских могли способствовать получению Виардо желаемых гастролей в Россию. Действительно, певица стремилась вернуться в Россию, где её встречали с необыкновенным энтузиазмом. Виельгорские, конечно, играли не последнюю роль в создании климата «наибольшего благоприятствования» для г-жи Виардо. Недаром муж певицы, Луи Виардо, издав свой капитальный труд «История арабов и испанских мавров», счёл своим долгом послать эту книгу Михаилу Юрьевичу Виельгорскому. Этот том с дарственной надписью автора и владельческим автографом М.Ю. Виельгорского находится ныне в музее Тургенева в Орле.

И Тургенев делал всё возможное, чтобы поддержать эту связь. Так, он писал П.Виардо 26 октября (7 ноября) 1850 года: «Вчера утром я был у графа Михаила Виельгорского и видел там Матвея; оба они живо интересуются вами, засыпали меня вопросами о вас, <...> о ваших намерениях»¹¹.

Действительно, певица ещё раз побывала в Москве и Петербурге в сезон 1853 года. Виельгорские надеялись и на последующее её приглашение. Однако это был последний её визит в Россию. Потом уже Тургенев служил связующей нитью между нею и домом Виельгорских.

После смерти хозяина дома, графа Михаила Юрьевича, музыкальные собрания в доме Виельгорских прекратились. Постаревший Матвей Юрьевич с особым чувством вспоминал былые времена. Он говорил Тургеневу о том, как он любит и почитает госпожу Виардо.

Писатель понимал значение музыкального салона Виельгорских в культурной жизни русской столицы. На склоне лет, вспоминая графа Михаила Юрьевича, Тургенев называл его «большим другом всех артистов». Нам кажется, было бы уместно закончить этот этюд стихами другого современника М.Ю.Виельгорского, его друга П.А.Вяземского:

*До невозможности он был разнообразен;
В нём с зрелой осенью ещё цвела весна;
Но многострунный мир был общим строем связан,
И нота верная во всём была слышна.
Всего прекрасного поклонник иль сподвижник,
Он в книге жизни все перебрал листы:
Был мистик, теозоф, пожалуй, чернокнижник,
И нежный трубадур под властью красоты¹².*

Примечания.

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем (2) в 30т. Письма. Т.2. М.: Наука, 1987. С.364.
2. Соллогуб В.А. Воспоминания. М., 1998. С.373.
3. Там же. С.275.
4. Розанов А.С. Полина Виардо-Гарсиа. Л., 1982. С.40-41.
5. Соллогуб В.А. Указ. соч. С.108.
6. Там же. С.167.
7. Там же. С.108.
8. Там же. С.315.
9. Розанов А.С. Указ. соч. С.42.
10. Там же. С.42-43.
11. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т.2. С.366.



12. В кн.: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. Т.IV. М., 2000. С.582 (факсимильное изд.).

Л.М. Александрова

«<...> вещь удивительная и не раз тронула меня <...> до слёз».

И.С. Тургенев о Н. Кохановской

Бескомпромиссность И.С.Тургенева, когда речь шла о принципиальных вопросах, ярко проявилась в его отношении к творчеству талантливой писательницы Н.Кохановской (Соханской), исповедовавшей славянофильские взгляды.

Известно, что Тургенев критически относился к славянофильскому учению. Как пишет известный тургеновед Н.П.Генералова, «...спор со славянофилами, в который вступил Тургенев ещё на заре своей литературной и общественной деятельности, в той или иной форме возобновлялся в переломные эпохи. В период важнейшей реформы 1861 года этот спор в очередной раз обострился <...> Этот спор не кажется нам завершённым и донныне <...>. Тургенев до конца жизни остался приверженцем петровских реформ, глубоко чтит личность выдающегося преобразователя, считая, что путь, избранный им, является единственно возможным для России. Он всю жизнь хранил верность идеям В.Г.Белинского, благословившего его на писательском поприще, и завещал похоронить себя рядом с ним»¹.

Писательница Надежда Степановна Соханская, известная под псевдонимом Н.Кохановская (1825-1884), родилась в небогатой дворянской семье Харьковской губернии. Отец её, кавалерийский офицер, рано умер, оставив жену и трёх детей в очень стеснённых обстоятельствах. Девяти лет Соханская была отдана в Харьковский институт благородных девиц, который окончила с шифром.

По окончании института, с 1840 года и до смерти ей суждено было прожить в родовом степном хуторе Макаровка Изюмского уезда Харьковской губернии. Духовные запросы молодой девушки, страстно любившей чтение и порывавшейся писать, встречали непонимание и удивление окружающих. Не было возможности даже приобрести бумагу, и первые её произведения сочинялись на оборотной стороне ротных донесений отца.

П.А.Плетнёв, издатель журнала «Современник», которому Соханская в 1846 году прислала свою первую повесть «Графиня Д.», сразу увидел в ней несомненный талант, вступил с нею в оживлённую переписку, которую вёл всю жизнь, и просил её рассказать о себе. Присланная ею автобиография – «блестящее литературное произведение, ярко рисующее институтский и помещичий быт и психологию одиночества», - привела Плетнёва в совершенный восторг, он давал её читать В.А.Жуковскому и императрице Марии Фёдоровне. Из-за интимности содержания автобиография была опубликована только 50 лет спустя в «Русском обозрении» (1896 год, №6-12). Соханская дебютировала в 1844 году повестью «Майор Смагин», опубликованной в журнале «Сын отечества». В 1850 году она стала сотрудничать в журнале «Современник». Только в 1862 году писательнице удалось выбраться в Петербург, где она встретила почётный приём, познакомилась лично с Плетнёвым, была представлена императрице.

Литературную известность Соханская приобретает, когда в журнале «Пантеон» в 1856 году была напечатана первая часть рассказа «Гайка», а в «Русском вестнике» в 1858 году – лучшая её вещь «После обеда в гостях».

Позднее появились в печати рассказы и повести «Из провинциальной галереи портретов» («Русский вестник», 1859, №5), «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» («День», 1862), «Старина», «Давняя встреча» (1862), «Рой-Феодосий Саввич на спокойе» («День», 1864), народная комедия «Слава Богу, что мужик лапотку сплёл» («Заря», 1871, №1) и др. При жизни Соханской отдельным изданием вышли «Повести» в 2-х частях (М., 1863), после её смерти, кроме автобиографии, - «После обеда в гостях» (СПб., 1885), «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (СПб., 1886), опубликованы «Сумеречные рассказы» и «Степная барышня сороковых годов» («Русь», 1885), а также обширная переписка её с Аксаковыми – в «Русском обозрении» и «Русском Архиве» в 1897 году. В повестях и рассказах Н.Кохановской в духе славянофильства изображён, главным образом, быт мелкопоместного дворянства и народа. В них сочеталось отличное знание жизни мелкого дворянства, стремление проникнуть в сложный внутренний мир простых людей, где она «сумела отыскать элементы истинной поэзии и высоких настроений» и одновременно аскетическая проповедь долготерпения, всепрощения,

невмешательства в общественную жизнь. Проповедь «смирения» была, видимо, связана с безвыездной жизнью писательницы в глухом захолустье и личными причинами – внутренней потребностью скрашивать нерадостное прозябание верой в необходимость страдания и уничтожения своей личности.

М.Е.Салтыков-Щедрин в статьях о повестях Кохановской, раскрывая противоречия её творчества, указал, что талант её «очень симпатичен, хотя её отношения к описываемой действительности односторонни», ибо автор «<...> верным инстинктом наметил нам те сердечные боли нашей общественной среды, которые служат для человека бесконечным источником мучительных и совершенно бесплодных тревог, но затем завершает свои произведения внутренним примирением, пришивает к ним «славянофильский водевиль»»².

И.С.Тургенев не мог не оценить блестящий реалистический талант Кохановской, её умение придавать жизнь и интерес самым обыденным вещам. В письмах Н.А.Некрасову от 17(29) сентября 1858 года, к А.В.Дружинину от 10(22) октября 1858 года Тургенев восторженно отозвался о повести Кохановской «После обеда в гостях»: «<...>вещь удивительная и не раз тронула меня, старика, до слёз. Толстой <...> того же мнения».

8(20) ноября 1860 года Тургенев обращается к Н.П.Огарёву с просьбой прислать ему повесть «Гайка», опубликованную в №4 журнала «Русское слово» за 1860 год. Однако в письмах к Н.В.Щербаню от 24 апреля (6 мая), 13(25) июня 1864 года писатель резко отрицательно отзываясь о повести Кохановской «Рой-Феодосий Саввич на спокое»: «Каждое слово «Роя» словно в мурмолке ходит, и потому всё впечатление тяжёлое. Всё это уж больно искусственно – хотя талант большой», «Её великая Почва («Рой-Феодосий Саввич на спокое» – Л.А.) будет служить образчиком славянотрудопёрдой галиматши».

Крайне иронический отзыв об этой повести Тургенев поместил в романе «Дым», вложив его в уста Потугина (глава XIV): «Я, сударь мой, такого мнения, - начал опять Потугин, - что <...> мы не одним только знанием, искусством, правом обязаны цивилизации, но что самое даже чувство красоты и поэзии развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации и что так называемые народное, наивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха. В самом Гомере уже заметны следы цивилизации утончённой и богатой.

Самая любовь облагораживает его. Славянофилы охотно повесили бы меня за подобную ересь, если бы они не были такими сердобольными существами; но я всё-таки настаиваю на своём – и сколько бы меня ни потчевали госпожой Кохановской и “Роем на спокое”, я этого triple extrait de moujik russe (тройного экстракта русского мужика – Л.А.) нюхать не стану, ибо не принадлежу к высшему обществу, которому от времени до времени необходимо нужно уверить себя, что оно не совсем офранцузилось, и для которого собственно и сочиняется эта литература cuire de Russie (из русской кожи). Попробуйте прочесть простолодину – настоящему – самые хлесткие, самые «народные» места из “Роя”: он подумает, что вы ему сообщаете новый заговор от лихоманки или запоя. Повторяю, без цивилизации нет и поэзии».

Неизменно отмечая большой талант Кохановской, Тургенев в письме И.П.Борисову от 15(27) марта 1870 года, анализируя 6-й том «Войны и мира» Л.Н.Толстого, тем не менее, приводит её как пример отрицательного воздействия на писателя предвзятых славянофильских взглядов: «Боюсь я, как бы славянофильство, к которому он, кажется, попал в руки, не испортило его прекрасный и поэтический талант, лишив его свободы воззрения – как оно уже испортило Кохановскую и других. Художник, который лишается способности видеть белое и чёрное – и направо и налево – тот уже стоит на краю гибели». Кохановская приняла участие (рассказ «Славянская кроха хлеба») в сборнике «Складчина», изданном в 1874 году в помощь пострадавшим от голода в Самарской губернии, вместе с Л.Н.Толстым, Ф.М.Достоевским, И.А.Гончаровым, А.Н.Островским, М.Е.Салтыковым-Щедриным, Н.А.Некрасовым и многими другими современными писателями и публицистами (Складчина: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. Спб., 1874).

Примечания.

1. Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений /Изд-е Русского Христианского Гуманитарного института. Санкт-Петербург, 2003. С.14;
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Повести Кохановской //ППС. М., 1937. Т.5. С.329.

ТУРГЕНЕВ И АКТРИСЫ ПАРИЖСКИХ ТЕАТРОВ (Э.Рашель, Л.Р.Аллан-Депрео, М.Дюма, С.Бернар)

Имя Рашель (настоящее имя и фамилия Элиза Рашель Феликс) – знаменитой французской трагической актрисы – впервые появилось у Тургенева на страницах его писем к Полине Виардо. Первое – в послании от 26 ноября 1847 года, когда он сообщил, что ещё не видел Рашель в трагедии Дельфины де Жирарден «Клеопатра», так как актриса была нездорова и не выступала на сцене. Но уже 1 декабря того же года в следующем письме к корреспондентке Тургенев приступил к серьёзному разбору трагедии, а также игры Рашель: «Вчера я смотрел «Клеопатру». Я перестаю понимать парижан. На мой взгляд, эта пьеса невыносимая, претенциозная, утомительная, лживая, крикливая <...> А между тем она имеет успех»¹. Тургенев иронизирует, говоря о достоинствах «Клеопатры»: «Она написана хорошими стихами; то там, то сям какие-то остроты, какие-то, якобы тонкие, замечания, какие-то вольности, какие-то любезности, – и это называется трагедией! <...> Слова *любовь, я люблю, ты любишь, меня любят, нет, меня не любят* повторяются беспрестанно и утомляют ужасно, потому что всё это фальшиво, претенциозно, холодно, как лёд. Все это идёт не от сердца и даже не от головы: перед вами всё время неуклюже вертится сороколетний синий чулок. Уверю вас, это противно. Костюмы у Рашель великолепные, она находит восхитительные позы, но она определенно сдаёт. В стихах нельзя было уловить ни слова»².

В очерке Тургенева «Человек в серых очках» (1879), в котором отразились события французской революции 1848 года, писатель воссоздал высокий трагический облик Рашель, ставшей символом революционной Франции: «Рашель пела своим гробовым голосом «Марсельезу» <...>, кутаясь в складках схваченного ею знамени, призывала граждан – «к оружию», «к пролитию нечистой крови!»»³.

Искусство актрисы в конце 40-х – начале 50-х годов весьма занимало Тургенева. В апреле 1850 года он делился своими впечатлениями с П.Виардо от виденной им Рашель в трагедии Ж.Расина «Андромаха»: «Вчера я впервые видел Рашель в «Андромаче». Эта

роль, исполненная ненависти и ревности, словно создана для неё. Её голосу, содрогавшемуся от бешенства и презрения, позавидовала бы и гиена. Жест, с которым она посылает Оресту свое последнее проклятие, великолепен... Она делает полуоборот, чтобы бросить его ему в лицо, подобно тому, как рыбак закидывает свою сеть – это очень выразительно и очень красиво. И все же её таланту не хватает многого: или, вернее, ей не хватает одного: сердца – и того подлинного благородства, которое исходит только из него. Ей свойственно лишь благородство *тела*, линий; вместо сердца у неё – старая монета в одно су <...> Ни один величавый или взволнованный звук не вылетел из этого, сведенного судорогой, продажного рта. Это натура абстрактная; неудивительно, что она хорошо себя чувствует только в старых французских трагедиях, которые, сколь они не прекрасны (вы знаете моё восхищение Расином и Корнелем), всего только абстракции. Гермiona – Ревность, Андромаха – Супружеская верность, и т.д., и т.д.»⁴.

Тургенев, восхищаясь пластическим искусством актрисы, поразительным, полным богатства оттенков и мощи голосом, всё же не находил очень важного качества в игре Рашель, идущего от сердца, одушевлённого чувством.

Несколько позднее в одном из трёх писем к М.С.Щепкину П.В.Анненков, который анализировал гастроли Рашель на сцене Михайловского театра в Петербурге, в последнем третьем письме от 10 января 1854 года высказал мысль, схожую с впечатлением Тургенева от игры французской актрисы, о том, сколь важен в актёрском искусстве звук сердца, что отсутствует в жизни Рашель на сцене. Он заметил: «Пред тёплым движением души, пред искрой внутреннего огня таяли как воск и распались в глазах зрителей богатства опытности, накопленные долгими годами и самые хитрые ссоры заслуженнейших актрис<...>»⁵.

Столь же важно это было и для М.С.Щепкина. Он писал П.В.Анненкову 20 февраля 1854 года о виденных им в Москве спектаклях Рашель: «Я не говорю о всех её спектаклях, потому что сказать нечего: одно и то же, везде хороша. Но в драмах ей именно тесно, и потом, как только дойдёт дело до какого-либо чувства, то лицо уничтожено, а является трагическая Рашель<...>»⁶.

Об этом же писал С.Т.Аксаков Тургеневу 22 декабря ст.ст. 1853 года: «Мне кажется, что Рашель есть улучшенная Жорж, в которой

было много искусства, много чудной пластики, много страсти – и ни капли чувства»⁷.

Память об искусстве актрисы сохранилась в русском обществе и отозвалась в творчестве Тургенева. Её имя возникло на страницах романа Тургенева «Новь», когда во время решительного, полного драматизма объяснения Марианны с Сипягиной – последняя излишне актёрствует – Марианна иронически замечает: «... знаете ли что, Валентина Михайловна? Говорят, даже Рашели в «Баязете» Рашина не удавалось это «Sortez!» (уйдите – фр.) – а уж вам подавно!»⁸.

В последней повести Тургенева «Клара Милич (После смерти)» Купфер, приглашая Аратова на литературно-музыкальное представление, восторгаясь необыкновенной девушкой, участвующей в нём, сравнивает её с Рашель и Виардо: «Мы ещё не знаем хорошенько: Рашель она или Виардо?.. потому что она и поет превосходно, и декламирует, и играет... Талант, братец ты мой, первоклассный! Без преувеличения говорю»⁹. Конечно, Клара Милич у Тургенева не обладает ни трагическим даром Рашель, ни вокальным талантом П.Виардо, но в отличие от них, умиравших и вновь возрождавшихся на театре, она с неумёмной трагической силой российской актрисы сыграла свою гибель *всерьёз* на сценических подмостках Казани.

В первом случае имя Рашель прозвучало в жёсткой иронической отповеди Марианны в «Нови», разрушая ложный пафос Сипягиной, а во втором как бы стало предвестием трагической участи Клары Милич.

В 1847 году, когда Тургенев в письмах П.Виардо уделял много внимания искусству Рашель, в одном из них возникло имя французской актрисы Луиз Розалии Аллан-Депрео, игра которой ему была памятна ещё по Петербургу. С 1837 года по первую половину 1847 она вместе с мужем играла на сцене Михайловского театра в его французской труппе, постепенно заняв в ней ведущее положение.

Сведения о знакомстве Тургенева с актрисой отсутствуют, но, возможно, он видел её на сцене Михайловского театра и, несомненно, слышал о ней, её успехе в комедии Альфреда де Мюссе «Каприз», где она играла блистательно мадам де Лери. Аллан обратилась к производству своего соотечественника после того, как в бенефис А.М.Каратыгиной в сезон 1837/1838 годов комедия была сыграна на сцене Александринского театра под названием «Женский ум лучше всяких дум». Теофиль Готье откликнулся на эту премьеру в одной



из своих статей: «Эта маленькая пьеса – целое литературное событие. Со времени Мариво во французской комедии не было ничего более изящного, тонкого, остроумного, чем этот прелестный шедевр, похороненный на страницах журнала и открытый русскими»¹⁰. Несколько позднее Аллан выступила на сцене Михайловского театра в комедии Мюссе «Каприз», вступив в состязание с Каратыгиной. А в ноябре 1847 года актриса сыграла в «Капризе» уже в Париже на сцене «Комеди Франсез». К тому времени Тургенев знал об отъезде четы Алланов из Петербурга. Об этом обмолвился В.Г.Белинский в письме к нему от 13 марта 1847 года. Сетуя на И.И.Панаева и Н.А.Некрасова за их небрежение к разделу «Смесь» в журнале «Современник», он писал: «Раз читаю фельетон «Пчелы» и вижу, что М-г и М-те Аланы дают свой последний прощальный бенефис. Спрашиваю Некрасова, распорядились ли они с Панаевым на этот счет, а они, мои милые, оба даже не знали о бенефисе: Панаев и театральные афиши получает для блеску только, чтоб видели другие, но не заглядывает в них»¹¹. Огорчение Белинского ещё раз позволяет почувствовать значение, какое имело актерское искусство Аллан для театральной жизни северной столицы.

Тургенев писал об игре артистки в «Капризе» на сцене «Комеди Франсез» П.Виардо 1 декабря 1847 года: ««Каприз» удался как нельзя лучше. Г-жа Аллан была в нём очаровательна, чуть педантична ...или, лучше сказать... её игра немного слишком сочная. Если вы не поняли меня (а это, заметим в скобках, доказало бы только, что я сам себя не понимаю), считайте, что я ничего не сказал»¹². Можно предположить, что Тургенев, размышляя об игре актрисы в комедии Мюссе, все же находил, что в ней не было особого богатства полутонов, зато проглядывало стремление к подчёркнутой эффектности.

Позднее, в письме от 19 декабря 1847 года к П.Виардо Тургенев ещё раз вспомнил о «Капризе», но уже думая о мощи и гениальности Кальдерона: «Мы, слабые потомки могучих предков, достигаем, в лучшем случае, умения быть изящными в своей слабости... Я думаю о «Капризе» Мюссе (который продолжает пользоваться здесь огромным успехом)»¹³.

В 1871 году в Лондоне Тургенев познакомился с французской актрисой театра Одеон Мари Дюма (Dumas), когда события франко-прусской войны 1870–1871 годов вынудили её перебраться из Парижа в столицу Великобритании. 17(29) февраля 1871 года, веро-

ятно, чтобы поддержать актрису и познакомить влиятельную часть английского общества с творчеством Дюма, П.Виардо и Тургенев в доме Виардо на Devonshire Place устроили вечер актрисы, на котором присутствовали: писатель, историк, философ Дж.Г.Льюис, поэт Р.Браунинг, литератор и переводчик В.Рольстон, Р.Милнс (лорд Хаутон) и др.¹⁴ Через год, когда актриса собралась отправиться в Петербург во время великого поста, чтобы играть в концертах, Тургенев рекомендовал её П.В.Анненкову: «Она восхитительно декламирует – а также совершенно замечательно играет шуточные пьески, маленькие салонные комедии и пр. Я уверен в том, что она вызовет сенсацию в Петербурге – в эту пору, когда театры там бездействуют. Помогите ей Вашими советами и подскажите, как взяться за дело <...> Укажите ей, к кому нужно обратиться, чтобы выступить в концерте»¹⁵ и тут же добавлял: «P.S. Сообщите м-ль Д<юма> адреса графа Соллогуба и Суворина»¹⁶. Очевидно, Тургенев дал Дюма рекомендательные письма к графу и журналисту. Суворин благожелательно откликнулся на выступления артистки в одном из своих фельетонов¹⁷.

2(14) марта 1872 года, благодаря Анненкова за ласковый приём Дюма в Петербурге, Тургенев так характеризовал актрису: «Она бой-девка, в душе, полагаю, великая ерница – но не глупа и не без таланта. Быть может, она в Петербурге соберет кой-какие гроши»¹⁸.

Дюма во время успешных выступлений в Петербурге завязала дружеские отношения и вовлекла в орбиту своих интересов графа Соллогуба. В конце 1876 года он даже хлопотал о постановке для актрисы комедии Тургенева «Провинциалка» в театре Одеон. Тургенев воспринял эту затею отрицательно. Он писал В.А.Соллогубу 3(15) января 1877 года: «Для французов «Провинциалка» явится плоховатой копией с их оригиналов (что она и есть) – да и какой я драматический писатель – помилосердуйте! Я полагаю, лучше всего предоставить девицу Marie Dumas собственному течению»¹⁹. Тургенев очень болезненно относился к возобновлению своих драматических произведений на театральной сцене. К тому же французы могли соотнести отзвуки диалога графа Любина с Дарьей Ивановной со словесным поединком графа и маркизы в пьесе А.Мюссе «Нужно, чтобы дверь была отворена, либо затворена». Да и не особенно Тургенев верил в понимание французскими актёрами русской действительности, а также в актёрские возможности Дюма.

В своё время, скорее всего это и произошло осенью 1876 года, Дюма со свойственной ей энергией «задумала давать музыкально-драматические «*matinées*» – утренние представления – для ознакомления парижан с произведениями различных национальностей. Дошёл черёд и до русского утра»²⁰. Е.А.Бларамберг в своих воспоминаниях описала поведение Тургенева на этом представлении: «Мари Дюма прислала г-же Виардо ложу. Программа состояла из первого действия «Русалки» Пушкина, сцен из «Каменного гостя» его же (Дон Жуан и Донна Анна) и вокально-оркестровой части. Драматическому отделению предшествовала лекция (*conférence*) о русской литературе. Лектор начал прямо с Жуковского, остановился несколько дольше на Пушкине и перешёл к новейшей литературе, «знаменитейшего представителя которой, – закончил он, – мы имеем честь видеть в стенах этого зала».

С этими словами лектор обернулся с поклоном к нашей ложе, где позади дам сидел Тургенев. Публика встала; раздались дружные аплодисменты, Тургенев вынужден был тоже встать и раскланяться. Аплодисменты продолжались довольно долго, и довольно долго Тургенев не садился и поклонами благодарил публику.

Наконец все успокоилось. Занавес поднялся. Казалось бы, после такой овации другой, менее непосредственный человек отнёсся бы или, по крайней мере, пытался бы отнестись снисходительно к исполнению, но Тургенев не допускал искажения произведений того, кого считал он светочем России, русского народа, русской литературы... А исполнение «Русалки» было жалкое... особенно комическую фигуру представлял Князь – жиденский французик в каком-то шутовском костюме, не то кучерском, не то цыганском, с его забавным размахиванием рук и непрерывным стряхиванием головы... Мы с трудом удерживались от смеха. Тургенев не смеялся. Сжимая кулаки, он, не стесняясь, громкими резкими восклицаниями выражал негодование и, только уступая нашим просьбам, согласился... не замолчать, а выйти из ложи»²¹. Но после этого более имя Мари Дюма в письмах Тургенева не упоминалось.

Сочетание двух имен в письмах к П.Виардо в конце 40-х годов XIX века в Париже – Элизы Рашель и Луиз Розали Аллан – кажется странным. Но великая трагическая актриса Рашель и блестящая актриса салонной драмы Аллан стали для писателя частью театральной панорамы Парижа, занимавшей писателя, критически осмысливаемой им, дававшей ему более глубокое знание театра, его разноо-

бразия. В Тургеневе отсутствовало пренебрежительное отношение к высоким или низким жанрам театрального искусства. Для него главным всегда было проявление таланта в любом из них. Отсюда его живое участие в судьбе Мари Дюма: в ней он видел артистическую одарённость, естественность и живость в немудрёных сценках и в декламации. Но он всегда жёстко и резко протестовал против профанации искусства, особенно проявившейся в небрежной постановке пушкинской «Русалки».

Необычайное раздражение и неприятие просматриваются в письмах Тургенева, посвящённых гастролям в России знаменитой французской драматической актрисы Сары Бернар. Это не только касается творчества актрисы, но и ажиотажного интереса к ней русской публики. Он резко отрицательно воспринимал «искусство представления» актрисы, лишённое, как считал Тургенев, одухотворённого мастерства. Он наиболее полно и резко высказался об этом в письме к В.В.Стасову: «Мнение моё о статьях г.Суворина по поводу Сарры Бернар я высказал в частном письме к Григоровичу – и, конечно, не мог ожидать, что оно станет публично известным; сожалею об этом. Но я не привык отказываться от своих мнений даже тогда, когда, высказанные в дружеской, частной беседе, они, против моей воли, становятся гласными. Да, я нахожу оценку Сарры Бернар, сделанную г.Сувориным, совершенно верной и справедливой. Это женщина умная, ловкая, знающая свой *métier* (ремесло – франц.) до тонкости, одарённая прелестным голосом, с хорошей школой – но безо всякой природы, без темперамента художественного (который она старается заменить парижской похотливостью), вся прогнившая шиком (*rougie de chic* – фр.), рекламой и позой, однообразная, холодная, сухая – словом, без искры того, что называется талантом в высшем смысле»²².

Ко всему прочему ощущается в письмах Тургенева и обида писателя за русское театральное искусство, давшее плеяду блистательных актёров, которым нынешняя публика предпочла ремесленное искусство. Любопытно, что юный А.П.Чехов в своем фельетоне «Опять о Саре Бернар» во многом был солидарен с Тургеневым в оценке поведения российской публики, а, главное, игры актрисы: «Каждый вздох Сары Бернар, её слёзы, её предсмертные конвульсии, вся её игра – есть не что иное, как безукоризненно и умно изученный урок <...> Каждый шаг её – глубоко обдуманый, сто раз подчёркнутый фокус»²³. Но он же отметил, что в игре Бернар «про-

свечивает не талант, а гигантский, могучий труд<...>²⁴. Последнего, по мнению Чехова, не хватало русским актёрам. Это мнение вполне разделял и Тургенев.

Но ни техническое совершенство, ни голос, и даже огромный труд, не могли примирить Тургенева с сопутствовавшей Саре Бернар рекламной кампанией, с отсутствием в её игре настоящего чувства. Он писал Ж.А.Полонской 24 ноября (6 декабря) 1881 года: «Не могу Вам сказать, как меня сердят все совершаемые безумства по поводу Сарры Бернар, этой наглой и исковерканной пуфистки, этой бездарности, у которой только и есть, что прелестный голос»²⁵.

Примечания.

1. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.1. С.371.
2. Там же. С.371.
3. Тургенев И.С. ПССиП (2). Соч. Т.11. С.115–116.
4. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.2. С.330.
5. Анненков П.В. Письмо к М.С.Щепкину от 10 января 1854 г. // М.С.Щепкин. Жизнь и творчество: В 2-х т. М., 1984. Т.1. С.357.
6. Щепкин М.С. Письмо П.В.Анненкову от 20 февраля 1854 г. // М.С.Щепкин. Жизнь и творчество: В 2-х т. М., 1984. Т.1. С.229.
7. Русское обозрение. 1894. №11. С.9.
8. Тургенев И.С. ПССиП (2). Соч. Т.9. С.299.
9. Там же. Т.10. С.73.
10. Цит. по: Трескунов М. Альфред де Мюссе // Мюссе А. де. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1957. Т.1. С.23.
11. Переписка И.С.Тургенева: В 2-х т. М., 1986. Т.1. С.80.
12. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.1. С.371.
13. Там же. С.377.
14. Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1871–1875). СПб., 1998. С.28.
15. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.11. С.369.
16. Там же. С.369.
17. СПб. ведомости. 1872. №57. 26 февраля (9 марта). Недельные очерки и картинки; подпись – Незнакомец.
18. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.11 С.220.
19. Тургенев И.С. ПССиП (1). Письма. Т.12(1) С.56.
20. Ардов Е.(Апрелева). Из воспоминаний об И.С.Тургеневе // И.С.Тургенев в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т.2. М., 1983. С.183.
21. Там же. С.183.

22. Тургенев И.С. ПССиП (1). Письма. Т.13(1) . С.186.
23. Чехов А.П. Опять о Саре Бернар //Чехов А.П. ПССиП: В 30-ти т. Соч. Т.16. 1881–1902. М.,1979. С.15,17.
24. Там же. С.17.
25. Тургенев И.С. ПССиП (1). Письма. Т.13(1). С.151.

Т.К.Слуцкая
г. Брянск

ПЛЕМЯННИК ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Алексей Николаевич Тургенев (1861 или 1862-1906) приходился великому русскому писателю двоюродным племянником. В свое время тому пришлось заниматься судьбой своих двоюродных братьев Николая и Михаила, которые после разорения отца, родного дяди Ивана Сергеевича Тургенева, Алексея Николаевича, были устроены им на учёбу в одно из благотворительных московских учебных заведений – Институт восточных языков Лазарева.

У Николая Алексеевича Тургенева было трое детей: Сергей, Алексей и Ольга (в замужестве Никольская). Сын Алексей родился, по разным данным, в 1861 или 1862 году. Он окончил юридический факультет Московского университета и служил присяжным поверенным Московского окружного суда.

Как и вся демократически настроенная молодежь, юный Алексей Тургенев был полон критического отношения к существующему строю, состоял в различных кружках общественно-политического толка, поддерживал отношения со многими передовыми людьми своего времени.

В 1881 году, в последний приезд И.С.Тургенева в Россию, студент Алексей Тургенев был последним из отцовского рода писателя, кто гостил у него в Спасском. Об этом оставил воспоминания Евгений Гаршин, брат писателя Всеволода Гаршина, гостивший вместе с ним у Ивана Сергеевича Тургенева.

Рассказывая о возникшем споре о личности и творчестве Ф.М.Достоевского, Е.Гаршин пишет, что затеял его Алексей Николаевич, «юноша искренний, прямой, не стеснявшийся откровенно высказывать охватившее тогда чуть не всю молодежь увлечение Достоевским, доходившее до самозабвения». Но Иван Сергеевич,

близко знавший кумира молодежи, «набросавши весьма несимпатичный образ покойного писателя», сумел развенчать его в глазах племянника и его друзей.

Женился Алексей Николаевич на племяннице известного революционера, теоретика анархизма и идеолога народничества М.А.Бакунина (1814-1876) Софье Николаевне Бакуниной. Её отца, Николая Александровича, четырьмя годами моложе знаменитого брата, В.Г.Белинский охарактеризовал после первой встречи с ним так: «Брат Мишеля, Николай,- славный малый: глубокая и здоровая натура, и прекрасная непосредственность». И все последующие годы дружбы с ним не уставал восхищаться его «глубоким чувством изящного», «прекраснодушием», разносторонностью его интересов и еще десятком других добродетелей: девственностью, кротостью, любовью, задушевностью, скромностью – в сочетании с мужественным духом, силой, гордостью, жадной жизни и кипучей деятельности, которые он находил в молодом офицере, выросшем в большой, незаурядной семье, игнорирующей все условности привычного дворянского быта и смело ломавшей его устои и в любви, и в дружбе, и в понятии служения Отечеству.

10 октября 1843 года Николай Александрович Бакунин женился на Анне Петровне Ушаковой, и их младшая дочь Софья унаследовала все свободомыслие бакунинского рода. Став женой Алексея Николаевича Тургенева, она родила ему трех прелестных дочерей: Наталию – в 1886 году, Анну – в 1890 году и Татьяну – в 1896 году. Став женами известных людей и в силу собственной незаурядности, они вошли в историю русской литературы, философии, искусства.

Борис Николаевич Бугаев, зять Тургеневых, впоследствии в своих мемуарах описал свою тещу Софью Николаевну так: «...передо мною вырастает фигура сухой, худощавой, не то моложавой, не то летами почтенной, не то некрасивой, не то интересной дамы с короткими, полуседыми подстриженными волосами, затянутой во все черное, пристальными глазами она, расширяясь на вас, как будто вас пьет и на слова отвечает понимающей, грациозной улыбкой, со встряхом волос и стреляет дымком папироски; головной черный берет от этого встряха свисает на ухо». Андрею Белому его теща очень нравилась. С другом С.М.Соловьевым они называли ее «старым ангелом»: «...в ней была смесь аристократизма с нигилизмом; её кровь прорабатывала анархиста «Мишеля» Бакунина, его брата розенкрейцера Павла, Муравьева-Апостола, Муравьева-вешателя,

Муравьева-Амурского и Чернышевых, потомков Петра Великого, ее предков».

Семейная жизнь Алексея Николаевича и Софьи Николаевны была недолгой. После развода девочки остались жить в Москве с отцом, а мать вышла замуж за лесничего Кампиони и уехала жить с ним в глухие места под Луцком на Волыни, взяв с собой сына Михаила.

Дочери очень любили отца и долго не могли простить матери предательства, хотя и гостили у нее и отчима в их маленьком лесном домике почти каждое лето. В воспитании дочерей Алексею Николаевичу помогали все его знакомые и друзья.

Двоюродная тетка девочек Мария Алексеевна Оленина, по мужу баронесса д'Альгейм, в 1902 году, вернувшись из-за границы, поселилась вместе с мужем напротив Тургеневых на Большой Дмитровке, так что девочки, перебежав дорогу, оказывались в гостеприимном доме, ставшем в Москве средоточием французских вкусов и пристрастий дворянской Москвы в это уже дышавшее революционным воздухом время. Имя Альгеймов скоро громко звучало на всех музыкальных площадках Москвы. В 1903 году С.И.Танеев, посылая контрамарку на концерт Масловым, писал в записке: «Варвара Ивановна! Не хотите ли Вы с Федором Ивановичем послушать вечер романсов, где участвует французская певица Д'Альгейм, Собинов и другие?». На что та отвечала: «Я так устала, что не была бы в состоянии слушать даже Никиша... Правда, Д'Альгейм-Оленина никто иной, как хорошенькая Маруся Оленина, кузина Сергея Николаевича Тургенева...»

Оленины, потомки первого президента Академии художеств, приходились через Бакуниных Тургеневым кузенами. И Мария, и Петр, и Александр Оленины сказали в развитии русского музыкального искусства свое слово, став выдающимися деятелями музыкальной культуры.

Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм прожила очень яркую жизнь длиной в 101 год. Она родилась в 1869 году в с.Истомино Рязанской губернии. Обладая редким по красоте голосом меццо-сопрано, училась петь в Петербурге и Париже у известных вокалистов. Её дебют как камерной певицы состоялся в 1896 году в Париже. Там же она вышла замуж за барона Пьера д'Альгейма, который стал для неё мужем, другом, антрепренером, концертмейстером и вдохновителем всех её программ. Вернувшись в Россию, Ма-

рия Алексеевна выступила в Кружке любителей русской музыки Керзиных, а в 1908 году вместе с мужем и певицей А.В.Тарасевич (урожденной Стейнбок-Фермор) создала в Москве Дом песни. В нем для всех ее почитателей до самой революции звучал её чудный голос, исполнявший лучшие песни и романсы как композиторов Новой русской музыкальной школы, так и зарубежных авторов на языке оригинала. Неповторимая исполнительская манера, огромная просветительская деятельность в целях пропаганды камерной вокальной музыки сделали её необычайно популярной в России. С 1918 года она жила с мужем во Франции, но в 1926 году гастролировала в Ленинграде и Москве. Была членом Французской коммунистической партии. В 1959 году вернулась в Россию, где оставалась до самой своей смерти в 1970 году активной и преданной пропагандисткой музыки.

Масловы были прекрасно знакомы со всеми Тургеневыми. Как известно, родной дядя И.С.Тургенева и двоюродный дед Алексея Николаевича Николай Николаевич Тургенев был их соседом по имению в Карачевском уезде Орловской губернии. Им принадлежали деревни Юшково и Тургеневка.

Тургеневка находилась всего в нескольких километрах от Селища, недалеко от большого села Соколово, и впоследствии вошла в состав Навлинского района. До 60-х годов двадцатого столетия эта принадлежавшая когда-то разорившейся ветви рода Тургеневых деревушка еще значилась на карте России.

Впервые Алексей Николаевич Тургенев приехал в Селище двадцатилетним студентом в 1882 году. Он сразу же стал активным членом всех масловских времяпрепровождений, особенно увлеченно участвуя в редакции журнала «Захолустье».

20 августа 1884 года С.И.Танеев в письме к Варваре Ивановне Масловой писал в Селище, сидя в московской квартире Масловых: «Фёдор Иванович пришел домой. Слышу звонок. Пришли Тургенев и Коко» (Н.Е.Мотовилов).

31 октября 1884 года Сергей Иванович Танеев писал Анне Ивановне Масловой в Селище из Москвы: «Раз мы имели обед редакции «Захолустья», произошедший 12 октября. Участвовали: на прошлом обеде были Фёдор Иванович, Маковский, Тургенев и я. На следующий обед приглашено кроме того участие Философа и Антоши <...> К Тургеневу приехала сестра, вследствие чего его не было видно. Раз мы были с Тургеневым и Антошей в мастерской Маковского...»

Эти строки из письма молодого композитора о совместных занятиях говорят о духовной близости людей, разных по возрасту – Ф.И.Маслову и В.И.Танееву – по 44 года, В.Е.Маковскому – 38, С.И.Танееву – 28 лет, А.С.Аренскому и А.Н.Тургеневу – по 23 года, – но так комфортно чувствующих себя вместе в своем мире творческой фантазии, искусства, музыки, желания оторваться от скучного быта, жить по воле своего ума и таланта.

В начале двадцатого века Сергей Иванович Танеев работал над десятью романсами в сопровождении фортепиано. Некоторые из них были написаны ещё в милые сердцу «захолустинские» времена – он их только доработал, а некоторые написал заново. Все они посвящены самым близким его друзьям. Среди них один – «Блаженных снов ушла звезда» (на слова Шелли в переводе Бальмонта) – давнему другу и единомышленнику Алексею Николаевичу Тургеневу. Тот очень любил музыку, поэтому все свои изданные произведения Танеев непременно дарил ему. 4 февраля 1904 года С.И.Танеев записал в дневнике: «Получил 2 хора, где мою фамилию написали с двумя «ф» на конце. Отнес хоры – Масловым, 1 экземпляр Тургеневу, его же просил отвезти Софье Андреевне в Ясную Поляну, куда он заедет с дочерью».

В ноябре он передал Алексею Николаевичу романсы, среди которых и посвященный ему, а 15 января 1906 года этот романс впервые был исполнен на 61-м утре керзинского «Кружка любителей русской музыки» в исполнении Назария Григорьевича Райского.

В 1905 году, в эпоху творческих метаний, душевных неурядиц и революционной неразберихи Андрей Белый писал: «Просвет последних дней – концерты Олениной-д'Альгейм и дружеские беседы за чаем в гостиной д'Альгеймов, где интересно слушались: эстетствующая Варя Рукавишникова, сестра поэта, гологоловый, потерявший волосы брат Николая Бердяева Л.А.Тарасевич, бактериолог, лишенный кафедры за левизну, его «левая» жена, её сестра кн.Кудашева, её брат Стенбок-Фермор, привлекали и родственники певицы Тургеневы...»

Алексей Николаевич Тургенев сошелся во взглядах, а затем и женился на Варваре Рукавишниковой. Она была дочерью нижегородского миллионера, сестрой известного поэта и писателя, создателя Дворца поэзии Ивана Сергеевича Рукавишникова. Оба: и сестра, и брат – увлеклись революционными идеями и покинули родительский дом.

По словам того же Андрея Белого, в Алексее Николаевиче Тургеневе «выиграли предки-декабристы: он произнес на сельскохозяйственном съезде эсерскую речь; полиция точила на него зубы; скоро в его квартире стали готовить бомбы, которые как раз в фартуке протащили мимо шпииков нянюшка Ариша и третья дочурка Таня; Тургенев умер от разрыва сердца, спасшего его от каторги; полиция, явившаяся его арестовывать, наткнулась на прах».

В доме Масловых весь январь 1905 года антиправительственная деятельность Алексея Николаевича вызвала живой интерес. В дневниках С.И.Танеева есть описание этих событий:

«Январь, 22.

Заходил Фёдор Иванович. Рассказывал, что под председательством Алексея Николаевича Тургенева экономическое общество сделало постановление, очень резко порицающее действия правительства. Постановили даже разослать по волостным правлениям.

Январь, 30.

В 10-м часу был у Масловых. Читал привезенную Софьей Андреевной маленькую заметку Льва Николаевича по поводу войны и требования контрибуции. Была Софья Андреевна (Толстая) и А.Н.Тургенев, рассказывающий о том, как он председательствовал с с/х обществе, высказывавшем резкое порицание правительству. С завтрашнего дня это постановление, не подписанное председателем Глебовым, будет печататься на мимиографе, если Глебов этому не воспрепятствует. Рассылку его общество поручило Тургеневу. Если легально нельзя этого сделать, Тургенев прибегнет к содействию типографии, предлагавшей свои услуги.

И все последующие дни в масловском обществе обсуждался революционный кризис в стране, военные события на востоке и тургеневское антиправительственное выступление. Никто не отговаривал его от распространения постановления, прекрасно понимая, какие последствия это может иметь.

Алексей Николаевич Тургенев умер в июне 1906 года. В письме к С.И.Танееву из Селища Анна Ивановна Маслова горестно восклицала: «А знаете ли Вы, что Тургенев умер?»

Для всех них уход из жизни еще одного давнего друга, завсегда-тая и участника всех их музыкально-художественных проектов, политического единомышленника, разделявшего всю боль и чаяния за судьбу России, верного товарища на протяжении двадцатипятилетней дружбы, был невосполнимой утратой.



Дочери Алексея Николаевича тяжело пережили смерть любимого отца: Наташе было 20 лет, Анне, или, как все её называли, Асе – 16, а младшей Татьяне – 10. По свидетельству того же Андрея Белого, они, отмеченные «остротою тонкого вкуса и наследственного бунтарства... эпатировали «буржуа»; они оставили свой заметный след в сердцах, мыслях и произведениях творцов серебряного века.

Старшая, Наталия (1886-1942), вышла замуж за юриста и редактора московского журнала «Северное сияние» Александра Михайловича Поццо, родила дочь Марию. Младшая, Татьяна (1896-1966) стала женой известного поэта, прозаика, переводчика, религиозного публициста, внука ректора Московского университета академика С.М.Соловьева, полного тезку деда, Сергея Михайловича Соловьева.

Самой известной была средняя – Ася (1890-1966), не раз бывавшая в гостях у Масловых.

В дневниках С.И.Танеева за 1904 год есть записи:

«Февраль, 2.Понедельник.

Пошел к Масловым. Встретил Асю Тургеневу – хорошенькую девочку лет 14. Алексей Николаевич здесь, только что говорил речь в защиту крестьян, поранивших кн.Гагарина. Их принудили к 2 годам тюремного заключения.

Февраль, 3.Вторник.

В 3-ем часу у Масловых. Много гостей: Тургенев Алексей Николаевич с дочкой и племянницей и молодой человек Алексей Сергеевич Левицкий, Елизавета Владимировна Аренская с Павлушей, Ласковские, Эртели (Мария Александровна и Михаил Александрович и т.д.), Кашкины, Амболевская. Разговор о философии – Тургенев, Павлуша и я».

Ася Тургенева была художницей, училась гравюре у Данса в Брюсселе. Ею искренне восхищалась Марина Цветаева: «Асю Тургеневу я впервые увидела в (издательстве) «Мусагет»... Пряменькая, с от природы занесенной головкой в обрамлении гравюрных ламартиновских *anglaises* (локонов) с вечно дымящейся из точеных пальцев папироской... Красивее ее рук не видала. Кудри и шейка и руки – вся она была с английской гравюры, и сама была гравер и уже сделала обложку для книги стихов Эллиса «Stigmata» с каким-то храмом... Прелесть ее была в этой смеси мужских, юношеских повадок, я бы даже сказала – мужской деловитости, с крайней лиричностью, девичеством, девчоночеством черт и очертаний».

В 1910 году Ася Тургенева стала женой Андрея Белого, наотрез отказавшись венчаться церковным браком, что вызвало потрясение их близких и пересуды во всех гостиных консервативной дворянской Москвы. В 1911 году они путешествовали по Египту, Тунису, Палестине; их путешествия нашли отражение в «Путевых заметках» Андрея Белого.

Их брак был недолгим, скорее, не брак, а дружба, спасшая обоих от душевного одиночества, но имевшая свой облик в творчестве каждого (портрет А.Белого, нарисованный Асей в 1909 году, образ Кати Гуголевой в романе «Серебряный голубь», сборник стихов «Королевна» и страниц-воспоминаний Б.Н. в его трехтомных мемуарах).

Масловы очень любили Асю Тургеневу, как и двух её сестер. В отношениях с Андреем Белым они всегда были на её стороне, что, конечно же, вызывало всегдашнее недовольство излишне экзальтированного поэта. Но не ценить его ум, его творческие способности они тоже не могли. Так и закончилось это первое десятилетие двадцатого века: извечный спор между незаурядной личностью и примитивизмом чувственного восприятия толпы, между стремлением к созиданию и жадной разрушения был ещё не разрешен – всё это было впереди.

Примечания.

1. Бажанов Н. Танеев. М: Молодая гвардия, 1971. С.43-44.
2. Белинский В.Г. Собрание сочинений. Т.9. М: Художественная литература, 1975. С.179.
3. Белый А. Солнце. М: Детская литература, 1992. С.217-222.
4. Белый А. Начало века. М: Художественная литература, 1990. С.405-406.
5. Белый А. Между двух революций. М: Художественная литература, 1990. С.52, 199, 323, 423.
6. Валентинов (Вольский) Н.В. Встречи с Андреем Белым //Наука и жизнь. 1956. №45 С.181-194.
7. Валентинов Н.В. Два года с символистами. С.11-31.
8. Громов В.А. «Новь». О заглавии, эпиграфе и некоторых реальных источниках романа //Тургеневский сборник. Вып.5. Л., 1969. С.313-318.
9. Жданов В.А. (ред.) П.И.Чайковский. С. И.Танеев. Письма. М., 1951.
10. Слуцкая Т.К. «Очень хочется в Селище...» (Танеев и семья Масловых) // Фетисова Е. В. (ред.) Новое о Танееве. М., 2007. С.57-69.
11. Танеев С.И. Дневники в трех книгах. Кн. 3-я. 1894-1909. М: Музыка, 1985. С.112, 114, 211, 214, 222, 237, 273, 276.

12. Танеев С.И. Материалы и документы. Т.1. Переписка и воспоминания. М: Изд-во АН СССР, 1952.
13. Туманов А. «Она и музыка, и слово...»: Жизнь и творчество М.А. Олениной-д`Альгейм. М: Музыка, 1995.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 28т. Письма. Т.12/ (I). Л., 1961-68. С.72
15. Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7-х т. //«Пленный дух» (Моя встреча с Андреем Белым). М: Эллис Лак, 1994.
16. Чернопятов В.И. Некрополь нескольких мест Кавказа. М.,1913.

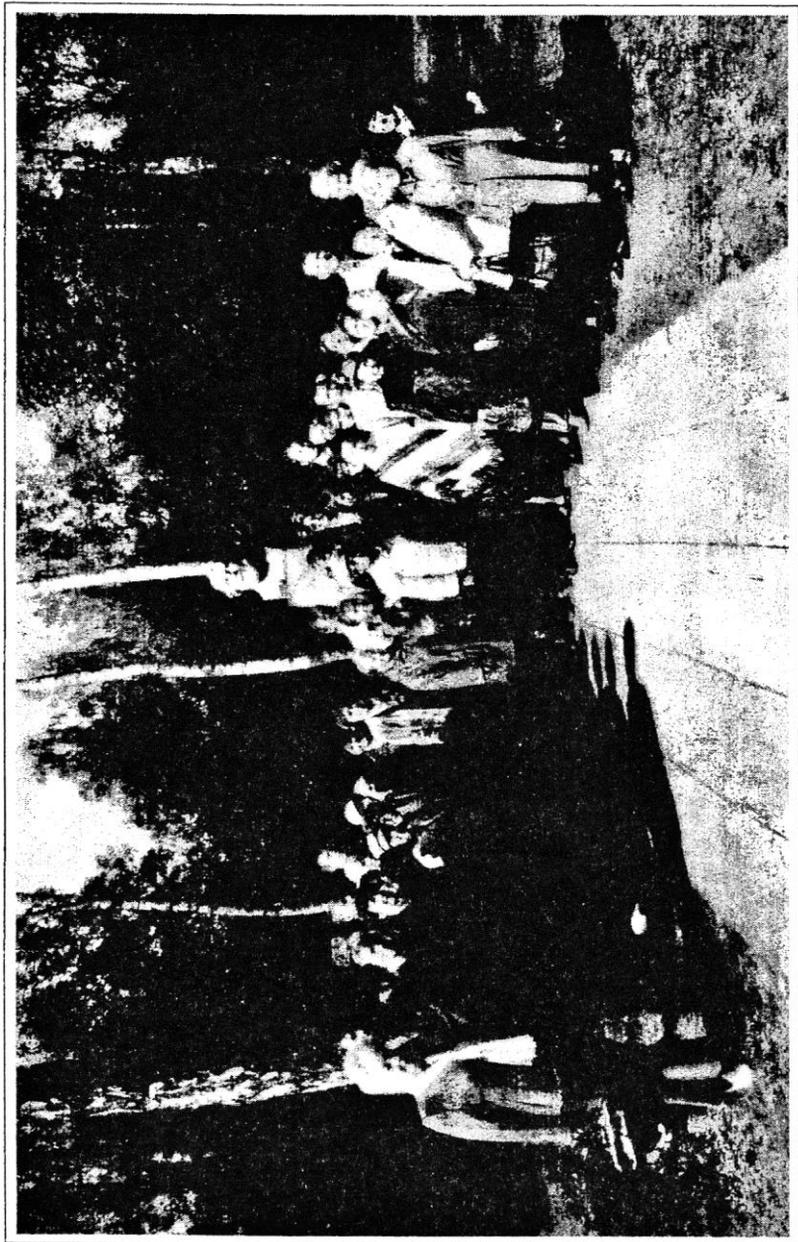




III.

*По Штурганевским
местам*





Тургеневское общество на Дворянском гнезде в День памяти Тургенева 3 сентября 2010 года

**СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА –
«ДОМА ЛИЗЫ КАЛИТИНОЙ»
НА ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ В ОРЛЕ**

На северо-западной окраине г. Орла на левом крутом берегу р. Орлика (ул. Октябрьская, 1) находится деревянный дом и усадебный сад, которые легенда связывает с образом городской дворянской усадьбы, выведенной И. С. Тургеневым в его известном романе «Дворянская гнездо», законченном писателем в 1858 году.

Орловский краевед Г. Пясецкий считал, что на этом месте первоначально находился лес. В 1779 году был утвержден регулярный план г. Орла. В соответствии с ним здесь начиналась улица Верхняя Дворянская (Верхне-Дворянская, 3-я Дворянская, Дворянская), зафиксированная на планах г. Орла 1842-1860 годов.

Однако вероятно первые постройки здесь появились еще в начале XIX века. В тот период сложился своеобразный тип городской дворянской усадьбы. Она включала, как правило, деревянный дом-особняк, двор со службами и сад. В Орле такие усадьбы располагались на свободных территориях верхней части города и на его окраинах, к которым и принадлежала оконечность Верхней Дворянской улицы. Однако пожары 1850-х годов разрушили здесь первые постройки. Так случилось и с домом, располагавшемся на участке, принадлежавшем А. К. Соколовой, как раз на месте нынешнего дома №1 по ул. Октябрьской. До сих пор заметен слой горелой земли, покрывающий легкую щебеночно-песчаную отмостку у фундамента существующего здания.

Видимо новое строение было возведено на старых фундаментах. 16 марта 1855 года создается проект нового здания по заказу полковницы М. И. Оберг. В июне составляется дополнительный проект Губернским архитектором И. П. Лутохиным на пристройку к строившемуся дому. Вероятно, уже к зиме дом был построен.

Он представлял из себя деревянное здание с декором классицизма (ныне частично утраченном и заштукатуренном). На симметричном фасаде с большими прямоугольными окнами, находились классицистические карниз и пилястры. Имелся парадный вход с улицы и хозяйственные - со двора, а также выход в сад. Дверь со двора вела в сени. Парадный вход приводил в светлый вестибюль. Внутренний

продольный коридор объединял группу жилых комнат и вел к выходу в сад. В набор помещений также входили: зала с 6 окнами, гостиная, столовая с буфетом и печью, спальни и лакейская. Со стороны сада к дому примыкала уютная остекленная веранда.

В проекте уже обозначен обширный квадратный двор с постройками и большой пейзажный сад с липовыми аллеями, спускавшийся к обрывам реки и оврага. На 1 листе сохранившегося проекта 1855 года имеются видовая площадка и беседка, предусмотрены цветники. Среди дворовых построек: флигель со службами и кухней, конюшня на 5 станков и каретные сараи. Усадьба была ограждена деревянным забором с воротами и двумя калитками.

В последующие годы, когда владельцами усадьбы были: Остен-Сакен, Шведова, семья А.В.Сафонова, а с 1889 года - семья Гермут, к ней делались пристройки. В том числе был построен двухэтажный флигель. Но общие очертания дома не менялись до 1903 года.

Предание связывало этот последний дом над р. Орлик с реальной жительницей Орла, ставшей прообразом тургеневской героини. Тем более, что сохранившееся здание – одноэтажное с улицы и двухэтажное со двора, из окон которого до сих пор можно видеть окрестные поля, разительно напоминало усадьбу, нарисованную классиком. Тургеневскому описанию соответствует и сад, одной стороной выходящий «прямо в поле за город». Черты героини романа - Лизы Калитиной, видели во многих прототипах - Елизавете Шаховой, Варваре Соковниной (в монашестве Серафиме), Александре Соколовой (в монашестве Антонии) и Евдокии Коротневой (схимонахини Макарии). Два последние имени реально связаны с усадьбой на Дворянском гнезде. Кроме того, по утверждениям старожилов здесь же, рядом, на окраине губернского Орла стоял дом с «мезонином и маленьким балкончиком», обитатель которого стал прообразом музыканта Лемма из того же романа.

Исследователь Н. Чернов не исключал, что название «Дворянское гнездо» применительно к этому месту возникло ещё до написания И.С.Тургеневым его знаменитого романа.

Н.С.Лесков также отмечал, что в нашем краю исстари дворянскими гнездами называли места, на которых «раскинулось множество привольных помещичьих усадеб».

В то же время, хотя название романа «Дворянское гнездо» И.С.Тургенев находил не совсем точным, поскольку, по его словам, оно было «выбрано» первым издателем романа, но это словосочета-

ние ранее уже употреблялось самим писателем в рассказе из «Записок охотника» - «Мой сосед Радилов», в котором он говорил об обустроенном прадедами «под жительство» участке земли, где сажался «фруктовый сад с липовыми аллеями».

Из архивных документов явствует, что в существующем деревянном доме на Верхне-Дворянской улице, который с 1859-го до середины 80-х годов принадлежал Африкану Васильевичу Сафонову, «известному в губернии деятелю крестьянской реформы», И.С.Тургенев действительно бывал, встречаясь с его владельцем, «своим старинным приятелем», в конце 1870-х годов.

Овеянный романтическим духом тургеневской прозы, этот уголок города издавна привлекал к себе внимание приезжих и жителей города. Об орловских истоках романа знал еще А.А.Фет. Этот уголок запечатлен в произведениях Н.С.Лескова, И.А.Бунина, Л.Н.Андреева, К.Д.Бальмонта, Б.К.Зайцева, И.Ф.Каллиникова.

Так, И.А.Бунин специально приходил сюда вероятно в 1889 году, чтобы увидеть и описать «потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом в старом саду... серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами». Зброшенный вид усадьба приобрела, видимо, после смерти очередного владельца Сафонова.

Но впервые Дворянское гнездо, как обозначение начала Верхней Дворянской улицы было упомянуто в рассказе Сергея Городецкого «Ася»: «А “Дворянским гнездом” у нас называлось место, которое описано в этом романе».

В 1889 году новыми владельцами «Дома Калитиных» Гермут был сделан ремонт, построено входное крыльцо в дом на четырехрядном белокаменном цоколе и пристроена новая веранда с юга, также на белокаменном цоколе. Предположительно усадьба была в то время охристого цвета.

В 1903 году Орловское общество изящных искусств решило открыть здесь свой «общественный сад г-жи Гермут» под названием «Дворянское гнездо», «сосредоточив в нем детские игры под наблюдением опытных членов общества М.А.Аблецовой, В.В.Горецкой, С.А.Дубровиной...». Для этого была арендована довольно обширная территория у наследников В.К.Гермут. Об этом было сообщено в газете «Орловский вестник» 2 мая 1903 года. К 11 мая здесь уже было проведено 3 первых гуляния и начала устраиваться летняя сцена. 5 июня того же года тут была возведена и копия бюста И.С.Тургенева из белого мрамора на высоком ступенчатом пьедестале работы ве-

ликого скульптора Антокольского, открытого в торжественной обстановке 7 июня тем же Обществом и находившегося напротив устроенного Обществом Летнего театра. У берега построили пристань для лодок, для катания по р. Орлику.

Ввиду этого, в 1908 году улица была переименована в Тургеневскую. В 1909 году был составлен план г. Орла – единственный, на котором показаны границы Дворянского гнезда. В него входили 4 усадебных участка: собственно территория ландшафтного сквера на берегу р. Орлик, участок с существующим «Домом Лизы Калитиной» (д. №1 по ул. Октябрьской), еще один участок рядом без застройки и участок, на котором ныне расположен Дом-музей Н.С. Лескова (примерно половина нынешнего квартала №15 со стороны р. Орлик).

Вход на участок осуществлялся через ворота со стороны дома Гермуг. Далее за двором дома следовали одна за другой три небольшие лестницы, между которыми проходили идущие вправо и влево дорожки. Дорожки, идущие влево, сходились вместе у калитки, выходившей к берегу р. Орлика. Кроме копии бюста Тургенева здесь находилась летняя сцена, на которой разыгрывались спектакли общественного театра, устраивались музыкальные концерты под управлением дирижера Р.И. Гоха. Рядом располагались качели, крокет и другие игры для детей. В саду росло много цветов, особенно белых и красных роз, была аллея белой акации. По воскресеньям и в праздники здесь проводились гулянья для взрослых, во время которых играл оркестр 17-го Гусарского полка или 142 пехотного Звенигородского полка. По четвергам и воскресеньям под эту музыку устраивались танцевальные вечера. В саду находились два летних павильона, в одном из которых располагался буфет, а в другом – бильярдная комната. Газета «Орловский вестник» называла сад тихим уютным уголком.

В начале мая 1910 года в Орле гостил Л. Андреев. Несколько раз он навестил и сад «Дворянское гнездо». Сделал фотоснимки его уголков.

Однако уже на планах 1911 года видно, что к этому времени изменились очертания хозяйственных построек. Любопытно, что в оценочных листах 1911 года было сказано, что сад не приносит дохода. Видимо это свидетельство того, что фруктовых деревьев в саду к этому времени было мало или не было вовсе.

После революции 1917 года, в 1921 году в Орле при губмузее была создана комиссия по охране памятников искусства и старины.

Ее возглавил художник и археолог Петр Сергеевич Ткачевский. В комиссию вошли заведующий музеем И.С.Тургенева Михаил Вениаминович Португалов, заведующий губернским архивом Иван Стефанович Комягинский (бывший секретарь Орловского Церковного историко-археологического общества), художник Александр Лаврентьевич Лаврентьев, фотограф Афанасий Высоцкий (бывший священник) и другие.

На заседании комиссии 5 августа 1921 года был впервые поставлен вопрос об осмотре «Дворянского гнезда» и «определении здесь мест, которые следует так или иначе запечатлеть в рисунке, плане или фотографии и сохранить от разрушения». Комягинскому было поручено выяснить обстоятельства жизни Евдокии Коротневой. 9 октября 1921 года на заседании комиссии был заслушан доклад Ткачевского и Португалова об осмотре дома и усадьбы Гермута в III части г.Орла, которым «народным говором» присвоено название «Дворянского гнезда» как месту, где разыгралась «печальная история главных действующих лиц в романе Тургенева - Лаврецкого и Лизы Калитиной». 15 октября Комягинский докладывал об осмотре им келии схимонахини Макарии во Введенском женском монастыре. Ткачевский и Португалов внесли «дом Гермута» в список зданий, подлежащих обследованию и описанию. Обследовани-ем занялись сами и вскоре докладывали комиссии о своих выводах: «На улицу фасадом выходит каменный одноэтажный дом, комнаты в доме небольшие <...>, дом каменный имеет недавние переделки <...>. Вплотную к каменному дому находился деревянный двухэтажный дом-флигель <...>». Краеведы отметили, что в доме уже нет «обширных залов и гостиных, которыми отличались постройки сороковых годов прошлого столетия». При доме находился большой сад, который «расположен на высоком берегу Орлика и открывает превосходные виды на город с одной стороны и на поле с другой», – записано в протоколе. За семь месяцев были сделаны 103 рисунка, 56 фотографий. Кроме дома Гермута был описан и ряд других памятников.

В 1920-е годы вход в сад «Дворянское гнездо» был перенесен и осуществлялся непосредственно с улицы, через легкие деревянные ворота, рядом с которыми находилось окошечко кассы, что явствует из фотографии, помещенной в газете «Орловская правда» от 3 февраля 1928 года. Постепенно на территории бывшего сада возникли новые постройки, отдельные участки были огорожены заборами.

По воспоминаниям орловского старожила Олимпиады Алексеевны Кливенковой, жившей в Орле с начала 1920-х годов, записанным краеведом О.П.Власовой, в саду «Дворянское гнездо» были в то время тенистые аллеи из лип и ясеней. Слева, в конце аллеи, находилась сцена, стояли лавочки, а недалеко был расположена небольшая площадка для игр и танцев.

В ноябре-декабре 1938 года Тургеневская и Октябрьская улицы того времени обменялись названиями, и бывшая Дворянская стала называться Октябрьской.

Хотя во время войны фашистами был уничтожен бюст И.С.Тургенева и вырублено много деревьев, характер самой усадьбы менялся мало. На планах второй половины 1940-х годов видно, что сохранялись даже три из пяти угловых печей. Планировка флигеля также менялась лишь незначительно.

Работу по восстановлению зелёных насаждений в сквере в послевоенное время выполняли коллективы завода «Продмаш», Часового, студенты филиала машиностроительного института, учащиеся школ №21 и 22. Ими были также посажены аллеи у берега р.Орлик из различных древесных пород.

В 1967 году по заказу орловского горкомхоза институтом «Орел-гражданпроект» был составлен проект (авторы: О.В.Левитский, С.Т.Аганова, Б.Горловский), часть которого была осуществлена. По нему в 1968 году привели в порядок отрезок Октябрьской улицы и благоустроили «Дворянское гнездо». На краю обрыва была сооружена так называемая «Тургеневская» беседка-ротонда с шестью колоннами, а в начале ул.Октябрьской - смотровая площадка, устроен спуск к реке. В 1971 году здесь был установлен бюст И.С.Тургенева из серого гранита и две гранитные скамьи – дар городу скульптора Г.П.Бессарабского, автора памятника И.С.Тургеневу на Тургеневском берегу. Впоследствии по инициативе областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на его пьедестале были выбиты слова, обнаруженные орловским литературоведом В.А.Громовым в письме И.С.Тургенева Полине Виардо: «Орёл - мой родной город». К этому времени в сквере разрослись клен остролистый, береза плакучая и бородавчатая, тополь обыкновенный. Сохранялся и 150-летний дуб. К реке были построены бетонные лестницы, а у самой воды устроены игровые площадки, скамьи для отдыха и «грибки».

В 1970-х - начале 1980-х годов в усадьбе происходят значительные изменения. В главном доме исчезают угловые печи, сносится

флигель усадьбы. ЖРЭУ-4 поменяло мощные доски веранды на тонкие дощечки. Дом был выкрашен в ярко-зеленый цвет с густо-коричневыми окнами. В 1973 году рядом с «Домом Калитиных» была построена областная больница, а в начале 1980-х годов инженерный корпус часового завода (в настоящее время медицинский факультет ОГУ), а затем и корпуса коммерческого института, что искажило облик этого места.

В то же время, в 1975 году в сквере «Дворянское гнездо» были проведены большие восстановительные и озеленительные работы.

Однако 1 февраля 1985 году было принято решение Орловского горисполкома №61 «Об утверждении проекта охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры», в соответствии с которым территория «Дворянского гнезда» объявлялась охранной зоной. Постановлением Орловского облисполкома от 27 января 1987 года №33 «О мерах по улучшению содержания памятников истории и культуры» ландшафтный сквер «Дворянское гнездо» был принят на государственную охрану местной категории. В соответствии с этим граница сквера были определены так: «от дома №9 по ул. Октябрьской до берега р.Оки, по дну оврага до пересечения с продолжением ул.7 Ноября, далее по оси ул.7 Ноября до дома №9 по ул.Октябрьской».

29 мая 1990 года было принято решение горисполкома №2 «О благоустройстве Дворянского гнезда». 29 апреля 1992 года Орловским горсоветом было принято постановление за №2 «О разработке проекта Ленгипрогором мемориальной зоны г.Орла», где большое внимание уделялось Дворянскому гнезду.

После двух лет робких попыток фактически без средств силами ряда малых предприятий г.Орла и Москвы в июле 1992 года мэр г.Орла А.Г.Кисляков обязал Управление городского коммунального хозяйства и Советскую районную администрацию выполнить серьезные инженерные работы по реставрации сада и укрепить берега р.Орлика в районе ул.Октябрьской. Статус данного места был подтвержден постановлением мэра города от 16 июля 1992 года.

В результате был проведен ремонт фасада дома №1 по ул.Октябрьской, во время которого был очищен от многолетних наслоений цоколь дома, около здания был сделан тротуар, передвинута ближе к реке и значительно расширена балюстрада на смотровой площадке.

15 июля 1993 года решением Малого совета горсовет г.Орла Дворянское гнездо объявляется историко-культурным и природно-



ландшафтным заповедником, что однако не имело особых последствий. В сентябре 1993 года на улице Октябрьской напротив дома был установлен белый мраморный памятный знак с алюминиевой доской, на которой был отлит план сквера и надпись: «Министерство культуры РСФСР. Памятник истории. Ландшафтный сквер «Дворянское гнездо» XIX - начала XX веков. Охраняется как все-народное достояние». После похищения доски непосредственно на камне была выбита надпись: «Памятник истории и культуры, ландшафтный сквер Дворянское гнездо. Охраняется государством».

3 сентября 1993 года, в день 110-летия со дня смерти писателя на этом месте в присутствии мэра г.Орла А.Г.Кислякова и других официальных лиц состоялся литературный праздник, посвященный памяти И.С.Тургенева.

Однако в начале 2000-х годов по инициативе мэра г.Орла Е.Н.Вельковского из дома стали отселяться жильцы и возникли опасения о сносе здания. Началом систематической борьбы за спасение «дома Лизы Калитиной» послужило письмо под заголовком «Хотим знать правду», опубликованное 19 мая 2000 года на первой полосе газеты «Орловская правда» и подписанное известными в Орле представителями литературы и культуры. Особенно драматический характер приняли события в октябре 2000 года, когда работники ЖЭУ начали снимать с дома двери и оконные рамы. После протестов краеведов акт вандализма был приостановлен. Среди публикаций было открытое письмо Главе администрации области председателю Совета Федерации России Е.С.Строеву, опубликованное в газете «Орловская правда» 7 июня 2000 года от известных ученых-историков, архитекторов - членов Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Постановлением Облсовета от 27 февраля 2001 года №32/598-ОС «Дом Калитиных» был поставлен на государственную охрану региональной категории, как «Дом жилой XIX век», в качестве памятника архитектуры и градостроительства. 6 марта 2001 года газета «Орловская правда» опубликовала сообщение об этом. 19 мая 2001 года «Орловская правда» опубликовала и решение Орловского городского совета народных депутатов от 26 апреля 2001 года о передаче жилого дома №1 по ул.Октябрьской (Дом Калитиных) на баланс государственного учреждения - Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры. Однако реализовано это не было и дом остался на муниципальном балансе.

В настоящее время из дома полностью выселены жильцы. С осени 2009 года под эгидой Орловского горсовета действует Попечительский совет по возрождению Дворянского гнезда в г.Орле. Разработаны предложения о восстановлении и музеефикации «Дома Лизы Калитиной» и созданию в Орле литературного музея-заповедника, включающего как существующие орловские литературные музеи, так и данную усадьбу. По итогам Интернет-голосования это место было признано одним из «чудес Орловщина» в номинации «Литературные памятники». Перспективы развития данных памятников стали предметом рассмотрения на сессии Орловского Городского Совета 30 сентября 2010 года. Остаётся надеяться, что этот уголок г.Орла станет туристской жемчужиной края.

Литература.

1. Иванова Л.В. Ещё к истории Дома Калитиных в Орле //Тургеневский ежегодник. Орел, 2001. С.97-99.
2. Визжилин Н. На берегу Орлика //Лит. Россия. 1979. 21 дек.
3. Власова О.П. Орловские бульвары и скверы. Тула, 1988.
4. Гольцова А.В. Сохраним ли связь времен?//Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002.
5. Громов В. «Тургеневский сад» - под защитой... Ревтриба //Орл. правда. 1996. 10 апр.
6. «Дворянское гнездо» //Афонин Л. и Мищенко А. На родине Тургенева. Тула, 1983.
7. Дмитриухина Л. «Дворянское гнездо»: Легенды, действительность, возможности //Орл. правда. 1986. 8 марта.
8. Дорофеев В. Судьба «Дворянского гнезда» //Ветеран. 1988. №35.
9. Емельянов В. Г. «Дворянское гнездо» в городе Орле: историческая справка. Орел, 1988. 34с. /Машинопись/.
10. Емельянов В. Г. Что такое «Дворянское гнездо» в гор.Орле. Орел, 1976. 21с. /Машинопись/.
11. Егоров Б.А., Еремин В.П. Весь город Орел: Справочник. Орел, 1993.
12. Емельянов В.Г. Улицы города Орла. Тула. 1986.
13. Жила ли здесь Лиза Калитина? //Орл. правда. 2000. 3 июля.
14. Кирилловская Н.М. Страсти вокруг «Дома Калитиных» //Тургеневский ежегодник 2000 года. Орел, 2002.
15. Кубышкин А. «Где нежная грезил Лиза» //Орл. вести. 1996. 5 марта.
16. Орлов С. Искры гнева //Орл. правда. 1993. 28 дек.
17. Памятные места Орла в гравюрах Ал.Мищенко. Орел, 1962.
18. Плужников В.И. Орловская область. Каталог памятников архитектуры. М., 1985.

19. Польская М. Гордость города - Дворянское гнездо //Орл. комсомолец. 1977. 25 нояб.
20. Полякова С. Реставрировать памятник или ломать копыя? //Орл. правда. 1990. 1 дек.
21. Почечикин В. Оставим будущему музей //Орл. комсомолец. 1986. 23 авг.
22. Седойкина К.А. Дворянское гнездо. Конец XX века //Тургениана. Орел, 1999.
23. Седойкина К. Пока еще есть что охранять //Орл. правда. 1994. 2 авг.
24. Седойкина К. Право на легенду //Орл. правда. 1997. 28 янв.
25. Седойкина К. И. Снова о заповедном Дворянском гнезде //Просторы России. 2000. 27 июля.
26. Семеняко Ю. В. На берегу Орлика //Научно-практическая конференция. Культура и город. 24 июня 1993.
27. Топуридзе Р.В., Нахова Л.И. Без прошлого нет будущего //Жилищ. и коммунал. хоз-во. 1988. №9.
28. Тюрин Г.А. Вокруг Дворянского гнезда. Поэтическая Тургениана. XX век. Орёл, 2003.
29. Федоров С. Воспоминания о Дворянском гнезде //Орл. правда. 1989. 8 июня.
30. Федоров С. И. Легенды и были «Дворянского гнезда» //Федоров С. Архитектурные образы Орловщины. Тула, 1982.
31. Федоров С. И. По следам легенд и утрат. Орел, 1993.

Н.М. Кирилловская

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО, КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛА

Январский день 2011 года, погода как в сказке или в кино – морозец 15 градусов, голубое небо, яркое солнце... А мне вспоминается жаркий летний день 1947-го, а может быть 1948 года (точно не помню), когда мы, группа учениц новой орловской женской школы вместе с нашими ровесниками мальчиками из 7-й мужской школы решили пойти купаться на Орлик, на Дворянское гнездо... Мы слышали, что здесь очень красиво, но в предыдущие годы родители нас не пускали, говорили, что это слишком далеко от наших Курских улиц, однако на сей раз отпустили... Не помню, шли ли мы пешком или до Ленинской ехали на трамвае. Но вот и «Дворянка», как тогда (да и сейчас тоже) говорили в обиходе.

Считая себя «взрослыми», мы не стали спрашивать прохожих, где спуск к реке, решили, что это неудобно. Довольно долго ходили по берегу, потом вышли к тому месту, где сейчас стоит беседка. Естественно, что никакой лестницы не было, и мне показалось, что высоковаго и небезопасно, о чём я робко сказала своим друзьям. Но в ответ услышала столько «ласковых» слов, что решила больше не спорить. Мой первый выход на «воды» на Дворянском гнезде оказался весьма печальным. Увидев мою робость, ребята, будучи уверены, что я умею плавать, сходу «поташили» меня в воду. Видимо, я попала в какую-то ямку, с головой оказалась в воде, и на этом мое первое купание в Орлике окончилось. Сидя на суше (пока все купались), я рассматривала берег, и первое, что меня тогда поразило (да и продолжает удивлять сейчас), это выходы известняка, как бы нависшие над берегом.

Первые мои впечатления от встречи с Дворянским гнездом – это большое количество одноэтажных домов, украшенных резьбой, обилие кустов сирени и садов. Через некоторое время я пришла на Дворянское гнездо с мамой. В том красивом красном особнячке (улица Салтыкова-Щедрина, 1), где сейчас Союз писателей, тогда, вскоре после войны, было несколько квартир, в одной из которых жили мамы знакомые. Прежде чем попасть в комнату, мы прошли через небольшой коридорчик (он в принципе есть и сейчас), уставленный кухонными столами с примусами и керосинками. Наверняка до революции, когда дом принадлежал одному владельцу – купцу Бакину, было отдельное помещение для кухни. Теперь же каждый метр полезной площади был на учёте. Мы прошли в первую дверь налево, и попали в довольно просторную комнату. Никакими особенными «изысками» она меня не поразила, хотя мама и предупреждала меня, что мы увидим очень красивый дом. Я, действительно, увидела его «красивость». Внешний вид дома и местонахождение на берегу реки на долгие годы запомнились мне. И хотя я тогда ещё не знала слов «архитектура», «дизайн», «ландшафт», это всё слилось для меня в одну фразу: «Как красиво!»

В этот свой второй приход на Дворянское гнездо я увидела уже намного больше, чем в первый раз. У мамы в гимназии преподавал словесность знаменитый С.Н.Горовой, и, помня его уроки, она многое старалась мне рассказать и показать.

Я теперь успела заметить, что дома отнюдь не все одинаковые, как мне показалось в первый раз. Есть большие, есть меньше, каменные

и деревянные, и крылечки разные, и козырьки над ними, и резьба..., махнув куда-то рукой, мама сказала: «А вот там дом Лизы Калитиной, ведь ты помнишь роман «Дворянское гнездо». Сходим туда в следующий раз». Но следующий раз наступил не скоро. В 1949 году я окончила школу, уехала учиться. Во время каникул мы в основном ходили в городской сад, в кинотеатр «Родина», в Ботанику. Вот тоже было замечательно красивое место – прекрасный парк, дом отдыха...

А на Дворянское гнездо я уже попала только в 1957 году, когда стала жить на Тургеневской улице и водить гулять на «Дворянку» свою маленькую дочь, а потом и сына. Ещё не было беседки, тургеневского бюста, балюстрады..., памятного камня о том, что это заповедная территория и много другого... Все было первозданно: кругом много зелени, деревья, кустарники, высокая трава и текущая внизу река с очень чистой водой и достаточной глубиной... Мы располагались совсем близко от калитинского дома, ближе к оврагу. Расстлали байковое одеяло (их теперь, наверное, и в помине нет). Загорали, «дышали свежим воздухом», ели принесенные из дому припасы, а остатки, аккуратно завернутые в газету, уносили домой. Молодежи было немного (возможно потому, что тогда ещё не было рядом институтов), в основном мамы с колясками и пенсионеры. Жизнь шла тихо: без обилия машин, без транзисторов и мобильных. И вообще, нравы царили располагающие просто к отдыху: мы ходили в простых сарафанах из ситца, сатина, штапельного полотна и в таких же купальниках. Сейчас не часто можно увидеть здесь, наверху – у тургеневского бюста, или у «дома Калитиных» – людей в купальниках. Скорее, в свадебных платьях и строгих костюмах.

...Но жизнь шла вперёд. В начале 50-х годов вступил в строй действующих предприятий Орловский часовой завод. Во время перерыва на речку начали приходить заводчане. Стало шумнее и многолюднее. Обком партии переехал во вновь специально выстроенное здание (туда, где и сейчас находится областная администрация, на площадь Ленина). А в освободившемся помещении расположился Орловский филиал Всесоюзного заочного машиностроительного института. Появление студентов внесло новый ритм в жизнь Дворянского гнезда. А уж в последующие годы, когда вместо «машинки» здесь возник коммерческий институт (или, как он теперь называется, институт экономики и торговли), вообще началась совсем другая песня... Как известно, это красивое здание XIX века строилось для Земского собрания. Архитектура здания (особенно высо-

кий двухсветный зал с двумя рядами окон и балконом) впечатляла как тогда, так и сейчас. Конечно, это было в своё время одно из самых заметных сооружений города. И не случайно именно здесь 25 ноября (8 декабря) 1917 года состоялись выборы Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов, на которых победили большевики. Как вспоминали в 50-е годы XX века ещё живые свидетели этих событий, горожанам, собравшимся на улице, о победе на выборах большевиков было сообщено с балкона. Об этом факте истории напоминает мемориальная доска.

Со временем коммерческий институт стал быстро расти и расширяться. Во имя строительства новых корпусов было снесено немало старых зданий, в том числе и небольшой дом, где жил известный орловский архитектор И.Ф.Тибо-Бриниоль. Это был маленький, поистине чудесный домик с мансардой, я про себя называла его «скворечник». Мы, члены Общества охраны памятников, члены Творческого союза работников культуры и другие представители общественности, добились, чтобы наш протест против сноса рассматривался в Областном Совете, но... теперь на этом месте большой институтский корпус (немного наискосок от музея Лескова). Может быть, можно было поступить по-другому, а может быть и нет: конечно, расширение коммерческого института было очень нужно.

Однако это намного изменило облик Дворянского гнезда. Институт расширялся не только вправо (где был домик Тибо-Бриниона), но и влево, где был ещё от тургеневских времен знаменитый Талызинский сад. Остатки старых деревьев помню и я (ещё по 50-м годам XX века): и клумбы, и скамейки и, кажется, даже небольшой фонтанчик, и кафе «Русский чай» на остановке. Нынешние студенты ничего об этом не знают, а, наверное, надо...

Строительство инженерного корпуса часового завода тоже внесло свою «лепту» в жизнь Дворянского гнезда. Ну и теперь, когда это здание стал занимать медицинский институт, когда построили символический знак, посвященный медицине, и разбили небольшой сквер, вообще всё стало по-другому. А мне вспоминаются небольшие здания, которые стояли здесь ещё в начале 70-х годов, в том числе и особнячок, где размещалось одно из подразделений тубдиспансера, а на фасаде висела небольшая мемориальная доска о том, что в период фашистской оккупации здесь был подпольный госпиталь. (Сейчас такая доска висит только на здании областной больницы). Из этого домика, предназначенного к сносу, мы брали кафедру

для печей при реставрационных работах в Спасском-Лутовинове. Спасским печам «повезло»: снимали мы для них кафель и с печей кабинета главного врача детской больницы. Вот так пересекаются судьбы двух тургеневских мест: Дворянского гнезда и Спасского. Изменилось Дворянское гнездо и в связи со строительством детской больницы. Помню, как в 1958 году я с дочкой лежала в детской больнице. Она была очень невелика: размещалась в небольшом здании из красного кирпича с весьма своеобразной архитектурой (по изустным сведениям, это было культовое здание). Оно и сейчас стоит на прежнем месте. Конечно, там было очень тесно, и остро стоял вопрос о строительстве больницы. Где? Рядом на берегу реки – всё для детей: солнце, воздух и вода. Она и была построена в 1973 году, на фасаде здания надпись: «Детская больница, построена в 1973 году за счет средств Всесоюзного коммунистического субботника». Но для этого надо было снести несколько красивейших старинных домов, несущих на себе все приметы XIX века. Кстати, одна моя хорошая знакомая, врач, Юлия Михайловна Казанская вспоминала, что в 1943 году, вскоре после освобождения Орла, в одном из домов, на месте которого была построена детская больница, размещался штаб орловского партизанского движения, а в той части дома «Лизы Калитиной», где теперь стеклянная терраса, как вспоминает Юлия Михайловна, была столовая штаба...

23 июля 2003 года, в канун празднования 60-летия освобождения Орла от немецко-фашистских захватчиков, на здании детской больницы была по инициативе бывших партизан, особенно доктора Г.А.Бобкова, в память о штабе партизанского движения, установлена мемориальная доска. На открытии, которое проходило очень торжественно, выступали участники Великой Отечественной войны: бывшие красноармейцы, партизаны, подпольщики. К сожалению, почти уже никого из них нет в живых.

А ещё позже, в 2009 году, на старом здании детской больницы была установлена доска в память о заслуженном враче З.И.Круглой, которая более 40 лет возглавляла этот поистине большой медицинский комплекс. К слову сказать, в своё время в состав больницы входило и помещение музея Лескова (здесь размещалась лаборатория).

Освоение для музея этого помещения влекло за собой один весьма курьёзный и не совсем приятный момент. Среди строений, находящихся в непосредственной близости к дому Лескова (наверное, метров 20) был магазин приема стеклотары. Он в прямом смысле

«прилипал» к тому старинному зданию, где сейчас находится столовая коммерческого института. Когда, в какие годы пристроено было это «ласточкино гнездо», трудно сказать, но его состояние находилось в большом противоречии с близостью музея Лескова. Несколько лет мы боролись с этим соседством – вечно стоящие очереди, как правило, нетрезвых людей (которых теперь называют «бомжами»), разбросанные бутылки, окурки... Решить этот вопрос городским властям было не так-то легко, помимо магазина здесь же жила ещё и семья, которая работала в качестве сторожей в музее. Так что надо было искать не только новое место для сдачи стеклотары, но и квартиру для жителей. Сколько хождений по властным коридорам, сколько писем было написано!.. Наконец-то мы победили, эту пристройку ликвидировали! Для наших дней это кажущаяся чепуха, а в то время весьма проблематичный вопрос для музея.

Влево от музея Лескова стоял небольшой дом. В нем часто были открыты окна и двери. У раскрытых дверей на низеньких табуреточках сидели старушки, очень похожие друг на друга – с одинаковыми прическами (как правило, волосы были собраны в пучок), в весьма длинных юбках, часто в передниках и занятые каким-то несложным домашним делом – чистка картофеля, перебирание крупы и т.д. У меня возникал вопрос: «Кто они, эти женщины, сколько им лет, чем они занимались раньше?». Они не производили впечатления, что они из «бывших», но что-то в них всё-таки было...

Из тех жильцов «дома Лизы Калитиной», которых я знала, никто не нёс на себе никаких «примет» прошлого, это были мои современницы, в том числе сотрудницы газет и телевидения. Но когда я заходила в их квартиры, то видела, что интерьер ещё сохранял что-то из прошлого: лепнина на потолках, кафельные печи, какие-то старинные шкафчики, подставки, флакончики, очень интересные бутылки. Пусть всё это было «засунуто» в кладовки и чуланы, но всё равно было грустно и волновало, это было прикосновение к истории... Прикосновение к истории подчас требует очень большой черновой работы.

Как-то так случилось, что не только музей Лескова расположился в бывшем медицинском учреждении, но и фонды музея, и музей Бунина, и административное здание тоже. Всё это были «владения» бывшей детской поликлиники. А музей Грановского в 40-е годы XX века занимал кожно-венерический диспансер. Его главным врачом был известный в то время в городе врач С.А.Збар, он и жил здесь же

во дворе в маленьком, ветхом даже не доме, а домике. Такие были времена... Домик этот продержался до 1980-х годов. В 80-е годы на мою долю выпало сделать из задней веранды дома Грановского экспозиционный зал, провести современное сантехническое оборудование (а до этого всё было как в XIX веке: и печи, и «удобства» на улице), а ещё добиться, чтобы живущих во дворе жителей переселить, а их полуразвалившуюся избушку ликвидировать. Медленно, но уверенно, шаг за шагом, год за годом шла мемориализация «музейного квартала».

Безусловно, одним из интересных и перспективных вопросов было стремление коллектива музея Тургенева создать на «Дворянском гнезде» музейный комплекс, дополнив уже имеющиеся строения XIX века новым зданием. Это был один из очень важных вопросов, который в те годы волновал коллектив музея.

28 августа 1970 года исполкомом Орловского городского совета народных депутатов было принято решение №950 «Об отводе музею И.С.Тургенева земельного участка для проектирования и строительства мемориально-литературного комплекса «Дворянское гнездо» по ул.Октябрьской в составе: здания музея И.С.Тургенева, здания музея писателей-орловцев и существующих домов Лескова и «Калитиных» со сносом ветхих жилых домов №11, 7, 5, 3, 1¹ по улице Октябрьской». Это решение Горисполкома было, несомненно, заслугой тогдашнего директора музея О.Н.Овсянниковой. Оно предусматривало создание парковой зоны, благоустройство и озеленение прибрежной части реки Орлик, а также переселение жильцов из домов, подлежащих сносу в течение 1972-1975 годов. Естественно, что этот процесс продолжался несколько десятилетий. Жильцы были выселены из дома уже в XXI веке. Но как говорят, «процесс пошёл».

В январе 1972 года в план института «Орелгорсельстрой» была включена работа по изготовлению проектно-сметной документации нового здания музея. Идёт время... В июле 1976 года принимается решение Орловского областного совета народных депутатов №319: «О проведении закрытого конкурса на разработку эскизного проекта литературного музея в г.Орле».

15 декабря 1977 года Орловским областным советом было принято решение за №549 «О проведении второго тура заказного конкурса на разработку эскизного проекта Литературного музея». Был утверждён следующий состав участников второго тура: Бархин,



Красильников, Филин. Филин был орловец, впоследствии он стал автором военно-исторического музея по ул.Нормандия-Неман. К сожалению, почти в эти дни, 3 января 1978 года, главный архитектор города Г.Т.Ракитин выступил с письмом о нецелесообразности сохранения дома Лизы Калитиной. Он считал, что дом не представляет ни архитектурной, ни художественной ценности. Всё это рассматривалось на заседаниях Ученого совета музея, в архитектурной секции ВООПИК, в областном Управлении культуры.

Эти документы хранятся в архиве музея. Несмотря на то, что ЦК КПСС и Совмин СССР в августе 1980 года принимают решение о временной остановке проектных работ, мы не расстались со своей идеей. Прошло ещё несколько лет. В августе 1982 года (дело №790 за 1984 год) один из авторов проекта, победившего во 2-м туре, Б.Г.Бархин, обратился с письмом к начальнику Областного управления культуры М.И.Ждановой, в котором пишет о том, что очень хочет продолжить работу над этим проектом... В 1984 году предпринималось немало усилий, чтобы были выделены средства для продолжения работы над проектом, о чем я сообщила профессору Бархину. В своем ответном письме (дело №790 за 1984 год) он сообщает, что вел переговоры с очень известным в то время в музейных кругах художником Е.А.Розенблюмом, оформлявшим лучшие литературные музеи Москвы и Ленинграда, и договорился о сотрудничестве с ним при оформлении музея в Орле.

В июле 1985 года я обратилась с письмом к начальнику областного управления культуры А.И.Рудневу с просьбой о финансировании продолжения работ над проектом. (Здесь же на письме моей рукой сделана приписка – 13 августа Рудневым послано письмо Е.С.Строеву и В.И.Крупскому).

В деле за 1985 год (с.155) сохранился проект письма для Е.С.Строева и А.Е.Васильковского в Совет министров РСФСР с просьбой о финансировании. Было оно отослано или нет, не знаю... Вся эта работа с проектами лично для меня запомнилась ещё и знакомством с очень интересными людьми.

Одним из авторов победившего во 2-м туре проекта был архитектор Б.Г.Бархин, профессор Московского архитектурного института, лауреат Государственной премии, увенчанный всеми регалиями, да плюс ещё участник боёв за Орел. Он был сыном очень известного академика архитектуры Григория Бархина. Вся семейная династия преподавала в Московском архитектурном институте. Борису Гри-

горьевичу в то время, когда мы с ним общались, было, наверно, уже за 60. В процессе работы мне неоднократно приходилось ездить в Москву, бывать у него дома.

Это был очень интересный уголок Москвы: и не характерный для 80-х годов, но и не XIX век. Наверное, это были лучшие дома 20-х – 30-х годов XX века: солидные, «устойчивые», не помпезные, но и не «легковесные». Да и сама улица носила название – Астраханский переулок. Несколько удивила меня планировка его квартиры (это была квартира ещё папы-академика): центр был сосредоточен в кухне (здесь я хорошо поняла выражение «на московских кухнях»). Это была самая большая комната в квартире, а остальные – кабинет, гостиная и др. – весьма маленькие. Хоть это была и кухня, но обстановка была не совсем кухонная. Удивили висевшие здесь фотографии Достоевского (оказывается, жена Б.Г.Бархина была из потомков Достоевского). Последний раз я была у Бархина летом 1986 года. В это время в Манеже работала выставка Ильи Глазунова, народу была масса, и Борис Григорьевич предложил мне сделать попытку попасть туда, но, как ни странно, не он провел меня на выставку, а я его, воспользовавшись связями в управлении музеев Минкульта. Всё было очень интересно: и выставка, и комментарии. Кстати, профессор, известный художник И.Глазунов тоже передал нам эскизный проект будущего музея. Вот такие у нас были авторы проекта!.. В январе 1987 года я ушла на пенсию, потом началась «перестройка», стало не до нового строительства. Но документы лежат в фондах музея, возможно, когда-нибудь они представят не только исторический, но и какой-либо практический интерес.

Для меня хлопоты по строительству нового здания литературного музея на Дворянском гнезде с объединением его воедино с «домом Лизы Калитиной» – определенная часть моей музейной жизни. И хочется верить, что то, о чем мы непрестанно говорим уже 40 лет, когда-нибудь станет действительностью. Созданный недавно Попечительский совет по восстановлению Дворянского гнезда, который возглавляет председатель Областного совета И.Я.Мосякин, и рабочая группа при мэре города должны стать в этом порукой. На улицах, входящих в понятие Дворянское гнездо, ещё очень много интересного.

Особого разговора заслуживает то место, где была городская усадьба Тургеневых. На памяти старых орловцев стоял ещё тот дом, который был построен в XIX веке. На фасаде его в 1938 году к

120-летию со дня рождения писателя была установлена доска, надпись на которой гласила, что на этом месте находилась городская усадьба родителей Тургенева, где в 1818 году родился будущий писатель. Я тоже помню этот старинный особняк. Он был одноэтажный, не очень большой. Находился особняк на ул. Тургенева, 28, где размещается теперь «сменная» школа. В какой-то степени примечательными в том доме были окна – очень высокие, овальные – и кафельные печи, которые хорошо были видны в раскрытые в летнее время окна.

У одного из раскрытых окон, как правило, с книгой, лежащей на низком подоконнике, очень часто сидела старая женщина, которую я про себя называла «дама». Всякий раз при этом думала, что прямо как в романе И.С.Тургенева. Рядом с домом находилась настоящая небольшая роща – высокая трава, деревья, и здесь же ещё одна очень своеобразная постройка из красного кирпича. В этом здании в 50-80-е годы XX века находилась станция скорой помощи. Я жила и по сей день живу напротив, по ул. Тургенева, 22, и каждое утро я смотрела на эти старинные особнячки, на машины скорой помощи, а главное, на чудесный маленький зелёный уголок, который был между этими домами. Казалось, что так будет вечно. Но вот однажды (это было в 70-е годы), в музей Тургенева, где я в то время была директором, позвонили из какой-то (сейчас не помню) проектной организации, представились и сказали: «Мы получили заказ на изготовление проектной документации для инспекции “Тула-тизис”. Скажите, дом, на котором висит доска, посвященная Тургеневу, действительно тургеневский?» - «Нет, там ведь всё написано...» Может быть, если бы доказывали, что дом действительно не Тургенева, но место-то тургеневское, может быть, этот дом был бы «жив» и сейчас. Прошло несколько лет, и на месте снесённого дома выросло большое здание проектного института «Тула-тизис». Там занимались проектами по геолого-разведывательным работам для всего региона.

В начале 90-х годов институт распался, а в здании появилось много различных магазинчиков, контор и т.д. Так продолжается и по сей день. Однако прошлое не уходит совсем в забвение. За этим большим зданием во дворе продолжает стоять дом из красного кирпича, дом XIX века. Наши музейные работники, в частности Л.С.Камышалова, высказывали мысль, что это сохранившаяся постройка от времён тургеневской усадьбы, что, возможно, это было каким-то хозяйственным помещением. После того, как из этого здания уехала Ско-

рая помощь, его попеременно отдавали то Союзу театральных деятелей, то научно-производственному центру по охране памятников. Я там нередко бывала и просто приходила в восторг от сохранившегося изумительного подвала. Но у Центра не хватило средств, чтобы сохранить за собой это здание. Сейчас там современный торгово-промышленный комплекс «Развитие». На здании висит доска, что это XIX век, упоминается и имя Тургенева... А подвал переделали, осовременили, там стоят столы и работают люди.

Помню, как ходила по Дворянскому гнезду в 1981 году с знаменитым академиком Д.С.Лихачёвым, который приезжал в Орел на 150-летие Н.С.Лескова. В какой восторг он пришёл от Дворянского гнезда! Говорил, что надо сохранить хотя бы то, что уцелело.

Бывший в те годы председателем Горисполкома А.А.Мерцалов говорил: «Вот здесь сделаем Союз архитекторов, здесь – журналистов, здесь художников, здесь писателей, сохраним эти старые домики...». «Сделали» только Союз писателей.

В мае 1977 года у Дома писателей был открыт памятник А.А.Фету. Удачно сложилась судьба рядом стоящего дома. Уже много десятилетий здесь творческая мастерская Народного художника А.И.Курнакова. В конце 70-х годов мне довелось быть в этом месте с редактором какого-то польского журнала, помню, как она оживилась, увидев мастерскую А.И.Курнакова, и стала забрасывать меня вопросами. Я много раз бывала в мастерской Курнакова. Конечно, внутри всё перестроено, да и внешний вид здания подвергся определенным новшествам, но всё же, всё же, аромат эпохи сохранился. Теперь, после смерти Андрея Ильича (он умер в феврале 2010 года) здесь собираются сделать мемориальную квартиру художника, а рядом несколько лет тому назад специально построили галерею его имени. Это интересный культурный комплекс на Дворянском гнезде. Если и говорить о каком-то нововедении на «Дворянке», то этот пример мне кажется примечательным.

На днях, в какой раз за зиму, пошла гулять на «Дворянку». Для меня Дворянское гнездо не ограничивается только теми рамками, которые указаны в решении Облисполкома в 1987 году, оно, конечно, значительно шире, с многими прилегающими улицами и переулками. День был субботний, не так уж много машин и людей... По дороге обращала внимание на ещё сохранившиеся, хотя и очень перестроенные старинные здания. Вот (каким я его знаю с 60-х годов) с надстроенным вторым этажом здание поликлиники №2 обл-

дравотдела, на улице Горького, 14. А что здесь было раньше? Ответ дают размещенные здесь мемориальные доски. На одной написано: «Здесь жил с 1876 по 1883г. Павел Карлович Штернберг, ученый и революционер», на другой – «В этом доме 1911-1914 жила выдающийся художник Антонина Федоровна Софронова, 1892-1966 г.». А что ожидает это здание в ближайшем будущем? Уже давно ведутся разговоры о том, что находящейся здесь поликлинике тесно, что её обустройство не отвечает современным требованиям диагностики...

Хорошо, если это здание не снесут! Всякое может быть.

Продолжаю свой путь по улице Горького и приближаюсь к пересекающей её улице 7 Ноября. Угловой дом, 7 Ноября, 26. Он стоит совсем рядом с музеем Грановского. На нём доска «В этом доме с 1936 г. по 1940 г. жил наш земляк, командующий орловским военным округом генерал Ефремов Михаил Григорьевич. Погиб в боях за родину в 1942 году». Позднее, в 90-е ему было посмертно присвоено звание Героя России.

А совсем близко отсюда примечательный особняк из красного кирпича (ул. 7 Ноября, 43) с весьма характерными окнами. На фасаде доска – «В этом доме в 1917 году проходили заседания первого Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов». Когда-то слышала, что до Октября 1917 года здесь была жандармерия... В 1970-е Орловское областное управление мелиорации (здесь приходилось не раз бывать по проблемам Спасского пруда), а потом на протяжении десятилетий и по сей день – Областной комитет по радио и телевидению...

Проходим несколько метров, и вот постройка наших дней, ей лет тридцать с небольшим – одно из подразделений службы МВД. Правда, по высоте и размерам она не очень соперничает с окружающими домами (и то хорошо!), на ней висит красивая доска, сделанная скульптуром В.Ф.Михеевым, символизируя встречу Пушкина с генералом Ермоловым. Текст гласит: «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал, таким образом, двести верст лишних: зато увидел Ермолова. А.С.Пушкин». Доска эта была установлена в 1992 году. Ей предшествовала весьма сложная история. На этом месте, по преданию и по документам, стоял дом А.П.Ермолова. Во имя строительства нового здания для МВД дом решили снести. Мы – музейные работники, краеведы – старались доказать, убедить, что этого нельзя делать. Не смогли... А для доски нашли компромиссное решение – не как обычно – на этом месте стоял дом..., а просто текст

Пушкина. Как-то традиционно принято считать, что Дворянское гнездо – это исключительно тургеневские места, овеянные памятью Тургенева, связанные с его прототипами и произведениями. Однако, здесь были, как мы теперь знаем, и госучреждения, и культовые здания (тот же католический костел), здесь жили люди разных сословий, разных профессий. В районе Дворянского гнезда немало зданий, связанных с историческими, культурными событиями, с именами государственных и военных деятелей.

По улице Салтыкова-Щедрина, 17 стоит современный жилой дом. За небольшими деревьями и кустарником еле заметна мемориальная доска, на которой надпись: «Здесь в 1918-1919 г.г. находилось здание Орловского губернского военкомата, где работал первый военный комиссар, позднее известный советский военачальник командарм II ранга Яков Иванович Алкснис».

...Вспоминается маленький дом в самом начале улицы Горького, он стоял почти на самом верху обрыва, ведущего к мосту через Орлик по направлению к Пушкинским улицам. Совсем маленький, каменный, красивого бирюзового цвета с лепными белыми наличниками, каменными ступеньками и красивым козырьком. Ухоженный, нарядный домик. Принадлежал он известному в городе «женскому» специалисту доктору Васильеву. Сюда в 1961 году пришли мы с мамой. Зазвонил дверной колокольчик (я сразу подумала: «как сто лет назад»). Дверь открыла пожилая женщина и с улыбкой сказала: «Пожалуйста, проходите, доктор ждет вас». Доктор, которому тогда уже было далеко за семьдесят, широким жестом пригласил нас в маленькую комнату, где стояли покрашенное белой масляной краской деревянное кресло (естественно, совершенно не похожее на современное) и маленький диванчик, накрытый белоснежной простыней. Доктор, улыбаясь, смотрел как-то поверх простеньких очков, внимательно рассматривал меня (робко стоящую у дверей), и, ласково улыбаясь, сказал: «Не бойтесь. Кого хотите, сына или дочь?» - «Сына, дочь у меня уже есть». «Ну-с, посмотрим...». Без всяких современных УЗИ, доктор Васильев поставил правильный диагноз.

Потом, когда я с колясочкой с сыном ездил на «водную станцию», я всегда с чувством благодарности смотрела на этот домик. Позднее, лет через 15-20, будучи в командировке в Москве, я познакомилась с научным сотрудником из музея «Ясная Поляна». А знаете, - сказала она, - ведь я внучка знаменитого орловского врача, доктора Васильева, он жил на Дворянском гнезде». Жил... На моих

глазах этот ухоженный при жизни хозяина домик стал стареть и ветшать: выцвела краска, отлетела лепнина, поржавела крыша. А теперь на его месте и на месте ещё других небольших домов (кстати сказать, в одном из них несколько лет жил один из основателей Орловской организации художников И.М.Митрофанов) стоит большой современный жилой дом (ул.Горького, 1). Может быть, даже и красивый, кто знает...

Справедливости ради надо сказать, что на протяжении многих лет на Дворянском гнезде что-то делается для его мемориализации. В мае 1903 года Орловским обществом любителей изящных искусств здесь был открыт сад «Дворянское гнездо», здесь ставились любительские спектакли, устраивались концерты, гулянья, был установлен бюст И.С.Тургенева. Все это делалось к 20-летию смерти писателя. Прошли годы, Гражданская, Великая Отечественная война, оккупация...

И вот, в 60-е годы, в период подготовки к 150-летию И.С.Тургенева была сделана очередная попытка увековечить на Дворянском гнезде память о великом земляке.

В 1967 году построили беседку-ротонду, автором был архитектор Олег Владимирович Левитский, большой друг музея Тургенева. В 1971 году был установлен бюст И.С.Тургенева работы скульптора Г.П.Бессарабского. (Этот же скульптор – автор памятника Тургеневу на Тургеневском берегу). В 1987 году решением Облисполкома ландшафтный сквер «Дворянское гнездо» и прилегающая к нему территория были объявлены охранной зоной. А в сентябре 1993 года (110 лет со дня смерти писателя) был установлен памятный знак (камень-валун) с надписью: «Памятник истории. Ландшафтный сквер “Дворянское гнездо”. Охраняется как всенародное достояние».

...Теперь уже выражение «жизнь идет» утратило свой смысл. Правильно будет сказать «жизнь бежит»... Так и хочется задать извечный вопрос: «Что день грядущий нам готовит?» – по слухам, близким к официальным и почти официальным..., руководство детской областной больницы обратилось к губернатору с предложениями о необходимости очередного расширения больницы. Как сказал мне главврач В.И.Круглый, обещали строительство ещё одного корпуса. Не стоит, наверно, задавать вопрос – где? По-видимому, там, где стоит стародавняя колонка и «Дом Лемма»... Больше, в принципе, нигде... Новая судьба, наверно, ждет и дома №24-28 по улице Тур-

генева. Вообще-то, все они, записанные единой строкой 24-28, являются памятниками. Дом №28 выглядит лучше всех, поелику там находится «сменная общеобразовательная школа». В небольшом старинном особнячке в последние 20 лет что только не размещалось: магазин-салон готового платья Нелли Калашниковой, аптека, – но как-то всем не везло. Дом стоит с подтеками, обшарпанный, но с массивными железными дверями. Что там, за ними?... Недавно на Градостроительном совете шел разговор о судьбе дома 26. Какой-то инвестор (как теперь принято говорить) хотел построить на этом месте одноэтажный магазин. И эскиз не понравился, и инвестор, видимо, не понравился, и сама затея. На днях проходила мимо. Ничего не видно – установлен железный забор, выкрашенный зеленой краской, на нем надпись: «Картины и портреты, реставрация, ежедневно с 12 до 15, в любую погоду...» Пыталась войти в маленькую калитку, но она закрыта на замок, хотя время соответствовало указанному в объявлении. Загадки, загадки, загадки... Наверное, ответ надо искать в отсутствии перспективного градостроительного решения, и просто элементарного добросовестного отношения к делу. А между тем, приходят уже в упадок и дома «второго ряда» (если можно так выразиться), построенные в 50-60-е годы XX века в этой заповедной части города. Ржавеют водосточные трубы, выцветает краска, обваливаются подчас элементы балконов. Грустно... Когда-то эти дома строили для городского и областного руководства, ведущих преподавателей пединститута, для общественной и культурной элиты тех лет... Держится «последний из могикан» – Дом Лизы Калитиной.

Примечания.

1. В настоящее время орловским краеведам удалось доказать, что И.С.Тургенев бывал в «Доме Калитиных» (ныне ул. Октябрьская, 1) – ныне дом является памятником местного значения и сносу не подлежит.





IV.

Наши публикации





Тургенев в кругу русских художников на встрече нового 1875 года
у А.П. Боголюбова в Париже.
С литографии по оригиналу Н.Д. Дмитриева-Оренбургского. ОГЛМТ

ПИСЬМО И ПРОЕКТ А.П.БОГОЛЮБОВА ОБ УСТРОЙСТВЕ ГУБЕРНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ В РОССИИ (1881)

Публикация С. А. Ипатовой
С.-Петербург

Исследователям биографии И.С.Тургенева хорошо известно имя Алексея Петровича Боголюбова (1824–1896), внука А.Н.Радищева, известного живописца и академика Академии художеств,¹ коллекционера и мецената, общественного деятеля, близкого знакомого писателя и его корреспондента, автора обширных воспоминаний «Записки моряка-художника», многие страницы которых посвящены Тургеневу.² Близко они познакомились в Париже, вероятно, в середине февраля 1874 года,³ куда Боголюбов только что прибыл исполнять обязанности инспектора над пенсионерами Академии художеств (И.Е.Репин, В.Д.Поленов, А.А.Харламов, А.К.Беггров, К.А.Савицкий, Н.Д.Дмитриев-Оренбургский и др., позже к ним присоединились М.М.Антокольский, В.М.Васнецов, В.В.Верещагин). «Мои вечера (на рю де Рома, 93), — вспоминал Боголюбов, — отличались <...> простотою и веселостью. Заходили ко мне художники

¹ Подробнее о Боголюбове-художнике и полную библиографию о нем см.: Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. Т.1. Л., 1970. С.431-433. Издание не завершено.

² Впервые отрывки из воспоминаний о Тургеневе были опубликованы: Тургенев в последние годы жизни. Из воспоминаний и писем А.П.Боголюбова, 1873-1883 //Публ. Н.В.Огаревой //ЛН. Т.76. И.С.Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. С.441-482 (Из «Записок моряка-художника» – С.449-467); см. также новейшее отдельное, наиболее полное издание, но, к сожалению, тоже купированное: *Боголюбов А.П. Записки моряка-художника* //Публ., вступит. статья, коммент. Н.В.Огаревой. Самара, 2006. Далее ссылки на эту публикацию даются в тексте с указанием страницы. Рукопись «Записок» хранится: *ОР РНБ*. Ф.82. Ед.хр. 1-6. Н.В.Огаревой был опубликован целый ряд работ, посвященных Боголюбому, см., к примеру: *Огарева Н.В.*: 1) Волга в творчестве художника А.П.Боголюбова //Новая Волга. 1959. №29; 2). Крамской в воспоминаниях Боголюбова //Художник. 1972. №2; 3). Летопись жизни и деятельности художника А.П.Боголюбова. Саратов, 1988; 2) А.П.Боголюбов //Юный художник. 1992. №2. С.36-40; 4) А.П.Боголюбов – коллекционер //Коллекционеры и меценаты России /Сб. ст. Самара, 1998. С.156-168; 5) А.П.Боголюбов: Биобиблиографический указатель. М., 2005 и др.

³ По предположению Огаревой, сближение Боголюбова с Тургеневым состоялось в феврале 1871 г. (см.: *Огарева Н.В.* Летопись. С.52).

французы Бонна, Жан Поль Лоранс, Жером и прочие. Частенько у меня были музыка и пение. <...> На этих вечерах бывали часто И.С.Тургенев, А.К.Толстой («Князь Серебряный»), П.В.Анненков — друзья Тургенева», на этих вечерах Тургенев «иногда неподражаемо читал что-нибудь свое новенькое. Надо ему отдать справедливость, что он умел возбудить к себе всеобщее обожание» (*Записки*. С.178, 181). Уже в конце февраля 1874 года Боголюбов на правах близкого друга присутствовал на церемонии бракосочетания дочери Полины и Луи Виардо, любимицы Тургенева Клоди Виардо и Жоржа Шамро. Вспоминая события 1875 года, Боголюбов писал: «Благодаря Ивану Сергеевичу Тургеневу русские художники имели постоянно вход в дом и на вечера знаменитой м-м Полины Виардо, где случалось слушать превосходную музыку, самых лучших артистов, знаменитых певцов и певиц. <...> Бывали тут и литературные утра, организованные И.С.Тургеневым для усиления средств русской, учащейся в Париже, молодежи, которую он поддерживал, не зная отказа <...>» (*Записки*. С.181-182).

Упрочению установившихся до самой смерти Тургенева дружеских отношений между ними способствовала совместная деятельность по учреждению 28 ноября (10 декабря) 1877 года «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников» в Париже, председателем которого стал Боголюбов, а секретарем — Тургенев,⁴ который «немало потрудился» над Уставом Общества; писатель «увекочил себя тем, что был секретарем нашего парижского Общества русских художников, где он состоял и основателем и, конечно, являлся самой крупной единицей на всех наших вечерних собраниях, которые он любезно посещал с полным простодушием своей богатой натуры. Бывало, станет он читать что-либо из своих сочинений — все замрет кругом, и мы жадно ловим каждый его жест руки и не налюбujemy на выразительность его глаз и лица» (*Записки*. С. 192). Членами-учредителями Общества выступили также Антокольский, Харламов, Беггров и др. Целью его было «сплочение русских художников в Париже, поддержка тех из них, которые были лишены помощи Академии художеств. Важное

⁴ См.: Кузьмина Л.И. Посол от русской интеллигенции (К организации «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже») //Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С.Тургенева. Вып.4. Л., 1968. С.275–283. См. также: Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1876 1883) /Сост. Н.Н.Мостовская. СПб., 2003. С.162.

место в работе Общества занимала также популяризация произведений русских художников во Франции».⁵

В связи с затянувшимися хлопотами по организации в Саратове первого губернского художественно-промышленного музея им. А.Н.Радищева («Радищевского музея») Тургенев в начале 1880 года по просьбе художника и от его имени составляет черновик письма-«ультиматума», адресованного саратовскому городскому голове,⁶ в котором Боголюбов сказал, что отдает городу все свое художественное имущество, «состоящее, по крайней мере, <из> 75 тысяч рублей, требуя от города постройки музея с помещением для школы прикладных искусств по моему плану, а ежели не хотят, то пойду искать счастья в другой угол России, более отзывчивый. Ультиматум возымел действие, и после жарких споров и жгучих речей за и против господ-думцы решили принять предложение <...>» (Записки. С.204). Бездействие саратовского градоначальника и думы во многом объяснялось, вероятно, упорным желанием Боголюбова назвать музей именем опального деда. Об этом намерении, пытаясь обосновать его при встрече с великим князем Владимиром Александровичем, президентом Академии художеств, он пишет в своих воспоминаниях: «Я сейчас же сказал ему о том, кто он был (А.Н.Радищев. — С.И.), как был сослан в Сибирь, как он был учен и образован и какой был высокий христианин, несмотря на то, что признан был вольнодумцем Екатериной II. При мне была книга его «Путешествие из Петербурга в Москву», которую я просил его принять и, быть может, в часы досуга посмотреть, в чем состояло его вольнодумство». Возвратившись в Париж, Боголюбов рассказал свои «похождения» Тургеневу, который «очень был доволен и сказал: «<...> Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице Вашего деда Радищева,

⁵ Назарова Л.Н. Очаги русской культуры в Париже //И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. М.; СПб., 2009. Вып.1 /Отв. ред. Н.П.Генералова, В.А.Лукина. С.8.

⁶ См.: Тургенев и А.П.Боголюбов (К организации «Радищевского музея» в Саратове) /Публ. Е.А.Гитлиц //Тургеневский сборник. Вып.3. М.; Л., 1966. С.304-309; здесь же приведен текст тургеневского письма. Его факсимиле воспроизведено в кн.: ЛН. Т.76. С.461. Необходимо заметить, что в «Летописи жизни и творчества И.С.Тургенева (1876-1883) допущена ошибка: составление Тургеневым этого письма-«ультиматума» происходит не только в январе, до 20 (1 февраля) 1880 г. (С.310), но и «8(20) или 15 (27) апреля 1881 г.» (С.392); последняя дата не соответствует действительности.

который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян» (Записки. С. 205-206).

После «лавровской истории» и последовавшей за ней трагической кончиной Александра II 1 марта 1881 года, Боголюбов, считавший его своим покровителем, писал: «По всей нашей колонии уныние было всеобщим. <...> мы попросили Ивана Сергеевича Тургенева составить адрес от Общества русских художников к новому Императору, что он исполнил в коротких, но весьма прочувствованных словах» (Записки. С. 211)⁷. Вероятно, именно поэтому Боголюбову пришлось на время оставить реализацию проекта по созданию Радищевского музея, так как открытие музея имени екатерининского вольнодумца едва ли сообразовывалось с обстоятельствами 1 марта. Однако Боголюбов не отказывается от самой идеи и составляет новый Проект «об устройстве губернских художественных музеев в России».⁸

В Рукописном отделе Пушкинского дома хранятся автограф письма Боголюбова от 17 (29) октября 1881 года, адресованного незадолго до этого вступившему в должность министру Императорского двора и уделов графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову (1837-1916), а также текст самого Проекта (писарская копия) — материалы, известные исследователям, но не публиковавшиеся ранее и представляющие несомненный интерес не только для тургеноведов. Возможно, что и в этот раз Тургенев, посвященный во все перипетии по поводу Радищевского музея, по просьбе Боголюбова принял непосредственное участие в составлении и письма, и Проекта. Это вполне убедительное предположение было высказано в свое время Е. А. Гитлиц, которая на этом основании и по содержанию записки Тургенева к Боголюбову о каких-то «двух бумагах» датировала ее октябрём (не позднее 17) ст. ст. 1881 года. Приведем ее: «Вот, любезнейший А<лексей> П<етрович>, две бумаги. Напишите Ваше имя на оставленных пустых местах и пришлите обратно — я сегодня же их представлю. Жму Вам руку. Ваш Ив.Тургенев».⁹

⁷ См. также: Гитлиц Е.А. Тургенев и «лавровская история» //Тургеневский сборник. Вып.4. С.270-275; Кузьмина Л.И. Тургенев и художник Н.Д.Дмитриев-Оренбургский //Тургеневский сборник. Вып.3. С.266-268;

⁸ См.: Огарева Н.В. Летопись... С.102.

⁹ ПССиП(1). Письма. Т.13. Кн.1. С.135 (С.475 — коммент. Е.А.Гитлиц); см. также ее публикацию: Тургенев и А.П.Боголюбов (К организации «Радищевского музея» в Саратове). С.308.

Не исключено, что имеющийся Проект был подан незадолго до письма, так как в нем упоминается некая «краткая докладная записка» на имя А.В.Адлерберга, бывшего министра двора и уделов (уволен от должности 17 августа 1881 года). Учитывая это, остается предположить, что либо в записке Тургенева речь идет о других «бумагах», куда-то «представляемых» писателем; либо в связи с уходом Адлерберга письмо, а с ним и новая редакция Проекта были поданы заново, в таком случае именно о них идет речь в записке Тургенева, и тогда следует говорить о существовании еще и «краткой докладной записки» Боголюбова, нам неизвестной. Как бы то ни было, но ни одна из версий не исключает предположения об участии Тургенева в составлении этих бумаг и не ставит под сомнение датировку записки Боголюбова, нуждающуюся однако в оговорке.

Письмо и проект Боголюбова, поступившие в министерство двора, 14 декабря 1881 года были поданы для обсуждения графу Александру Алексеичу Васильчикову (1832-1890), директору Эрмитажа (1879-1889), гофмейстеру двора, любителю искусства, автору обширного исторического сочинения «Семейство Разумовских» (М., 1868); а затем в феврале 1882 года Петру Федоровичу Исееву (1831-после 1914), конференц-секретарю Академии художеств (1868-1889). Боголюбов был близко знаком с обоими и в своих «Записках» неоднократно высказывался о них как о карьеристах, интриганах и честолюбивых чиновниках. Так, об Исееве, возглавившим борьбу с передвижниками в середине 1870-х годов, он пишет, вспоминая о кампании по составлению нового устава Академии художеств в 1875 году: «...конференц-секретарь Исеев стал оказываться тем подлецом, которым явится на 22-й год своего управления Академией, то есть вором и ссыльнокаторжным» (см. *Записки*. С.173). Речь шла об открывшихся в 1889 году злоупотреблениях и финансовых махинациях Исеева, за которыми последовали разоблачение и ссылка в Сибирь.¹⁰ Что касается Васильчикова, то о нем



¹⁰ В своем дневнике 10 июня 1886 г. А.А.Половцов описал пример коварства Исеева: «Государь был очень мил и любезен, как всегда, а Владимир Александрович, увидав картину Савицкого, которую Боголюбов представлял государю, и, вероятно, подученный Исеевым, который сердит за то, что художники доходят до государя минуя его, Исеева, подойдя к картине Савицкого («На войну». — С.И.), сказал: “Какая дерзость представлять государю пьяных солдат”. Императрица и Елизавета Федоровна старались перед Боголюбовым смягчить резкость этой выходки» (Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А.А.Половцова: В 2 т. Т.1. 1883-1886 гг. /Под ред. П.А.Зайончковского. М., 1966. С.440, 544 – коммент.).

Боголюбов, встречавшийся с ним в Париже в 1859-1860 годах в связи с инспекцией русских художников в Париже, пишет: «С этой поры Васильчиков сделался моим врагом. Много прошло времени, когда мне пришлось с ним снова иметь дело, но тут я ему дал <...> нравственную пощечину <...>. О нравственной пощечине буду говорить после, когда дело пойдет об основании и открытии моего Саратовского Радищевского музея и о щедрых для него царских пожертвованиях» (*Записки*. С.117).¹¹

Эксперты представили свои пространные заключения, которые сохранились, приложенные к письму и Проекту Боголюбова. Суть их, при разности аргументации, личных установок и мотиваций, сводилась к категорическому неприятию Проекта, а также абсолютной невозможности его реализации по причине якобы отсутствия необходимых условий, то есть какого бы то ни было интереса в русском народе к художественной культуре. В этом пункте все противники Проекта Боголюбова совпали. Личное мнение самого министра Воронцова-Дашкова, покровителя Боголюбова, видимо, сочувствовавшего его начинанию и, вероятно, желавшего помочь художнику, не совпало с официальным ответом министерства двора и уделов и было зафиксировано им в день прочтения 15 февраля 1882 года на полях отзыва-«рапорта» Васильчикова от 30 декабря 1881 года (Л. 1-9 об.). Характер этих маргиналий, приведенных далее в примечаниях, не оставляет сомнений в сочувственной почину Боголюбова позиции.

Приведем представленные отзывы с некоторыми сокращениями, чтобы не упустить чего-либо в этих ярких образцах отечественного бюрократизма. Из «рапорта» Васильчикова, поданного на имя министра Воронцова-Дашкова: «Вопрос, поднятый профессором Боголюбовым, кажется мне настолько важным и требующим такого глубокого и всестороннего обсуждения, что я решаюсь заключения мои облечь в форму рапорта на имя Вашего сиятельства, извиняясь заранее за пространность оною.

Несомненно, что предположение основать музеи в разных городах России есть мысль благая. <...> К сожалению, между благою и идеальной целью и ее осуществлением лежит целая бездна. Во всех

¹¹ В своем дневнике 15 марта 1887 г. Половцов записал: завтрак у великого князя Владимира Александровича «происходит в обществе всякого человеческого хлама, как Васильчиков — директор Эрмитажа <...>» (Там же. Т.2. 1887-1892. С.38).

предприятиях, а тем более таких, где дело идет об отчуждении казенной собственности, следует твердо держаться практической почвы, не забегая вперед и не увлекаясь отвлеченными теориями, как бы благи они не казались. <...>

Я думаю, что имею полное право считать себя компетентным судьей умственного уровня наших губернских городов. Долгая жизнь внутри России, многолетняя и посильная, если не всегда полезная, служба земству дали мне случай понять и оценить губернскую жизнь нашу с ее насущными потребностями. Близкое знакомство это убеждает меня в том, что не наступило еще время для осуществления благих предположений профессора Боголюбова.

У нас едва еще открываются училища, нигде почти не ощущается потребности в публичных библиотеках, за исключением столиц, нигде учиться живописи, ваянию, музыке.

Едва ли полезно будет бросать основания наглядному художественному образованию там, где еще почти не существует сознания о том, что такое художество. Сперва надо позаботиться о развитии этого сознания¹². Музеи своего рода роскошь. Они у места там, где уже ясно понятно народонаселению вся образовательная польза искусства.

Там же, где нечем утолить самую насущную умственную жажду, основание музеев не может еще быть полезным. Мы слишком часто увлекались заграничными примерами и заботились о венце здания, не обращая внимания на то, что оснований этому зданию еще не существует. Кажется, мы уже довольно проучены горьким опытом. Мы далеко отстали от Европы. Долго придется нам еще потрудиться и поработать над собою, прежде чем мы достигнем умственного ее развития. Много и много годов пройдет еще до того времени, когда и у нас, по выражению профессора Боголюбова, «при каждой ратуше будет свой музей охотно посещаемый и обогащаемый местными обитателями». В остальной Европе, задолго до основания музеев этих, местные горожане были уже людьми грамотными, они имели все средства удовлетворить любовь к знанию; им близко была знакома летопись своего прошлого, они дорожили и гордились каждым памятником своей старины, свято охраняя почтенную древность своих храмов и ратушей. При последних сперва основаны были

¹² *На полях рукой И.И.Воронцова-Дашкова: «лучше всего развивается наглядным способом».*

образцовые народные школы, потом учреждались общественные библиотеки и читальни, с течением времени завелись школы рисования и музыки.¹³ Только в самое последнее время, когда любовь к искусству начала проникать в народные массы, стала в Европе осуществляться благая мысль об основании общественных музеев во второстепенных городах. До этого, повторяю, нам еще далеко. Не только теперь нечем насытить самых первых умственных потребностей, но у нас не созрело даже сознание необходимости сохранять и оберегать немногие памятники прошлого. Лучшие представители нашего городского населения ходатайствуют об искажении древних храмов, об уничтожении¹⁴ старинных городков и стен, и правительству приходится с трудом огорождать заветную святыню. Только благодаря вмешательству верховной власти устояли: Китайгородская стена в Москве, строенная Еленюю Глинскою, кремль в Смоленске, Пскове, Серпухове, Коломне. А сколько остатков святой русской старины уже стерты с лица земли! Не стану упоминать об отдаленных местностях, укажу только на Кремль первопрестольной Москвы, умственный уровень которой, несомненно, стоит выше других городов русских. Стоит только войти в любой из кремлевских соборов, чтобы понять, как мало мы еще умеем ценить немногие заветы, оставленные нам нашим прошлым. Где нам думать об основании музеев по городам, когда мы в столицах наших с какою-то лихорадочною страстью уничтожаем все то, что могло бы нам напомнить про былое<?>

Пример последнего десятилетия нам ясно доказывает, как опасно слишком поспешно предаваться, но до сих пор еще отвлеченной у нас мысли основать музей.

Лет десять тому назад в Новгороде, при общих усилиях земства и губернских властей основано было древнехранилище. С разрешения святейшего Синода в музей этот из разных церквей и монастырей Новгородской епархии собраны были лучшие памятники старинного быта и древнего русского искусства. Новый музей быстро обогащался, он обратил на себя внимание всех археологов, посещавших Новгород. Его внимательно осмотрели их Императорские Высочества великие князья Сергей и Павел Александровичи. Все

¹³ *На полях рукой Воронцова-Дашкова*: «Такую строгую историческую последовательность едва ли можно доказать».

¹⁴ *На полях рукой Воронцова-Дашкова*: «Следовательно, наша публика требует ознакомления с искусством».

шло сначала прекрасно, но возникли споры между земскою управою и губернскими властями. Из-за личных видов и мелких расчетов тщеславия музей закрыли, часть его собраний была расхищена ловкими аферистами, а остальная часть поспешно роздана по разным ведомствам, чтобы скрыть следы похищений. Жалкие остатки некогда богатого музея валяются ныне в сыром сарае при земской управе, где я их сам лично видел два года тому назад. Собранные по церквям и монастырям драгоценные предметы пропали навсегда для Новгородской епархии.

Мы имеем под рукою еще более разительный пример того, как глубоко и всесторонне следует обдумать предположение об основании музея и как опасно легкомысленно и неосторожно взяться за подобное дело.¹⁵ Лет пятнадцать тому назад, за исключением Кремлевских собраний, в Москве музеев не существовало. Местная печать и отдельные личности громко заговорили о необходимости их основания. Создание музеев стало в первопрестольной столице нашей какою-то маниею. Не задаваясь лишним мудрствованием, принимались созидать со всех сторон Москвы без толку и, к сожалению, без всякого вкуса¹⁶ и знания дела огромные здания, стоившие несметных денег. Разом возникли четыре отдельных музея. В великолепных Пашковских палатах на Моховой, рядом с завещанным С.-Петербургу канцлером графом Н.П.Румянцевым книгохранилищем, которое, за неимением другого содержания, пришлось, вопреки воле завещателя, перевести в Москву, и Прянишниковскую галерею русской живописи, представляющей набросок без конца отечественного искусства, гнездятся начатки разнообразных исторических, этнографических, антропологических и других иных собраний, которые так и остаются полуоформленными набросками. О пополнении этих начатков никто уже не думает, и в Прянишниковской галерее нет ни одного произведения новейших и лучших художников наших.

На Лубянской площади вознеслось громадное и бесстильное здание с начатками Политехнического музея. На Мясницкой, на месте пожертвованного правительством под Промышленно-художественный музей здания (некогда дом графов Шуваловых), где вначале с необыкновенным знанием дела и талантом собраны были извест-

¹⁶ *На полях рукой Воронцова-Дашкова: «вот это напрасно»; от слов «без толку» подчеркнуто им же.*

ным нашим деятелем в области искусства Д.В.Григоровичем прелестный почин собрания, воздвигнуты огромные безобразные дома, ясно доказывающие, как мало еще привилось у нас художество к промышленности. Ради домов этих, исключительно приспособленных под квартиры с чисто коммерческой целью, пришлось сломать дом, пожертвованный под музей правительством; и не только никому не приходит на мысль пополнить с такою любовью и старанием составленное Д.В.Григоровичем собрание, но и самое собрание это, за неимением в новых зданиях места, пришлось заколотить в ящики и сложить в сырые подвалы, где половина предметов истлела. Наконец, на самом историческом урочище Москвы, на Красной площади, рядом с Воскресенскими воротами и напротив церкви Василия Блаженного, возвышается недостроенная громада Исторического музея. Стоит она в бессвязном своем сочетании всех возможных стилей и архитектур, как злая насмешка над бесподобным памятником времен грозного царя Иоанна. В громаде этой есть все, кроме изучения русского народного зодчества, которому не худо было бы поучиться тем архитекторам, или вернее, живописцам, столь самонадеянно взявшимся за составление его начертания. Исторический музей стоит в самом центре Москвы без полов и потолков. Много еще потратить денег, а окончание его, еще более на те предметы и собрания, которые со временем должны составить его содержание.

Итак, мне кажется, что прежде, чем думать об основании новых музеев по России, следует позаботиться о довершении и приведении в окончательное устройство тех, которые были, быть может, несколько легкомысленно задуманы, но которые уже стоили огромных денег и стоят в неоформленном и хаотическом виде своем, как прямой укор общественному равнодушию и несочувствию к искусству и старине.

Когда музеи в Москве достигнут блестящей степени развития, когда у нас по всем городам заведутся публичные библиотеки, когда везде основаны будут вполне хорошие школы рисования и черчения,¹⁷ когда местное население станет понимать значение исторической старины и будет уметь ее охранять и огорождать, тогда только, по крайнему моему разумению, наступит пора серьезно заняться мыслью об основании по губернским городам художественных му-

¹⁷ *На полях рукой Воронцова-Дашикова: «Могут ли эти школы существовать без музея? Не должны ли школа и музей являться одновременно?».*

зеев. Но и тогда подобное основание может быть только в том случае вполне полезно и целесообразно, когда местное население, вполне сознав всю необходимость его, через посредство своих представителей, не только решит открытие музея, но и вполне обеспечит его существование. При подобном условии можно уже твердо верить в успешное осуществление прекрасной мысли профессора Боголюбова, и тогда наступит для правительства время прийти на помощь учреждаемым музеям.

Итак, в силу всего изложенного выше, я нахожу, что предположение профессора Боголюбова об учреждении музеев в губернских городах как несвоевременное, следует отклонить. <...>

Не знаю, во сколько можно упрекнуть в праздности бедный народ наш, с такими невероятными усилиями добывающий трудовую копейку. Решение этого вопроса не идет к делу. Невольно спрашиваешь себя, во сколько может поднять дух (или душу, как выражается профессор Боголюбов) народный созерцание нескольких экипажей, кое-какой сбруи, оружия, ковров (будь они Бовэ или Арацци), бронзы, мебели, стекла фарфора? К чему, как не одной растрате денег поведут все расходы на помещение и перевозку этих эклектических, лишенных всякой системы собраний? О картинах и мраморах, которые, между прочим, все выставлены в галереях Эрмитажа, не может быть и речи. Существующий закон положительно воспрещает всякое отчуждение эрмитажной собственности. <...> Все то, что г. Боголюбов желает перенести в задуманные им музеи, он называет бесполезным излишком. <...> Благодаря несчастному этому образу мыслей много драгоценных предметов за бесценок попали на Апраксин и Щукин дворы. Сколько дорогой бронзы, редчайших гобеленов, Бовэ и Арацци, зря розданы были из Зимнего дворца и Эрмитажа в Академию художеств, Театральное ведомство и Конюшенную контору <?> <...>

В конце пространного моего рапорта считаю долгом изложить следующее мое замечание.

1. Устройство музеев в губернских городах признать несвоевременным.

2. Содействие к основанию их как Императорского Эрмитажа, так и иных учреждений придворного ведомства, отклонить вполне.

*Директор Императорского Эрмитажа Васильчиков».*¹⁸

¹⁸ См.: *РО ИРЛИ*. Р.1. Оп.2. Ед.хр. 90. Л.1 9 об.

Справедливости ради следует сказать, что Васильчиков имел основания не принимать проект Боголюбова и по объективным причинам. Назначенный директором Эрмитажа всего за два года до рассматриваемых событий, он развил активную деятельность по расширению и сохранению эрмитажных коллекций. Почти одновременно с Боголюбовым 8 октября 1881 года им был подан рапорт о создании Музея русского искусства в Москве. Что касается эрмитажных коллекций, то, направляя свои усилия на дальнейшее собирание предметов искусства для центрального музея, он ни в коем случае не был заинтересован в выделении части экспонатов в музеи провинциальные, в то время как музейное дело не было поставлено на должном уровне в Петербурге и в Москве.

В менее категоричном, но также отрицательном отзыве конференц-секретаря П.Ф.Исеева, озаглавленном «По вопросу об учреждении постоянных музеев по городам», составленном 19 февраля 1882 года, говорится: «...главная сторона этого вопроса заключается в том, чтобы доказать положительно, что учреждение музеев вызывается потребностью. <...> Но по вопросу о музеях мы, к сожалению, не видим этой потребности. До сих пор ни один город не выразил не только перед правительством, но даже и в своей среде ни малейшего желания устроить у себя музей; следовательно масса не чувствует в нем потребности. <...>

Итак, бесспорно, что устройство художественных музеев по городам есть дело прекрасное, но оно будет еще прекраснее и плодотворнее, когда правительство вызовется на их учреждение потребностью жизни; до того времени средства, которые будут потрачены на это, пропадут бесследно, вполне непроизводительно. <...>

Что же касается до устройства музеев художественно-промышленных, то, несомненно, эти музеи для нашей промышленности, крайне нуждающейся в художественном элементе, особенно нужны.

Но устройство их, во-1-х, необходимо не в больших городах, а в больших промышленных центрах, где преимущественно группируются фабрики, и живет фабричный народ, во-2-х, содержание музея должно непременно соответствовать потребностям фабричной местности. Соединение же музеев чисто художественных с художественно-промышленными императорская Академия художеств признает неудобным. Исеев».¹⁹

¹⁹ Там же. Л.25 31

Еще до получения официального ответа Боголюбов в письме к И.Н.Крамскому от 14 февраля 1882 года писал о трудностях с утверждением его проекта — Академия художеств и Васильчиков «противятся».²⁰

Официальный ответ Воронцова-Дашкова, составленный делопроизводителем на основе «рапорта» Васильчикова, был направлен в Совет министров 15 февраля 1882 года: «Что касается вышеизложенных предположений профессора Боголюбова об устройстве упомянутых художественных музеев, то по этому предмету канцелярия министерства предварительно входила в сношение с директором Императорского Эрмитажа. Ныне действительный статский советник Васильчиков <...> находит такое предположение неудобноисполнимым и *несвоевременным*, которое следует *отклонить*».²¹ Так закончилась история с Проектом Боголюбова об устройстве губернских художественных музеев в России, в котором, вероятно, принял участие и Тургенев.

Оставалось три года до открытия в Саратове первого губернского художественно-промышленного музея им. А.Н.Радищева (29 июня 1885 года).²² Говоря о «нравственной пощечине» директору Эрмитажа Васильчикову, Боголюбов имел в виду вскоре последовавшее разрешение Александра III отобрать из кладовых Эрмитажа все, что Боголюбов сочтет полезным для своего музея. 7 июля 1884 года Воронцов-Дашков передал Васильчикову, что «Государь Император Высочайше соизволил разрешить передать в устраиваемый в городе Саратове, при участии профессора живописи Боголюбова, музей изящных искусств, для пополнения одного художественные предметы».²³ «Первоначальная моя коллекция, — писал Боголюбов, — была, конечно, весьма незначительна, но Государь Император оказал щедрую помощь новому учреждению. Он дал мне право выбрать из складов Эрмитажа дубликаты картин древней школы. Импера-

²⁰ См.: *Огарева Н. В.* Летопись... С.104.

²¹ Там же. Л.11 12 об.

²² См.: *Пыпин А. Н.* Открытие Радищевского музея, основанного А. П. Боголюбовым в Саратове // *ВЕ.* 1885. Т.4. Кн.7 8. С.836 844); Куш А.Л. Радищевский музей в Саратове // *ИВ.* 1890. Т.39. №1 3. С.175 185.

²³ Архив Государственного Эрмитажа. Ф.1. Оп. V. №27. Л.7 (Дело о передаче картин, бюстов и барельефов Радищевскому в городе Саратове музею). Н.В.Огарева, ссылаясь на публикацию в еженедельнике «Художественные новости» пишет, что высочайшее разрешение последовало 22 мая 1887 г. (см. *Огарева Н.В.* Летопись. С.132).

торские заводы: фарфоровый, гранильный и стеклянный снабдили меня своими дубликатами всякого рода и разных эпох, Императорский кабинет отпустил излишние мраморы и другие предметы. Когда же состоялась покупка Голицынской галереи в Москве, то Государь снова велел передать в Радищевский музей все, что оказалось непригодным для Эрмитажа, так что я получил дорогие картины, прекрасный фаянс и фарфор русский и Луи XV со множеством мелких бронз и японских редкостей» (Записки. С.228).

В память о Тургеневе и в благодарность ему Боголюбов организовал «под сенью Радищева», «которого Иван Сергеевич всегда высоко ценил», экспозицию личных вещей писателя, «реликвий», переданных художнику Полиной Виардо; портретов, рукописей — «Уголок Тургенева» — первый музей писателя в России (Записки. С.227).

Письмо Боголюбова публикуется по автографу, Проект по писарской копии, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением характерных особенностей авторского написания, сохраняемых в публикации.

А.П. Боголюбов — И.И. Воронцову-Дашкову
17 (29) октября 1881 г. Париж

Ваше сиятельство
граф Илларион Иванович!



В бытность мою в С.Петербурге я имел честь говорить с Вашим предместником господином министром высочайшего двора графом Александром Владимировичем Адлербергом¹ по поводу устройства художественных музеев во всех провинциальных университетских городах, а также в некоторых губернских, в коих уже положены слабые основания художественным коллекциям; причем был развит мною план устройства оных из второстепенных художественных предметов, составляющих собственность Императорского двора и находящихся ныне в Кавалерских комнатах загородных дворцов, в отдельных забытых павильонах (Екатерингофском и др.), в Таврическом дворце, в кладовых Эрмитажа, Академии художеств, Александровской и стеклянной мануфактур, гранильной фабрики и пр. и проч., словом, я указывал, сколько мне известно, где можно отыскать картины, мрамор, гипсы, фарфор, стекло, мебель, бронзу, ковры (го-

белены, Бове, Арацци²), медали, оружие, железо, сбрую, экипажи и другие предметы, носящие на себе отпечаток старины или художественности, что подлежит осмотру и по приведении в ясность может служить для осуществления предназначенной цели.

Граф Александр Владимирович выслушал меня весьма внимательно, заметив, что собственность Императорского Эрмитажа, в силу закона, остается всегда неприкосновенною, но что касается до других имуществ высочайшего двора, то они могут подлежать отчуждению, если на то воспоследует монаршая воля. Я позволил себе выяснить графу, что никогда не имел дерзновенной мысли посягать на драгоценности каких бы то ни было прежде устроенных музеев, но предлагаю только обратить внимание на *бесполезный излишек*, который, будучи роздан в губернские города, во вновь устроенные галереи, необходимо положить <в> основание наглядному художественному образованию народа, у которого нет никаких средств к тому, кроме обеих столиц; тогда как во всех странах Европы каждый малоизвестный городок имеет при ратуше музей, охотно посещаемый и обогащаемый обитателями. В силу всего изложенного, с согласия бывшего министра двора, мною была подана его сиятельству краткая докладная записка (участь ее мне неизвестна³); но так как Вы, сиятельный граф, ныне сделались моим главным начальником, то я осмеливаюсь покорнейше просить Вас обратить просвещенное внимание Ваше на мною поданный документ, не оставить его обсуждением и, буде возможно, представить государю императору этот поистине полезный проект, долженствующий увековечить драгоценное для нас всех имя монарха, даровавшего своему народу новое могучее средство воспитать в себе любовь к искусству и ко всему прекрасному!

Лучшим воспоминанием моей жизни всегда будет то время, которое я имел счастье посвятить художественным занятиям государыни императрицы⁴; это дало мне возможность убедиться в высокохудожественной натуре, любви к искусству и древностям нашего государя императора; а, сопутствуя неоднократно и много лет его величество по картинным магазинам, фабрикам и мастерским художников в России и за границей, я убедился в том, что никого ни разу Государь не обошел своею милостью на пути поощрения.

Все это вместе взятое дает мне смелость говорить Вашему сиятельству, которому еще более меня известны все доблестные качества нашего императора, что он и ее величество настолько любят искусство, что никогда не оставят без сочувствия предложение Ваше

по устройству губернских музеев и тем даруют народу русскому то наглядное образование, которое возвысит его душу, спасет отчасти от губительной праздности и образует вкус и любовь к изящному!

Быть может, найдутся люди, которые, относясь слишком строго к созданию таких музеев из второстепенных художественных произведений, скажут, что подобная слабая обстановка не может влиять на художественное развитие народа; на это я осмелюсь сказать, что редкие музеи европейских столиц имеют оригиналы, но что все почти, без малого исключения, составлены из копий с картин или слепков с античных статуй и других предметов, как древней, так и новой школы; но между ними являются и прекрасные произведения новейшего и древнего искусства, пожертвованные различными любителями дела; так что из скромного начала теперь уже образовались весьма почтенные коллекции. Это-то благое начало будет зависеть от Вас, Ваше сиятельство, ибо Вы, как хозяин и хранитель царского добра, единый можете доложить его величеству о почине губернских музеев, и буде воспоследует на то монаршая воля, поручить это великое дело следующим людям, которые всецело отдадутся ему. А таких личностей немало у нас на Руси; ибо музей Общества поощрения художников, так недавно созданный из ничего, ясно говорит, что ежели маленькое частное дело имело своих покровителей, то неужели на народную пользу не откликнется вся августейшая царская семья и те же графы гг. Строгановы, Е.Д. Нарышкин, князь Паскевич, гг. Половцев, Балашов, Боткин⁵ и пр., и проч., а за ними пойдут и все художники, как Антокольский (он уже пожертвовал в мною учреждаемый в г. Саратове Радищевский музей все слепки с своих статуй⁶); Харламов (он как саратовец желает туда отдать все этюды)⁷; наконец, я лично предлагаю с удовольствием участвовать в каждом из музеев своим трудом и убежден, что гг. Крамской, Репин, Шишкин, Маковский, Сорокин, Бронников, Клевер, Васнецов⁸ и пр., и проч. примут самое живое посильное участие в этом и последуют нашему примеру, ежели Вы только пожелаете.

Изложив мысль мою о музеях, считаю долгом напомнить Вашему сиятельству, что осмеливаюсь Вас беспокоить моим почтительным письмом вследствие данного мне Вами позволения в Александрии, где я снова имел счастье говорить с государем императором, но не позволил себе заявить лично о моем проекте, сознавая, что осуществление его зависит ни от кого другого, как от министра высочайшего двора, а потому и прошу снисходительно принять его на Ваше благоусмотрение.

Не знаю, известно ли Вашему сиятельству, что их величества дали мне лестное право высылать им от времени до времени, по моему усмотрению, некоторые художественные увражи, появляющиеся в свете, и делать сообщения о том, что здесь появится интересное и новое в области искусств. Прежде я это делал через генерал-адъютанта В.В.Зиновьева⁹, но так как теперь все переменялось, то осмеливаюсь сделать первую высылку роскошного иллюстрированного каталога бывшего салона 1881 года для его величества на Ваше имя, приложив при сем образцы обеденных карт (Menus), исполненных офортом лучшими художниками, недавно изданными в свет через посредство картинного магазина Goupil¹⁰, известного государю императору, и в случае, ежели они понравятся, то буду ожидать Ваших приказаний, касательно их высылки в большем количестве¹¹.

В заключение покорнейше прошу Ваше сиятельство простить мне за причиняемое беспокойство; но я так люблю русское художество и родину, что хотя и живу за границей, но лучшие думы и лучшие пожелания мои всегда направлены на пользу отечественного искусства. Ежели Ваше сиятельство только пожелаете и позволите мне, то я буду очень счастлив, сообщить Вам выработанный моею 28-летней трудовой деятельностью справедливый и честный взгляд на все то, что нам нужно и не нужно в нынешнее время, дабы художники были истинными гражданами по своему воспитанию и не обременяли государство своею беспомощностью.

С глубоким уважением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства
покорный слуга
Алексей Боголюбов

г. Париж
1881 года октября 29
Boulevard Clichy №11.

<Проект А.П. Боголюбова об устройстве
губернских художественных музеев в России>

В последнее время в западных государствах замечается стремление к образованию, помимо главных капитальных музеев изящных искусств, небольших музеев во второстепенных городах. Мысль, лежащая в основании этого, есть доставление возможности изучать не в одной только столице историю различных отраслей художества.

В настоящее время многие провинциальные города Голландии, Бельгии и Германии стали устраивать у себя городские музеи, собирая в них старинные и новые картины, дабы дать возможность провинциальным жителям ознакомиться сколько-нибудь с теми главными школами живописи, которые составляют славу прошедшего и настоящего времени.

Даже Берлинский музей среди античных мраморов допустил у себя гипсовые слепки замечательнейших произведений скульптуры, находящихся во владении чужих стран, а Синдегамский музей в Лондоне имеет самую полную коллекцию гипсовых воспроизведений со всех скульптурных памятников древних и средних веков в исторической последовательности. Этим осуществляется давно признанное за истину воззрение, что развитие вкуса к изящным искусствам составляет один из значительных воспитательных элементов страны. По той же причине история искусств всегда считалась одним из предметов классического образования, и в каждом университете, за границей и у нас, имеет свою кафедру.

У нас, в Москве, положено этому основание в 1861 г. учреждением Московского Публичного Музея¹², в котором собрание картин главных школ живописи было даровано из Эрмитажа, при рассортировке его в 1861 г. берлинским профессором Ваагеном¹³; причем было отделено для этой цели 130 картин, давших представителей по каждой известной школе живописи, конечно, сохраняя за Эрмитажем наиболее сильные экземпляры тех же школ. При этом утилитарная цель стояла на первом плане — отделение из Эрмитажа картин, хотя наименее сильных, хотя бы даже и сомнительной оригинальности, но представляющих хорошо известную школу и считавшихся долгое время, до приобретения лучших экземпляров, за несомненные оригиналы в самом Эрмитаже, отвечала прямой и ясно сознанный задаче, заключавшейся не в удовлетворении нескольких знатоков, а в представлении более образованной массе жителей Москвы возможности получить какое-нибудь понятие о художественных произведениях прошедшего времени. Однажды положенное основание немедленно стало оказывать свое полезное действие; к этим 130 картинам была вскоре присоединена известная картинная коллекция покойного Прянишникова, русской школы, купленная в Бозе почившим Государем для Московского музея¹⁴; частные лица, сочувствующие делу, начали жертвовать картины, даже заказывать их нарочно для пополнения этой галереи; существуют формально засвидетельствованные и заявленные музеем завещания о переда-

че частных коллекций после смерти владельцев их в Московский музей, как напр<имер>: замечательная коллекция гофмейстера Бибикова¹⁵. В Москве существует отданная городу г.Третьяковым прекрасная галерея русской школы¹⁶ (по времени, служащая продолжением галереи Прянишникова), собранная им из лучших картин, появившихся на выставках в Академии художеств, и вся коллекция известного художника Верещагина, которые обе, при некотором соглашении администрации музея с городским управлением, вероятно, присоединятся к коллекциям музея. Таким образом, Москва будет и далее развивать сама свои художественные богатства, для которых нужно было положить только начало.

Начало скульптурного отдела в Москве было положено просвещенною щедростью в Бозе почившею великою княгинею Еленою Павловною, заказавшею нарочно для возникавшего музея целое собрание гипсовых слепков архаического периода греческой скульптуры.

Кроме же Москвы, в других больших городах России, как Киев, Харьков, Одесса, нет положительно ничего; ни жители, наиболее образованные этих мест, ни учащаяся в университетах молодежь ничего не видят, и, несмотря на кафедры истории изящных искусств, никакого представления о последних сделать не могут; вкус к художествам в более состоятельных слоях общества не развивается; затраты, иногда огромные, на украшения частных домов и помещений ограничиваются поощрением мебельных фабрикантов и обойщиков; художники ничем при этом не поощряются и потому не возникают, а возникающие бедствуют. За отсутствием вкуса к художественным наслаждениям огромные деньги тратятся на развлечения грубые.

Между тем, <существует?> не только необходимость, но, представлялось бы, и возможность теперь же начать это полезное дело. Следовало бы обратить внимание на большое количество картин, купленных давно, в разное время, правительством, и прошедших в свое время чрез Эрмитаж под титулом оригиналов, а теперь разбросанных по разным дворцам, по комнатам, назначенным для служащих и приглашенных, по проходным галереям, даже по коридорам, картин, приходящих постепенно в такое положение, что скоро они даже ничего не будут собою представлять, не говоря о том, что они и теперь на постоянных местах своих не доставляют никому ни пользы, ни удовольствия.

Таковые картины в Гатчинском дворце, в Петергофском дворце, в Таврическом дворце, в кладовых дворцовых, даже в кладовых Эр-

митажа насчитываются в большом числе, составляя огромный бесполезный склад, от которого нет места ни для одной картины новых художников, а следовательно, и нет надежды для последних в поощрении покупкою их произведений. К сожалению, следует вспомнить при этом о весьма большом количестве картин, которое было продано из Эрмитажа в <18>40-х годах, при первой сортировке его картин, признанных тогда за сомнительные оригиналы. Сколько известно, вырученная за них сумма была очень небольшая, а между тем, они исчезли навсегда для общественной пользы. Для осуществления этой задачи можно бы было начертать, хотя приблизительно, некоторый порядок исполнения:

Назначается небольшая комиссия, которой дается совершенно ясно определенная задача, вполне утилитарная, без вторжения в нее отвлеченно высших художественных требований; а именно: снабдить главные центры провинции коллекциями предметов живописи старых школ, по возможности в историческом порядке, выбрав для того картины из запасов, какие будут указаны.

В эту комиссию, кроме заведывающего Эрмитажем А.А.Васильчикова и барона Брюнинга (служащего в Эрмитаже)¹⁷, можно было бы пригласить очень хорошо знакомых с старинною живописью, например: тайного советника доктора Козлова, тайного советника П.П.Семенова (председателя Статистического комитета), академика Боткина, Б.Н.Чичерина (из Москвы), г.Сомова (помощника секретаря Академии наук)¹⁸.

Этой комиссии следует указать пределы тех запасов, в которых она имеет право черпать составление своих групп.

Так как и в больших первоклассных музеях мы встречаем картины, кои подписаны принадлежащими только известной школе, а не мастеру, то комиссия ограничится, прежде всего, обозначением школы, к которой картина принадлежит, и этим удовлетворится.

Составив описи всего запаса, могущего поступить в избираемые коллекции, нужно отобранные картины снести в одно место, дабы оставшимися от них пустыми местами можно было распорядиться одновременно. Снести можно было бы напр<имер>: в Таврический дворец или в пустое помещение министерства внутренних дел (у Александровского театра), и на приделанных прутьях повесить по стенам, что представит много удобств для разбора и сортировки картин. В Академии художеств определить несколько мастерских для реставраторов, равно как позволить реставрировать и в залах Эрми-

тажа подле картин тех же школ, которые могут служить моделями для реставрации.

Само собою разумеется, что техническая реставрация, как то: наложение на другое полотно или дублирование картины, перевод ее красок на новое полотно или рантуалирование, сделание паркета, перевод с дерева на полотно может быть вполне поручено Сидоровым (в Эрмитаже)¹⁹, а также другим в Петербурге, довольно умелым мастерам этого дела.

Реставрация художественная может быть поручена нашим же петербургским реставраторам, из коих многие приобрели значительную опытность и умение, тем более, что для их руководства в Эрмитаже имеются оригиналы по всем школам. Опыт покажет, можно ли обойтись при этом своими реставраторами или впоследствии нужно будет пригласить таковых из заграницы.

Предположив составить сначала хотя три коллекции, каждую в возможной полноте представителей главных школ живописи, числом 50 картин, можно, конечно, только приблизительно определить стоимость этого предприятия.

1. Предположив, что 1/2 их числа потребует механической реставрации (Сидоровых) и каждая картина круглою цифрою обойдется 30 р., следовательно, 75 картин будут стоить 2250 р. <2.> Положив, что 2/3 картин будут требовать реставрации художественной, будет достаточно назначить по 50 р. На каждую из 100 картин, что составит 5000 р. Весь расход, таким образом, может составить от 8 до 9 тысяч рублей.

Из университетских городов Киев, Харьков, Казань, Одесса и др. получают эти коллекции те, которые окажут наибольшую готовность их поместить у себя как начало развития художественных собраний.

Из примера Москвы, где тотчас же дальнейшее развитие привилось к положенному началу, можно ожидать того же и в новых центрах.

РО ИРЛИ. Р.І. Оп.2. Ед.хр. 90. Л.13-22об.

Примечания.

1. Адлерберг Александр Владимирович (1818-1888), министр Императорского двора и уделов, член государственного совета; 17 августа 1881 г. «по расстроеному здоровью» был уволен от должности.
2. Бове (франц. Beauvais) – в XIX в. крупная мастерская гобеленов, названная по имени города во Франции. Араци (арасы) – тканые картины,

по названию французского города, где, начиная с XIV в., стали производиться безворсовые ковры.

3. Подробнее об этом см. в преамбуле.
4. С 1867 по 1873 гг. Боголюбов руководил занятиями по искусству императрицы Марии Федоровны, в бытность ее цесаревной. См. Записки. С.154-161, 173.
5. Строганов Григорий Сергеевич (1832-1910), граф, шталмейстер двора, коллекционер, завещал большую коллекцию картин Эрмитажу; Строганов Павел Сергеевич (1825-1911), граф, гофмейстер двора, коллекционер; Нарышкин Эммануил Дмитриевич, обер-гофмаршал; Паскевич Федор Иванович (1823-1903), князь Варшавский, генерал-лейтенант; Половцов Александр Александрович (1832-1910), государственный и общественный деятель, зять финансиста барона А.Л.Штиглица, мецената, оплатившего устройство в Петербурге училища прикладного рисования (29 декабря 1881 г., по примеру училища рисования, созданного в Москве графом С. Г. Строгановым («Строгановское»), попечитель училища Штиглица, активный участник создания Музея при училище Штиглица (с 1876 г.), меценат и коллекционер. В 1875 г. Половцов писал: «Россия будет счастливой, когда купцы будут жертвовать деньги на учение и учебные цели без надежды получить медаль на шею» (Цит. по: Прохоренко Г. Сановник, меценат и коллекционер Александр Александрович Половцов //Наше наследие. 2006. №77. С.24-27); на деньги Половцова и под его наблюдением был издан Российский Биографический Словарь (СПб., 1896-1918. Т.1-25); Балашев Иван Петрович (1842-?), егермейстер, председатель Общества поощрения художеств; Боткин Михаил Петрович (1839-1914), живописец, гравер, коллекционер, директор Музея Общества поощрения художников в Петербурге, друг Боголюбова. Среди многочисленных пожертвователей для саратовского музея есть и имя А.А.Краевского, подарившего Боголюбову, по воспоминаниям И. И. Ясинского, «папку с рукописями и черновиками» Лермонтова (см.: Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний: В 2 т. /Сост. Т.В.Мисникевич и Л. Л. Пильд. Т.1. М., 2010. С.401-402 (сер. «Россия в мемуарах»)).
6. Антокольский Марк Матвеевич (1843-1902), скульптор, Тургенев высоко ценил его творчество; бюст Тургенева работы Антокольского был подарен Радищевскому музею. Подробнее о скульпторе см. Записки. С. 242-247.
7. Харламов Алексей Алексеевич (1842-1925), живописец, жанрист и портретист. Один из лучших портретов Тургенева, по мнению самого писателя, принадлежит Харламову, которого он считал выдающимся художником современности.
8. Крамской Иван Николаевич (1837-1887), живописец, художественный деятель, идейный руководитель «Товарищества передвижных художественных выставок»; Репин Илья Ефимович (1844-1930), живописец, рисовальщик; Шишкин Иван Иванович (1832-1898), живописец и рисовальщик-пейзажист; Маковский Константин Егорович (1839-1915),

- исторический живописец, жанрист и портретист; Сорокин Павел Семенович (1836?-1886), живописец; Бронников Федор Андреевич (1827-1902), исторический живописец и жанрист, друг Боголюбова, завещал г.Шадринску (Пермская губ.) свыше 300 картин, эскизов, рисунков и 40 тысяч рублей для основания здесь художественной школы, завещанные картины легли в основу художественного отдела краеведческого музея, подробнее о нем см. Записки. С.55-56; Клевер Юлий Юльевич (1850-1924), живописец-пейзажист, его картину «Березовый лес» приобрел Александр III; Васнецов Виктор Михайлович (1848-1926), исторический живописец.
9. Зиновьев Василий Васильевич (1814-1891), генерал-адъютант, гофмейстер двора Александра III, заведующий конторой детей Александра III.
 10. Гупиль (Goupil) Адольф —совладелец известной фирмы по торговле художественными произведениями, владелец галереи на rue Chaptal в Париже, известной Тургеневу.
 11. «Означенной посылки, — говорится в докладе делопроизводителя на имя Воронцова-Дашкова, — в канцелярию министерства не поступало» (Л. 12).
 12. Московский Публичный Музей был создан в 1861 г. на основе коллекций Румянцевского музея, существовавшего с 1831 г. в Петербурге при Императорской публичной библиотеке. В фонды нового музея вошло более 300 коллекций, поступивших как от различных московских обществ, так и частных граждан.
 13. Берлинский профессор Густав Фридрих Вааген (1794–1868) в 1861 г. был приглашен Александром II в Петербург для описания коллекции Императорского Эрмитажа. Описание эрмитажного собрания вышло в Мюнхене в 1864 г.
 14. Прянишников Федор Иванович (1793-1867), генерал, директор Почтового департамента (1841-1867), член Государственного совета (с 1854 г.), коллекционер русской живописи. Коллекция Прянишникова в 1867 г. поступила в Румянцевский музей в Москве.
 15. Бибииков Виктор Александрович (1807–1883), обер-гофмейстер.
 16. Третьяков Павел Михайлович (1832-1898), фабрикант, коллекционер русского искусства, основатель Третьяковской галереи, приобретал картины Боголюбова.
 17. Очевидно, Боголюбов имел в виду Эдмунда Брюнингга, «причисленно-го к Эрмитажу в 1874 году» и занимавшегося научным описанием собрания картин. Умерший в 1885 г., Брюнингг не успел завершить свой труд, который был окончен А. И. Сомовым. «Работа Брюнингга заложила первое прочное основание научной каталогизации картин Эрмитажа» (см. о нем: Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985. С.208).
 18. Возможно, Николай Илларионович Козлов (1814–1889), известный врач, с 1883 г. председатель военно-медицинского ученого комитета; Семенов Петр Петрович (1827–1914), географ, путешественник, статистик и искусствовед; Боткин Михаил Петрович – см. сн. 5; Чичерин Борис

Николаевич (1828–1904), юрист, профессор Московского университета, общественный деятель; Сомов Андрей Иванович (1830–1909), историк живописи, в 1863–1886 гг. служил при императорской Академии наук, в 1871 г. за содействие к развитию в среде русских художников искусства гравирования в технике офорта и за издание руководства по этому предмету был избран Академией художеств в ее почетные вольные общники; в 1872–1874 гг. приводил в порядок картинную галерею Академии художеств и составил каталог этой галереи (Ч.1-3; СПб., 1872-1886); в 1886г. занял должность старшего хранителя Эрмитажа по отделению картин, гравюр и оригинальных рисунков.

19. С 1864 г. все основные реставрационные работы в Эрмитаже выполнялись столярами А. и Н. Сидоровыми, «достигшими высокого совершенства. Они же занимались перевозкой и размещением картин» (Левинсон-Лессинг В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). С.296).

ТУРГЕНЕВ У СВЕЧИНЫХ.

**Воспоминания Сергея Митрофановича Зарудного
о посещении Тургеневым семейства Свечиных
в Ситово Ефремовского уезда Тульской губернии**

Публикация Е.А.Козеевой

В пяти-шести километрах от Меньшого Кадного (имения Тургенева) по обеим сторонам реки Ситовой Мечи (притоке Красивой Мечи) раскинулось старинное село Ситово. Живописные окрестности р.Ситовой Мечи считались красивейшими местами срединной России.

Владельцами села Ситова были помещики Свечины. Тургенев хорошо знал это семейство. Знакомство произошло, вероятно, когда он стал владельцем Кадного. В октябре 1853 года, находясь под надзором, Тургенев на несколько дней выезжал в Ситово. Владельцу имения Александру Павловичу Свечину Тургенев писал: «Надеюсь увидеть Вас весною, но во всяком случае знайте, что я унес самые приятные воспоминания о Ситове и его жителях. Впрочем, Вы это сами могли видеть»¹. Владелец Ситова Александр Павлович Свечин (1808-1859), боевой офицер, участник похода в Польшу, выйдя в отставку в чине майора, поселился в Ситове. Занимался сельским хозяйством, увлекался охотой. Его жена Александра Ивановна Свечина (урожденная Зарудная) была образованной, начитанной жен-

щиной. По ее просьбе Тургенев выслал ей номер «Отечественных записок», подарил свою фотографию: «С особенным удовольствием исполняю Вашу просьбу – и только сожалею о том, что прилагаемая карточка не вполне удовлетворительна; но другой у меня нет. Не считая нужным уверять Вас, что знакомство мое... с Вашим семейством – и вообще пребывание в Вашем деревенском доме – всегда было сохранено в моей памяти как одно из самых приятных впечатлений всей моей жизни», - писал Тургенев Свечиной².

После смерти А.П.Свечина владельцем Ситова стал его сын Федор Александрович Свечин, с которым Тургенев также поддерживал соседские и дружеские отношения. Ф.А.Свечин окончил Московский университет со степенью кандидата прав, в течение пятнадцати лет служил губернским и уездным предводителем дворянства, был вице-президентом Ефремовского общества охотников и конских испытаний. Свечин был автором сборника «Воспоминания, впечатления и думы охотника», в которых с истинной страстью, правдивостью и точностью изображения рассказывал о своем любимом занятии – охоте. Первой женой Свечина была Варвара Алексеевна Свечина (урожденная Хвостова), после ее смерти он женился на свояченице Екатерине Алексеевне, которая умерла в 1873 году. В последний приезд Тургенева к Свечиным писателя принимала третья жена Свечина Елена Ивановна (урожденная княжна Шаховская). От трех браков Свечин имел четверых детей: сына Александра и дочерей Варвару, Марию, Александру.

Приезды Тургенева в Ситово оставили глубокий след в сердцах молодого поколения Свечиных. Старшая дочь Ф.А.Свечина Варвара Федоровна написала воспоминания «Тургенев в дворянском гнезде», в которых рассказала о приезде писателя в их родовое имение. В.Ф.Свечина писала: «В Ситово Тургенев приезжал не впервые: у него было общее с нами владение мельницей и небольшим количеством земли при Ситовой слободке, называемой тургеневской... По делам своего хозяйства Иван Сергеевич и наезжал в наше родовое гнездо, лежавшее в окрестностях Красивой Мечи: ее Тургенев обессмертил в «Записках охотника»»³.

Данные воспоминания о приезде Тургенева в Ситово написаны Сергеем Митрофановичем Зарудным, двоюродным братом Ф.А.Свечина. С.М.Зарудный принадлежал к большому роду Зарудных, среди которых было немало выдающихся государственных и общественных деятелей. Его дядя Сергей Иванович Зарудный – известный юрист, видный деятель подготовки и проведения судебной

реформы в России, знаток и переводчик Данте. Отец С.М.Зарудного Митрофан Иванович Зарудный, также юрист, публицист, состоял членом комиссии по разработке судебной реформы 1864 года. Двоюродная сестра С.М.Зарудного Екатерина Сергеевна Зарудная-Кавос – художница. Сергей Митрофанович Зарудный окончил Императорское училище правоведения и служил в министерстве юстиции. После 1917 года работал в Эрмитаже.

С.М.Зарудный родился в 1865 году и был совсем юным, но все же более взрослым, чем Варвара Свечина во время приезда Тургенева в Ситово. Его воспоминания содержат факты, на которые не обратила внимания девятилетняя Варвара Свечина. Кроме того, С.М.Зарудный записывал разговоры Тургенева со Свечиным. В.Ф.Свечина свидетельствует: «Сереза Зарудный, вечно дразнящий нас, маленьких, остряк и балагур, молча смотрит на Ивана Сергеевича, как на святыню. (Все разговоры Тургенева дядя Сергей Митрофанович записывал тогда дословно)»⁴.

Воспоминания С.М.Зарудного воссоздают поэтическую атмосферу дворянской усадьбы, приоткрывая также страничку из Спасской жизни Тургенева.

Свои впечатления о приезде Тургенева в Ситово Зарудный написал в 1927 году. Текст был передан в 1993 году Мариной Алексеевной Глебовой (урожденной Левицкой), женой известного актера П.П.Глебова, внучкой Ф.А. и Е.И. Свечиных во время ее приезда в Спасское-Лутовиново – Е.А.Козеевой. Мы сохраняем в этой публикации особенности авторской рукописи, внося в неё незначительные поправки.

* * *

«...Все было так давно и так недавно. Все перепуталось, Прошлое ярче настоящего. Мертвые живее живых, Начинаешь сомневаться в своем тождестве. Да в самом деле я тот самый?

Декорации так быстро переменились, что и прошлое, и настоящее кажется не то грозой, не то волшебством, не то наваждением. Не находишь себя, ну и не пишешь. И вот я пишу однако...о моей встрече с Тургеневым.

Она была мимолетна, и я был тогда – в те дни, когда мне были новы все впечатления бытия – так молод, еще не пережил ни одной горестной утраты, ни одного разочарованья, не потерял ни одного волоса, ни зуба. И вот я, тот самый как-будто, перенесся, мало сказать, много утрат, пережив достаточно разочарований, потеряв поч-

ти все волосы и зубы, иногда предаюсь очарованию воспоминаний, - хоть и много было такого, что лучше бы не было.

Но передать воспоминание так, чтобы внимающий поддался очарованию, дело нелегкое. На это способны немногие мастера, среди них Тургенев. Его легкая, грустная, несколько теперь старомодная, но такая прелестная музыка заглушена мощными аккордами Толстого и воплями Достоевского. Но она слышна и не умолкает...

В конце 70-х годов прошлого столетия я им упивался.

Как-то летом в Ситово мы задыхались от жары с утра. В полдень пришла гроза, и короткий, но жесткий ливень. В котором году, однако, это было? В предпоследний или последний приезд Тургенева в Россию. Должно быть в последний. Это можно установить по «Брокгаузу и Ефрону», но справляться сейчас нет охоты. Думаю, что это было в 1879 или 1880⁵. Вот тебе место и время. Теперь действующие лица. Ну тут опять заминка. Был ли жив дядя Федор Павлович? Роюсь и не нахожу. Должно быть был жив, потому что налицо была княгиня Елизавета Николаевна Горчакова, tante Lise, та самая, которая в молодости была другом Лермонтова. Она постоянно облизывала обе губы, особенно когда сердилась, а сердилась она, споря с моей бабушкой⁶ (тоже была налицо) о взаимоотношениях Санкт-Петербурга (тогда) и Москвы. Lise была патриотка и читала «Московские Ведомости», вторая западница, и читала «Голос». Перепалки были страшные, как та гроза, после которой прошел тот ливень, о котором упомянуто выше. Тетя Александра Ивановна⁷ (налицо), ухмыляясь несколько лукаво на ярость спорщиц, вязала мельчайшим бисером кошелек.

Федя⁸ (налицо), не особенно давно женившийся на Елене Ивановне⁹ (налицо; у нее что-то болело, не то голова, не то под ложечкой). Федя, ходил тогда в русской одежде: шелковая рубашка, армяк синий тончайшего сукна и лакированные на славу высокие сапоги. Не помню опять, была ли налицо Елизавета Николаевна Шаховская, мать Елены Ивановны? Вариант тургеневских соблазнительниц, отчасти – мать из «Первой любви», но в то время еще молодая, не только могущая еще, но и весьма могущая тогда нравиться. Наконец, старшая дочь ее – княжна Мэри, она же «сестра Маша», впоследствии Марья Ивановна – жена Иоакима Викторовича Тартакова¹⁰. Она была прелестна, в возрасте княжны из «Первой любви». Я был в возрасте сына из той же повести и, разумеется, «проводил аналогии».

Теперь Соня¹¹ и Катя¹². Должно быть, их не было. Провал в памяти. Наконец, тогда птенцы Саша¹³ и Варя¹⁴.

Должно быть, Ида Федоровна – высокая, тонкая, худенькая гувернантка-бонна, немочка из Ostsee-provinzen¹⁵, в которую по уши был влюблен управляющий.

Теперь обязательные в усадьбе слуги. Камердинер Алексей, по прозвищу Хижина (у него всегда было все необходимое для дам в экстренных случаях: булавки, шпильки, ленточки, пудра, одеколон и просто спирт на всякий случай. У него были чудные бакенбарды и, как говорили, роман с «светской женщиной», весьма, впрочем, непродолжительный). Совсем тип из повести Тургенева – камердинер, который был высечен по приказанию барыни «чюки-чюки-чюк» и после, дурак, так как щелкал семечки. Забыл название повести из «Записок охотника»¹⁶. Буфетчик Дмитрий, но его звали всегда по отчеству – Дмитрий Алексеевич, кажется, во внимание к окладистой бороде и многочисленному семейству, – его сыновья обслуживали впоследствии соседние усадьбы и рестораны обеих столиц.

Помню, «мальчик» Саша Китаев, мой друг, страстный охотник до стихов и псовой охоты, ну и до другой.

Но ведь так я никогда не доеду до самого Тургенева! Ведь еще бесчисленный женский штат, наполнявший свыше меры «девичью». Портниха Маша Чепуха, всегда растерянная, впопыхах, с булавками в зубах, с ворохом юбок и лифов в руках... Другая Маша, сестра Саши Китаева, старшая горничная, всегда чопорная и неприступная. Младшие горничные, дочери сына Зосимы (точно в Библии), Зосимы Кузмича – садовника, одновременно похожего на Христа и на графа Льва Николаевича Толстого. (Ведь Лев Николаевич в молодости ездил в Ситово на охоту!)

Не могу обойти повара Аполлона, воспитывавшегося в «английском клубе» в Москве и искренне, жгуче ненавидевшего Англию (отзвуки Турецкой войны 1877-78 годов). Образ его так и встает в памяти. Мы играли с ним «на пролаз» на бильярде, и я его снабжал газетами. Аполлон, в свою очередь, внешне похож был на Ф.М.Достоевского, и темперамент у него был донельзя страстный и нервный.

Ну как не вспомнить всех этих лиц. Ведь они высыпали навстречу Тургенева, когда буфетчик Дмитрий Алексеевич провозгласил: «Иван Сергеевич приехали!» Ведь имя Тургенева им было также знакомо, писателя, который сумел быть дорогим «челядям и барам», создавшего «Живые мощи» и «Лизу».

Но я забегаю вперед, и приходится быть кратким. Слишком много из слов Тургенева изгладилось из памяти, и восстановить их – дело слишком трудное и ответственное. Тогда же, тотчас после его

приезда, я написал на Домаху Николаю Михайловичу¹⁷ о впечатлении, произведенном на меня Иваном Сергеевичем. Но домашинской усадьбы ныне не существует, как и ситовской. Не знаю, сжег ли Петлюра мое письмо вместе с усадьбой? Кажется, Николай Михайлович его кому-то отдал и не получил обратно. Может быть, оно гуляет где-нибудь и всплывет когда-нибудь. Было бы любопытно его прочесть через сорок семь лет. Едва ли я тогда сумел точно передать содержание тургеневских повествований.

Вернемся, однако, к ливню. Из водосточных труб, с крыши, вода так и хлестала. И вот «княжне Мэри» пришла фантазия взять душ в платье. Она была в костюме неаполитанки: легкая, тонкая рубашечка, красная короткая юбка (в то время, когда юбки скрывали ноги до самых пят), шелковые белые ажурные чулки и башмачки. Башмачки Мэри скинула и храбро встала под импровизированный душ. Я встал с ней рядом, предварительно надев на голову каску со шпиком немецкого образца, трофеем Турецкой войны, попавший как-то в Ситово. Из окон «служб», из-под навесов, укрывшиеся от ливня люди смотрели на нас и покатывались со смеху. Зрелище это первая в доме обнаружила княжна 73 лет – Lise и, вознегодовав, сообщила моей бабушке, которая пришла в ужас: гром еще гремел (бабушка боялась грозы), а на моей голове был как бы громоотвод. Прибежала тетя Аля, и все они стали требовать нас в комнаты. Но Мэри упрямылась. Появилась теля Леля (Елена Ивановна), забывшая боль под ложечкой и возопила: «Marie c'est indécent... devant tout le monde... on voit tout»¹⁸. Мэри обиделась и убежала наверх в мезонин, а я, переодевшись, и почему-то надев правоведский мундир, сел у окна в Федином кабинете, выходящем окнами во двор, и стал читать «Первую любовь» и «проводить параллели». Тучи ушли, солнце заблестало, ливень отшумел. Было, должно быть, часов около 4-х. Вдали, за Ситовой Мечой, из-под Мосоловки, послышался звон колокольчика. Ближе, ближе, совсем как в Художественном театре.

Ты помнишь расположение усадьбы. Перед домом палисадник, у дома большая терраса. Подъезд сбоку, в проезде под воротами, но им не пользовались. Другой подъезд был со стороны двора, рядом с Фединым кабинетом, где я читал.

Колокольчик звенел все громче, послышался стук копыт, грохот колес в проезде, и к подъезду подкатила земская тройка. В бричке сидел в форменной фуражке акцизный чиновник Мельников¹⁹, а рядом с ним господин в сером дождевике, в мягкой серой фетровой шляпе с широкими полями и черной лентой вокруг тульи...густые



седые усы, закрывавшие рот, довольно длинная, окладистая, à la gusse, борода, нависавшие над светлыми глазами брови, довольно длинный мясистый нос мне кого-то напомнил, но кого? И вдруг меня осенило. Гравюра, приложенная к 1-му тому сочинений братьев Салаевых. Да это Тургенев... сам Тургенев!

Мельников вылез из брички. Подбежал к бричке Дмитрий Алексеевич и почтительно высадил из нее путника, который оказался человеком очень большого роста, выше Феди (который был высокого роста), с очень широкой грудью, с вполне русским обличем, которое встречается у породистых тульских крестьян, но с «барственной осанкой» и тем неуловимым лоском, какой бывает у состоятельных русских, долго проживших за границей. (Мне кажется, я теперь верно формулирую свое тогдашнее впечатление).

Дмитрий Алексеевич ввел приезжего в переднюю и провозгласил: «Иван Сергеевич пожаловал!»

Тут поднялась суета и беготня по лестницам и мезонинам Александры Ивановны и Федора Павловича, вестников приезда. Я вышел из кабинета. Ты помнишь расположение дома? Из прихожей дверь налево в Федин кабинет, прямо – дверь в столовую. Из столовой навстречу гостю вышел Федя, за ним тетя Аля, кн.Горчакова, бабушка Ксения Ивановна, выплыла Елена Ивановна. Из дверей в столовую выглядывали с любопытством и как будто даже с испугом обитательницы девичьей, из прихожей мужской персонал.

Несомненно, гость был выше Феди, на нем был серенький *complet*²⁰ очень изящного покроя, и на груди поблескивало пенснэ на широкой черной ленте. Начались взаимные приветствия и поздравления. Был представлен и я. Тургенев посмотрел на меня с высоты своего роста ласково. Вспомнил, что знаком был с батюшкой²¹. Глаза у него были серые (так мне теперь кажется), зоркие, умные. Очень красивы были сохранившиеся в полной густоте волосы, серебряно-седые, шелковистые. Такие же холеные борода и усы. Поражал высокий теноровый голос, поражал потому, что исходил из такого могучего стана. Говорил он слегка пришепетывая и с запинаниями, которые приятно подчеркивали удачные эпитеты и мелкие сравнения (как в этом я убедился за ужином).

Федя предложил Ивану Сергеевичу оправиться с дороги и увел его. Я был в раздумьи, что делать, ведь надо же дать знать кузине Нине²² в Ивановское, что приехал Тургенев. Она такая его поклонница.

Велел оседлать Гоголя, так звали (непочтительно несколько к Николаю Васильевичу, но ведь есть слово гоголь и говорят «ходить

гоголем») моего верхового коня, карьером и рысью туда и обратно час с четвертью...

Но пока оседлывали Гоголя, Тургенев вошел в столовую. В ожидании ужина ему была подана легкая закуска. Все разместились вокруг стола, взирая на великого писателя. Иван Сергеевич сообщил, что приехал из Кадного (помнишь почтовую станцию и село над Красивой Мечей, с которой бессмертный Касьян), где у него «клочок» десятин 500 земли, который он продал, и что завтра он должен уехать в 6 часов утра.

У меня так сердце и покатилося. Как же быть с Ниной? Гоголь уже стоял у подъезда, перебирая ногами, и начинал проявлять нетерпение. Мне хотелось самому привезти «радостную весть», но тогда рискуешь пропустить Тургенева. Ведь, очевидно, он рано ляжет спать, а Нинон захочет блеснуть туалетом, его все равно не увидеть.

Тургенев продолжал беседовать. Сравнивал природу Франции с Россией – очень тонко. Вспоминал Италию, Германию, Швейцарию, все те страны, где побывал. Он отдавал должное красотам Европы, но вместе с тем для него нет милее скромных черноземных полей, извилистых речек, ласковых холмов и заманчивых перелесков. Говорил о Буживале. Его спросила Елизавета Николаевна о здоровье мадам Виардо, тут же сообщила, что дочь ее, Мэри, начала брать уроки у знаменитой сестры Малибран... но где же Мэри? Ее не было, Тургенев выразил желание ее увидеть. За Мэри немедленно было послано, но она ответила, что придет немного позже, у нее голова слегка болит. Тут рассказано было Ивану Сергеевичу о «душах» под крышей. Иван Сергеевич стал рассказывать о мадам Виардо и ее ученицах, вспомнил об общих знакомых. Тут подали ужинать, и за ужином зашел разговор об «Анне Карениной», романе Толстого, появившемся в «Русском Вестнике». Иван Сергеевич похвалил «Анну Каренину»: удивительно описание скачек... Глубокие потрясающие страницы перед самоубийством. Метание по Москве.. Чтение вывесок... Тонкая психологическая наблюдательность... Но слишком много «постного масла» (я твердо помню это выражение)... московского елеса... Потом Левин... немножко сам Толстой... но нуден... порою раздражает... в конце концов скучен... Потом слишком много рассуждений. К Кити Иван Сергеевич тоже кажется, отнесся неодобрительно. Вспомнил Наташу Ростову, сцену у «дядюшки», охоту... Прелестный женский образ. Да, «Анна Каренина» прекрасна, удивительна «Война и мир»... Но больше всего я люблю «Казак». Вот вещь поистине Шекспира достойная (твердо помню это выра-

жение), Марианна... Еремка... Тут Тургенев стал расточать похвалы с увлечением. А Мэри все не появлялась, несмотря на настойчивые требования старших. От литературы перешли к жизни. Тургенев побывал у Толстого²³. Был счастлив его повидать. Былые недоразумения прошли бесследно. Но в доме охотника охотнику нельзя не поговорить об охоте. Иван Сергеевич показал себя на этот предмет удивительным рассказчиком. Федя, сам мастер рассказывать и устно и письменно (сам написал охотничьи рассказы в журнале «Природа и охота» в несколько уснащенном тургеневском стиле – не его ли слегка вышутил Толстой в одной странице об охотничьих рассказах?), слушал с упоением, и все его слуги, в большинстве охотники – наслаждались не меньше. Тургенев описал всех собак, с которыми ему приходилось охотиться, их внешность, их характеристику, их психологию. Все это перемешивалось с описанием разных лесов, рощ, «островов», где охота происходила, старых товарищей по охоте... Разумеется вспомнили о Финогене, прообразе одного из героев знаменитого рассказа в «Записках охотника» – Ермолая²³. Финоген жил в Ситове и не там ли умер? Не он ли первый мертвый, которого я видел в ситовской церкви еще ребенком?

Дело шло к ночи. Гоголя Саша Китаев отвел на конюшню, а Мэри, к ужасу старых дам – Тургеневу было обещано ее пение, так и не пришла.

Тургенев и Мельников стали прощаться и ушли в отведенную им опочивальню. На заре Тургенев уехал.

Мы долго о нем говорили, пока тетя Аля раскладывала положенное число пасьянсов. Большинство, в том числе и я, проспали его отъезд. Через три-четыре года я в Петербурге шел за его гробом.

Недавно посетил его могилу. Памятник цел, но порядочно «порос травой забвения». Мэри на следующий день появилась к утреннему чаю в веселом настроении. «Я боюсь знаменитых людей... Не хотела, чтоб ему меня показывали как чучело какое-то», - говорила она смеясь.

Нина меня великодушно простила. Мэри впоследствии пришлось стать женой «знаменитого человека» и испытать многие неприятности от положения жены «знаменитости». Теперь большинство упомянутых лиц умерли. Что сон, что «Дым»...

1927 год, февраль».

Примечания.

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма. Т.2. М., 1987. С.268.

2. Тургенев. Письма. Т.4. С.212.
3. Чернов Н.М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Спасское-Лутовиново, 2003. С.278.
4. Свечина В. Тургенев в «Дворянском гнезде» /Публ. В.Александрова // Родина. 1996. №3.
5. Тургенев посетил Ситово 20-21 июля 1881 года.
6. Ксения Ивановна Кавос (1819-1903) – бабка С.М.Зарудного.
7. Александра Ивановна Свечина (урожденная Зарудная) – 1823-1900 – тетка С.М.Зарудного, мать Ф.А.Свечина.
8. Федор Александрович Свечин (1844-1894) отсутствовал во время приезда Тургенева к Свечиным (20-21 июля).
9. Елена Ивановна Свечина (урожденная княжна Шаховская), третья жена Ф.А.Свечина.
10. И.В.Тартаков, певец Мариинского театра.
11. Софья Александровна Ильинская (1855-1931), сестра Ф.А.Свечина.
12. Екатерина Александровна Родичева, сестра Ф.А.Свечина.
13. Александр Федорович Свечин (1869-1907), сын Ф.А.Свечина от первого брака с В.А.Хвостовой.
14. Варвара Федоровна Свечина (1872-1937), дочь Ф.А.Свечина от второго брака с Е.А.Хвостовой.
15. Остезейский край (нем.).
16. Рассказ «Два помещика» из «Записок охотника».
17. Николай Михайлович Зарудный (1859-1935), двоюродный брат С.М.Зарудного.
18. Мэри, какое бесстыдство... при всех... напоказ... (франц.).
19. Неточность: Тургенев приезжал в Ситово с арендатором Кадного А.Ф.Борисовым.
19. Пальго (франц.).
20. М.И.Зарудный (1834-1883) – отец С.М.Зарудного.
21. Н.Д.Сонцева, соседка и дальняя родственница Свечиных. Н.М.Чернов высказал предположение, что ее черты Тургенев придал героине повести «Загишье» Марье Павловне (Н.М.Чернов. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Спасское-Лутовиново, 2003), С.277.
22. Тургенев посетил Толстого в Ясной Поляне 6 июля 1881 года, а 9-10 июля того же года Толстой провел в Спасском-Лутовинове.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ФЛАКЕРА

Публикация М.В.Алексеевой

25 октября 2010 года в Загребе на 87-м году жизни скончался Александр Юльевич Флакер, выдающийся славист и профессор, доктор филологических наук, почетный член ряда европейских

Академий наук, действительный член Хорватской Академии наук и искусств, автор фундаментальных трудов по истории русской литературы. В течение многих лет он возглавлял кафедру русской литературы на философском факультете Загребского университета и был инициатором Международных славистских собраний «Глоссарий русского авангарда». В 2005 году награжден Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МА-ПРЯЛ) медалью А.С.Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка, литературы и культуры».

В ноябре 1956 года в ответ на приглашение принять участие в научной сессии с докладом «Тургенев в хорватской литературе» в письме к директору музея Е.И.Кожуховой А.Флакер написал: «Поездка в Орле представит для меня не только удовольствие, но и честь как поклоннику таланта Вашего великого писателя, который оказал огромное влияние на литературу моего народа».

11-12 января 1957 года он впервые посетил город Орел в качестве участника научной сессии, посвященной открытию нового филиала Государственного музея И.С.Тургенева — Музея писателей-орловцев. Сессия была организована музеем по сложившейся к тому времени традиции совместно с ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР. Подводя итоги сессии, профессор Б.М.Эйхенбаум сказал: «Я думаю, что выражу мнение слушателей, если скажу, что сессия прошла талантливо, а это ведь главное: не было ни одного серого или пустого доклада».

Для Александра Флакера эта поездка стала по его признанию «прекрасными днями встречи с классиками русской литературы, с выдающимися советскими учеными, а прежде всего с гостеприимным русским человеком». По возвращении А.Флакера в Загреб завяжется кратковременная переписка с музеем, длившаяся в течение двух лет. В ноябре 1957 года состоится защита его диссертации, посвященной И.С.Тургеневу, Появится надежда на повторное участие в юбилейной Тургеневской научной сессии в Орле в 1958 году. Возможности такой не представилось по двум причинам. Ввиду отказа музею в получении виз ученым, не принимавшим участие в Международном съезде славистов в Москве. Кроме того, задерживалась публикация его статьи в орловском Тургеневском сборнике, гонорар от которой А.Флакер рассчитывал потратить на поездку в столь ему полюбившиеся тургеневские места.

В письме к А.Флакеру уже в декабре 1958 года директор музея Е.И.Кожухова в очередной раз сообщит: «К сожалению, издание

сборника сильно задержалось, не было хорошей бумаги, да и издательство было загружено. Только в начале 1959 года сборник пойдет в набор». Александр Юльевич ответил: «К сожалению, пока у меня нет никаких перспектив на приезд в СССР в 1959 году. Однако - не в гонораре же дело! Важнее же наше научное сотрудничество и взаимная помощь в работе над литературоведением». Это будет его последнее письмо в Государственный музей И.С.Тургенева.

Сборник был издан только весной 1961 года, к этому времени Е.И. Кожухову на должности директора сменил Л.Н.Афонин, он написал А.Флакери 5 августа 1961 года сопроводительное письмо к посылке ему сборника «И.С.Тургенев (1818-1883-1958). Статьи и материалы» (Орел, 1960) и отписок его статьи «Тургенев и хорватская литература». Сборник был издан не только под грифом «Государственный музей И.С.Тургенева», но и на средства музея, как отметил Л.Н.Афонин в отчете о работе музея за 1961 года: «Следует подчеркнуть, что эта книга сделана на общественных началах. Никто из авторов денежного вознаграждения не получал».

Но тогда, в 1957 году, Александр Юльевич будет долгое время находиться под впечатлением «незабываемых для меня дней, проведенных в Тургеневских местах и среди радушных и гостеприимных людей». В письме, датированном 19 сентября 1957 года, он сообщит: «На днях вышлю Вам свою статью (репортаж) об Орловской сессии в Орле, вышедшую в литературно-критическом журнале «Изрод». Надеюсь, что кое-что поймете, хотя язык чужой, но славянский. Постарался в этой статье передать всю атмосферу, окружающую меня в Орле. Никакой другой цели — кроме желания поделиться своими впечатлениями с югославским читателем — у меня в этой статье не было, а хотелось и этим способом отблагодарить Орлу, орловцам и Вам, Евгения Ивановна, за радушный прием».

Оригинал статьи А.Флакера, к сожалению, не сохранился. В документах архива ОГЛИМТ в деле «Переписка с иностранными корреспондентами и учреждениями за 1958 год» обнаружен только ее перевод с хорватского языка, сделанный неустановленным лицом. Этой публикацией хотелось бы почтить память Александра Юльевича Флакера, который долгие годы открывал своим студентам и читателям очарование русской литературы от Тургенева до Хармса.

Александр Флакер (Загреб, Хорватия)

Поезд приближается к Орлу. Стоя у окна, я думаю о том, что картины русской природы, которые мелькают у меня перед глазами, известны уже нам и вошли в хорватскую литературу. Думаю я о самом Иване Сергеевиче Тургеневе, о его поездках (путешествиях) во Францию, о когда-то существовавшей пограничной станции Вержбалов-Вирбален¹, через которую многие русские интеллигенты уезжали на Запад, о далеком Буживале, о Полине Виардо, профессоре Мазоне², который в наши дни в далекой Франции открывает новые рукописи Тургенева. Размышляю о том, что же эти Белинские, Гоголи, Тургеневы и десятки других русских писателей искали в Буживале, Зальцбрунне, Висбадене; о Пастернаке в Марбурге и Маяковском в Париже, о том, какие же побуждения руководили ими, почему русские помещики оставляли свои имения и тратили целые состояния во Франции в казино, на светских курортах или участвовали в революционных событиях и, хотя о судьбе этой русской интеллигенции так много написано, я не мог не думать о ней, глядя в окно поезда Москва-Цхалтубо.

Вот и Орел. Сколько раз в мрачные годы 2-й мировой войны³ слышали мы это название, произнесенное на разных наречиях, разными радиостанциями. Тогда мы не думали о Тургеневе и его имении в Спасском-Лутовинове. Говорят, что сейчас туристы охотно останавливаются перед Орлом и сворачивают в Спасское-Лутовиново и здесь, в Тургеневском имении, отдыхают, а затем продолжают свой путь на юг в Симферополь, Кисловодск, Сочи.

Сейчас здесь зима и туристов нет.

В Москве я оставил КАВЕРИНА и ПАСТЕРНАКА, ОЛЕШУ и СЕРАФИМОВИЧА⁴, а в своем портфеле ношу только реферат о Тургеневе и хорватской литературе⁵.

Прежде всего посетил я маленький, деревянный домик, который когда-то принадлежал западнику, историку, профессору Московского университета ГРАНОВСКОМУ, жившему во времена острых идеологических споров первой половины прошлого столетия.

В этом маленьком деревянном домике, каких много в России, открыт сейчас музей писателей быв. Орловской губернии⁶. И здесь в первый раз встретился я с «нигилистом» ПИСАРЕВЫМ на его родине, с мастером русского слова, вечным путешественником ЛЕСКОВЫМ, с последним из могокан русской дворянской литературы И. БУНИНЫМ, с беспокойным и анархичным АНДРЕЕВЫМ и с прекрасным певцом русской природы, недавно умершим ПРИШВИНЫМ. Каждый из них имеет здесь свою маленькую

комнатку в этом небольшом, старом доме и все они здесь, в своем родном Орле, живут в мире и согласии. Западники со славянофилами, эмигранты с советскими писателями, дворяне с разночинцами, реалисты с модернистами. Живут они в своих книгах, в предметах домашней обстановки, в старых, пожелтевших фотографиях, так любовно собранных работниками музея под руководством Е.И.КОЖУХОВОЙ⁷. Живут они и в верных читателях, которые без сомнения, их часто навещают в музее.

В тот же день все они ожили для меня на сцене Орловского театра, в котором отмечался день открытия музея, скромным собранием в их честь.

Один из артистов оживил первую повесть АНДРЕЕВА «Баргамот и Гараська», материал для которой писатель черпал непосредственно из своего окружения с Пушкирной улицы. Театральный коллектив поставил первый акт пьесы «Дни нашей жизни».

Читались стихи БУНИНА, Фета-Шеншина, Тютчева, «Военная песня о Севастополе» АПУХТИНА, из всего этого струилась скромная, тихая любовь к писателям, некоторые повести которых были незаслуженно забыты.

Это впечатление скромного почитания не могли испортить ни слишком умелая драматизация романа Тургенева «Новь», ни разговоры, которыми меня отвлекали, от ощущения присутствия живой русской литературы здесь, в Орле. А затем пришел час посещения самого Ивана Сергеевича. К сожалению, зимние условия не позволили посетить Спасское-Лутовиново, пришлось отложить до весны, когда в бывшем тургеневском имении устраиваются традиционные народные гуляния. Только на картинах смог я увидеть пруд, названный в честь известной актрисы САВИНОЙ, оставшуюся часть после пожара 1906г. Тургеневского дома, в котором он жил во время своего изгнания, беседка, где он писал своего Рудина и дуб, который любил он больше всего. Но часть от Спасского-Лутовинова находится сейчас в Орле.

Из тургеневского поместья перевезена сюда после революции большая часть его обстановки. Комнаты реставрированы в том виде, как они выглядели в сгоревшем доме. И действительно, атмосфера тургеневского дома сохранена и совпадает с теми описаниями, которые нам известны из прозы Тургенева.

Бесшумно проходим по тургеневским комнатам и забываем, что их в Орле тогда не существовало. Воображаем, что мы в Спасском-Лутовинове, что снаружи аллеи, скамейки, беседки, а далее видим

лес, в котором в обилии водятся перепела и лисы. Взглядом ищем старых знакомых, находим их очень быстро. Вот, все еще показывающие время, дни и месяцы, большие английские часы фирмы Кортхилл, сделанные в форме башни, мы знаем их по «Бригадиру».

Со времен Фраля Марковича и «Зеика» тикают эти часы здесь, в Орле, так же как и во времена Тургенева, хотя крестьяне Орловской губернии не делают более копий с картин Тициана и Буше, не пользуются этими музыкальными инструментами, чтобы увеселять своих господ. Со стен здесь смотрят портреты XVIII века, которые дали материал Тургеневу для некоторых повестей, послужили они и нашему Д[ж]альскому⁸. В следующей комнате на посетителей из далекой страны смотрит по-детски живыми глазами корнет гвардейского полка — отец Тургенева, любовные похождения которого известны нам из «Повести о первой любви» Ивана Сергеевича. Вот перед нами старый диван, названный «Самосон», его мы находим в романе «Накануне», на нем любил спать Увар Уварович, а экскурсовод рассказал нам как заснул на нем и Л.Н.Толстой, читая «Отцы и дети». Того же самого Льва Николаевича в соседней комнате обыгрывал Иван Сергеевич в шахматы, а в «Казино», как называлась одна из комнат, играли помещики соседних имений в карты.

Находится здесь, конечно, и полный рабочий кабинет Тургенева, с комплектом газет времен Крымской войны, с большой книгой из жизни птиц, которую Тургенев как охотник и как писатель любил часто разглядывать. Много других предметов, как например, икона — этот мрачный лик Спасителя, который этот либерал по традиции держал в одной из комнат, бильярдная комната, знакомая читателям из «Степного короля Лира» и многое другое, что говорит о жизни этого русского, который лучше всего себя чувствовал во Франции, но никогда не забывал родных берез, ясеней, верб, дуба.

Мерно постукивают часы Тургенева, работники музея стирают пыль со столов карельской березы, девушки мечтают о любви Елены и Лизы, а на улице снег ...проезжают по улице одинокие автомобили.

Выходим из музея и поднимаемся на возвышенность над Орликом. Отсюда можно окинуть взглядом заснеженные просторы с заводскими трубами вдали и куполами церквей.

Здесь находится старый дом с маленькой террасой, в котором по преданию, когда-то жила Лиза КАЛИТИНА — героиня «Дворянского гнезда». Нас сопровождает бодрая и веселая библиотекарь Тургеневского музея Любовь Егоровна⁹, которая говорит, что и сейчас этот старый, развалившийся дом зовут «Дворянским гнездом»,

весной здесь собирается молодежь и назначает любовные свидания.

Тургенев здесь, в Орле, еще жив в сердцах людей.

И опять на научной конференции, посвященной писателям-орловцам я почувствовал, как любят и ценят здесь литературу, какое значение имеет она в этих краях. Сам факт, что переполнен зал Орловского театра, а аудитория вот уже два дня по пяти часов слушает научные рефераты о жизни одного из живших сто лет назад историка¹⁰ или об откликах Тургеневского творчества в далекой Хорватии, разбивает все сомнения тех, кто как профессор Ада[мс]¹¹ из Эстонии скептически относятся к этим постановкам, к чтению научных рефератов перед массой, в основном, молодежной аудиторией. А публика с напряженным вниманием слушает о тяжелом положении русской литературы второй половины XIX века, о стихийном демократизме Лескова, когда рассказывает ей об этом почти восьмидесятилетний ленинградский профессор Эйхенбаум¹², с радостью воспринимает слова Писарева о необходимости скептицизма и падения авторитетов, которые цитирует ей Ефимова¹³, смеется над неудачными переводами на эстонский язык Тургенева, глубоко вникает в интимные воспоминания жены [Пришвина]¹⁴, вдохновляется потоком ее прозы, мелодичным голосом, записанным на магнитофон, рукоплещет тому интересу, которое вызвало творчество Тургенева в Хорватии.

Здесь, все еще молодой в движениях и мудрый, как Мафусаил, бывший «формалист» Борис Михайлович Эйхенбаум, здесь представитель Пушкинского дома в Ленинграде Измайлов¹⁵ со своим забавным акцентом и, всегда готовый к шутке, доцент старейшего университета Адамс. И на всех нас: югославов, ленинградцев и эстонцев — родина Тургенева производит глубокое впечатление своей любовью к литературе, чутким человеческим вниманием, которым мы были здесь окружены.

После традиционных тостов на банкете в нашу честь, возвращаясь в Москву. Вновь поезд летит мимо Спасского-Лутовинова, мимо Мценска, где проживала «Леди Макбет» Лескова, где-то в ночи проскочили мы Тулу, где ее кузнец подковал блоху, которая так поразила англичан. Приближаясь к Курскому вокзалу Москвы, собираю разбросанные впечатления. Вот передо мною встает картина Орловского театра, а потом глаза двух девушек, которые остановили меня на улице и попросили написать им что-нибудь ...на книге Константина Паустовского. Затем вытаскиваю конверт с марками, которые подарила мне одна из сотрудниц музея Тургенева и, к моему удивлению, в нем целое собрание любительских фотографий го-

рода Орла, некоторые из них были для хозяйки совсем интимными. Каждая фотография сопровождалась описанием снятого предмета и небольшим посвящением.

Конечно, еще раз перечитываю записку, посланную в президиум сессии, в которой Орловские студенты просят меня передать Загребским студентам привет и установить переписку с ними.

Все эти маленькие знаки любви и внимания — более значительны, чем громкие тосты, приветственные речи, подарки.

Значительные потому, что говорят об обычных человеческих сердцах, безыскусственной поэзии человеческих взаимоотношений.

И все это вместе с воспоминаниями о великом Тургеневе увожу я собой в мягком вагоне, идущем откуда-то с юга.

И эти воспоминания и впечатления будут сопровождать меня везде и всю жизнь.

Примечания.

В публикации сохранены особенности авторской рукописи переводчика статьи, внесены небольшие исправления и дополнения (в тексте отмечены квадратными скобками).

- 
1. Вирбалис (лит. Virbalis, нем. Wirballen; до 1917 года русское название — Вержболово) — город в Литве. Вержболово с начала 1860-х годов после проведения Варшавской железной дороги к прусской границе и вплоть до Первой мировой войны был пограничной станцией между Российской империей и Пруссией, здесь располагались таможня и пограничные учреждения.
 2. Мазон (Mazon) Андре (1881-1967) — французский филолог - славист, историк русской литературы. В 1905-1908 годов преподавал французский язык в Харьковском университете. Профессор Страсбургского университета (1919-1923) и Коллеж де Франс (1924-1952). Директор Института славяноведения в Париже (с 1937г.), вице-президент Международного комитета славистов (1958-1967). Один из основателей и член редколлегии парижского журнала славистики «Revue des études slaves» (1921). Член Французской Академии (с 1935), член Академии надписей и изящной словесности (с 1941), с 1928 года - иностранный член АН СССР. Как литературовед занимался в основном русской классической литературой XIXв., в 1920-е годы опубликовал материалы рукописного архива И.С.Тургенева в Париже. В 1956г. впервые посетил Государственный музей И.С.Тургенева, участвовал в юбилейной Тургеневской сессии (1958) в Орле.
 3. А.Флакер был участником Народно-освободительной войны (1941-1945) в Югославии.
 4. А.Флакер стоял у истоков создания теории художественного перевода в хорватской школе. Переводил произведения перечисленных в тексте

- авторов, в конце 1960-х годов составил хрестоматию с текстами русской литературы первой половины XX века с заметками о писателях.
5. См.: А.Флакер. «Тургенев и хорватская литература» в сборнике: «И.С.Тургенев (1818-1883-1958). Статьи и материалы» //Изд. Гос. музея И.С.Тургенева. Орел: Орловск. кн.изд-во, 1960. С.483-498.
 6. Музей Писателей-орловцев (филиал Государственного музея И.С.Тургенева) был открыт 11 января 1957 году. В приветственном слове от ИРЛИ (ПД) АН СССР Б.М.Эйхенбаум сказал: «Открытие в Вашем городе нового литературного музея — событие большой культурной важности: культура народа сказывается яснее всего именно в жизни областей». Впервые в экспозиции были представлены имена Лескова, Бунина, Андреева, Пришвина, обязательное изучение произведений которых вплоть до 1991г. не входило в типовую программу средней общеобразовательной школы.
 7. Кожухова Евгения Ивановна (1912-1993) - директор Государственного музея И.С.Тургенева в 1949-1959 гг. За время ее руководства музей стал настоящим центром тургеневедения, совместно с ИРЛИ (ПД) АН СССР в Орле были проведены три научные Тургеневские сессии (1952, 1955, 1958), издан под грифом «Государственный музей И.С.Тургенева» сборник статей и материалов «Записки охотника» И.С.Тургенева (1852-1952)» (Орел, 1955).
 8. Джальский Ксавер Шандор (псевдоним, наст. имя и фамилия Любомир Бабич) (1854-1935) - хорватский писатель, потомок старинного дворянского рода, которого современники нередко называли «хорватским Тургеневым». С его именем связано становление жанра социально-психологического романа в хорватской литературе.
 9. Максимова Любовь Егоровна (1920-1993), работала в Государственном музее И.С. Тургенева (1950-1993), является организатором научной библиотеки музея, с 1979г. - хранитель фонда «Редкая книга». Принимала участие в составлении «Библиографии о Тургеневе. 1918-1967».
 10. Доклад «Жизнь и деятельность Т.Н.Грановского» Е.В.Гутновой. Гутнова Евгения Владимировна (1914-1992) - известный советский историк-медиевист, историограф, доктор исторических наук, профессор, работала на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ (1947-1971), одновременно в 1951-1992 являлась научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР, позднее РАН. Автор книги мемуаров «Пережитое» (М., 2001).
 11. Адамс Вальмар Теодорович (Walmar Adams), полное имя Владимир Карл Мориц Адам (1899-1993) - поэт, писатель, литературовед. Один из членов «Юрьевского цеха поэтов», друг И.Северянина. С 1940 г. - на преподавательской работе в Тартусском университете. С 1945 г. доцент кафедры русской литературы этого ВУЗа, где короткое время (1948-1949) ее возглавлял. В конце 1950 г. был репрессирован и 5 лет провел в казахстанских лагерях и ссылке. Вернулся в университет в 1955 г., где проработал до 1974г., но руководящих должностей уже не занимал.

12. Эйхенбаум Борис Михайлович (1886-1959) — историк литературы, доктор филологических наук, профессор. С 1918 г. преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете, в 1920-31 гг. - в Ленинградском институте истории искусств. С 1935г. был сотрудником Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. В 1949г. в ходе кампании по борьбе с «космополитизмом» был уволен из университета и Пушкинского дома (восстановлен в 1954г.). Один из основателей советской школы текстологии, комментатор и редактор собраний сочинений И.С. Тургенева, Н.С. Лескова и др. писателей.
13. Ефимова Евгения Михайловна (1911-1993) - преподаватель Орловского педагогического института (с 1944г.), доцент кафедры русской литературы. С 1949г. постоянный член Ученого совета Государственного музея И.С.Тургенева.
14. Пришвина (урожд. Лиорко, в первом браке Лебедева) Валерия Дмитриевна (1899-1979) - вторая жена писателя М.М.Пришвина. В 1932г. была репрессирована, получила 3 года ссылки в Западную Сибирь. Основатель Дома-музея М.М.Пришвина в Дунино Московской области, который после смерти завещала государству. Передала в дар Государственному музею И.С.Тургенева материалы для оформления первой экспозиции, посвященной М.М.Пришвину.
15. Измайлов Николай Васильевич (1893-1981) - литературовед-пушкинист, архивист, доктор филологических наук (1963), лауреат Пушкинской премии АН СССР (1981). С 1921г. работал в Пушкинском доме. В 1929г. был арестован по «делу Академии наук», в 1931г. получил 5 лет лагерей. С 1941г. работал в г.Чкалове (Оренбурге) в педагогическом институте. В 1953г. вернулся в Ленинград, в 1955г. принят на работу в Пушкинский дом, где с 1957г. вновь возглавил его Рукописный отдел. Принимал участие в работе над собраниями сочинений и писем И.С.Тургенева (1960-1968), занимался творчеством В.А.Жуковского.

Л.Н. Иванова (Преснова)

ОДНАЖДЫ РАННЕЮ ВЕСНОЙ
 /страницы жизни И.С. Тургенева/
Пьеса в 2-х действиях – 6 картинах.
(окончание)¹

Действие II, картина 5.

Деревенская изба. Слева стоит громадная русская печь, за ней виднеется цветастая ситцевая занавеска, отделяющая запечье от чистой половины избы. Справа по окнам от святого угла устроено

самодельный дощатый стол, по стенам лавки, уставленные всякой домашней утварью и посудой.

В избу с подойником в руках входит жена Жикина Авдотья². Возится у печи, наливает воду и молоко в чугуны.

Вот с печи свешиваются босые ноги в подштанниках, затем высывается голова и показывается все туловище Михайлы Жикина в нижнем белье. Он садится, зеваает, пальцами правой руки расчесывая жидкую бороду. Затем, немного погодя, произносит:

Жикин: Слышь, Авдотья ... Гостей сегодня надоть дожидаться... Из губернии казенный землемер, сказывают, приедет, землю перемерять будет... Да ето бы еще ничево, да, бають, велено передать, сам, мол, губернатор шлеть своо слесвия... Вот Иван-от Сергеич удружил мне... Вот удружил-от... Уж как жа я ево просил-от ... Кабы нам, Авдотья, худо-то, от етово не было... И мужиков созвали наших... И тех, коленских... Я хоша научил своих мужиков-то, как надоть говорить, дак ведь... /Крестится на иконы/ Ох, отец наш... Помогай со святою девою богородицею...

Авдотья: Ну как же быть-то теперича, Пятрович... Холили, холили ее, землицу-то, а ну как возвратять назад присудять? Ох, грехи наши тяжкие...

Жикин: Вишь ведь... Кабы десять-то лет минуло, как мы ее запахали-то, то она по закону-то теперь и отошла бы нам, а так-то... Оттяпають ведь, право слово оттяпають... Ироды... Ишо бы годок – и земляца наша... /Сидит, почесываясь/ Слышь, Авдотья, что я надумал-от... А давай-ка я её на тебя перепишу, землю-то... Не вертять же её назад мужикам...

Авдотья: Как ето...

Жикин: А вот так вот... Видать, боле не потянуть нам время-то. Барин, слышь, аблаката дорогова нанял, так тот, бають, в сенат собирается жалиться на нас... Так што и не потягаться нам с ими... Ноне другие времяна пошли...

Авдотья: /оставила работу, села на лавку, подпёрла рукою голову и слушает, что говорит Михайла/

Жикин: Я што думаю... Хошь мужики наши и покажут на слевии, что я десять лет владел, а им, вишь, не поверять можа... Вона обчество-то – цельная деревня, да ишо голоплецкие мужики... Поболе сотни... Много больно супротивников-то, им и вера вся... А давай-ка мы купчую-то старую на тебя соорудим, как-будто бы у меня ты ети острова и всю землю купила...

Авдотья: Зачем ето?..

Жикин: Дура!.. Пойдеть вся проволочка-то по новой... Мы в купчую-то ети острова и впишем. Пока стануть перемерять снова на тебя, пока снова дознаваться, новый план сочинять – так, можа, снова ково и задобрить удасться... Все ето пройдуць снова года, – вот те и все десять лет, а то и поболее... Землица-то по закону тогда наша и станеть...

Авдотья: Ой, Михайла, боязно штой-то.. Народ-то, чай, не глупый совсем... Поразберутся, что к чему...

Жикин: Так я тебе ето и толкую... Купчую-то мы с тобой соорудим, чай, тайную, через своих людей... Вот и потянем снова... Ну, согласная ты?..

Авдотья: Да не знаю... Дак как жа ето... Кабы чево не вышло...

Жикин: А-а... Стерва! Ты што ето – супротив своё мужика итить уздумала?!

Авдотья: /испуганно/ Да ладноть тебе... Не серчай, делай, как знаешь...

Жикин: /довольно/ А уж у меня и готово... Вот она, купчая-то, на тебя... /слезает с печи, скрывается за занавеской, через минуту возвращается с листом бумаги в руке. Оба склоняются над ним. Авдотья шевелит губами, пытаясь читать, но у неё ничего не получается/

Авдотья: Дак ты што жа, Михайла, острова-то откинул?

Жикин: Право слово, дура баба... Изловчатся-то теперь никак нельзя боле... Суд будеть царской... Врать-то теперя никак... А возмем мы её, землю-то, всё одно... Я же толкую тебе, дуре, што надоть время потянуть, она сама к нам и отойдет... Десять годов надоть... Вот, все подписи на месте...

Авдотья: Когда же ты ето дело обделал-то?.. А ну как узнають?.. Барин серчать будет...

Жикин: Молчи, дура... Не узнаеть... Всё одно теперича не придет... Вон мужики сказывали, болеет больно... Кабы не помер...

Авдотья: /горестно, по-бабы, качает головой, убивается/ Маеться, видать, сердешнай...

/Слышен стук в дверь/

Жикин: Слышь, Авдотья – встречай служивых...

Авдотья: Ахти, батюшки мои!.. Вот наказание-то божье на нас... /голосит/ Да за што жа нам эдакую-то напасть, царица небесная-а-а...

Жикин: Да не бойсь ты... Я мужикам своим всё дело обсказал, што говорить надоть... Не должны подвесьть нас...

/В избу входят судебный следователь из губернии, с ним местный исправник/

Исправник: Здорóво, хозяевá!..

Жижины: /вразной, вместе/ Здравствуйте, батюшки!.. /подобострастно кланяются, Авдотья в пояс, бежит к столу, фартуком обметает его и лавки; Михайла, хоть и видимо напуган, но держится более уверенно, стоит у печи, дрожащей рукой оглаживает бороду. Пришедшие проходят в горницу и садятся/

Исправник: Ну, Михайла, иди садись насупротив, ответ держать будешь...

Жикин: /не трогаясь с места/ Постою, батюшко...

Исправник: Иди-иди, в ногах правды нет... /Жикин неловко и неуверенно подходит и садится напротив/

Исправник: Ну и задал же ты нам работы... Поди, лет десять как опутывал мужиков, и никак-то они не сладят с тобой...

Жикин: Десять!.. Десять лет, моя земля!.. И суд губернской мне ее давеча присудил!..

Следователь: А вот мы сейчас ещё раз и посмотрим, что и как... По-твоему так выходит, а по другому-то и не так всё просто... И откуда у мужика столько смекалки, ума не приложу /обращается с этими словами к товарищу/.

Следователь: /раскладывая на столе бумаги, планы/ Ну, давайте все по порядку... Фамилия, имя, отчество...

Жикин: Да... Михайла Петров Жикин...

Следователь: Место жительства...

Жикин: Да... Село Спасское... Да и тута теперя...

Следователь: Чего же ты, Михайла Петров Жикин, далеко так от своей деревни-то отъехал!?. Верно, верст десять будет отсюда до Спасского-то...

Жикин: /оживляясь/ Восемь верст, батюшко... Да окрест села-то давно все позánято... А тута и мельница на речке, возля Спасского речки-то нетути, одне пруды копаные... И другая усадьба моя теперича, и земляца тутот-ка...

Следователь: С какого времени владеете землей?..

Жикин: Вот... Тысяча восемьсот шестьдесят второй год. Сразу после реформы... /Следователь разглядывает бумагу, вероятно, земельный план, обращается к Жикину/ Вы грамотный?

Жикин: Грамоте знаю...

Следователь: /берет у него из рук план и другие бумаги/ Вот это контракт на аренду мельницы и прилегающей к ней земли на восемь лет включительно по тысяча восемьсот семидесятый год – внима-

тельно всматривается в дату и подписи/ Минуточку. Так ведь это арендный договор на имя Ивана Петрова Жикина...

Жикин: Дак он ить мне наказывал хозяйство-то весть, значить, моё...

Следователь: Почему вы на себя не оформили арендный договор?

Жикин: Дак ить...

Исправник: Тургенев ни за что не соглашался иметь хозяйственные дела с Михаилом Жикиным...

Следователь: /к Жикину/ Покажите доверенность от брата на ведение аренды...

Жикин: А нету-ти...

Следователь: Так... Арендный договор с Иваном Жикиным закончился в начале тысяча восемьсот семидесятого года, так?.. Что дальше?..

Жикин: Вот, план-то... Моя земля!..

Следователь: /разглядывает план, взяв его из рук Жикина/ План показывает, что в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году вы купили у господина Тургенева пятьдесят восемь десятин с саженьями земли, это вместе с островами...

Жикин: /вторит/ С островами...

Следователь: Покажите купчую на эти земли... /Жикин подает ему бумагу, следователь и исправник её рассматривают/ так... третьего сентября тысяча восемьсот семидесятого года господин Тургенев через своего управляющего Кишинского продал вам пятьдесят пять десятин сто тридцать две сажени земли, прилегающей к мельнице на реке Снежеди, а на плане тысяча восемьсот шестьдесят девятого года у вас показаны и острова на четырех десятинах... /Жикин ерзает на месте/

Следователь: Кем составлен план?..

Исправник: Землемер Соломин... вызван...

Следователь: Зовите... /входит землемер, приехавший по этому случаю из уездного города, следователь приглашает его садиться, подвигает план/ Ваша работа?..

Землемер: Да, действительно, это я составлял план... /внимательно его разглядывает/ Да-да, план, несомненно, составлен мною...

Следователь: Обмеряли ли вы тогда земли?..

Землемер: Да, по закону я должен был обмерить предложенную землю для составления плана...

Следователь: Помните количество земли? /землемер отрицательно качает головой/ А острова по Снежеди тоже обмеряли?

Землемер: Острова тоже были обмеряны и вошли в план...

Следователь: Когда проводились вами все указанные выше действия и сверяли ли вы количество обмерянной земли с документами на неё?..

Землемер: Подобная сверка с купчей не входит в задачу землемера, план был составлен мною в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году по просьбе Жикина и с его слов...

Следователь: /придвигает к Жикину план/ Ваш план?.. /Жикин мнется/ Сидящий против вас господин известен вам? /Жикин утвердительно кивает головой/ Так вот, он утверждает, что этот самый план был составлен им ещё в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году по вашей просьбе и с ваших слов... Подтверждаете ли вы это?...

Жикин: /делает вид, что внимательно разглядывает план, крутится на месте, затем вдруг выкрикивает/ Дак... /спохватывается/ Не ведаю ничего, никакого плана не знаю, не знаю!...

Землемер: /возмущенно привстает/ Как?! Мы с вами очень давно и хорошо знакомы, я не один раз оказывал вам услуги – и вы меня перестали узнавать?!.. Быть может, вы и плана этого не признаете?!.. /берет план и машет им перед лицом Жикина/

Жикин: Точно так... Никаких планов не видывал – и ничего не знаю про это!.. /следователь, землемер и исправник понимающе переглядываются/...

Следователь: Даете подписку в том, что отказываетесь от своего плана на землю?

Жикин: Даю-даю... Ничего не знаю, это не мой!.. /следователь оформляет протокол, Жикин его подписывает/.

Следователь: /к Жикину/ Предоставьте следствию купчую на всю землю, в том числе и на острова на реке Снежеди площадью в четыре десятины...

Жикин: /подает ему бумагу/ Дак вот оне, батюшко... /следователь внимательно разглядывает документы, затем обращается снова к Жикину/

Следователь: Представьте документы на покупку островов...

Жикин: /мнется/ Дак ить... Нетути...

Следователь: /обращаясь к землемеру/ Теперь понимаете, что происходит?.. Каковы последствия ваших уставных действий?..

Землемер: Да.. на суде я покажу это... Я не мог тогда предвидеть подобных действий заказчика, каюсь... За всю мою двадцатилетнюю деятельность на этом поприще не было подобного случая... /уходит/.

Следователь: /обращаясь к исправнику/ Приглашайте свидетелей Жикина... /исправник вновь направляется к двери, выкрикивает фамилию; сразу же вслед за приглашением в комнату входит первый крестьянин, свидетель Жикина/ Жикин, прошу выйти из помещения... /Жикин начинает бегать по избе, не желая уходить/ Прошу выйти!.. /обращается к вошедшему свидетелю/ Прошу садиться. Фамилия, имя, отчество, место жительства...

Лукин: Иван Васильев, сын Лукин, батюшко...

Следователь: Место жительства /Лукин непонимающе смотрит на него/

Лукин: Ась?..

Следователь: Как называется ваша деревня?

Лукин: А тутот-ко, батюшко, в Ветровой деревне живем...

Следователь: Вы знаете, с каких пор Жикин владеет островами по Снежеди?

Лукин: Жикин владеет более десяти лет!..

Следователь: В каком же году куплена была им земля?..

Лукин: /задумывается/ А хоть убей, отец родной, – не припомню...

Следователь: Расскажите мне, как вы высчитали, что Жикин владел оспариваемой землей десять лет... /Лукин растерянно обращается в надежде, что Жикин ему подскажет, но того в избе нет/ Ну-ну, смелее... /Лукин смущенно молчит/. Понятно, идите... /к исправнику/ Зовите следующего...

/В избу, кланяясь, входит крестьянин, в лаптях, запыленный и с заплечным мешком, Петр Сысоев/

Следователь: Ваша фамилия, имя, отчество, где живете...

Сысоев: Петр Борисов Сысоев... Из другой волости я.

Следователь: Какой волости, какой деревни?

Сысоев: Из села Никольского я, двадцать пять верст отсюда будеть...

Следователь: А как же вы в свидетели к Жикину попали?

Сысоев: Дак ить... Как и все – поклонился мне, мол, выручай, Пятруха, я и пошел... /Все смеются/. Сысоев вдруг вспоминает заученную фразу/ Я жил у Жикина в работниках десять лет!

Следователь: Хорошо... В каком году вы поступили к Жикину в работники?..

Сысоев: /задумывается, чешет затылок/ Дак... /в это время в дверь просовывается голова Жикина, который, видимо, подслушивает и пробует обратить на себя внимание Сысоева, что-то шепчет ему, Сысоев оглядывается, но исправник прикрывает дверь/ Дак ить... Года четыре, што ли...

Следователь: А до этого времени часто бывали в Кольне?

Сысоев: Дак нет, батюшко... Ить двадцать пять, считай, верст-от от Никольского досюдова... Близок ли путь...

Следователь: Так сколько же – четыре года, или все десять лет вы батрачили на Жикина?... Говорите только правду, если не хотите сидеть в тюрьме за дачу ложных показаний...

Сысоев: Четыре, батюшко, четыре... Ишо когда мы с Антошкой Захарьевым канаву на остров рыли... И уж который годок мы с Михайлой-то не видимся...

Следователь: Канаву-то вас Жикин заставлял рыть? И плетень ставили тоже вы?..

Сысоев: Так, так, батюшко... он, хозяин наш...

Следователь: Значит, кроме тех четырех лет, что вы жили в работниках у Жикина, вы здесь никогда не бывали и больше ничего не знаете?..

Сысоев: Так и есть, батюшко... Откель мне знать-то, ведь двадцать пять, считай, верст-от...

/Исправник выпроваживает Сысоева, приглашает следующего. В избу трусой вбегает Иона, кланяется всем и кричит/.

Иона: Жикин владел больше десяти лет!... /все смеются/.

Следователь: Садитесь, садитесь... Фамилия, имя, отчество, место жительства...

Иона: Иона Герасимов, сын Васильев!.. Жикин владел больше десяти лет!.. /опять смеются/.

Следователь: Ну, Иона Герасимов сын Васильев, а теперь ты нам расскажи, кто же научил тебя так говорить...

Иона: /спохватываясь/ Дак ить... /молчит/

Следователь: Скажи нам, Иона, когда Жикин прорыл канаву на остров и крестьян туда не стал пускать?...

Иона: Дак ить... Давно, батюшко... ишо как барин нам свободу дал...

Следователь: Вы говорите о том времени, когда землю и мельницу арендовал брат Михаила Жикина Иван?

Иона: Так и есть, батюшко... Жикин рубил лозняк ишо тогда-ть..

Следователь: Ну хорошо, давайте разберемся по годам... Вместе с вами все восстановим...

Иона: Батюшко, отец родной, ослобони, не мучь, ведь неграмотный я!.. /падает в ноги, исправник уводит его/.

Следователь: /обращаясь к исправнику/ Дальше опрашивать свидетелей Жикина бесполезно, – все отвечают слово в слово, но разобраться, что к чему, не могут, а спрашивать о размерах земли

и датах владения ею их бесполезно, так как они или малограмотны, или вовсе неграмотны... И все их ответы и манера поведения указывают на заранее заученную фразу... /обращается к исправнику/ Будем опрашивать истцов, коленских крестьян... зовите /смотрит в список/ Алексея Ланина, Левита Степина и всех остальных потерпевших, представляющих коленское сельское общество. /Крестьяне входят степенно, рассаживаются по скамьям, следовательно начинает опрос/

Следователь: Очень много вас... Ну хорошо, выберите старшего, и пусть он расскажет всё по порядку, а вы, если что, поправите... /крестьяне совещаются, указывают на одного крестьянина/. Фамилия, имя, отчество, где имеее место жительства?

Ланин: Ланин я, Алексей, Дмитриев сын... Живу в деревне Жерловой.

Следователь: /обращается к исправнику/ Где такая деревня, я почему-то не слышал о ней...

Ланин: А ето вон ниже по речке... Мельница тоже там имеется...

Следователь: /обращается к нему/ Можете связно рассказать, как все это происходило?

Ланин: Грамотный... Расскажу... Всё видал, всё расскажу... Староста я потому жерловской... Приходилось с ими заниматься... Соседи ить...

Значить, так... Мельница коленская и земля по правую руку от нее долго была на аренде у Михайлова брата Ивана Жикина. Но ето по бумагам, а на самом-то деле там хозяйничал Михайла... Взял и построил прямо на плотине кабак. А мужики коленские-то ездили через ету плотину на свою землю, на остров. Он их не пропускает, а оне возьми да и разори кабак-от... Судился он с ими за ето... Да ничево не отсудил, знать...

Когда, значить, аренда-то кончилась, Михайла и купил ету мельницу и землю округ её, было ето в семидесятом году. А мужики коленские откупили землю на островах, в аккурат как к нам в Жерлово итить.. Жикин-то больно просил их, а Иван-то Сергеич – ни в какую, мол, коленские мужики давно просят продать им...

Ну вот, как откупили мужики-то острова, то Жикин и увовсе голову потерял; они, острова-то, прям к ево мельнице и прилегають... Что только не удумывал: и перегораживал, и плату брал с них за проезд. Они снова спорили с ним, Тургенев им помогал, а не то бы... Вот и надумал он неправдой отнять землю у мужиков. С той-то стороны старица вся лесом поросла, насыпка была сделана и по ей дорога

ишла, ездили когда. Так он насыпку-то разрыл, по канаве плетень устроил, и с тех пор коленские мужики туда ни-ни...

Следователь: Не вспомните, когда всё это было?

Ланин: Как жа... Семьдесят четвертый год коленские мужики ещё сеяли на островах хлеб и полосками сажали картофель, а Жикин начал над ими уродничать: и ездили они на свой остров в объезд, через другой мост через реку, выше... А владения крестьяне прекратили с того времени, когда Жикин окопал спорную землю канавою и плетень поставил, в аккурат к севу в семьдесят пятом году... С тех пор мужики коленские с ним и судятся... Да все впустую, больно хитер Жикин-то... /крестьяне жестами, мимикой во все время рассказа Ланина подтверждают его свидетельства/

Следователь: /обращаясь к Степину/ Правду рассказал Ланин?..

Степин: Чистую правду, господин следователь, всё так и было... Подписуемся все.. Так и было... /происходит оформление протокола, под которым подписываются все находящиеся в избе коленские крестьяне. Крестьяне, кланяясь, уходят./

Следователь: /обращаясь к исправнику/ Нет никаких сомнений в правоте коленских крестьян. Но Жикин действительно бестия, каких редко можно и теперь встретить... Заготовил несколько планов на землю, все они фиктивны, а в суд на заседание представил план, подписанный самим Тургеневым... Как так случилось, никто не может понять... И сам Иван Сергеевич не понимает, уверяет, что на плане, поданном ему на подписание, не было этих злополучных островов... Вполне может статься, что они нарисованы были позднее... /обращается к Авдотье, хлопочущей усердно у печи/ Зовите мужа...

/В избу входит Жикин, за ним семенит Иона Герасимов/

Следователь: /обращается к нему/ Следствие закончено... Все материалы подтверждают правоту коленских крестьян и будут переданы в высшие судебные инстанции для рассмотрения и предания вас суду... /собирает бумаги, выкладывает их в сумку, в это время Жикин преграждает ему дорогу, пытаясь остановить, пытается просить о чем-то. Авдотья, видя, что все усилия Жикиных остаются без ответа, начинает в голос выть.

Жикин от бессилия что-либо изменить набрасывается в сердцах на Авдотья, та отскакивает и убегает за занавеску, тогда Жикин кидается на Иону, пытаясь избить его. Иона выскакивает за дверь. Жикин кидается за ним, с улицы слышны душераздирающие крики.../

Действие II, картина 6.

Купе мягкого спального вагона московского пассажирского поезда, идущего на юг. Ночь, за окнами темно. В купе двое: элегантный господин, по одежде, багажу и манерам богатый и образованный человек, – и адвокат И.С.Тургенева Н.П.Черносвитов. Несмело и отрывочно беседуют они до тех пор, пока поезд не останавливается на очередной станции железной дороги. Оба всматриваются в чуть освещенное вокзальным фонарем окно вагона, пытаются прочесть название станции

Пассажир: /отпрянув от окна/ Козлова Засека... Вот отсюда до Ясной Поляны всего три с половиной версты, прямо... Бывал я у Льва Николаевича-то... Друг один мой, тоже литератор, пристал однажды: поедем да поедем к Толстому, - ну, я и поехал с ним. Массу, знаете ли, замечательных впечатлений вынес из этой поездки... выдающаяся личность этот Толстой, значительная – и писателем, смею надеяться, со временем будет признан мировым... Да-а. Велик талант... Впору ему если только с самим Тургеневым тягаться... Жаль, с Иваном Сергеевичем я так и не был знаком, хотя случай такой представлялся, и не раз... Но, видно, не судьба...

/Рассказчик умолкает. Слышен характерный шум железнодорожного вокзала, звуки занимающих свои места в соседних купе пассажиров, свисток паровоза. Поезд трогается с места резко, фонарь с улицы выхватывает из мрака купе, фигуры сидящих. За окном мелькают здание станции, свет фонарей, тени людей, деревьев. Некоторое время собеседники едут молча, каждый думая о своем, затем в разговор вступает адвокат Черносвитов/:

Черносвитов: А вот я хорошо знал Тургенева, судьба не раз нас с ним сводила. И теперь вот, напоследок, видно, еду к нему в имение... По его же судебному делу... Как-то никак, знаете ли, не могу представить себе Спасское без него. Вот подъезжаем всё ближе – а я всё больше отчего-то волнуюсь...

Пассажир: Это по какому же делу, если не секрет – ведь Тургенева-то уж год, как нет в живых...

Черносвитов: Да, это действительно так... Но судебное дело, которое он сам возбудил в защиту своих бывших крестьян, вот только теперь благополучно окончилось...

Пассажир: Да-а... Непредсказуема наша жизнь, и скоротечна... /Помолчали/ Спасское-то Лутовиново ведь в стороне от железной дороги как-будто, как вы добираться-то будете ночью?..

Черносвитов: Да. Целых четыре версты... А ничего, у Ивана Сергеевича вопрос этот отработан был издавна: телеграфируешь управляющему, и на станцию за тобою высылаются экипаж. Правда, хозяйина действительно уже год как нет, но имение, как мне докладывали, управляющий содержит до сих пор в образцовом порядке. Да-а... С добрым известием еду к Тургеневу, а вот порадоваться ему за своих бывших крестьян теперь не придется...

Пассажир: /Выказывает живой интерес к сообщению Черно-свитова и его рассказу, поднимается с места, выходит из-за столика, подает Черносвитову руку/ Давайте же, наконец, познакомимся... /Черносвитов встает, пожимает ему руку/ Помещик Черниговской губернии, дворянин, немного литератор Александр Сергеевич Днепровский...

Черносвитов: Адвокат по особо важным делам Николай Петрович Черносвитов... Жительство имею в своем доме в Туле на Киевской улице, прошу заезжать при случае... /Садятся. В купе стучат, открывается дверь, кондуктор предлагает горячий чай, получает живое согласие пассажиров, ставит на столик стаканы в подстаканниках с чаем, поклонившись, выходит/.

Днепровский: На похоронах Тургенева не пришлось побывать?

Черносвитов: Как же... Почтил... Петербург, верно, подобных проводов и не видывал... Грандиозная, знаете ли, процессия собралась... Если бы не венок от его бывших крестьян, привезенный его управляющим, ни за что бы не пробиться было ко гробу... Довелось в последний раз взглянуть на великого русского писателя... Да-а... Велика потеря для России... В последние годы он мало дома жил, всё больше за границей, – а дел крестьянских, несмотря на это, так и не бросал, все помыслы его были дома, только дома... Вот и теперь... Еду из Правительствующего Сената, из Москвы, с судебного заседания сообщить крестьянам, что дело их выиграно...

Днепровский: Прошу вас, расскажите обо всём этом подробно...

Черносвитов: Но ночь давно... Не заснёте?... /оба смеются/ Что ж, извольте... Видите ли, Иван Сергеевич Тургенев имел особые отношения со своими бывшими крестьянами...

Днепровский: Да-да, это очень даже видно из его сочинений...

Черносвитов: Так вот... он всегда, с тех пор, как после смерти матери в тысяча восемьсот пятидесятом году стал владельцем земель и душ, тяготился своим положением помещика и сразу же по подписании раздельного акта на движимое и недвижимое имение с

братом предложил своим крестьянам землю в аренду. И надо признаться, что порядочно-таки намучился с этой затеей: большинство его крестьян предпочло аренде барщину, уповая в трудные неурожайные годы на милость барскую, благо Тургенев слыл добрым человеком...

Но крестьяне соседнего со Спасским имения в деревнях Голоплеки и Кольна всё же взяли в аренду большое поле земли между этими деревнями, скооперировались в общество, наладили совместное хозяйство и исправно платили аренду, а по отмене крепостного права с его невероятными уступками выкупили её в кредит и одними из первых в России стали самостоятельно вести хозяйство.

Но нет добра без худа... Узнав, что Тургенев продал коленскому обществу триста двадцать одну десятину земли, богатый спасский крестьянин Михаил Жикин стал просить у Тургенева продать ему плодородные острова по реке Снежеди, но Тургенев продал их коленским крестьянам. Жикину удалось купить у Тургенева другие земли, и кроме того водяную мельницу арендовал брат его Иван. Жикин же хозяйничал на мельнице и плотине, и так привык к мысли, что всё это принадлежит ему, в сговоре, конечно, с управляющим Тургенева Кишинским построил на мельничной плотине кабак. Крестьяне тогда разнесли по бревнам строение кабака, так как за проезд по плотине на их землю мимо кабака Жикин пытался брать с них плату... И впоследствии крестьяне каждое поползновение Жикина на их права оспаривали, а не смотрели равнодушно на его очередное жульничество. Дальше было больше... Узнав, что вследствие материальных затруднений Тургенев продает часть своих земель, Михаил Жикин через управляющего Кишинского стал хлопотать о продаже арендованной его братом мельницы и земли. Ему удалось совершить эту покупку. Ещё не расплатившись за неё, он стал хлопотать о приобретении ещё одного плодородного участка земли в окрестностях Кольны, но Тургенев в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году продал её коленским крестьянам.

Не смирившись с неудачей, Жикин решил завладеть этой землей незаконно. Следующей же весной он захватил принадлежавшие крестьянам острова, которые образовала своими рукавами Снежедь, нанял работников из соседних деревень, окопал захваченную землю канавою, уничтожив дорогу на остров, устроил изгороди и крестьян на их землю не пускал. Они заспорили, возмутились и возбудили против Жикина два уголовных преследования. Но видя, что не в



состоянии сами справиться с Жикиным, следующей весной обратились за помощью к Тургеневу. Тургенев не остался безучастным к крестьянской беде: вначале пытался увещевать мельника, затем попытался доказать правоту крестьян, выехав лично, с планом, непосредственно на место происшествия, но видя, что всё это не дает результата, выехал в Тулу подать прошение самому губернатору...

Кондуктор: Станция Чернь, господа...

Черносвитов: /всматривается в окно, за которым мелькает станция, фонари, тени зданий и деревьев/ Случилось это уже после того, как Жикин представил господину Тургеневу фальшивый план для подписания, и возмущенный Тургенев пригрозил ему расправой... Так вот... На этой вот самой станции вновь повстречался с Жикиным: тот, пьяный, лез к нему в вагон, в купе, пытаюсь разжалобить и умолял не погубить...

В Туле Тургенев подал прошение на имя губернатора и кроме того просил заняться делом коленских крестьян своего знакомого, тульского вице-губернатора князя Урусова. Всё это, видимо, возымело действие, так как уже через несколько дней по предписанию тульского губернатора производилось о купцах Жикиных сначала полицейское дознание, а затем и предварительное следствие через судебного следователя тульского окружного суда по особо важным делам Демидовича.

В ходе следствия выяснились следующие обстоятельства: Жикин для оправдания себя представил господину Тургеневу фальшивый план, составленный ещё тогда, когда он владельцем мельницы и земли не был, а на нём были показаны и те четыре десятины земли на островах, которые принадлежали крестьянам.

При дознании Жикин, боясь правосудия, отказался от этого плана и за свой не признал, в чём и дал следователю собственноручную подписку...

Потерпев неудачу, Жикин не успокоился. Не желая расстаться с захваченной землёй, он стал искать новые способы завладения ею, и, чтобы потянуть ещё время, переоформил землю на имя своей жены Авдотьи. Совершив эту сделку, он посчитал себя свободным от ответственности за незаконный захват земли, так как с этих пор все претензии крестьян были официально обращены уже к Авдотье Жикиной.

Вы ведь знаете, что по нашим земельным законам необходимо выдержать десятилетний срок владения захваченной землей, и, если

истец не сумеет за это время отсудить свою землю, она официально становится собственностью захватчика... Дикий, скажу я вам, закон, несправедливый... Вот Жикины благодаря ему и тянули время, прибегая к различным уловкам и ухищрениям вплоть до преступных сделок и подкупов должностных лиц...

/Поезд замедляет между тем движение, вновь раздаётся голос кондуктора, который сообщает, что поезд делает остановку на станции Кукуевка/

Черносвитов: Кукуевка... Отсюда до Спасского верст шесть будет, не более. Иван-то Сергеевич, будучи помоложе, любил сойти с московского поезда именно на этой станции. Правда, дорога отсюда несколько длиннее и сложнее, чем от Бастыева, вначале вон тем логом /вглядывается в окно/, затем полями и далее почти сплошь всё лесом... Почти до самого Спасского... Но эти-то красоты природы, видимо, и привлекали его внимание, в первую очередь как художника, вдохновляли... Он рассказывал, что только доедет, бывало, до дома, а в голове и сюжетец уж готов, и руки чешутся поскорее приняться за работу /в это время поезд, просигналив, останавливается/.

Днепровский: А не имеет ли эти Кукуевка своей собственной истории?.. То-есть, я хочу сказать, а вернее спросить, не о ней ли упоминали часто российские газеты года эдак полтора-два тому назад? В связи, помнится, с железнодорожной катастрофой?

Черносвитов: Да-да, это та самая станция и есть... /Оба вновь пристально всматриваются в картину за окном, пытаясь разобрать в полутьме очертания предметов/.

Днепровский: Ничего совершенно не видно... Заметна одна очень высокая насыпь и далее просторы... /Раздается гудок, поезд трогается/.

Черносвитов: Да-да, так оно и есть: чрезвычайно высокая насыпь... Это двести девяносто шестая верста от Москвы... Несчастье это случилось ночью, многодневные ливневые дожди конца июня размыли насыпь, она сползла, образовав глубокий провал, вот в него и провалился поезд... Этот самый номер поезда и /смотрит на часы/ в то же самое время. Помнится, газеты сообщали, что в катастрофе погиб племянник Ивана Сергеевича, сын его двоюродного брата Николая Петровича Тургенева, одно из поместий его находится в сорока верстах отсюда. Говорят, отец юноши не пережил этой утраты... Иван Сергеевич тоже тяжело переживал... /долго молчат в

раздумьи, затем Чернословитов, очнувшись от раздумий, продолжает прерванный рассказ о тяжбе Тургенева с кулаком/

Чернословитов: Так вот... Вернемся к нашему старому предмету...

Казалось бы, материалы дела не оставляли сомнений в правильности иска о земле коленских крестьян. Но официальное следствие пошло по новому витку, велось вяло, медленно, и только через пять лет по распоряжению тульского губернского правления в Кольну был послан казенный землемер для снятия с земли подлинного плана. И хотя все материалы следствия снова указывали на правоту крестьянского иска, тульский губернский суд в позапрошлом году решил дело в пользу Жикиных...

Тогда, убедившись, что все использованные им методы защиты крестьян не принесли успеха, Тургенев решился на крайнюю меру: для ведения дела в Правительствующем Сенате пригласил адвоката по особо сложным и запутанным делам, вашего покорного слугу / кланяется собеседнику, чуть приподнявшись с кресла/...

Ознакомившись с материалами следствия и взвесив все «за» и «против», я убедился в несомненной правоте крестьян и в апреле тысяча восемьсот восемьдесят второго года подал апелляционную жалобу в Московскую судебную Палату гражданского департамента. Помимо моих усилий по доказательству правоты крестьян материалами дела, немаловажную роль в решении его сыграло то, что сам Тургенев решил выступить на суде в качестве свидетеля по делу на стороне коленских крестьян.

О том, что Жикин представил ему для подписания фальшивый план и о том, что потом умолял его на коленях о пощаде, Тургенев прислал судебной Палате Правительствующего сената подробное письмо, а кроме того прислал мне телеграмму примерно того же содержания для оглашения в судебном заседании.

И вот в сентябре прошлого года Московская судебная Палата наконец отменила решение тульского окружного суда о неправоте крестьян...

Но и это ещё не всё... Жикины на этом не успокоились: узнав, что Тургенев тяжело болен и следовательно коленские крестьяне теперь могут остаться без защиты, они воспрянули духом, подобрали доводы, чтобы обжаловать решение Московской судебной Палаты в высшей судебной инстанции – Правительствующем Сенате, где рассмотрение их жалобы тоже надолго затянулось, и лишь спустя два года, уже после кончины писателя – и его именем! – Сенат вынес решение о правоте коленских крестьян...

Вот какую экзотическую историю поведал я вам, батенька вы мой, об Иване Сергеевиче Тургеневе... И еду теперь сообщить эту долгожданную и радостную весть его бывшим крестьянам...

Днепровский: /долго молчит, задумавшись/ Светает... Утро такое туманное... совсем как у Тургенева в романсе... /долго едут в полном молчании; поезд несколько раз рывками тормозит, останавливается/

Кондуктор: /заглянув в купе/ Станция Бастыево, господа... /обращаясь к Черноswiftову, надевающему пальто/ Ваша станция, господин...

Попутчики прощаются, Черноswiftов выходит из купе, в него входят новые пассажиры, пытаются заговорить с оставшимся попутчиком, но тщетно... он задумчив, слишком углублен в себя, его интересует лишь то, что он видит за окном. Звучит мелодия романса Абазá на стихи И.С.Тургенева «Утро туманное». Под эту тихую мелодию поезд трогается, набирает скорость, тишина и темнота окутывают всё вокруг...

На стене появляется большой портрет Тургенева. Медленно плывёт сцена. В круге света один за другим появляются, а затем так же медленно удаляются в темноту персонажи драмы...

Примечания.

1. Начало см. «Тургеневский ежегодник» – 2009–2010 гг. Пьеса написана по материалам ГАТО и «Жикинского дела», хранящегося в ЦГИА г.Москвы, ф.131, оп.59, д.1748, а также по письмам И.С.Тургенева и его корреспондентов, по воспоминаниям современников.
2. В документах ЦГИА г.Москвы жена Михаила Жикина значится по имени Федосья.



V.

Из собрания
Орловского объединённого
государственного
литературного
музея И. С. Тургенева



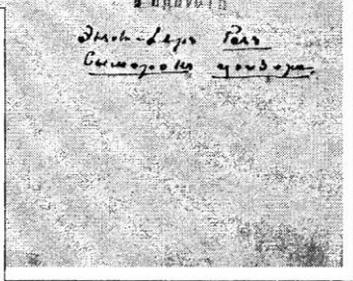
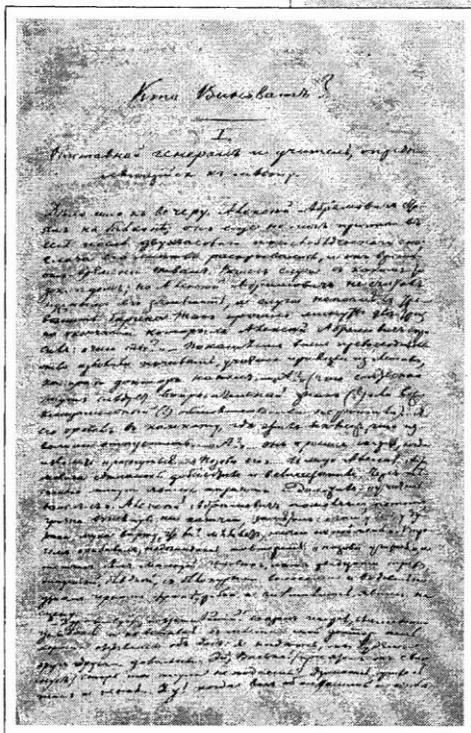
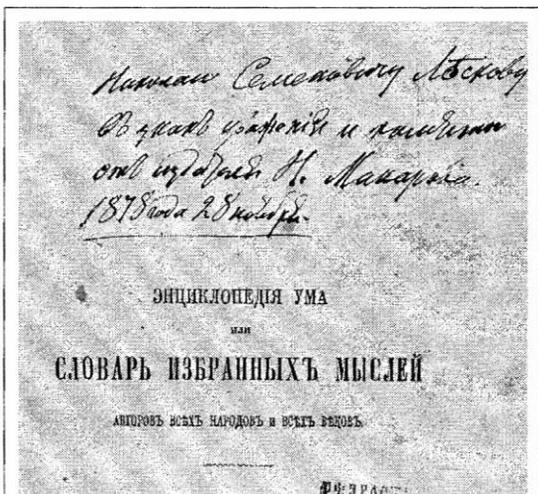
Титульный лист
"Энциклопедии ума"

Н.П. Макарова
(СПб, 1878).

Издание из
мемориальной
библиотеки
Н.С. Лескова

с пометами писателя.

ОГЛИМТ



Начало повести
А.И. Герцена
"Кто виноват?", вписанный
В.Г. Белинским
в принадлежащий ему
экземпляр тома 43-го
"Отечественных записок"
(1845) взамен отсутствующих
страниц. Книга из
мемориальной библиотеки
И.С. Тургенева. ОГЛИМТ

ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» В МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ И.С.ТУРГЕНЕВА

С.Л. Жидкова

Журнал «Отечественные записки», основанный в год рождения Тургенева, прекратил своё существование через год после его смерти. Его первым издателем был чиновник коллегии иностранных дел П.П.Свиньин. В 1831 году журнал за недостатком подписчиков был прекращён. С 1839 года его издателем и редактором стал А.А.Краевский, первоначально взяв его в аренду на паях с В.Ф.Одоевским и Б.А.Врасским. Краевский, обладавший незаурядными практическими способностями и имевший к тому времени опыт журналистской и издательской работы, сумел привлечь к участию в журнале лучших современных писателей и критиков. Здесь печатались и писатели старшего поколения: В.А.Жуковский, П.А.Вяземский, В.Ф.Одоевский, Е.А.Баратынский, А.В.Кольцов, и молодые литераторы: И.И.Панаев, В.А.Соллогуб, Искандер (А.И.Герцен). В «Отечественных записках» были напечатаны почти все произведения М.Ю.Лермонтова, написанные в 1839-1841 годах. В журнале публиковались стихи Н.П.Огарёва, В.И.Красова, А.Н.Майкова, А.А.Фета, И.П.Клюшников (Θ), преподававшего в начале 1830-х годов историю юному Тургеневу.

Журнал знакомил читателей с переводами классиков зарубежной литературы и лучших современных писателей Запада: здесь можно было найти переводы А.Н.Струговщикова из Гёте, Н.Ф.Павлова и А.И.Кронеберга – из Шекспира. Печатались романы Ф.Купера, Ч.Диккенса, В.Гюго, Ж.Санд, Ш.Бернара.

В критическом разделе, кроме В.Г.Белинского, определявшего направление журнала, публиковавшего в нём статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, сотрудничали А.Д.Галахов, В.П.Боткин, М.Н.Катков. Я.М.Неверов, товарищ Тургенева по Берлинскому университету, выступал с обзором новых сочинений немецких авторов, таких, как «Характеристика знаменитых мужей Германии» Фарнгагена фон Энзе или «Новейшая эпоха литературы и просвещения Германии» Маркграфа.

Успешная издательская политика, блистательное созвездие авторов, печатавшихся в журнале, объясняют его стремительный расцвет. В связи с этим понятен интерес, который изначально про-

явил к «Отечественным запискам» Тургенев, интерес, который он не утратил и в последующие годы, что, среди прочего, сказалось в составе книжного собрания писателя. И хотя раздел периодики библиотеки Тургенева немало пострадал, следы этого внимания сохраняются здесь и поныне.

В октябре 1854 года Тургенев писал П.В.Анненкову из Спасского: «<...> библиотеку Белинского, которую я нашёл здесь, кто-то бессовестно ограбил: нет <...> самых интересных годов “Отечественных записок”»¹. В ответном письме от 11/23 октября 1854 года Анненков успокаивал Тургенева: «А насчёт библиотеки – жалобы, кажется, преувеличены. Помните у меня возле печки на этажерке – связанные верёвочкой книжки. Это всё ваши <...>. Тут много <...> №№ “Отечественных записок” (старых), которые и дополняют вашу коллекцию»².

Сегодня в книжном собрании Тургенева числится лишь 21 том знаменитого издания, в то время как в Каталоге 1885 года, составленном наследниками писателя, значатся 55 книжек журнала. Таким образом, 34 тома были утрачены. Но и та часть коллекции, что дошла до нашего времени, заслуживает особого внимания исследователей – ведь именно в «Отечественных записках», по сути, происходит вступление Тургенева на литературное поприще.

Прежде всего, следует отметить наличие в библиотеке 13 книжек журнала за 1839-1845 годы, имеющих признаки принадлежности к книжному собранию В.Г.Белинского (автограф, тиснение, пометы, маргиналии критика). В Каталоге 1885 года указано 32 тома «Отечественных записок» за 1840-1846 годы. Однако есть основание предположить, что не все номера изначально принадлежали Белинскому, часть из них, по-видимому, выписывалась в Спасское В.П.Тургеневой. Так, в письме к И.С.Тургеневу от 20 мая 1843 года она упоминает о «билете» (вероятно, так она называет квитанцию) на «Отечественные записки»; 25 июня 1843 года она пишет сыну о статье Белинского, посвящённой поэме «Параша», напечатанной в 5-й книжке журнала за 1843 год: «<...> в “Отечественных записках” разбор справедлив». 22 августа того же года она перефразирует строки из стихотворения сына «Цветок»: «Скажу, как цветок в “Отечественных записках”: Так что ж? – Напрасно сожаленье! / Знать я был создан для того, / Чтобы побыть одно мгновенье / В соседстве сердца твоего». 28 сентября 1843 года Варвара Петровна сообщает

Ивану Сергеевичу: «Я получила “Отечественные записки” и читала твою “Неву”. Я делаю Вам комплимент. Жаль, что коротко. Хорошенького понемножку»³.

Таким образом, «Отечественные записки» выписывались и читались в доме Тургеневых в указанные годы. Можно даже предположить, что мать начинающего писателя выписала журнал для того, чтобы следить за публикациями сына, который печатался в нём с 1841 года.

Поступают номера «Отечественных записок» к Тургеневым и позднее. В период пребывания во Франции (1847-1850) писатель продолжал печататься в журнале и внимательно следил за содержанием его выпусков. 1/13 марта 1849 года он специально обращается к издателю А.А.Краевскому со следующим поручением: «<...> что касается до высылки “Отечественных записок”, которых я очень и очень желаю – то вот что можно сделать: прошлые два года (47 и 48) вы вышлите пароходом в Гавр <...>. Нумера же за нынешний год Вы можете высылать на моё имя и на мой счёт». По-видимому, большая часть издания за этот период осталась в парижской библиотеке Тургенева. Правда, в Каталоге 1885 года в книжном собрании писателя указано наличие 6 томов журнала за 1849 год, однако до нашего времени они не сохранились.

По возвращении из Франции Тургенев, несмотря на тесную связь с журналом «Современник», продолжал сотрудничество с «Отечественными записками» и, как следует из его писем, по-прежнему получал их. В октябре 1853 года он писал своему соседу по Спасскому А.П.Свечину: «Посылаю по обещанию супруге Вашей 5 частей “Отечест[венных] запис[ок]” за нынешний год, в которых находится “Дина” и ещё другой роман. Кто-то останется доволен»⁴. К сожалению, ни одного из 5 томов журнала, зафиксированных в Каталоге 1885 года, не сохранилось. Как не дошло до нас ни одной книжки за 1855 год. Между тем Тургенев писал Анненкову 2/14 июня 1855 года из Спасского: «<...> “От[ечественные] зап[иски]” давно присланы». В Каталоге 1885 года числятся ещё 4 тома за 1859 год и 4 тома за 1862 год. В настоящее время в наличии лишь номера за 1862 год.

Как свидетельствуют письма Тургенева, он получал «Отечественные записки» и в Баден-Бадене, где он поселился во второй половине 1860-х годов, и в Париже, где жил в 1870-х – начале 1880-х годов. Эти тома журнала, судя по описи имущества, сделанной после смерти писателя, находились в его парижской библиотеке: «Шесть-

сот томов в переплёте и в картонных обложках: “Вестник Европы”, “Отечественные записки”, газеты, журналы на русском языке <...>»⁵.

В книжном собрании Тургенева сохранился майский номер журнала за 1876 год. Вероятно, Иван Сергеевич, отправляясь в Россию в конце мая того года, взял его с собой в дорогу, а затем оставил в Спасском. Как бы то ни было, можно сделать вывод, что Тургенев не выпускал из поля зрения, выписывал, читал «Отечественные записки» от начала их издания А.А.Краевским и до конца жизни. Журнал, бывший на протяжении нескольких десятилетий одним из лучших периодических изданий России, стал для Тургенева своего рода школой журнального дела, приносил живое ощущение литературного процесса, знакомил с наиболее значительными именами в отечественной и зарубежной словесности того времени.

Представляется, что Тургенев имел возможность читать «Отечественные записки» с момента их появления, хотя с мая 1838 года по май 1841 года находился преимущественно за границей – слушал курс лекций в Берлинском университете. Известия о новом журнале могли дойти до Тургенева от товарищей, сотрудничавших в журнале и освещавших эпизоды из жизни Берлинского университета. Так, в июньской книжке «Отечественных записок» за 1839 год была напечатана некрологическая статья уже упомянутого Неверова «Эдуард Ганс», где содержались некоторые биографические сведения о профессоре истории и права Берлинского университета, лекции которого слушал и Тургенев. Между прочим, в некрологе дан портрет Ганса: «<...> человек средних лет, с чёрными, живыми, необыкновенно выразительными и пронизательными глазами, с румянцем на щеках. <...> В 6 часов вечера или в 12 утра он, бывало, идёт из университета по липовой аллее <...>, окружённый толпой студентов, расспрашивающих о том, что преимущественно их заняло на его лекциях <...>» (1839, №6, с.48-49). В этой же статье Неверов рассказал о похоронах Ганса, состоявшихся 6 или 7 мая 1839 года, на которых присутствовал и Тургенев, о чём он сообщил матери в недошедшем до нас письме. Сведения, содержащиеся в статье Неверова, дают возможность уточнить эпизод из жизни писателя, а также прокомментировать письмо В.П.Тургеневой к И.С.Тургеневу от 28 мая 1839 года: «<...> хоронили профессора, и ты там был <...>»

В октябрьском номере «Отечественных записок» за 1839 год опубликован очерк Н.Мельгунова «Барон Ал.Гумбольдт», в котором содержатся некоторые сведения о Берлинском университете вре-

мени пребывания там Тургенева. Так, мы узнаём, что «<...> лекции в летнее полугодие в Берлинском университете начинаются с 6 часов утра <...>». Автор приводит мнение Гумбольдта насчёт манеры преподавания в Alma Mater: «Наш университет <...>, конечно, один из первых в Европе. Он богат отличными преподавателями. Жаль только, что в немецких университетах вообще, а также и здешнем, не выведут диктования: оно убивает всякое красноречие. Сам Ганс, конечно, красноречивее многих других, должен беспрестанно прерывать себя и повторять два или три раза одну и ту же фразу». (1839, №10, с.84,88). В пору учения в Берлинском университете, без сомнения, был прочитан Тургеневым очерк П.Мельникова «Библиографическая редкость», опубликованный в 9-м номере журнала за 1840 год (с.9-12) и посвящённый книге «Эмблемы и символы», изданной в 1705 году по заказу Петра I в Амстердаме и обнаруженной в библиотеке Нижегородской губернской гимназии. Можно думать, что чтение очерка вызвало к жизни детские воспоминания Тургенева о собственных впечатлениях от чтения более позднего издания «Эмблем и символов», осуществлённого Н.М.Максимовичем-Амбодиком: «На мою долю досталась “Книга эмблем” и т.д., тиснения 80-х годов, претолстейшая: на каждой странице были нарисованы 6 эмблем, а напротив изъяснения на четырёх языках. Целый день я перелистывал мою книжицу и лег спать с целым миром смутных образов в голове. Я позабыл многие эмблемы; помню, напр.: “Рыкающий лев” – знаменует великую силу; “Арап”, едущий на “единороге” – знаменует коварный умысел (почему?) и прочее. Досталось же мне ночью! единороги, арапы, цари, солнцы, пирамиды, мечи, змеи вихрем кружились в моей бедной головушке; я сам попадал в эмблемы, сам “знаменовал” – освещался солнцем, повергался в мрак, сидел на дереве, сидел в яме, сидел в облаках, сидел на колокольне и со всем моим сидением, лежанием, беганием и стоянием чуть не схватил горячки. Человек пришёл меня будить, а я чуть-чуть его не спросил: “Ты что за эмблема?”»⁶.

В июньской книжке «Отечественных записок» за 1841 год письмо М.Каткова «Берлинские новости» сообщает о «серенаде», исполненной студентами Берлинского университета профессору философии К.Вердеру (1841, №6, с.111-116). Тургенев был участником этого события. Катков указал его точную дату – 4 марта 1841 года, что позволяет уточнить соответствующий эпизод Тургеневской летописи.



В 1843 году в сентябрьской и октябрьской книжках журнала за подписью «Т.Л.» появляются публикации стихотворения Тургенева «Нева» и пьесы «Неосторожность». Понятно, что эти тома были в наличии как у самого автора, так и в Спасской библиотеке.

Надо думать, писатель не оставил без внимания заметки своего болховского соседа Ивана Васильевича Лаврова (1803-1869) «Отчёт о ходе и произведениях Болховского хозяйства», напечатанной в томах 35-37 за 1844 год. Из публикации узнаём некоторые биографические данные об И.В.Лаврове, владельце села Кривцово, где в 1855 году Тургенев побывал вместе с Д.В.Григоровичем, А.В.Дружининым, В.П.Боткиным. Прежде всего, это характеристика самого Лаврова, человека незаурядного, «одного из выдающихся сельских хозяев»: «Оставив военную службу, он возвратился в свою вотчину, хотя и с запасом некоторых теоретических сведений о хозяйстве, почерпнутых из книг, но без опытности в управлении крестьянами и с ложными филантропическими идеями» (1844, №11, с.11). Публикация в «Отечественных записках» позволяет уточнить местоположение усадьбы Лаврова, хозяйство которого «находится между двумя городами, Мценском и Белёвом (каждый в 35 верстах от поместья)» (1844, №10, с.27); «лежит на левом берегу реки Оки и левом же небольшой речки Березуя, впадающей в Оку почти под прямым углом» (1844, №7, с.6).

Публикации произведений Тургенева в «Отечественных записках» способствуют его популярности в литературных кругах. В журнале помещаются критические заметки, посвящённые сочинениям молодого писателя. Поэма «Андрей» анонсируется редакцией накануне нового 1846 года. В № 12 за 1845 год (с.115-116) опубликована рецензия на французский перевод сочинений Н.В.Гоголя, выполненный Л.Виардо и Тургеневым (имя последнего, правда, в титуле не значилось).

Журнальное чтение писателя в 1850-е годы носит всё более определённый, критический характер. Он так или иначе сравнивает качество публикаций в «Отечественных записках» и в «Современнике», с которым Тургенев кровно связан. Обратимся к трём сохранившимся томам «Отечественных записок» за 1850-е годы из мемориальной библиотеки писателя. Тургенев откликается на публикацию в июньской книжке за 1851 год романа В.Р. Зотова «Старый дом», который читает одновременно с романом Н.Н.Станицкого (А.Я.Панаевой) «Мертвое озеро», напечатанном в «Современнике».

В письме к Краевскому от 27 июля/8 августа 1851 года он не скрывает разочарования и едко шутит: «Удивляюсь, когда прекратятся знаменитые два романа: “Мёртвый дом” и “Старое озеро”. Впрочем, есть у вас очень дельные и хорошие статьи».

Недоволен Тургенев и новым романом Д.В.Григоровича «Просёлочные дороги» (до нас дошла 5-я часть его, напечатанная в июньской книжке за 1852 год). Писатель откликается на это чтение следующей репликой в письме к Анненкову от 14,18/26,30 сентября 1852 года: «<...> боюсь судьбы Григоровича, который теперь с неутомимой деятельностью разливает подонки своего таланта на такие сороковые бочки пресной воды, каковы его “Просёлочные дороги”». Подобные впечатления побуждали Тургенева к напряжённым творческим поискам.

Как обычно, Тургенев-читатель уделяет внимание мемуарному жанру. Несомненно, обратили на себя его внимание «Записки о жизни Н.В.Гоголя» (опубликованные в ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1856 год за подписью П.-Б-въ) и «Последние дни жизни Н.В.Гоголя» А.Тарасенкова (декабрь 1856 года). Между прочим, последний упоминает о реакции Гоголя на чтение пьесы Тургенева «Провинциалка»; по его мнению, характер главной героини недостаточно прописан: «Что это за характер: просто кокетка и больше ничего» (1856, №12, с.401).

Развёрнутый отзыв Тургенева на чтение в декабрьской книжке журнала повести Л.Н.Толстого «Утро помещика» содержится в его письме к А.В.Дружинину от 13/25 января 1857 года: «Я прочёл его “Утро помещика”, которое чрезвычайно понравилось мне своей искренностью и почти полной свободой воззрения; говорю: почти – потому что в том, как он себе задачу поставил, скрывается ещё некоторое предубеждение. Главное нравственное впечатление этого рассказа состоит в том, что пока будет существовать крепостное состояние, нет возможности сближения и понимания обеих сторон, несмотря на самую бескорыстную и честную готовность к сближению – и это впечатление хорошо и верно; но при нём бежит другое, побочное, пристыжное – а именно то, что вообще просвещать мужика, улучшать его быт – ни к чему не ведёт – и это впечатление неприятно».

Тургенев прочёл роман в стихах Я.П.Полонского «Свежее предание», напечатанный в журнале «Время» (№6 и №10 за 1861 год; №1 за 1862 год), который ожидал с нетерпением и в котором нашёл «ми-

лые вещи», отметив, однако, некоторую небрежность исполнения. Писатель много ждал от этого произведения Полонского: «Хорошие стихи в теперешнее сухое время – как благотворная влага: надоели свистуны, критиканы, обличители, зубоскалы – чёрт бы их всех побрал!»⁸. Поэтому следует с большой долей уверенности предположить, что в «Отечественных записках» (№2 за 1862 год) Тургеневым было прочитано критическое обозрение А.Ленивцева «Из моего дневника», где упоминается роман Полонского. Рецензент сравнивает главного героя романа – Комкова, прототипом которого был поэт И.П.Ключников, с лишними людьми из повести Тургенева: «В романе в стихах Полонского описывается судьба одного из тех героев, которые проходят чрез все повести Тургенева, которые признаны даже отсталыми со стороны “Современника”» (с.21).

В книжном собрании Тургенева сохранился 8-й номер журнала за 1862 год с воспоминаниями полковника Векки, посвящёнными вождем итальянского освободительного движения Джузеппе Гарибальди (с.193-212). Скорее всего, эта статья была прочитана Тургеневым, пристально следившим за деятельностью Гарибальди и назвавшего его «последним героем».

Писатель продолжал выписывать и читать журнал и в последующие годы. Его оценка содержания «Отечественных записок» этого времени сводится к тому, что это «весьма, впрочем, плохой журнал» (письмо к И.П.Борисову от 30 сентября/12 октября 1866 года).

С января 1868 года «Отечественные записки» стали выходить под редакцией Н.А.Некрасова, М.Е.Салтыкова-Щедрина и Г.З.Елисеева. Об изменённом составе редакции Тургенев узнал заранее и писал П.В.Анненкову из Баден-Бадена 22 декабря ст.ст. 1867 года: «<...> не худо бы подписаться на перерождённые “Отечественные записки”». Уже в 1-м номере обновлённого журнала появилась статья А.М.Скабичевского «Новое время и старые боги», посвящённая роману Тургенева «Дым». По прочтении её Тургенев 13/25 апреля 1868 года писал Н.Н.Рапет: «В “Отечественных записках” меня ругают наповал – но это ничего не значит. Журнал, кажется, будет недурён».

Судя по письмам Тургенева к П.В.Анненкову, в издании того времени он преимущественно выделял сочинения Салтыкова-Щедрина. В библиотеке писателя сохранился майский номер «Отечественных записок» за 1876 год с публикацией продолжения романа Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» («Господа Головлёвы»),

о котором Тургенев ещё 6/18 ноября 1874 года писал Анненкову: «А каковы последние “Благонамеренные речи” Щедрина в “Отечественных записках”? Лакомство, изумление, восторг!».

Примечания.

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т.2. М.: Наука, 1987. С.297-298.
2. Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу. Кн.1. 1852-1874. СПб.: Наука, 2005. С.40.
3. Письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу печатаются по фотокопии, хранящейся в ОГЛМТ.
4. Тургенев И.С. Указ.соч. Письма. Т.2. С.267.
5. Париж-Москва. Столетие сотрудничества. 1819-1925. Новые документы из Архивов Парижа и Москвы. С.46.
6. Тургенев И.С. Указ.соч. Письма. Т.1. С.168.
7. Громов В.А., Чернов Н.М. Тургенев и Болховский помещик И.В.Лавров. Тургеневский сборник. Вып.1. М.-Л.: 1964. С.282.
8. Тургенев И.С. Указ.соч. Письма. Т.4. С.353.

Т.Ю.Синякова

**«В ЗНАК УВАЖЕНИЯ К ПАМЯТИ»
 («Энциклопедия ума» Н.П.Макарова
 в мемориальной библиотеке Н.С.Лескова)**

Известно, что в библиотеке Н.С.Лескова нет случайных книг. Это были книги, которыми он постоянно пользовался, которые интересовали и волновали его, читались и перечитывались им. Среди массы этих дорогих для нас книг, к которым прикасалась рука великого художника слова, особое место занимали книги Николая Петровича Макарова, известного лексикографа и музыканта своего времени. Он был на 21 год старше Николая Семеновича Лескова. Интересен тот факт, что он родился, как и Лесков 16(4) февраля, но 1810 года. Оба носили имя Николай. Как и Лесков, дворянин по происхождению, рано лишившись матери, Макаров воспитывался у своих богатых тётушек, в имении одной из которых услышал крепостной оркестр и пленился игрой на скрипке. Впоследствии он сам серьёзно занялся этим певучим инструментом и, живя у дяди в Варшаве, находясь там на военной службе, он тайно ходил на кон-

церы знаменитого Паганини и молодого Шопена. Рано Макаров начал увлекаться языками. Большую роль в этом сыграли занятия со специально нанятым для него лингвистом Петерсом, говорящим на многих европейских языках и очень хорошо знавшим латинский, греческий, древнееврейский, арабский и персидский языки. Под влиянием Петерса Макаров решает сам составить словари. Так родился первый самостоятельный французский словарь Макарова, заменивший ему в годы учебы словарь печатный. В 20-летнем возрасте Николай Макаров становится офицером. В конце 1830 года вспыхнуло известное в истории национально-освободительное польское восстание, и он в числе других русских был задержан как военнопленный. Это событие описано им в статье «Воспоминание военного офицера», напечатанной в «Военном сборнике 1862 года», когда Лесков только пришел в литературу. После плена началась скучная военная служба в России. Макаров увлекается игрой на скрипке, на гитаре, хорошо фехтует, играет в шахматы, пишет стихи, посещает светские дома Петербурга и, наконец, влюбляется в воспитанницу Смольного монастыря Александру Петровну Болтину, дочь богатых нижегородских дворян. В сентябре 1837 года молодые обвенчались и поселились в имении жены в сельце Фуниково-Рождествено под Тулой. Здесь Макаров продолжает совершенствоваться в игре на гитаре. Его игру слушал известный композитор Александр Сергеевич Даргомыжский. В 1851 году для усовершенствования своего гитарного мастерства Макаров едет в Вену, затем в Париж, в Лондон. В 1856 году он организовал в Брюсселе на свои средства первый международный конкурс гитаристов. Многие гитарные композиции он писал сам и превосходно их исполнял. Его перу принадлежат слова и музыка знаменитого романса «Однозвучно звучит колокольчик». Но с течением времени усиливается тяга к языкознанию. В 1863 году, обложившись грудой словарей, книг, журналов и газет, Макаров приступил к составлению «Полного русско-французского словаря». В феврале 1867 года выходит первая часть, а через два месяца – вторая часть этого словаря. Он выдержал 14 изданий и принёс Макарову заслуженную славу. А с 1870 по 1917 годы вышло 17 изданий «Полного французско-русского словаря», составленного тем же Н.П.Макаровым. Словари раскупались моментально, их ценили многие русские писатели, в том числе и Н.С.Лесков. Самостоятельно изучивший языки, в том числе и французский, занимаясь переводами, Лесков без сомнения пользовался словарями Н.П.Макарова.

Примером тому служит экспонируемый в Доме-музее Н.С.Лескова роман В.Гюго «Труженики моря» в переводе с французского языка на русский Н.С.Лескова, издания 1872 года.

Но мы обладаем двумя другими редкими книгами Н.П.Макарова из библиотеки Н.С.Лескова: «Латинские, итальянские и английские поговорки, пословицы и тексты из разных писателей с переводами: французским Ларусса и русским Макарова». Издание Н.Макарова 1878 года с пометами Н.С.Лескова и изданная в Санкт-Петербурге в 1878 году знаменитая «Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков. Составил по французским источникам и перевел Н.Макаров» с дарственной надписью: «Николаю Семёновичу Лескову в знак уважения и памяти от издателя Н.Макарова. 1878 года, 28 ноября». Штамп «Редкость» и помета Лескова «Экземпляр без вымарок цензора» (подчёркнуто).

Автограф в книге указывает на то, что Лесков и Макаров находились в тесных дружеских взаимоотношениях, поскольку книги и фотографии с дарственной надписью «на память» дарят самым дорогим и близким людям. Живя в Петербурге, принимая активное участие в литературной и общественной жизни, они просто не могли не пересечься. Они оба увлекались журналистикой. В 60-е годы Макаров активно печатался в газете «Петербургский листок», о которой весьма положительно отзывался Н.С.Лесков, в газете «Северная пчела», сотрудником которой был Николай Семёнович и в авторитетном журнале «Отечественные заметки», где дебютировал и ранний Лесков. Интересен такой факт из биографии Н.П.Макарова: любимой книгой юного Николая был альбом его дяди Валериана Макаровича Мичурина, который в своё время воспитывался в первом кадетском корпусе вместе с К.Ф.Рылеевым, и тот вписал ему в этот альбом свои стихи. Известно, что и Лесков интересовался декабристами, ярким примером тому является его рассказ «Кадетский монастырь». В нашем музее находится снятый с натуры портрет героя этого рассказа – эконома кадетского корпуса Андрея Петровича Боброва, которому декабрист Рылеев посвятил целую оду. Лесков собственноручно переписал под портретом Боброва строфу из этой оды:

*Вот он пред Вами знаменитый
Царь кухни, мрачных погребов
Топленьим жиром весь облитый
Честнейший бригадир Бобров!*



Н.С.Лескова и Н.П.Макарова объединяла и любовь к великому Пушкину. Макаров переписывал ходившие тогда в списках его стихи, поэмы, учил их наизусть, а бывая за границей, покупал там книжечки с запрещёнными произведениями А.С.Пушкина. Лесков тоже всегда интересовался бесцензурной, «потаённой» литературой и часто цитировал Пушкина в своих произведениях.

В 1881 году Н.П.Макаров вместе с несколькими литераторами основал литературное общество под названием «Пушкинское собрание» и был избран его председателем. Одно время он был и членом Пушкинского кружка; каждую субботу Пушкинский кружок устраивал музыкально-литературные вечера, на которых встречались писатели, музыканты, певцы, артисты, т.е. весь литературно-артистический Петербург. Лесков тоже активно участвовал в деятельности кружка. Он входил в его руководящую группу (комитет), а в октябре 1882 года его избрали «старшиной», т.е. распорядителем вечеров, на которых он сам часто выступал. Талантливый чтец, интересный собеседник, он всегда привлекал внимание гостей. Но не менее захватывающими, наверное, были на вечерах и выступления прекрасного гитариста, чудесного исполнителя романсов Н.П.Макарова. Известно, что и сам Лесков очень любил русские песни, романсы, и с удовольствием исполнял их в кругу своих друзей. И хотя Макаров был намного старше Лескова, известно, что среди поклонников его таланта были как молодые литераторы, для которых Лесков был учителем, так и люди старшего поколения, к которым он всегда относился с большим почтением.

Лесков и Макаров могли встречаться не только на вечерах в Пушкинском кружке, но и в доме самого Н.С.Лескова на литературных собраниях, которые проводились в первую субботу каждого месяца. Андрей Николаевич Лесков (сын писателя) в своей книге воспоминаний об отце перечисляет фамилии посетителей этих субботников. К сожалению, среди них не упоминается фамилия Макарова, но он, правда, уточняет: «Народу бывало немало, и теперь всех не вспомнишь... Мне было пятнадцать лет... Свыше полусотни лет прошло – не шутка...»¹.

Итак, не случайно книга Н.П.Макарова «Энциклопедия ума...» с дарственным автографом Н.С.Лескову оказалась в библиотеке писателя. В предисловии автор пишет: «Известно, что сверх словарей языка есть ещё специальные: все науки и искусства имеют свои собственные словари. Одна только человеческая мысль до сих пор не имела их. А между тем, какая масса мыслей остроумных или глу-

боких, наставлений, правил и спасительных советов была высказана или написана философами, мыслителями и писателями всех народов, и древних и новых времён! Всё это неоцененное богатство, весь этот умственный капитал всего человечества был разбросан в тысячах сочинений, в бесчисленных книгах. И тогда как науки и искусства, эти плоды человеческого ума, уже давно снабжены словарями, никто до сих пор не подумал сделать свод самому источнику всякого знания, человеческому уму, всесозидающему и всеоживляющему»². Интересен один из эпитафов: «Мысли, подобно цветам, имеют более блеску, когда они берутся отдельно». Конечно, подобного рода книга не могла не увлечь Н.С.Лескова. Имеющая 400 страниц, напечатанная мелким шрифтом, она содержит более 100 лесковских помет – чувствуется, что эта книга читалась им очень внимательно, перечитывалась не один раз и была настольной книгой писателя. Как вдумчивый читатель, он не просто читал эту книгу, а работал с ней, тонко отточенным карандашом делая подчёркивания или пометы на полях. Лескова всегда занимали умные мысли и высказывания. Известно, что у него была тетрадь, куда он записывал интересные мысли о жизни, – та самая тетрадь, которая попала в Ясную Поляну к Толстому после смерти Лескова. Кстати, и Лев Николаевич Толстой использовал «Энциклопедию ума» Макарова в своей работе при составлении «Круга чтения», имели её И.С.Тургенев, М.Е.Салтыков-Щедрин, М.Горький. Таким образом, эта книга была просто необходимой многим писателям для работы. Настоящий «волшебник слова», «интереснейший человек» в обществе и свете, как о нем говорили окружающие, отличавшийся блеском речи, умением завораживать публику своими рассказами, Н.С.Лесков также использовал умные мысли из книги Макарова, цитируя их наизусть. Пометы Лескова в этой книге – это неоценимый дар, позволяющий лучше узнать личность писателя, его увлечения, поиски ответов на мучившие вопросы, раздумья над теми или иными высказываниями. Так, мысль о государстве, о властях, всегда интересовала Н.С.Лескова, поэтому рукой писателя красным карандашом отмечены многие места в главе «Властвовать». Он не просто подчёркивает, а крестиком на полях выделяет следующие высказывания (с.28-29):

1. Не государь, а закон должен властвовать над народами.
2. Человек не может постановлять законы для того, чтобы властвовать над человеком. Это право принадлежит одному только обществу.

3. Каждый человек, желающий властвовать, выбывает из рядов граждан для того, чтобы стать врагом их.

4. Людям приятно видеть унижение всего, что властвует.

Характерны отчёркнутые красным карандашом строки:

1. Самовластное правление есть вещь очень лёгкая; вся его конституция состоит в словах: «Я хочу» (с.237).

2. Самое совершенное правление есть то, где власть наименее произвольна (с.237).

3. Право переменять правление есть право народа, а не правительства (с.237).

4. Трон скоро изглаживает из памяти то, чем были и что обещали (с.245).

Карандаш Лескова «выхватил», к примеру, и такие рассуждения (с.274):

1. Республика находится везде, где есть горячая любовь к отечеству.

2. Республика находится везде, где польза главы государства согласна с пользами отдельных личностей.

3. Развращённая республика переходит в монархию.

Внимание писателя привлекает такое определение: «Этикет превращает в машину царедворцев и даже самого государя» (с.381).

Немногочисленны, но весьма любопытны пометы Лескова на с.23. Подчеркиванием и крестиком на полях он выделяет высказывание о варварстве: «Каждая страна, в которой не дозволяется мыслить и писать свои мысли, должна впасть в тупоумие, суеверие и варварство» (с.23).

Возможно, читая эти строки, писатель подумал и о своей литературной судьбе. Конечно, эта мысль была особенно близка Лескову, столкнувшемуся с настоящим варварством, когда был сожжен 6-й том его I-го собрания сочинений.

Постоянно выступая за свободу печати, Лесков отмечает:

1. Свобода печати беспрестанно требуется угнетенными, а рабощение её – угнетателями (с.24) .

Н.С.Лесков никогда не был безразличен к тому, что происходило в стране. Его всегда интересовала и жизнь простого люда, и высших слоев общества. Поэтому пестрит лесковскими пометами глава «Двор» (с.54):

1. Двор есть почва, на которой только ползком подвигаются вперед.

2. Двор есть страна тьмы, где правда подавлена ложью, а разум помрачён тщеславием.

3. Добродетельный человек при дворе, это – чужеземное растение, которое торопятся пожрать тысячи насекомых.

4. Чем более нации беднеют, тем пышнее становятся дворы.

Многие пометы позволяют увидеть, что Лесков выделяет прежде всего положение человека в обществе, оценку его поступков. Его интересуют мысли, характеризующие личность человека.

Таков, например, смысл помет:

1. Самая смехотворная вещь в свете, это – торжественность глупого выскочки (с.40).

2. Гордость и низость, вот качества королевских министров (с.144).

3. Как ни изучай людей, в них всегда ошибаешься (с.139).

4. Повиновение воле самовластного вождя уподобляет человека скоту (с.215).

5. Из всех подлостей, самая постыдная это – лесть (с.216).

6. Время пророков прошло; время дураков не пройдёт никогда (с.256).

7. Грубо ошибся бы тот, кто вздумал бы судить о людях по их речам (с.278).

8. Свободный человек становится рабом, поступая на службу к государю (с.284).

Не остались незамеченными и рассуждения такого рода:

1. Скука, это – болезнь, от которой лекарство – труд (с.291).

2. Скромность относительно души есть тоже самое, что стыдливость относительно тела (с.290).

3. Слезы, которые стараются скрывать, бывают самыми трогательными (с.296).

4. Совесть – это наилучшая нравоучительная книга, которую мы имеем и с которой следует наичаще советоваться (с.305).

5. Совесть извещает нас, как друг, прежде чем покарать нас, как судья (с.305).

6. Роскошь, быть может, необходима для того, чтобы дать кусок хлеба нищим; но если бы не было роскоши, не было бы и нищих (с.276).

Никогда не стремившийся к славе, Лесков отметил: «Слава, это – дым, который надо беспрестанно возобновлять, если хотят, чтобы он длился».

В связи с этим хочется вспомнить автограф на фотографии Н.С.Лескова 1889 года, который экспонируется в музее писателя,

Виктору Петровичу Буренину (известному писателю, критику) Лесков пишет: «Славы не ищущу, совести боюсь, - в деньгах нуждаюсь» (с.295).

Интересны и размышления о жизни, которые всегда волновали писателя (с. 89-90):

1. Жизнь тратится на приготовление к тому, чтобы пользоваться ею.
2. Жизнь есть покатаемая плоскость, по которой человек скользит между двумя пропастями.
3. Детство стремится к жизни; отрочество пробует её; юношество упивается ею; зрелый возраст вкушает её; старость её жалеет; дряхлость привыкает к ней.

В пометах Лескова отразился его особый интерес к женской теме. Поэтому глава «Женщина» буквально вся пестрит лесковскими пометами. И это не случайно. Лесков по-разному относился к женщинам, с которыми встречался в жизни: одними он восхищался, других порицал и даже критиковал. В высказываниях о женщине его внимание привлекают следующие строки:

1. Бесплодную жену должно заменить другою на восьмом году; ту же, которая говорит язвительно, — немедленно (подчеркнуты последние строки, с.77).
2. Отделаться от женщины труднее, нежели пленить другую (с.85).
3. У кого есть добрая жена, тот не понимает счастья без неё даже в раю (с.77).
4. Жена угольщика почтеннее любовницы государя (с.77).

Интересно то, что многие мысли в этой главе Лесков не просто подчёркивает, но выделяет особо – несколькими штрихами отчёркивает на полях (с.78-79). Например:

- ||| 1. Без женщины заря и вечер жизни были бы без помощи, а её полдень – без радостей.
- ||| 2. Красивые женщины часто походят на большие города, которыми легко овладеть, но которые трудно сохранить.
- ||| 3. Большая часть честных женщин спрятанные сокровища, которые находятся в безопасности лишь потому, что их не отыскивают.
- ||| 4. Любящие женщины прощают легче большие нескромности, нежели маленькие неверности.

Интересуют писателя и мысли о взаимоотношениях мужчины и женщины. Выступая за равноправие, за эмансипацию женщины,

Лесков как будто ставит женщину на более высокую ступень по сравнению с мужчиной. По мнению Лескова, женщина всегда нравственно чище и выше мужчины.

Отсюда и пометы:

1. Любовь, которая есть не что иное, как эпизод в жизни мужчины, есть целая история в жизни женщин (с.80).
2. Не решено ещё, что женщины любят сильнее, чем мужчины; но неоспоримо, что они умеют любить лучше (с.81).
3. Золото пробуют огнём, женщину золотом, а мужчину женщиной (эта мысль особо выделена писателем, она дважды подчеркнута простым и красным карандашом и трижды отчёркнута на полях с.83).

Хочется отметить и такие пометы:

1. Супружество есть рабство мужчины и отпущение на волю женщины (с.83).
2. Мужчины не всегда любят то, что уважают; женщины уважают только то, что любят (с.80).
3. Мужчина хранит чужую тайну лучше своей собственной; женщина, напротив, сохраняет свою тайну лучше чужой (с.79).
4. Мужчины, во всяком деле, хотят, чтобы их убедили; женщины довольствуются тем, чтобы их упросили (с.80-81).
5. Ревность у мужчин бывает всегда доказательством сильной любви, а у женщины она часто бывает не что иное как самолюбие, потому что мы видим, как некоторые из них ревнуют своих мужей, которых они не любят (с.87).

Красным карандашом Лесков подчеркивает (с.80):

1. Женщина, которая навязывается мужчинам, вскоре навлекает на себя полное их презрение.
2. Большая часть женщин суть: павы на гуляньи, ворчуньи дома и голубки на свиданьях наедине.
3. Женщиной, которую наиболее любят, часто бывает та, которой всего менее говорят об этом.

Все эти мысли потом отражались в произведениях Н.С.Лескова, в характеристике его героинь; в раскрытии темы женской судьбы, которая красной нитью проходит через всё творчество писателя.

Среди многочисленных лесковских помет в этой книге особого внимания заслуживают выделенные Лесковым рассуждения о семье, о воспитании детей. Очень требовательный в этих вопросах, он даже полемизировал с уважаемой им издательницей детского журнала «Игрушечка» Татьяной Петровной Пассек по поводу того, как

надо воспитывать детей в семье, какие требования к ним предъявлять. Поэтому ему созвучны, близки такие мысли:

1. Родители, балующие своих детей, обрекают их к несчастью (с.275).
2. У ребёнка являются недостатки с ранних пор; но если вы не порицаете его за это, вы сделаете из него со временем несчастное существо (с.271).

Внимание писателя привлекли и такие строки: «Семья, это – такая приятная вещь, что почти всегда имеют две семьи» (с.286).

Вот такие мысли отметил Н.С.Лесков в книге Макарова «Энциклопедия ума...», подаренной ему самим автором.

В 2000 году в Туле, в Приокском книжном издательстве вышла книга Николая Петровича Макарова «Энциклопедия ума». Текст печатался по изданию: Макаров Н.П. Энциклопедия ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков /Составил по французским источникам и перевёл Н.Макаров. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1878 (по экземпляру музея Н.С.Лескова в Орле восстановлены изъятые царской цензурой тексты). Проект издания, общая редакция, тексты и иллюстрации составлены и подобраны тульским библиофилом и краеведом, заслуженным работником культуры России В.В.Пилипенко, который в октябре 1997 года передал интересный материал о Н.П.Макарове в фонды ОГЛИМТ.

Примечания.

1. Лесков А. Жизнь Николая Семеновича Лескова. Т.2. М.: Худ.лит., 1984. С. 21, 238, 243.
2. Макаров Н.П. Энциклопедия ума. Тула: Приокск. кн. изд-во, 2000. С.11.

Л.М. Маричева

А. Н. АПУХТИН В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВОСУДИЯ (КОММЕНТАРИИ К ДВУМ ПИСЬМАМ ПОЭТА)

Поэт Апухтин был связан с системой Российского Правосудия не только по своему правоведческому образованию, но и морально пострадал от правопорядка в России в связи с ситуацией, возникшей в его собственной семье.

Речь идёт о брате поэта Афиногене, ставшем «героем» истории, суть которой излагается в неопубликованных письмах Апухтина к близкому другу Г.П.Карцову, хранящихся в РГАЛИ¹.

Но сначала обратимся к служебной деятельности поэта, которая представлена в документах ЦГИАЛ и ГАОО, а также отражена в «Памятной книжке правоведов» (XX выпуск, 1859 год): «Апухтин – надворный советник, православный, сын отставного майора Н.Ф. и М.А. Апухтиных и брат правоведа 28 выпуска Андрея Ник.Апухтина. <...> Окончил курс в 1859 году, казённокоштный воспитанник, удостоен золотой медали и чина IX класса, в каковом утверждён 13 мая 1859 года. Согласно его желанию (распределён) в департамент Юстиции с 13 мая 1859 года. (Прохождение службы):

- младший помощник столоначальника д-та Юстиции с 12 мая 1861года.
- причислен, согласно прошению, к тому же д-ту с 22 декабря 1862 года.
- по увольнению с 2 ноября 1863года по ведомству М.Ю., старший чиновник особых поручений при орловском губернаторе с 1863года.
- причислен к Мин. Внутр. Дел с 11августа 1865года до своей кончины.
- в чине надворного советника состоял с 16 февраля 1867 года.

Скончался, состоя на службе, в 1893 году 17 августа»².

Блестящий выпускник училища Правоведения, Апухтин, хотя и дослужился по выслуге лет до чина надворного советника, делать карьеру, как того требовали его способности, не стремился. Так, директор Департамента Министерства юстиции М.Токильский в своём докладе от 11 мая 1861 года сообщал: «...В июне месяце 1859 года Апухтин назначен для занятия в 1-е отделение Департамента Министерства Юстиции, но с самого времени своего поступления, несмотря на напоминания г-на начальника отделения, он, г-н Апухтин, в отделении ничем не занимается. Даже, несмотря на своё прошение, Апухтин на службу по выборам дворянства не поступал. Предлагается перевести его на должность младшего помощника столоначальника»³.

Затем, продолжая числиться при Департаменте Министерства юстиции, Апухтин около двух лет, с 15 ноября 1863 года по 19 июля 1865 года, прослужил старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе Н.В.Левашове.

В распоряжении губернатора при назначении Апухтина на службу было сказано: «Назначить сего числа т.е.(15 ноября 1863 года) состоящего при Департаменте Министерства юстиции кол. асессора Апухтина, согласно его желанию, на должность старшего чиновника особых при мне поручений и уведомить в том Губернское Правление для сообщения того в «Губернских ведомостях»⁴.

По закону поэт обязан был, как казённокоштный выпускник училища Правоведения, отслужить в ведомстве Министерства юстиции шестилетний срок.

Начало службы поэта казалось многообещающим, о чём свидетельствует его письмо приятелю князю П.П.Мещерскому, написанное в ноябре 1863 года: «... я, наконец, утверждён чиновником особых поручений и, таким образом, моя судьба определилась<...> В то время я уверен был, что у меня есть талант, а теперь и эта последняя надежда не оскотиться покинула меня. Всё, что я писал в последнее время, выходило так мелко и пошло, что я предпочёл окончательно бросить свою поглупевшую музу. С нетерпением жду первого следствия, авось это меня займёт и заставит хотя немного помириться с действительностью. А пока действительность отвратительна, но что всего ужаснее – мечтания ещё хуже...»⁵.

Однако, несмотря на возникшее в связи с духовным кризисом желание Апухтина отойти от творчества и уйти в работу, результат его служебной деятельности в Орле оказался незначительным.

На запрос Министерства внутренних дел от 26 августа 1865 года доставить «сведения о тех поручениях, которые возлагались на г.Апухтина для внесения в его формулярный список» из канцелярии губернатора сообщалось: «...коллежскому асессору Апухтину поручалось указами Губернского Правления производство следствий по следующим делам» (перечислялось 14).

«Из всех вышеозначенных поручений г.Апухтина окончено только одно, а именно, «о поступках мценского купца Киселёва по содержанию городской мельницы», прочие переданы для окончания другим лицам»⁶.

Кроме губернского правления, Апухтину поручалось вести расследования лично губернатором, но только 4 из 7 дел он довёл до конца, при этом одно, как единственно завершённое, фигурировало и в отчёте губернского правления.

Среди оконченных Апухтиным дел губернатор Левашов называет следующие:

«О поступках мценского купца Киселёва по содержанию тамошней городской мельницы»;

«О нанесении хомовому Кудрю моим денщиком Пещовым побоев»;

«О мещанине Калашникове, не явившемся в часть по требованию полиции»;

«О дезертире Венедикте Денисове»; и «О краже у боровского купеческого сына Шевелёва мёда», а все прочие,- пишет губернатор,- переданы для окончания другим лицам»⁷.

Очевидно, что перечисленные в губернаторском списке «дела» не представляли интереса и легко могли отбить желание поэта к добросовестной службе, отсюда и результат.

Но при этом причину халатного отношения Апухтина к своим служебным обязанностям нужно видеть не только в том, что лежит на поверхности, а именно, в малозначительности поручаемых ему дел и лени его поэтической натуры, но и в понимании невозможности и ненужности честного труда при столкновении с реальной жизнью. Об этом говорит фрагмент из «Неоконченной повести» Апухтина, вышедшей в 1895 году, уже после его смерти.

Герой повести добросовестно провёл одно из первых своих расследований, в котором речь шла о вопиющих злоупотреблениях местных властей. «Дело» это было прислано на заключение из Министерства:

«Наконец,- пишет Апухтин,- Угарова позвали к директору. <...>

– Я прочитал вашу первую серьёзную работу и должен отдать вам полную справедливость: вы отнеслись к делу добросовестно, потратили на него много труда и таланта, но...но спрашивается: к чему всё это?... Вы опровергаете мнение Министерства, приславшего к нам дело. Неужели Вы думаете убедить его вашими «доводами»? <...>

– Зачем же в таком случае нам присылают дела на заключение? Ведь это – ненужная формальность <...>.

– А затем, мой юный друг, чтобы нам можно было получать жалованье и не умереть с голоду. Если бы уничтожить всё то, что может вам показаться ненужной формальностью, тогда могли бы упразднить всё наше министерство и довольствоваться одним Ильёй Кузьмичём с двумя писцами...»⁸.

Обратимся теперь к письмам Апухтина к Г.П.Карцову от 8 и 12 июня 1887 года, в которых поэт пишет о судебном процессе над его

братом Афиногеном, о котором он узнаёт из «С-Петербургских Ведомостей»:

Так, 5 июня 1887 года газета сообщала:

«В Орловском окружном суде на 9 июня назначено слушание дела Апухтина, обвиняемого в подлоге банковской подписи от имени П.А.Володимировой в 20000,а также в изорвании другого векселя в 50000 руб.»⁹.

Прасковья Александровна Володимирова была дочерью друга детства Апухтина по болховскому уезду – Александра Николаевича Володимирова из Струкова, о котором двумя годами раньше поэт писал:

«Весь день провёл у «Демута» (гостиница в Петербурге-Л.М.), где мой брат остановился с больным Володимировым. Этого Володимирова я знаю с детства, был когда-то с ним очень дружен, но не виделся 19 лет. Судьба его могла бы составить сюжет богатой поэмы...»¹⁰.

На момент следствия дочери Володимирова было 18 лет.

В письмах к Карцову Апухтин говорит, что слышал «о каких-то недоразумениях Афиногена с Володимировым», из чего следует, что он не предполагал всю степень их серьёзности, хотя от этого брата поэт всегда ожидал беды.

«Ты всегда осуждал меня за излишнюю строгость к этому брату,- пишет Апухтин,- видишь теперь, что у меня сердце – вещун, я всегда предчувствовал, что от него надо ждать всяких несчастий»¹¹. Афиноген Николаевич был на 9 лет моложе Апухтина, в семье он считался неблагополучным.

Из письма внучатой племянницы поэта В.Н.Калининой директору Музея И.С.Тургенева О.Н.Овсяниковой от 14 сентября 1968 года:

«Их было пятеро братьев: четверо из них получили образование и имели самостоятельный заработок, но один не захотел учиться. Три раза убежал из Орловского кадетского корпуса и все братья, в том числе и Алексей Николаевич, отказались от своей части имения в пользу его»¹².

Переживания Апухтина во время суда над братом были так сильны, что превратили его жизнь в пытку, которую усиливал ещё тот факт, что газеты сообщали только фамилию обвиняемого без имени и, таким образом, любой из братьев Апухтиных в глазах знакомых попадал под подозрение в мошенничестве, в том числе и поэт.



«Все меня бросили, вероятно, думают, что я нахожусь под судом, мне это всё равно,- пишет он Карцову,- Завтра будет суд, потом депеша об исходе дела, потом стенографические отчёты, целый ряд пыток, от которых можно сойти с ума»¹³.

10 июня 1887 года «С-Петербургские Ведомости» опубликовали решение орловского суда:

«По делу Апухтина обвиняемого в подлоге банковской подписи от имени Володимировой. Присяжные сейчас вынесли обвинительный приговор, признав факт подлога и похищения векселей на 100000 рублей. Апухтин приговорён к ссылке на поселение без срока в Сибирь»¹⁴.

Гневом и негодованием по поводу судебных порядков в России наполнено письмо Апухтина к Карцову после того, как приговор Афиногену стал известен:

«Если ты читаешь русские газеты, то уже знаешь, что Афиногена приговорили к ссылке в Сибирь на поселение без срока. Когда я прочитал этот приговор, мой гнев и негодование к нашим судебным порядкам ещё усилились. Екатерина сказала, что «лучше простить 10 виноватых, чем казнить одного невиноватого»; теперь стараемся за одного виноватого наказать 10 невиноватых. Чем можно объяснить все эти публикации, газетные отчёты и пр. Против кого они направлены? Для преступника они вовсе не наказание, да и, наконец, Афиноген уже наказан и очень строго. Но ни я, ни Андрюша, ни Володя никаких подлогов не делали, а между тем наказаны этим путём именно мы. В Петербурге, в Каменце, в Тульчине страдали совсем невинные люди.

А что, если бы на суде оказалось, что Афиноген невиноват? За что же и он понёс бы наказание раньше суда в следствие депеши, возвещающей на всю Россию его позор? Вероятно, завтра начнут печатание процесса, затем будут разные рассуждения с инсинуациями против меня <...>.

Против всего я нашёл средство – полное одиночество. Теперь все мои дни, как один день.

Из Орла ни от кого ни строчки, хотя там много у меня «друзей» и «знакомых»¹⁵.

В заключение следует сказать, что хотя претензии Апухтина и как правоведа, и как человека, пострадавшего в связи с делом брата, к судебным порядкам в России были велики, тем не менее, в творческом

плане криминальная тема дала много наблюдательному художнику для психологического проникновения в тайники человеческих душ.

Достаточно вспомнить нащумевшую в своё время поэму Апухтина «Из бумаг прокурора» (1888), или стихотворение «В убогом рублище» (1871), написанном на основе полицейского рапорта, попавшего к нему в руки при разборе полицейского архива 22 декабря – 25 декабря 1866 года¹⁶.

*В убогом рублище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова,
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель её среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил её в смятенье,
Недуг ли поразил, - ещё не знали мы
И уловить в лице старались выраженье,
Но веяло оно покоем не земным;
Народ стоял кругом, как бы дивясь чуду,
И каждый клал свой грош в одну большую гряду,
И деньги сыпались к устам её немым.
Вчера их вымолить она бы не сумела...
Да эти щедрые и поздние гроши,
Что, может быть, спасли нуждавшееся тело,
Народ охотнее бросает для души...*

Примечания.

1. РГАЛИ, Фонд Карцовой Ф.980; оп.2; № 16. Письма А.Н.Апухтина – Г.П.Карцову. 22 марта 1884 – 14 июля 1893.
2. Мордвинов В.П. Памятная книжка правоведов (XX выпуск, 1859г.). С-Пб., 1894. При цитировании документов сохранены орфография и пунктуация подлинников.
3. ЦГИАЛ, Ф.1405, оп.57, № 5263, л.17.
4. ГАОО, Ф.580, ст.2, №1693, «Дело об определении кол. асессора А.Н. Апухтина на должность старшего чиновника особых поручений при губернаторе и представлении его к производству в следующий чин. 16 июля 1863 – июня 1867».
5. ГПБ (отдел рукописей), Ф.1000, оп.2, №51, письмо №1.
6. ГАОО, Ф.580, ст.2, №1693.
7. Там же.
8. Апухтин А.Н. Соч. М.: Худ. лит., 1985. С.346-347.
9. «С-Петербургские Ведомости». Пятница, 5(17)июня 1887. № 3152.

10. РГАЛИ, Фонд Карцовой Ф.980; оп.2; №16. Письмо А.Н.Апухтина Г.П.Карцову от 23 янв. 1885г.
11. РГАЛИ, Фонд Карцовой Ф.980; оп.2; №16. Письмо А.Н.Апухтина Г.П.Карцову от 8 июня 1887г.
12. ОГЛИМТ, Письмо В.Н.Калининой О.Н.Овсянниковой от 14 сент. 1968 г.
13. РГАЛИ, Фонд Карцовой Ф.980; оп.2; №16. Письмо А.Н.Апухтина Г.П.Карцову от 8 июня 1887г.
14. «С-Петербургские Ведомости», среда 10(22) июня 1887. №157, С.2.
15. РГАЛИ, Фонд Карцовой Ф.980; оп.2; №16. Письмо А.Н.Апухтина Г.П.Карцову от 12 июня 1887г.
16. ЦГИАЛ, Ф.1284, оп.67, №121, л.20.

Т.В.Полушина

**КОЛЛЕКЦИЯ И. А. НОВИКОВА В СОБРАНИИ
ОРЛОВСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ
И. С. ТУРГЕНЕВА
(Штрихи к портрету писателя)**

В фондах Орловского объединённого государственного литературного музея И.С.Тургенева хранится личный архив прозаика и поэта Ивана Алексеевича Новикова (1877-1959), переданный в разное время родственниками и друзьями писателя. Большая часть коллекции Новикова состоит из даров детей – Марины Николаевны Новиковой-Принц¹ и Ростислава Николаевича Принца².

Фонд Новикова числится в музее под № 16 и является третьим по величине (более 6000 ед. хр.). На протяжении 50 лет коллекция пополнялась новыми материалами, продолжает пополняться и сейчас. Начиная с 1959 года было составлено 15 актов поступлений архива писателя.

Хотелось бы подробнее рассказать о вещественных памятниках фонда Новикова, хранящихся в Гослитмузее Тургенева в Орле, учитывая тот факт, что уже неоднократно публиковались статьи о личной библиотеке и письменных источниках из его собрания.

Эта работа представляется нужной, поскольку иногда вещи позволяют собрать о писателе и человеке (их хозяине) дополнительные интересные сведения.

В фонде вещественных памятников Новикова имеются как крупные предметы, такие, как мебель, так и всевозможные «мелочи» (сувениры, чернильницы, ручки и проч.). Есть и одежда – например, пиджак из шерсти, приобретенный Новиковым в 1908-1910 годах, который сопровождал Ивана Алексеевича до последних лет жизни. Он много раз был штопан, но Иван Алексеевич ни за что не желал с ним расстаться. Судя по всему, писатель очень привыкал к своим вещам, но это не было обычной бережливостью, скорее – некое мистическое одушевление: невозможно выбросить то, что стало твоим спутником жизни. Вот так же путешествовала с Новиковым его чернильница орловских времен. Очень долго служила костяная ручка с отломленным кончиком. Но она была самой трудовой! Только последние 5 лет Иван Алексеевич писал автоматическими ручками, имел их уже много и любил, чтобы они все были заправлены.

Эти сведения поступили из «достоверных источников»: родственники писателя не просто передавали вещи в музей, но и рассказывали об их судьбе, о значении их для Ивана Алексеевича, раскрывая таким образом новые грани личности писателя. А связь всех членов этой семьи была необычайно тесной, достаточно сказать, что при работе над образами романа «Пушкин в изгнании» моделью для Воронцовой Новикову послужила его жена – Ольга Максимилиановна, а прообразом Зизи – приемная дочь – Марина Николаевна.

По одной из версий Иван Алексеевич жил в Орле в доме адвоката Положенцева и часто бывал в семье инженера Принца (дом Баскакова, ныне ул. Октябрьская, 40), где и познакомился со своей будущей женой, у которой было двое детей – Марина и Ростислав.

Марина и Ростислав в июне 1959 года сделали первый и очень большой по объему дар нашему музею. Они передали в фонды архив писателя, в который входили рукописи, материалы по работе Новикова в Литфонде, материалы по изучению «Слова о полку Игореве», документы, фотографии, юбилейные адреса, вырезки из газет и журналов с произведениями писателя, биографические статьи об Иване Алексеевиче, его личные вещи. Общее количество подаренных в этот момент предметов составило 244 единицы. Приняли этот архив главный хранитель музея Александр Иванович Понятовский³ и Ольга Николаевна Овсянникова, заведующая Музеем писателей-орловцев⁴.

Для подготовки такого массивного архива, разумеется, потребовалось время, которого не пожалели родственники писателя, за что им огромное спасибо.

И вот что на этот раз поведали вещи.

Новиков очень любил шахматы, имел 5-ю категорию. Сохранился его билет члена шахматного клуба. У семьи есть фотографии Новикова за игрой в шахматы с друзьями. Впоследствии эти фотографии они переслали в музей. Любимому занятию поэт посвятил одно стихотворение в цикле «Под родным небом». Кстати, этот сборник стал своего рода дневником писателя. Стихи отражают его чувства, настроения. По стихам можно судить о его оптимизме, любви к людям, вере в человека.

Любил Иван Алексеевич и карты, но не азартные игры. Веселая игра в «дурачка» всегда записывалась Новиковыми – с кем играл и кто выиграл. Любил раскладывать пасьянс.

Передали родственники и каштан, который Марина Николаевна привезла с юга в 1935 году и отдала отцу. Так он и лежал всегда у него на столе.

Заняли свое место в музейных фондах старинные часы отца Новикова с изображенными на циферблате шахтерами.

Три кошелька Ивана Алексеевича Новикова, подаренные его семьей в музей, хранят: большой – различные квитанции 1931-1936 годов, записки жены о необходимых покупках и другие небольшие записки. В среднем, очень старом дореволюционном кошельке, хранился рубль казначея Бругта (бруттовский), который Новиков бережно хранил, т.к. по преданиям, он приносил счастье. Вообще Иван Алексеевич верил в какие-то счастливые цифры. Он никогда не садился в трамвай или автобус с номером, который делился на 3. Маленький кошелек – самый ранний по времени.

Иван Алексеевич курил до 1945 года, но портсигара у него не было. В 1941 году Ростислав Николаевич подарил ему железную коробочку для папирос, которая и служила ему впоследствии вместо портсигара. Зажигалку подарил он же.

Такой изумительный и большой по объему дар был с благодарностью принят музеем, и в письме, датированном 13 августа 1959 года, сотрудники пообещали, что до освобождения флигеля Грановского, в котором намечалось открыть зал, посвященный Новикову, в ноябре будет открыта выставка, посвященная жизни и творчеству писателя в кинолектории и организован литературный вечер, специально посвященный писателю-земляку. Все это состоялось, и на мероприятия, разумеется, были приглашены родственники.

24 октября 1960 года снова составлен акт на приобретение вещей Новикова в дар от родственников. Марина Николаевна Новикова-Принц и Ростислав Николаевич Принц передали большую партию рукописей, документов, фотографий, принадлежавших писателю и его жене.

Среди даров – забавные автографы. Ивану Алексеевичу было присуще чувство юмора и примером этого может служить один из автографов. Листок, оставленный им при отъезде осенью 1958 года из Лесного городка (где была дача писателя) в Москву на зиму. На письменном столе осталось своеобразное обращение к ворам. Начинается словами: «Письмо. Если кто-то очутится без меня в моей даче, я очень прошу не трогать ни книг, ни рукописей... 22 октября 1985г.»

Или другой автограф – запись, сделанная во время игры в шахматы с другом. Начинается словами: «Дано сие обязательство (процент невыполнения полпроцента) обыграть в ближайшую встречу». Помечено 7-м января 1958 года.

Но самым главным подарком музею в этот раз стала личная библиотека Новикова. На многих книгах были сделаны дарственные надписи авторов, среди которых много прославленных литераторов того времени.

Иван Алексеевич имел возможность общаться со многими писателями, среди них были наши земляки: Андреев, Зайцев, Пришвин, Благинина. Другом Новикова был Александр Грин. В библиотеке хранятся книги с его автографами. После смерти Грина Новиков поддерживал дружеские отношения с его вдовой Натальей Николаевной, которая в знак признательности подарила Ивану Алексеевичу фигурку японского пророка.

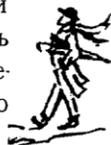
Все эти дары значительно пополнили коллекцию музея.

В 1970 году Марина Николаевна снова передала в музей личные вещи писателя в количестве 29 единиц. (На этот раз, кроме Понятовского, их принимала Валентина Викторовна Сафронова, бывшая тогда заведующей Музеем писателей-орловцев). Все предметы мемориального значения, среди них – зеленая коробочка с лепестками засушенных роз. И.А.Новиков в 1903-1904 годах в Гурзуфе писал роман «Из жизни духа» и каждый раз ставил перед собой розу. Засохшие лепестки складывал в эту коробочку. На дне её с внешней стороны надпись рукой Ольги Максимилиановны Новиковой: «Когда И.А. писал «Из жизни духа», то каждый раз сушил себе розу».

Заколки, запонки, очки, сувениры, предметы одежды снова пополнили фонд Новикова. Марина Николаевна сочла нужным поведать нам историю одной картины. Это небольшое полотно «Осенний пейзаж» работы Е.И.Пржецлавской. Подарено И.А.Новикову 20 января 1946 года. Акварель и цветные лоскутки. Под стеклом в окантовке. «Иван Алексеевич был страстным поклонником этой художницы. Также ее высоко ценил А.М.Горький, в письме к ней Горький назвал Пржецлавскую «человеком исключительно талантливым». Иван Алексеевич приобрел несколько небольших работ Елены Ивановны Пржецлавской. Он всегда восхищался, с каким мастерством она «рисует» тканями, ненужными крохотными кусочками шелка, тюля, клочками ваты».

Обращает на себя внимание и пластмассовая книжка-коробка с изображением А.С.Пушкина и его выгравированным автографом. На корешке монограмма из букв «И.Н.». На внутренней стороне крышки выгравировано: «15 января 1952г. от В.Р.».

Внутри коробки находились конфеты, на обертке которых были наклеены печатные миниатюрные рисунки-силуэты иллюстраций к произведениям Пушкина. Книжка-коробка была подарена в день 75-летнего юбилея Новикова (15 января 1952) писательницей Верой Алексеевной Смирновой-Ракитиной (автор книг «Авиценна», о Серове, о Менделееве и др.)⁵.



Мы знаем об особом отношении Новикова к Пушкину. Все, что связано с этим именем, было свято для Ивана Алексеевича. И примером тому служат, конечно, книги писателя, но и личные вещи говорят о пристрастии их хозяина.

Прежде всего, хочется отметить бюст Пушкина работы скульптора Златовратского, подаренный Новикову в 1949 году читателями и сотрудниками библиотеки им.Пушкина в Москве. Бюст когда-то смотрелся несколько громоздко в кабинете писателя и друзья часто шутили, спрашивая: «Не тесно Вам рядом с Пушкиным?» Но он отвечал так: «Наоборот, я советуюсь с ним, когда пишу».

В фондах музея находится 4 акварели, написанные М.Волошиным – виды Коктебеля. Эти акварели Ивану Алексеевичу подарил автор в 1927 году. С Волошиным у него была давняя дружба. Но акварели были дороги Новикову не только как подарок друга, но и как напоминание о том, что эти места когда-то обозревал Пушкин.

Интересны также акварели Елизаветы Филипповны Демут, которая была дочерью владельца «демутова» трактира в Питере на Мойке, где останавливался сам Пушкин в 1811, 1827 и 1831 годах. Там бывали его родители и друзья. На акварелях изображены портреты людей пушкинского времени. Эти предметы составляют теперь экспозицию зала Новикова в музее писателей-орловцев.

Экспозиционными также являются переданные в 1975 году: кресло с мягким сиденьем (многие его видели, но не все знают, что первоначально сиденье было плетеным); плетеная корзина для бумаг; и, конечно, письменный стол – заветное место для каждого автора. За этим столом Иван Алексеевич написал роман «Пушкин в изгнании» и многие другие произведения.

В книге поступлений музея за 1979 год есть запись о том, что дети, среди прочих вещей, передают рисунок карандашом малоизвестной художницы Аллы Александровны Андреевой «Иван Алексеевич Новиков на смертном одре»⁶. Скромная запись, а оказалось – очень интересная история.

Теперь имя Аллы Александровны Андреевой знают многие, главным образом потому, что ее муж – Даниил Андреев – стал явлением в наше литературное, а Алла Александровна – первый его пропагандист.

В последние годы своей жизни Алла Андреева была вернейшим другом нашего музея. Однажды она передала в фонды личную библиотеку своего мужа, в которой была книга Новикова с дарственной надписью: «Когда-то подписывал книжку Вашему папе Леониду Николаевичу Андрееву». Познакомиться Леонид Андреев и Иван Новиков могли в начале 1900-х годов в редакции газеты «Курьер», где оба в то время печатались, или на заседаниях литературного общества «Среда». Что касается сына Леонида Андреева – Даниила – то познакомились они в конце 50-х годов, когда тот возвратился из тюрьмы и хлопотал о пенсии. Иван Алексеевич предоставил письмо, где он подтверждал, что Даниил именно сын Леонида Андреева, после чего вопрос о пенсии был решен.

Многолетняя дружба соединила Новикова и с Борисом Зайцевым. Она также начиналась еще в начале 1900-х годов. Писатели были во многом родственны по своему внутреннему складу, мироощущению, восприятию жизни, любви к природе и людям. Известно, что Б.К.Зайцев в своей повести «Голубая звезда» вывел в

образе мечтателя, романтика Христофорова своего друга Ивана Новикова.

В библиотеке Ивана Алексеевича много книг с дарственными надписями Зайцева. Первая книга была подарена в 1907 году, где он написал: «Ивану Алексеевичу Новикову с искренней симпатией. 8 авг. 1907 г.».

В фондах музея хранятся и письма двух писателей. В 1923 году, находясь в эмиграции во Франции, Борис Константинович писал Новикову: «Как жаль, что мы так разделены визами и границами. Как бы хотелось повидаться». Но повидаться уже не пришлось...

В 1981 году Марина Николаевна Новикова-Принц передала в музей ряд вещей Бориса Зайцева:

- бронзовую чернильницу с песочницей (фигурный лоток для мелочей, резервуар для чернил и песочница закрываются одной общей крышкой);
- чернильницу с мраморным основанием на 4-х ножках (для ручек имеется бронзовая дуга с 6-ю гвоздиками);
- бронзовую пепельницу в виде свитого гнезда;
- чугунную ящерицу (пресс для бумаг);
- пресс из стекла в виде шара с рисунками, выполненными масляной краской (орнамент и фигуры крупных птиц);
- пресс-папье к чернильному прибору и 2 подсвечника к нему.

Все в хорошем состоянии. Эти вещи вошли в экспозицию зала, посвященного Б.К.Зайцеву, открытого в том же 1981 году в музее писателей-орловцев.

Как видим, экспонаты, в том числе предметы быта, могут многое рассказать о писателе: о личностных качествах, о взаимосвязи с литераторами и другими выдающимися представителями своей эпохи, по книгам поступлений можно проследить адреса писателей, и, конечно, оценить богатство коллекции музея и то, как она формировалась.

Примечания.

1. Новикова-Принц Марина Николаевна (1912-1989), падчерица И.А.Новикова.
2. Новиков-Принц Ростислав Николаевич (1906-1979), пасынок И.А.Новикова.
3. Понятовский Александр Иванович (1921-1997). С 1946 по 1987 год сотрудник Гослитмузея И.С.Тургенева, долгие годы был главным хранителем музея.

4. Овсянникова Ольга Николаевна. С 1957 по 1967 год заведующая музеем писателей-орловцев. С 1967 по 1972 год директор Гослитмузея И.С.Тургенева.
5. Смирнова-Ракитина Вера Алексеевна, художник, автор биографических книг и исторических романов, училась на курсах книжной графики, несколько лет занималась живописью. Печататься начала с 1933 года.
6. Андреева Алла Александровна (1915-2005) художник, жена Д.Л.Андреева. Родилась в Москве в семье физиолога А.П.Бружеса. В 1944 году вышла замуж за Д.Л.Андреева. В 1947 году арестована вместе с ним по обвинению в антисоветской агитации и организации покушения на Сталина. После смерти мужа в течение 30 лет хранила рукописи Д.Андреева. после перестройки организовала их публикацию.

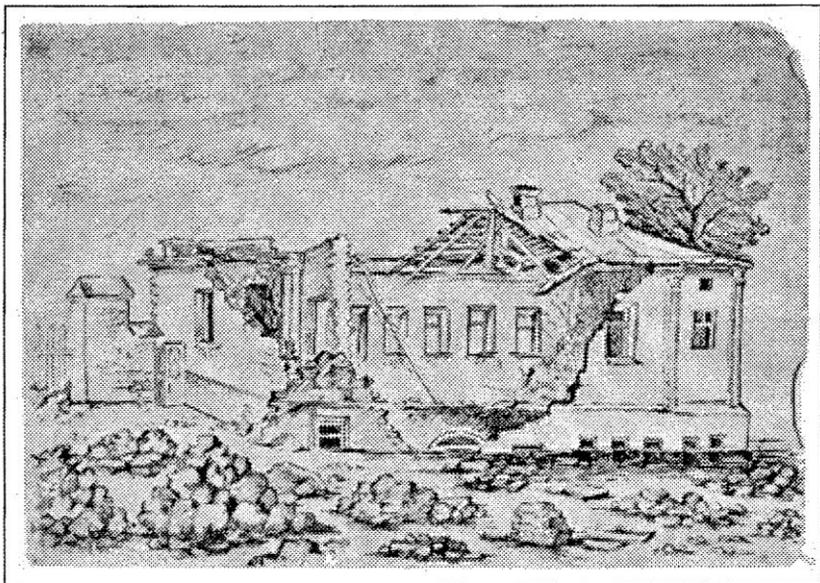




VI.

*Из истории музея:
люди, годы,
судьбы*





*Здание литературного музея И.С. Тургенева
после освобождения Орла в 1943 году.
Рисунок О. Никитиной*

МУЗЕЙ ТУРГЕНЕВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юбилеи хороши уже тем, что дают повод осмыслить явление или событие, так сказать, в масштабе «большого времени». В 2011 году исполнится 65 лет литературному музею Тургенева в Орле, той самой первой литературной экспозиции, что была открыта в особняке XIX века по улице Тургенева, 11, по соседству с Домом Галаховых, где с 1918 года существовал уже мемориальный музей писателя.

Возвращаясь мысленно в то время, не перестаешь удивляться героической целеустремленности наших предшественников. Трудностей и горя было более чем достаточно, но ставились и решались неуклонно, без промедления серьезные задачи.

После освобождения Орла летом 1943 года музей Тургенева, квартировавший в эвакуации в Пензенском краеведческом музее и там развернувший свою экспозицию, отправился в обратный путь. Возвращение домой было исполнено новых планов и надежд. Уже через месяц после приезда в Орёл, зимой 1944 года была возобновлена мемориальная экспозиция. Тогда стало ясно: уютный особняк Галаховых не может вместить всю коллекцию музея, которая способна отразить многообразие литературных имен орловской земли. Да и литературная часть тургеневской экспозиции представлялась теперь слишком фрагментарной, устаревшей, не отвечавшей задачам нового времени. Тогда, зимой 1944-го Обком партии решил передать музею соседний особняк, выстроенный в середине 1850-х годов В.А.Мацневой (архитектор И.Ф.Тибо-Бриниоль), в котором до войны размещалась детская амбулатория. Отступавшие немцы заминировали здание, и оно пострадало при взрыве.

Поражает оперативность, с какой принимались решения и налаживалось дело (а ведь ещё шла война!). В Постановлении Обкома ВКП(б), принятом в конце марта 1944 года, отмечалось: «Госмузей И.С.Тургенева не только спас от грязных лап фашистов все свои ценные фонды, успешно развернул их в Пензе, но также успешно реэвакуировался в г.Орле, в течении месяца полностью восстановил свою экспозицию и открыл свои двери для посетителей, за что был награжден Красным знаменем Наркомпроса, занесен в книгу почёта Наркомпроса и в Орле – на доску почёта ударного восстановления города»¹.

Отмечалось также, что «Госмузей приступил к работе по расширению своей деятельности, восстанавливая для этого специальное здание, и к восстановлению Госзаповедника И.С.Тургенева «Спаское-Лутовиново»».

Придавая этой работе государственное, политическое значение, Обком ВКП(б) постановил: «Предложить секретарю Орловского ГК ВКП(б) т.Маркову и Предгорсовета т.Виноградову обеспечить восстановление предоставленного музеем здания необходимыми стройматериалами и рабочей силой как первоочередной объект с тем, чтобы восстановить его не позднее 1/X 44 года. Директору Госмузея И.С.Тургенева предложить обеспечить восстановление предоставленного для расширения здания Госмузея, с тем, чтобы не позднее 7/XI открыть в нём литературную часть Госмузея и кинолекторий на 200 человек, экспонировав в нём литературное богатство Орловской области». Примерная стоимость предстоящих работ оценивалась в 150000 рублей. Задача осложнялась тем, что руководству музея приходилось вести восстановительные работы параллельно – в Орле и в Спасском, которое также требовало значительных средств. Приближалась годовщина освобождения Орла, и Спасское должно быть непременно открыто для посетителей к этому времени. Директору музея Борису Александровичу Ермаку надо было разрываться «на два фронта», но в то время жаловаться было не принято. Рядом с ним практически строительные, хозяйственные вопросы решала его заместитель по хозяйственной части Надежда Ивановна Сафронова – блестящий организатор и преданный музею человек.

Судя по документам, разрушения в здании были существенные. Предстояло сложить стену взамен разрушенной взрывом, возобновить верхние и нижние перекрытия, восстановить крышу, сложить печи, заполнить дверные и оконные проемы, осуществить отделочные работы. О таких вещах, как водопровод или канализация, речь тогда не шла – они появятся лишь в начале 90-х годов (до того времени воду носили в ведрах, «удобства» были во дворе).

Восстановительные работы на здании «литературного отдела» были завершены лишь к ноябрю 1945 года, с опозданием на целый год. Скромный бюджет приходилось делить между Орлом и Спасским, где в тот год были приобретены 2 лошади, производились плотницкие, малярные, стекольные, кровельные работы, обустроилась пасека (ульи были привезены из Тамбова, пчёлы – из Краснодара), реставрировались плодовые сады, собственными силами

заготовлено 1000 пудов сена. 16 июня 1944 года Спасский парк был открыт для посещения. Во Флигиле изгнанника была организована выставка «Жизнь и творчество И.С.Тургенева».

Параллельно шли строительные работы в Орле. Прежде всего, надо было расчистить огромные завалы в здании, во дворе музея. Тогда было убрано 1 500 тонн мусора. Обустраивается территория вокруг музея: посажено 250 саженцев деревьев и кустарников – клёны, березы, яблони, груши, вишни, сосны, серебристые тополя, сирень. Сделано было более двух десятков клумб и куртин, высажено более 4 500 цветов. На расчистке завалов работали рядом с музейным коллективом студенты Орловского педагогического техникума, других учебных заведений города. Сотрудники музея принимали участие в расчистке завалов и в других частях города, ездили на лесозаготовки. Пообносились. К новому 1945 году получили помощь одеждой и обувью.

В ноябре 1945 года, по окончании отделочных работ в новом здании был радиофицирован Лекторий. Заканчивалась и подготовка литературной экспозиции.

Лето 1945 года выдалось дождливое, что не позволило музейщикам осуществить необходимую просушку экспонатов. Благо, теперь в здании затопили печи, пришло тепло. Восстановленное здание понемногу приобретает жилой вид. Закуплено: 6 скамеек, 30 стульев, 1 шкаф, стол, диван, ковер, люстра, плюшевая скатерть, две бочки – для воды и керосина... Ведутся переговоры о покупке рояля.

Наконец, литературная часть музея вынесена из «галаховского дома» и размещена в восстановленном доме согласно экспозиционному плану. Здесь, среди прочего, заняли место только что закупленные картины «Тургенев и Савина» и «Тургенев и Щепкин».

Научный коллектив торопится осуществить свои планы. Ещё в сентябре 1944 года создан Научный совет музея, который собирается не реже одного раза в месяц по секциям (научная работа, массовая работа). Принято постановление о постоянной работе Лектория при музее. Организуются совместно с театром «Литературные воскресения», где работает «Школа художественного чтения». Поразительно, но посещаемость музея в Орле, где осталось вдвое меньше жителей, чем в послевоенное время, возрастает. Вот данные начала 1944 года, когда музей только вернулся из эвакуации: февраль – 697 посетителей (за 10 дней!), март – 1624, апрель – 1177, май – 1330. Всеми формами музейной работы было обслужено десять с поло-

виной тысяч человек. Массовую работу в музее возглавляет тогда В.А.Виноградова.

В музее работает «уголок школьника», центр которого – созданный научными сотрудниками «Тургеневский альбом». Для студентов открыта выставка «Публицистические течения XIX века».

Именно тогда налаживаются связи с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук.

Открывается серия выставок, посвященных писателям-орловцам. Б.А.Ермак настаивает на большем внимании сотрудников к творчеству Н.С.Лескова, П.И.Якушкина, А.А.Фета, Д.И.Писарева, Т.Н.Грановского, А.Н.Апухтина, И.А.Бунина, И.А.Новикова, А.Германо, Е.А.Благининой и др. Сам Ермак подготовил юбилейную выставку, посвященную Н.С.Лескову. Он же занялся разработкой тем «Тургенев и Родина», «Писатели-орловцы», «Орловский колорит в творчестве Лескова». Вот ещё несколько сюжетов, над которыми работали тогда сотрудники музея: «Влияние Тургенева на Пришвина» (Г.Кирсанов), «Педагогические взгляды Писарева» (В.А.Василевский), «Славянофилы Киреевские и Пришвин» (Яковлева), «Поэзия Апухтина» (Милин), иницируются записи фольклора военной поры. Директор музея лично возглавил архивную работу, исследования биографии и творчества писателей-орловцев. Сотрудники музея ведут рабочие дневники, позволяющие судить о продвижении работ.

Деятельность музея не остается незамеченной: осенью 1944 года на его базе созывается Всероссийское совещание мемориальных музеев, на котором Орловскому литературному музею присуждено красное знамя победы, хотя на него претендовали и другие музеи.

К новому, 1946 году в только что восстановленном здании по улице Тургенева, 11 была устроена ёлка для школьников. В вестибюле установили большую фигуру Деда Мороза, стоявшего подле усыпанной снегом ёлки и державшего в руке отрывной календарь с датой «10 февраля 1946 года» - в этот день планировалось открытие новой экспозиции.

И вот наступил февраль нового года. 18 февраля состоялось торжественное открытие Литературного отдела музея Тургенева и Кинолектория при нём. На заседании присутствовало не менее 120 человек. Были приглашены представители Обкома партии, Обкома комсомола, городские власти, отдел культуры, Союз художников, учителя, врачи, строители, стахановцы, артисты, музейные работ-

ники. От писателей присутствовали Горбов, Кирсанов, Росляков, Комов.

Вступительное слово от Обкома партии произнес один из его секретарей – Михайлов. Он подробно рассказал о пути, пройденном музеем, заметив, что музей рос вместе со страной. Выступил с речью и директор музея Б.А.Ермак, были и другие речи, звучали стихи. Так, существенно расширив свои владения, музей Тургенева отметил свое окончательное вступление в мирную жизнь.

Создание Литературной экспозиции в доме по ул.Тургенева, 11 положило начало своего рода музейной экспансии в Орле, что приведёт к рождению в нашем городе целого созвездия литературных музеев и на рубеже XXI века встанет вопрос о создании Орловского литературного заповедника. Ответят ли общество и власть на этот вызов?

Примечания.

1. Статья основана на документах служебного архива ОГЛМТ за 1944-46 гг.



Г.Н. Павлова

ПОРОХОВЩИКОВЫ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

В сборнике «И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы» (т.І), выпущенном Пушкинским Домом в 2009 году, были опубликованы хранящиеся в фондах Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева письма П.С.Пороховщикова к потомкам семьи Галаховых. На момент публикации этих писем в биографии Пороховщикова имелись некоторые пробелы. В особенности они касались его жизни и деятельности после 1917 года. Работа сотрудников музея Тургенева по сбору материалов о Пороховщикове продолжается до сих пор. Огромную помощь в этом оказывает музейщикам сын поэта-орловца В.Л.Гальского (1908-1961) Константин Владимирович Гальской, проживающий в США. Однако, прежде чем рассказать о книгах и документах, присланных им в Орел, напомним вкратце предысторию вопроса.

С 1991 года в фондах ОГЛМТ хранятся два письма Пороховщикова к потомкам Галаховых, наследников Тургенева. Атрибуция

этих писем потребовала немалых усилий со стороны работников музея, в результате которых было установлено, что автором писем является Петр Сергеевич Пороховщиков – личность незаурядная, яркая и довольно известная в России. Пороховщиков родился в Санкт-Петербурге в 1867 году. Его отец, Сергей Александрович Пороховщиков (ум. в 1888) был директором Сибирского кадетского корпуса в Омске. Матерью его была Надежда Петровна Чайковская, двоюродная сестра П.И.Чайковского. После окончания юридического факультета Московского Императорского университета Пороховщиков служил по ведомству Министерства юстиции в разных городах России; в 1901-1902 годы Пороховщиков являлся прокурором Орловского окружного суда. Жил в Орле, где подружился с членами семьи орловского вице-губернатора Н.П.Галахова, которые состояли в родстве с А.А.Фетом и И.С.Тургеневым. В письме к Кире Николаевне Галаховой от 28 января 1948 года Пороховщиков писал: «Воспоминания об Орле переносят меня в особый мир, исключительный и несравненный. Время, там прожитое, – одно из лучших в целой моей жизни»¹.

Пороховщиков приобрел известность в России и как практикующий юрист, и как автор целого ряда статей и книг по юриспруденции. Его книга «Искусство речи на суде», выпущенная под псевдонимом П. Сергееч, принесла ему звание лауреата Пушкинской премии (1913). Она по сей день переиздается в России и является одним из лучших учебников для адвокатов и всех, кто интересуется ораторским искусством.

После революции 1917 года жизнь Пороховщикова, как и многих его соотечественников, резко меняется. Следы Пороховщикова в 20-е годы теряются, и его судьба надолго остается неизвестной российским исследователям его деятельности. Лишь в 1990-е годы его имя мельком упоминается в числе преподавателей вузов США, а также встречается среди имен шекспироведов.

К.В.Гальской разыскал в библиотеках США и переслал в Орел ксерокопии статей из газет и справочников 1934-1952 годов с сообщениями о П.С.Пороховщикове, что позволило уточнить некоторые моменты биографии известного российского юриста. Думается, что Пороховщиков сам принимал участие в составлении своих биографических справок, отмечая наиболее значимые события в своей жизни: выпускник Александровского лицея, получивший при выпуске золотую медаль, выпускник Московского университета, бывший государственный прокурор в Орле и Харькове, адвокат и

судья Верховного суда России в Санкт-Петербурге, автор книг «Искусство речи на суде» и «Адвокатура в уголовном праве», лауреат Пушкинской премии Российской Императорской Академии наук, ассистент профессора романских языков в университете Джорджии (США), профессор истории Оглторпского университета (США). В 1941-1942 году Пороховщиков был одним из членов коллектива Школы либеральных искусств: «Школа либеральных искусств могла бы быть названа школой космополитизма, потому что курс обучения направлен на интенсивное изучение древних и современных языков», – сообщалось в одной из американских газет. В этой школе профессор Пороховщиков преподавал расширенный курс французского и немецкого языков.

Поистине сенсацией в литературном мире стал выход в свет книги Пороховщикова «Шекспир без маски» (Нью-Йорк, 1940). В заметке «Житель Атланты взбудоражил Британию шекспировской теорией», опубликованной в одной из местных газет штата Джорджия накануне выхода книги в свет, сообщалось: «Профессор Атланты, П.Пороховщиков из Оглторпского университета, вторгся на поля английской литературной периодики, чтобы начать еще один спор в давно длящейся дискуссии: «Кто написал пьесы Шекспира?». Две статьи, недавно опубликованные в еженедельнике «Джон О'Лондонс Уикли», дают краткий отчет о далеко идущих изысканиях профессора Пороховщикова по вопросу в поддержку того, что автором пьес был не Шекспир, а некто Роджер Маннерс, известный также как лорд Ратланд, пятый граф Ратландский, из Лондона. <...> Жители Атланты, знакомые с действиями атлантовского Шекспировского кружка, также знакомы с делом лорда Ратланда. Хотя абсолютных доказательств этой версии нет, <...> она, тем не менее, поддерживается многими новыми фактами, найденными профессором Пороховщиковым в его исследованиях в этой стране и за границей. <...> Профессор часто подчеркивает, что его интерес – поиск правды в этой запутанной ситуации, и он с радостью будет приветствовать доказательства в защиту любой стороны литературного вопроса» (перевод К.В.Гальского).

Книга «Шекспир без маски» была издана дважды – в 1940 –м в Нью-Йорке и в 1955 году в Лондоне. В настоящее время фонд редких книг музея Тургенева является обладателем обоих изданий книги. К.В.Гальскому посчастливилось найти эти книги на полках американских букинистов. Одна из них содержит автограф Пороховщикова. Это дарственная надпись автора книги некой «шекспи-

ровской леди» – миссис Енос П.Гудвин, сделанная в мае 1940 года в Атланте.

Книгу «Шекспир без маски» предваряет предисловие Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973), профессора русской истории Йельского университета, в котором он называет Пороховщикова своим старым другом, первая встреча с которым состоялась, когда Вернадский был еще мальчиком. Далее идет авторское предисловие, в котором Пороховщиков благодарит целый ряд лиц за помощь в подготовке и издании книги. В их числе библиотекари, архивисты, «Его Высочество покойный герцог Ратланда», Анна Матвеева, племянники Дэвисоны и так далее. (Напомним, что Петр Сергеевич Пороховщиков жил в Атланте в семье своей воспитанницы – племянницы Натальи Алексеевны, урожденной Беклемишевой и ее мужа доктора Дэвисона).

Лондонское издание книги «Шекспир без маски» (1955) было осуществлено уже после смерти автора. Дату кончины Пороховщикова нам также помог уточнить К.В.Гальской, отыскав некрологи в старых американских газетах. Один из некрологов был опубликован в газете «Атланта-Джорнал» в пятницу 12 декабря 1952 года. Учтите, что некролог впервые переведен на русский язык (перевод Б.С.Вишневской) и впервые публикуется в России, ниже предлагается его полный текст.

«Прощайте, дядя Питер.

П.С.Пороховщиков, известный преподаватель, скончался.

Прощание с П.С.Пороховщиковым, 85-ти лет, хорошо известным преподавателем и лектором, состоялось в 3.30 минут пополудни в пятницу в Часовне Спринг-Хилла. Церемонию прощания вел настоятель собора Альфред Хардман, затем Пороховщиков был похоронен на кладбище Вествью.

Мистер Пороховщиков, бывший накануне Первой мировой войны прокурором Императорской России и судьей Российского Верховного суда², скончался в четверг в доме своей племянницы Миссис Хэл Дэвисон по адресу: 2888, Хэбершем Рд., Н.Е. Родившийся в Санкт-Петербурге (Россия) в 1867 году, он прибыл в Соединенные Штаты в начале 1930-х годов и получил гражданство в 1938. Он называл это событие «наиболее памятным моментом».

Во время Первой мировой войны он был командирован Правительством Российской империи в Лондон в качестве официального представителя русской секции международной комиссии по снабжению военным снаряжением. Во время революции он находился в

Лондоне и больше никогда не возвращался на родину. В течение 23 лет он жил в Джорджии, преподавал современные языки в университете Джорджии, в Оглторпском университете и колледже Морхауза.

Он читал лекции по французской и испанской литературе в университете Эмори и участвовал в издании двух белоэмигрантских газет. Для студентов и факультетских коллег «дядя Питер» был легендой.

Его специализацией был немецкий язык, и он переводил захваченные немецкие документы для использования в авиационных исследовательских проектах в Джорджии. Он говорил на испанском, английском, немецком языках и имел обширные познания в греческом и латыни.

В 1884 году он получил диплом бакалавра искусств в лицее Каткова в Москве, окончив его с отличием (в других источниках Пороховщиков – выпускник Александровского лицея Санкт-Петербурга – примечание Г.П.). В 1888 году он получил степень магистра искусств, став первым в своем курсе.

Автор нескольких книг, одна из которых была удостоена высшей литературной награды Имперской России, он часто цитировался во многих иностранных литературных трудах. В одной из своих последних книг «Шекспир без маски» он строго критиковал пьесы английского поэта как работы, написанные его современником. Он также написал книгу о французском стихосложении.

Член Французского общества, философского клуба и почетный член Джиро-клуба Атланты, дядя Питер был известен своей замечательной памятью. Он мог читать наизусть большие отрывки из французских пьес. Он переписывался с друзьями по всему миру.

Некролог подписали: миссис Дэвисон, племянница, мистер Николас Волков, Франция; племянник Всеволод Пороховщиков, Франция; четыре внучатых племянника – Лт.Питер Дэвисон, Африка; Алексис Дэвисон, Атланта; Джордж Пороховщиков, Франция и Владимир Волков, Франция; внучатая племянница Наташа Дэвисон, Атланта; и два правнучатых племянника – Питер Хэл Дэвисон и Чарльз Дэвисон, Атланта».

Мы уже писали о разветвленности рода Пороховщико-вых, начало которому положил в конце XVIII-начале XIX века турецкий подданный Али, перешедший на службу к русскому царю. К этому роду принадлежал патриарх русской православной церкви с 1945 год по 1970 год Алексей I (1877-1970; в миру Сергей Симанский),

конструктор-создатель первого русского танка А.А.Пороховщиков (1892-1943). В настоящее время самым известным представителем этого рода в России является талантливый актер театра и кино, кинорежиссер А.Ш.Пороховщиков.

Ещё один штрих к «пороховщиковской теме» мы находим в письме А.А.Фета к Я.П.Полонскому от 21 ноября 1891 года: «Сегодня же посылаю какому-то Пороховщикову в альбом свой автограф, уверенный, что и тебя заставят нарезать несколько клинообразных надписей»³. Комментарии к этому имени в публикации письма отсутствуют. Трудно сказать, о каком из Пороховщиковых пишет Фет. Возможно, собиранием автографов увлекался и Петр Сергеевич, которому тогда было 24 года. Можно также предположить, что речь в письме Фета идет о дяде знаменитого юриста и прадеде известного актера современности Александре Александровиче Пороховщикове (1833-1918). А.А.Пороховщиков был выпускником первого выпуска Орловского Бахтина кадетского корпуса 1849 года, строителем знаменитой гостиницы «Славянский базар», создателем так называемого «пороховщиковского стиля», страстным публицистом, издателем газеты «Русская жизнь» (с 9 ноября 1890 по 20 января 1895 года), автором брошюры «Самодержавие на Святой Руси накануне XX века. Его расхищение, обезличение и восстановление», вызвавшей переполох в высших кругах. Его перу также принадлежат «Материалы для предстоящей деятельности нового городского управления в Москве» (М., 1872), «Материалы для городского благоустройства» (М., 1880), «Из записок московского старожила» (Русский вестник, СПб, 1897. Т. 67. №2), «Соль земли» (М., 1905), «Копия доклада делопроизводителя первому собранию Общества улучшения быта крестьян. 12 марта 1914 года» (М., 1914) и др.

Недавно мы обратились к омским краеведам с просьбой попробовать отыскать следы пребывания семьи Пороховщиковых в Омске. Надеемся, что их поиски увенчаются успехом, и в этой истории появятся новые интересные страницы.

Примечания.

1. См.: Павлова Г.Н. Забытые... «незабвенные образы!»: Два письма из альбома Галаховых // И.С.Тургенев. Новые исследования и материалы. (I). М.-СПб.: Альянс-Архео, 2009. С.350;
2. В некролог вкрались неточности: Пороховщиков занимал должности окружного прокурора в Орле, Харькове и др. городах России; был адвокатом, впоследствии судьей Верховного суда;



3. Литературное наследство. Т.103. А.А.Фет и его литературное окружение. В 2 кн. Книга 1. М., 2008. С.938.

М.В. Алексеева

«ПЕРВЫЙ ОРЛОВСКИЙ СБОРНИК» (К 70-летию выхода в свет)

В научной библиотеке Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева хранятся два сборника с одним названием – «И.С.Тургенев» под редакцией Н.Л.Бродского и с одной датой издания – 1940 год. Первый из них издан в Москве под грифом «Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина», второй – в Орле, в издательстве Орловского Областного Совета депутатов трудящихся. К сожалению, на обложке второго сборника не указано, что издан он при участии музея И.С.Тургенева в Орле. В архиве музея¹, в делах постоянного хранения находятся документы, которые могут рассказать историю выхода в свет 70 лет назад «Первого Орловского сборника».

История эта началась в конце 1937 года. Орловский областной литературный музей И.С.Тургенева составил план на 1938 год, где первым пунктом значилось: «Поставить в центральных и областных организациях вопрос о 120-летнем юбилее со дня рождения И.С.Тургенева»². В графе «Издательская работа» значилось всего 4 пункта: 1) издать путеводитель по музею с историческим очерком его существования за 20 лет; 2) юбилейный плакат о музее; 3) юбилейный плакат о Спасском-Лутовинове; 4) издать вместе с областной газетой юбилейную литературную страницу, посвященную И.С.Тургеневу и музею его имени. Издание сборника музеем не предусматривалось.

Музей И.С.Тургенева находился в ведении Областного отдела народного образования, из отчета музея можно понять отношение руководства к проведению юбилейных мероприятий: «Руководство Облоно характеризуется хотя бы тем фактом, что зав. облоно Пустогаров в течении почти года ни разу не посетил музея. Только в ноябре 1938 года зам.зав. облоно т.Широков принял конкретное участие в юбилее. Инспектора по музеям в Облоно не было и нет теперь»³.

В отчете о работе музея за 1938 год титанический труд маленького музейного коллектива (в штате всего четыре научных сотрудника, включая директора) обозначен одним предложением: «Музей им. Тургенева в 1938 году организовал и осуществил 120-летний юбилей со дня рождения И.С.Тургенева и 20-летний юбилей существования самого музея. Это определило характер работы музея, который поставил себе задачу достойно встретить этот юбилей с определенными достижениями»⁴.

Директор музея И.С.Тургенева Борис Александрович Ермак на свой страх и риск начал подготовку к юбилею с того, что в июне 1938 года составил и отправил письмо в Академию наук СССР с кратким содержанием: «Музей им. Тургенева просит Вас сообщить, какие мероприятия намечены Вами в связи с 120-летним юбилеем со дня рождения И.С.Тургенева, который исполняется в 1938 году»⁵. Какой ответ пришел из Академии наук, неизвестно, но, вполне возможно, поступило предложение об издании сборника материалов, посвященных И.С.Тургеневу. В архиве ОГЛИМТ сохранился, вероятно, самый первый вариант будущего сборника под названием «Юбилейный сборник».⁶ Содержание должны были составить статьи на литературно-краеведческие темы, такие, как: статья о музее, Библиотека Тургенева и Белинского, Тургенев и местные старожилы, воспроизведение быта Тургенева по мемориальному отделу Тургеневского музея, к истории легенды о Дворянском гнезде, Спасское-Лутовиново. Перечислены фамилии предполагаемых участников - Клейнборт, Владимирцев, Горовой, Василевский, Никитин, Светозаров⁷.

К концу августа макет сборника получает более научное наполнение. Уточняется название: «Юбилейный сборник, посвященный 120-летию со дня рождения И.С.Тургенева»,⁸ указано имя предполагаемого редактора – Н.К.Пиксанов, в содержательной части появляются имена столичных литературоведов – М.К.Клеман, Л.П.Гроссман, М.К.Азадовский, Н.Л.Бродский, В.В.Виноградов. Предполагается к изданию статья Н.П.Пузина о П.Виардо.

В начале осени Ермак предпринимает следующий шаг – два письма с одной датой от 9 сентября 1938 года идут по двум адресам: в редакцию «Литературной газеты» и в Союз советских писателей. Из первого письма можно понять, что ранее музеем было отправлено в редакцию газеты «Открытое письмо с обращением к советским писателям», из второго следует, что музей просит доставить прилагаемые письма к советским писателям, членам СП СССР: «Мы не

знаем адресов т.Толстого, Шолохова, Пришвина, Новикова и др., а обратиться к ним мы очень хотим с просьбой, сущность которой Вы сами поймете, прочтя эти письма»⁹. К сожалению, в архиве ОГЛМТ не сохранилось оригинала или копии этих писем. Есть только письмо Ермака к А.А.Жарову¹⁰ от 19 сентября 1938 года, которое может объяснить содержание обращений к писателям: «Т. Жаров! Благодарю Вас за ваше прекрасное письмо и портрет. Ценность Вашего письма тем больше, что оно является первым откликом советских писателей на наш запрос. Если все остальные товарищи писатели будут так чутко и аккуратно присылать свои ответы, то это нам даст возможность показать в музее интересный материал: Современные мастера слова о И.С. Тургеневе»¹¹.

В сентябре музей получает служебную записку от заведующего издательством обкома ВКП(б) Федыко с уведомлением, что Орловское издательство «в связи с 120-летием со дня рождения И.С.Тургенева решило издать в г.Орле на его родине сборник, посвященный юбилею. Обращаемся к Вам с просьбой принять участие в сборнике»¹².

Видимо в связи с проведением осенью юбилейных торжественных мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения И.С.Тургенева, работа со сборником не была начата. К сожалению, в архиве Орловской области, в фондовых собраниях музеев и библиотеки им.И.А.Бунина не сохранились номера газеты «Орловская правда» за сентябрь-ноябрь 1938 года, где были опубликованы статьи Б.Ермака «Тургенев и родина» и Е.Ермак «Советские писатели и И.С.Тургенев», из которых можно было бы узнать о проведении юбилея И.С.Тургенева на его родине в Орле. Краткие сведения приведены в одноименной статье Б.Ермака в «Тургеневском сборнике» (Орел, 1940), где директор музея, не скрывая гордости, пишет: «В 1938 году советская общественность еще в больших масштабах отмечала 120-летний юбилей со дня рождения И.С.Тургенева. В этот юбилей специальным решением Орловского горсовета улица, на которой родился писатель и которую в 1903 году лишили имени Тургенева, снова названа улицей имени Тургенева. В день 9 ноября 1938 года в Орловском драматическом театре состоялось многолюдное торжественное заседание. После вступительного слова и приветствий с докладом выступил член Союза советских писателей Л.П.Гроссман¹³. После доклада выступили приехавшие артисты из московских театров. Ко дню юбилея в Спасском-Лутовинове были усиленно развернуты работы по реставрации усадьбы-запо-

ведника И.С.Тургенева и постройка большой двухэтажной школы им.Тургенева в этом же селе»¹⁴.

9 ноября 1938 года после получения телеграммы из Орла с приглашением участвовать в торжественном мероприятии П.Щекин-Кротов¹⁵ в письме к директору музея сообщает: «За это время мною для тургеневского музея проделана сл[едующая] работа: 1) Связался с Пришвиным¹⁶, который подавал заявление в Правление Союза писателей об орган[изации] помощи музею; 2) Правление поручило эту работу К.А.Федину¹⁷, 3) Правление создало постоянную комиссию в составе 6 лиц, которым поручено заниматься Тургеневским музеем. Председателем этой комиссии намечен Иван Алек[сеевич] Новиков¹⁸. Вероятно участвовать в этой комиссии буду и я. Буду следить за работой комиссии, толкать и раскачивать их. Постараюсь увлечь наиболее влиятельных людей, чтобы помочь Вам. Рад буду, если что-либо удастся сделать».

В архиве имеется документ, составленный неуставленным лицом с заглавием «Что нужно сделать?»¹⁹, в котором поименно расписана помощь музею конкретных лиц. Пришвину и Новикову предполагалось поручить работу по приведению в порядок мест, связанных с памятью Тургенева, организацию Орловского землячества в Москве, создание Дома отдыха писателей в Спасском-Лутовинове. Из этого документа видна новая структура сборника, в котором должны были также участвовать писатели Пришвин, Новиков, Гроссман, Дорохин, редактором по-прежнему намечался Пиксанов²⁰.

В конце 1938 года музей получает вновь служебную записку от издательства Обкома ВКП(б): «В свое время между издательством и вами было условлено о выпуске сборника о Тургеневе. Поэтому просим сообщить, как идет подготовка к составлению сборника. Кто из товарищей писателей прислали обещанные материалы». В список от издательства добавлены имена: Бродский, Ростов, Арди, Лу-полл²¹; указан срок выхода в свет – 5 июня 1939 года.

Директор музея Ермак в это время находился в отпуске в Сочи, путевка была получена в качестве премии по постановлению Оргкомитета ВЦИК по Орловской области «за умелое руководство и научную деятельность»²² и в первую очередь за проведение 120-летнего юбилея И.С.Тургенева в Орле. В начале января 1939 года Ермак из почтовой открытки от членов Тургеневской комиссии Союза писателей СССР, написанной А.Карцевым, узнает радостную новость: «Письмо Народному комиссару просвещения отвезли мы лично втроем: И.А.Новиков, М.М.Пришвин и я. Нарком принял нас

очень внимательно, тут же при нас созвонился с Наркомфином и с Госпланом, в результате согласован и вопрос о ходатайстве перед СНК о присвоении Орловскому музею прав музея республиканского и вопрос об увеличении бюджета»²³.

В январе 1939 года издательство заключает первый договор с профессором Г.В.Прохоровым²⁴, который активно включается в подготовку сборника, приглашая к участию Пиксанова, Гиппиус, Клемана²⁵, Бухштаба²⁶, Нарыкова²⁷, Рейсера²⁸. Но уже в письме к Ермаку от 10 марта Г.В.Прохоров с досадой пишет: «Приглашенные мною спрашивали меня, реальное ли это предприятие. Я отвечал, что реальное и сборник в первом квартале 1939 года сдается в производство (так сообщили мне из Орла). И что же получилось? Я попал в крайне неприятное положение: издательство не отвечает на запросы приглашенных»²⁹. Сразу же Ермак старается его успокоить: «Я Вам спешу ответить, что сборник вполне реальное предприятие и сомневаться в нем не стоит. Доказательством этого является использование в качестве редактора крупнейшего специалиста из Москвы, у которого и находятся Ваши рукописи на редактировании»³⁰. Быть редактором «Первого Орловского сборника» дал свое согласие Н.Л.Бродский³¹. 13 марта 1939 года Ермак сообщает ему в письме: «Орловский государственный музей им.Тургенева посылает Вам официальное письмо, присланное теперь от Орловского издательства Обкома ВКП (б) о редактировании Вами сборника; 4 письма Фета И.С.Тургеневу, присланные издательству из Ленинграда от какого-то Бухштаба»³².

Н.Л.Бродский активно начинает формировать содержание сборника. 7 июня 1939 года в письме он сообщает: «У меня (из Ленинграда) уже есть материалы [неизданных] текстов, писем Т[ургенева]. Это от Клемана. Поджидаю от Пиксанова и Пумпянского»³³. Сборник получается отменный. Передайте т[оварищам] из издательства, что в Союзе сов[етских] пис[ателей] заинтересованы выходом в свет книги»³⁴.

Практически сразу же издательство устраняется от работы, оставляя директора музея Ермака и редактора Бродского наедине с авторами, просто осведомляясь в письме: «как обстоит дело с редактированием книги о И.С.Тургеневе»³⁵. К концу июня были собраны практически все материалы к сборнику и составлен его план. В архиве ОГЛМТ сохранился последний вариант оглавления «Тургеневского сборника»³⁶, который будет сохранен с небольшими перестановками авторов в разделах как основной макет книги. Возникли проблемы у двух авторов: Пиксанова и Ермака. 17 июля Бродский

сообщил: «Как быть с поездкой в Орел, сам не знаю. Если бы проф. Пиксанов прислал статью, к[оторую] он обещал доставить к 10 июля..., я бы сейчас приехал с материалом сборника, совершенно готовым к печати, тщательно мной отредактированным, освобожденным от авторских ошибок, длиннот и проч.»³⁷. Эта проблема к концу лета будет решена.

Затянулись переписка и переговоры с редактором у Б.А.Ермака, Борис Александрович не увидел своей статьи «И.С.Тургенев и родина» в оглавлении сборника (это для него была главная тема, над которой он долго работал). Н.Л.Бродский принял статью для правки и после сообщил автору: «Отправил Вам Вашу статью, которую в теперешнем дополненном виде считаю совершенно в духе нашего сборника. У меня было несколько поправок, несущественных, - я их сразу внес в текст, - надеюсь, Вы не будете возражать»³⁸. Бродского поддержал сотрудник Орловского издательства В.А.Петрищев, который также настаивал на сокращении статьи. В письме к Ермаку от 5 декабря [1939 года] Бродский пояснил действительную причину: «Сокращение произведено А.В.Петрищевым не т[олько] с моего согласия, но и по моей инициативе. Зачем же Вам подвергаться суду критиков, к[оторые] говорили бы о неполноте материала при разработке темы. Ленинские оценки должны быть или даны все или в той достаточной мере, как это у Пиксанова, Клемана, Рейсера в их статьях. Тема «Ленин и Тургенев» слишком важна, чтобы бегло касаться ее, как это было в Вашей статье»³⁹.

Пиксанов целую страницу своей статьи посвятил утверждению, что «именно В.И.Ленин учит нас правильному, широкому, историческому пониманию Тургенева»⁴⁰. Но мера эта была вынужденная, и ее Пиксанов объясняет в самом начале статьи: в 1923 году Ив.Шахназаров в своей книжке «Литературные отклики» делает заявление «С писателем, перо которого клеветает на «детей», вставших за народ, с таким писателем нам не по пути»; в 1930-е годы в «сталинскую эпоху замечательных исторических побед социализма» в книжке И.И.Векслера «Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов» (1935) утверждалось, что роман «Отцы и дети» был «преступлением Тургенева против демократии», а Тургенев фактически был объявлен «врагом народа». И весь сборник, собранный Николаем Леонтьевичем Бродским, был посвящен одной цели, которая выражена в той же статье Пиксанова: «Пора нам всем до конца изжить такие загибы и уклоны. Пора оценить в полной мере наследие, оставленное И.С.Тургеневым. Оно огромно»⁴¹.



Разобравшись с редакторскими вопросами, Бродский даже с помощью Ермака не смог решить главную проблему – запустить сборник в производство. В коротком письме от 1 февраля 1940 года он сообщил: «На недавнем заседании Тург[еневской] Комиссии постановлено ... просить изд-во об ускорении выпуска в свет Тург[еневского] Сборника. Но изд-во несмотря на мои письменные обращения молчит, авторы забросали меня письмами о том, что ни договоров, ни денег изд-во не шлет». И с горечью написал в конце письма: «А Вам прямо скажу, что если бы знал все это, не начинал бы дела, т.к. изд-во поставило меня в очень неприятное для меня положение перед авторами, которые поверили мне»⁴².

Скорее всего у издательства были трудности с финансированием, но ни один из авторов не получил писем с извинениями. 23 февраля Бродский фактически объявляет Ермаку ультиматум: «...так как орловцы имеют плохую [традицию] не отвечать на письма (даже деловые!) своих корреспондентов, то прошу Вас нарушить на сей раз орловскую привычку и незамедлительно ответить мне: 1) почему до сих пор изд-во не заключило договоров и не выплатило автор[ский] гонорар ряду товарищей? 2) Когда изд-во приступит к печатанию сборника? За этим вопросом я больше не намерен обращаться в изд-во и крайне жалею, что ввязался в это дело»⁴³.

Копии ответа Ермака не сохранилось, но видимо хлопоты его увенчались успехом, в марте Бродский сообщает, что надо послать еще договор и деньги Л.В.Пумпянскому и А.С.Липеровскому. В архиве ОГЛМТ сохранился издательский договор Ермака с областным издательством от 13 апреля 1940 года, где указана сумма оплаты автору – 600р. за печатный лист, и указано «выпустить в свет означенный труд в количестве 5125 экз.»⁴⁴.

И хотя авторы начали получать гонорары от издательства, дело с изданием сборника не продвигалось. В мае 1940 года Бродский уже скорее по привычке напишет: «Что же это так задерживается печатание сборника? Уж скоро год, как он смонтирован. Ведь, полежит еще год-другой..., а там авторы начнут разбирать свои статьи. Печатание возможно бы начать тут же – ведь бумажные отбросы для гранок и верстки найдутся»⁴⁵.

Только 18 сентября редактор «Тургеневского сборника» сообщил Ермаку: «Сегодня утром доставил почтарь гонорар за редактуру Тург[еневского] сборника. Наконец-то, дело сдвинулось... Как бы ни были тяжелы материальные обстоятельства изд-ва, оно должно было в письменной форме поставить в известность авторов о точ-

ном сроке выполнения договора и т.д. Очень, очень прошу Вас начать теперь нажим на т.Федько в смысле продвижения в набор»⁴⁶.

Издательство не нашло до конца года бумаги, гранки были сданы в производство как следует из служебной записки только 23 декабря 1940 года. К этому времени Ермак получил последнее письмо Бродского от 17 декабря: «Я просил отдел рукописей Госуд[арственной] библиотеки имени В.И.Ленина выслать Вам в Тург[еневский] Музей только что вышедший тург[еневский] сборник. О получении известите меня. Как затянулось печатание сборника в Орле!»⁴⁷. Московский сборник под редакцией Бродского был сдан в печать в начале октября 1940 года, хотя работу над обоими тургеневскими сборниками редактор вел одновременно.

Закончилась переписка с редактором и авторами, вся историяшла свое короткое описание в отчете о работе музея за 1940 год, в котором указано, что «издательскую деятельность музеев не смог развернуть, так как в бюджете 1940 год на эти расходы средств не было отпущено, но несмотря на это музей сумел добиться в издательстве Обкома ВКП(б) издания в Орле Тургеневского сборника»⁴⁸. 22 февраля 1941 года орловская типография «Труд» запустила сборник в печать, авторы должны были получить его до конца первого квартала текущего года. До 22 июня 1941 года оставались какие-то месяцы. Можно только предполагать, что редактор Н.Л.Бродский успел, как и его авторы, получить долгожданный орловский сборник. Хотелось бы надеяться, что из 10 тысяч экземпляров хотя бы часть успела разойтись в продаже до оккупации города Орла немецкими войсками. Возможно, в печати появились первые рецензии или упоминания о нем.

Книга «И.С.Тургенев. Материалы и исследования» (Орел, 1940) стала «Первым орловским сборником». Редактор Н.Л.Бродский так и не написал предисловия, хотя хотел это сделать. Но эту историю можно закончить словами Н.Л.Бродского, предпосланными к одному из сборников под его редакцией, вышедших в свет в 1923 году: «Предлагая внимательному читателю настоящий сборник, редактор надеется, что книга о творческом пути Тургенева вызовет у читателя желание выйти на творческую дорогу самостоятельных изучений поэта: в его писаниях еще много для пытливого ума, они продолжают быть насыщенными темами и вопросами, ждущими исследовательского внимания....»⁴⁹.

Традиция издания «Тургеневских сборников» будет продолжена в 1950-е годы. В архиве ОГЛИМТ сохранились документы, при по-

мощи которых можно продолжить рассказ о втором и третьем «Тургеневских сборниках» (1955, 1960), вышедших в свет под грифом «Государственный музей И.С.Тургенева». Но это совсем другая история...

Примечания.

1. Архив ОГУК «Орловский объединенный государственный литературный музей И.С.Тургенева» (далее – ОГЛМТ).
2. Архив ОГЛМТ. Опись № 1 дел постоянного хранения (далее – оп.1). Д.62. Л.1.
3. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.62. Л.8.
4. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.62. Л.8.
5. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.66. Л.66.
6. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.57.
7. Перечислены фамилии членов Тургеневского литературного общества, существовавшего в 1920-е годы при музее И.С.Тургенева.
8. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.55-55об.
9. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.66. Л.4.
10. Жаров Александр Алексеевич (1904-1984) - поэт, автор стихов комсомольской тематики.
11. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.66. Л.2.
12. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.58.
13. Гроссман Леонид Петрович (1888-1965) - писатель, литературовед, театральный критик, автор книги «Театр Тургенева» (1924) и др.
14. Ермак Б.А. И.С.Тургенев и родина //И.С.Тургенев. Материалы и исследования. Орел, 1940. С.89.
15. Щекин-Кротов Павел Николаевич ([1880-1948]) – до 1917 года преподаватель в гимназии г.Ельца, ответственный секретарь постоянной Тургеневской комиссии, образованной при Союзе советских писателей СССР, автор книги «Тургеневский музей в Орле: Впечатления и наблюдения». Орел: Тип. Труд, 1919. Упоминается в дневниках М.М.Пришвина 1920-1922 годов.
16. Пришвин Михаил Михайлович (1873-1954) – писатель, уроженец Орловской губернии. В 1957 году в музее писателей-орловцев в Орле был открыт зал, посвященный жизни и творчеству писателя.
17. Федин Константин Александрович (1892-1977) – писатель, общественный деятель. Принимал активное участие в создании Союза советских писателей СССР, входил в состав Президиума СП СССР.
18. Новиков Иван Алексеевич (1877-1959) – писатель, поэт, общественный деятель, уроженец Орловской губернии. До конца своей жизни был бессменным председателем постоянной Тургеневской комиссии при ССП СССР, которая была образована для «забот о музее в Орле и заповеднике в Спасском-Лутовинове» и с целью изучения творчества Тургенева (см. ОГЛМТ. РДФ. Ф.1. КП 17956/1-3оф). При создании музея писателей-орловцев в 1957 году планировалось открыть зал, посвященный жизни

и творчеству писателя, первая литературно-мемориальная выставка «И.А.Новиков» была открыта в 1977 году.

19. Архив ОГЛИМТ. Оп.1. Д.66. Л.61-62.
20. Пиксанов Николай Кирьякович (1878-1969) – литературовед, библиограф, член-корреспондент АН СССР (с 1931). В 1912-1914 годы вел семинар по Тургеневу для слушательниц Петроградских Высших Женских Курсов, там же образовал Тургеневский кружок. В 1915 году итоги работы этого кружка были опубликованы в «Тургеневском сборнике» (1915) под его редакцией. В «Слове от редактора» была высказана надежда, что в скором времени «будет создан Тургеневский музей, а вместе с ним возникнет и Общество имени И.С.Тургенева, которое поставит своей задачей планомерное и постоянное собирание и изучение всего, что касается жизни и творчества великого писателя» (Тургеневский сборник. С.ХIII-XIV). Выступил инициатором литературного краеведения, в 1928 году вышла его книга «Областные культурные гнезда».
21. Луппол Иван Капитонович (1896-1943) – литературовед, академик АН СССР (1939), организатор и первый директор Института мировой литературы им.М.Горького (1935-1940). В начале 1941 года был репрессирован и приговорен к высшей мере наказания, которая была заменена в 1942 году 20-летним заключением в ИТЛ НКВД, скончался в лагере в Мордовии.
22. ОГЛИМТ. РДФ.Ф.1. КП 10944оф.
23. Архив ОГЛИМТ. Оп.1. Д.66. Л.9.
24. Прохоров Григорий Васильевич (1882-1942)- историк литературы, библиофил.
25. Клеман Михаил Карлович (1897-1942)-литературовед. Вел педагогическую работу, в т.ч. Тургеневский семинарий в ЛГУ. Автор книг «Летопись жизни и творчества И.С.Тургенева (1934), «Очерк жизни и творчества И.С. Тургенева» (1936).
26. Бухштаб Борис Яковлевич (1904-1985)- историк русской литературы, библиограф, автор работ о творчестве А.А.Фета, Н.С.Лескова, Ф.И.Тютчева и др.
27. Нарыков М. – исследователь жизни и творчества И.С.Тургенева (см. Архив ОГЛИМТ. Оп.1. Д.82. Л.41).
28. Рейсер Соломон Абрамович (1905-1989) – литературовед, библиограф, текстолог.
29. Архив ОГЛИМТ. Оп.1. Д.74: Л.6-6об.
30. Там же. Л.7.
31. Бродский Николай Леонтьевич (1881-1951) – литературовед, профессор Московского университета (с 1926), первый руководитель отдела русской литературы в Институте мировой литературы (ИМЛИ) им.А.М.Горького. Член Общества Любителей Российской словесности, принимал меры по возвращению в Россию парижского тургеневского архива, с 1918 года являлся секретарем Тургеневской комиссии общества, один из зачинателей научного изучения наследия И.С.Тургенева, под его редакцией вышли многие коллективные историко-литературные сборники, посвященные И.С.Тургеневу, в том числе первый сборник под его

- редакцией «Тургенев и его время» (1923), который должен был открыть серию трудов Тургеневской комиссии, наметившей своими основными задачами – академическое издание «Записок охотника», полного собрания писем И.С.Тургенева.
32. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.3.
 33. Пумпянский Лев Борисович (1891-1940) – литературовед, критик, музыковед, философ. Участвовал вместе с М.М.Бахтиным в деятельности Невельского философского кружка, с 1936 года – профессор филологического факультета ЛГУ, автор ряда работ о И.С.Тургеневе. Отдельные черты П. запечатлены в образе Тептелкина в романе Н.В.Вагинова «Козлиная песнь». В сборнике его фамилия выделена траурной каймой.
 34. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.22.
 35. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.21.
 36. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.53-53об.
 37. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.27.
 38. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.31.
 39. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.71.
 40. Пиксанов Н.К. Великое наследие Тургенева //И.С. Тургенев. Материалы и исследования. Орел, 1940. С.72.
 41. Там же. С.69.
 42. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.63.
 43. Там же. Л.65.
 44. Там же. Л.68.
 45. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.74. Л.29.
 46. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.82. Л.90.
 47. Там же. Л.74.
 48. Архив ОГЛМТ. Оп.1. Д.78. Л.29.
 49. Бродский Н.Л. От редактора //Творческий путь Тургенева. Пг., 1923. С.VII.

А.И.Кондратенко

ВСПОМИНАЯ О НИКОЛАЕ ЧЕРНОВЕ...

Николай Михайлович Чернов родился 14 декабря 1927 года в деревне Удерево Колпнянского района Орловской области. У крестьянской семьи Черновых, судя по архивам, была трёхвековая родословная. Юный отпрыск славного семейства накануне Великой Отечественной войны закончил шесть классов Ярищенской средней школы. Жизнь не баловала будущего знатока старины. Вот как писал он о сельском укладе десятилетия спустя: «Удереvский мужик никогда в прошлом не пробовал ни икры, ни осетрины, как не видит их и теперь. Лакомством была селёдка, редкий калач, купленный

за пятачок у проезжего торговца, мёд два раза в году. Печёное яйцо, яблоко считались щедрым гостинцем... Хлеб, квас, овсяной кисель, пшённая каша – эта пища вдоволь подавалась только в благополучных семьях. Щи с солониной – редкость. А кусок мяса или яичница с салом – праздничная еда... Великая ценность деревенского быта – общинная жизнь. Сельский мир, община лучше всяких административных учреждений оберегали человека от дурных поступков. Строго, но милосердно карали тех, кто оступится. В русских селениях всегда был в почёте коллективный труд. Он считался праздником. Вот почему многие из нас с восторгом вспоминают пору сенокоса и жатвы, весеннюю рыбалку и ледоход, ночую пастьбу лошадей или незабываемые сцены холстов, когда на берег реки выходило всё женское сословие»¹.

Подростком Николай Чернов пережил фашистскую оккупацию. Об этом времени он не любил вспоминать в обыденном разговоре, что вполне понятно: немцы оставили о себе память в Колпне неслыханными злодеяниями. Откройте подшивку «Орловской правды» начала 1943 года, и вы найдёте здесь серию репортажей и очерков из освобождённых колпнянских деревень: оккупанты расстреливали, сжигали крестьян, оставляли их замерзать на лютом морозе, морили голодом, а с детей живьём сдирали кожу для лечения обгоревших лётчиков...

Понятно, что мечтой сельского подростка, ждавшего день освобождения, была служба в Красной Армии. И его сразу мобилизовали, но по малолетству отправили не на фронт, а на Урал, в школу ФЗО. В Магнитогорске Николай Чернов получил специальность слесаря-сборщика, работал на металлургическом комбинате. Однако стать настоящим металлургом не довелось: 16-летнего Николая уже как знатока рабочего дела перебрасывают в родные места, в Елец, готовить молодые кадры для промышленности. С апреля 1944 года он работал мастером, а затем старшим мастером производственного обучения в школе ФЗО №8. В 1948 году вступил здесь в коммунистическую партию.

Вскоре Чернова перевели в Орёл, в областное управление трудовых резервов на должность инженера по производству. Предстояло навёрстывать то, чего помешала достичь война. В 1952 году, работая старшим инспектором управления, Николай Чернов экстерном сдал экзамены на аттестат о среднем образовании и тогда же поступил на заочное отделение факультета русского языка и литературы Орловского пединститута.

В эти годы он был внештатным лектором-международником обкома КПСС, по партийным поручениям и по основной работе объездил едва ли не всю область. В одной из его книг встречаем строки: «Помню, как с колхозным шофёром, давно покойным Григорием Ивановичем Быковым мы полдня буксовали в 1955 году в Сорочьих Кустах»². Наверное, в таких поездках, в разговорах с местными жителями и рождался интерес к истории родного края, росло желание больше узнать о прошлом не только своих предков и родного села, но и изучить историю других районов, усадеб, «раскопать» родословную знаменитых некогда людей. Не случайно на созданном художником в 1960-е годы по заказу Чернова экслибрисе был изображён крестьянский мальчик, читающий книгу при свете лампы.

В том памятном 1955 году появилась первая историческая публикация Чернова в местной прессе – это был очерк «В боевые годы», напечатанный в газете «Орловский комсомолец» 17 сентября. В следующем году была только одна публикация в «Орловской правде» – к 125-летию Н.С.Лескова (причина «молчания» вполне понятна – выпускной курс в институте, назначение директором технического училища №1 в Орле), последовала серия исторических статей – о Марко Вовчке, снова о Лескове, а также об Иосифе Дубровинском, революционном матросе Тарасе Силякове, об орловском комсомоле (всего за 1957 и 1958 годы Чернов напечатал в «Орловской правде», «Орловском комсомольце» и «Блокноте агитатора» около десятка материалов).

Чернова заметили. Заходя в только что открывшийся на улице Ленина магазин «Подписные издания», молодой краевед мог встретить здесь в букинистическом отделе писателей Евгения Горбова и Владимира Мильчакова, литературоведа Леонида Афонина, редактора «Орловской правды» Ивана Патенкова, адвоката с ещё дореволюционным стажем Ситникова и заслуженного учителя Милина. Все они были завзятыми книголюбями, все приходили сюда «на огонёк» к Василию Фёдоровичу Чеботарёву, заведовавшему этим отделом. Чернов вспоминал три десятилетия спустя: «Терпеливо учил он начинающих библиофилов всему, что знал сам о редкой книге. Как талисман стоит у меня на полке 2-ой том «Полного географического описания России» (СПб., 1902), который Василий Фёдорович мне буквально всучил. Я тогда ничего не знал об этом издании и без воодушевления отнёсся к перспективе заплатить за том приличную по тому времени сумму в 100 рублей, при месячной зарплате в 930».

В числе орловских наставников Николая Чернова можно назвать и Александру Ульяновну Яцукову. Бывший комсомольский

работник 1930-х годов, она стала весьма опытным архивистом, знатоком местных фондов. Творческий рост Чернова был стремительным – уже в 1958 году в республиканской газете «Советская Россия» появляется его статья об участии А.А.Фета, Л.Н.Толстого и И.С.Тургенева в строительстве сельской больницы. В 1959 году издана книга об истории орловского комсомола – одна из глав написана Черновым совместно с Яцуковой. Итак, 1959 год стал переломным в его судьбе – появилась первая статья в «Малой Советской энциклопедии» (о городе Орле), вышла первая книга («Литературные места Орловской области»), состоялось зачисление в аспирантуру Академии общественных наук в Москве...

Но вначале несколько строк о первой книге Чернова. У тогдашних орловских читателей она, возможно, вызвала двойственное впечатление. Что это, собирательская забава директора училища и недавнего дипломника филфака? Или начало большой, на всю жизнь поисковой и исследовательской работы? Как это можно было тогда предсказать?

В предисловии автор приглашал читателя в воображаемое путешествие: «Пройдитесь в часы досуга по улицам Орла, посмотрите внимательно вокруг, и вы увидите, какой отпечаток наложило время на этот старинный русский город. Перед вашими глазами встанут ожившие страницы истории, те времена, когда Орёл был одним из бастионов русского государства на его южных границах... Эта книга является первой попыткой создать описание литературных мест орловского края. Она не претендует на исчерпывающую полноту освещения вопроса. Её цель – дать краеведам и любителям родной литературы исходный материал для исследовательской работы, познакомить их с теми местами, которые связаны с творчеством или биографией известных русских писателей и поэтов... Учителя, студенты, школьники, туристы могут использовать эту книгу как путеводитель для походов по литературным местам. Работа по изучению только начинается, и, безусловно, она привлечёт внимание местных литературоведов и краеведов»³.

Личный интерес Чернова удивительно точно совпал с духом времени: в эпоху оттепели открывались новые страницы нашей истории, из забвения были подняты имена многих литераторов. Автор ясно понимал эту взаимосвязь, говоря, например, о значении произведений Лескова для истории Орла: «Сколько-нибудь серьёзное изучение творчества Н.С.Лескова немыслимо без изучения истории нашего города, равно как и история Орла была бы неполной, если



бы в ней не нашли своего места произведения Лескова, который всегда считал писателя не «выдумщиком», а «секретарём» своего времени»⁴.

Читатели книг и статей Чернова, свидетели того, как Орёл лечивал военные раны, хотели знать больше о своём городе, быть людьми эрудированными и сведущими в былой судьбе родного края. Чернов на этой ниве просвещения с первых шагов оказался удачливым первооткрывателем, хотя, конечно, многие открытия были далеко впереди. С улыбкой, к примеру, сейчас встречаешь упоминание во втором издании книги (1961) повести Бунина «Лица» (теперь-то мы знаем, что это была всего лишь усечённая советскими издателями глава из романа «Жизнь Арсеньева»)..

Итак, повторим, первую книжку Чернова в Орле встретили без фанфар и восторгов. 21 февраля 1960 года в «Литературной странице» «Орловской правды» появилась рецензия В.Громова «Новые книги орловцев». Владимир Алексеевич писал о новинке своего коллеги: «Недавно Орловское издательство выпустило полезные очерки Н.Чернова, описавшего основные литературные места нашей области. Читатели получили достоверное пособие, хоть и не лишённое ряда упущений, отдельных, не всегда убедительных выводов. Теперь мы имеем возможность значительно лучше ориентироваться в «литературной географии» того «плодородного подстепья», откуда, по меткому выражению Бунина, «вышли чуть не все величайшие русские писатели»».

Однако сей скромный труд Николая Чернова был замечен не только в Орле: о нём написали авторитетные журналы «Филологические науки» и «Подъём», отклик появился даже в парижской газете «Русские новости».

Так сложилось, что получив сигнальный экземпляр своей первой книги, Чернов уехал в Москву на учёбу в аспирантуру. Возможно, тогда казалось, что расставание с Орлов временное, до защиты диссертации. Во всяком случае, Чернов продолжает активно печататься в родном городе, его имя неизменно называют в ряду местных литературоведов. Легендой ныне стала находка Черновым рукописи первой истории города Орла. Просматривая в Центральном государственном архиве литературы и искусства фонд И.А.Шляпкина, увидел упоминание о хранящейся здесь тетради орловского мещанина Д.И.Басова (прежде повествование первого орловского летописца было известно в отрывках, считалось, что оригинал утрачен): «Хорошо помню тот день. Сотрудница архива, загадочно улыбаясь,

положила на мой стол толстую тетрадь в потрёпанном картонном переплёте...». Находка летописи была как нельзя кстати накануне 450-летия города Орла, которое отмечалось в 1966 году.

Чернов постоянно печатался в те годы в Орле. Его обширное исследование по неопубликованным архивным материалам «О памятнике И.С.Тургеневу» было помещено в ставшем ныне хрестоматийном сборнике «И.С.Тургенев (1848-1883-1958). Статьи и материалы» (Орёл, 1960). Выходит переиздание первой книги, правда, название было несколько изменено – «Литературные места Орловского края» (1961), появляются публикации в академических столичных журналах «Вопросы литературы», «Исторический архив».

Молодой провинциал Чернов увидел то, что ускользало из виду у академиков и профессоров: «Тем, кто читает и изучает Тургенева, иногда приходится разгадывать сложные ребусы. Отдельные эпизоды его жизни требуют пояснения, а сочинения и переписка нуждаются в ещё более тщательном комментировании»⁵. Так определилось направление будущего поиска, после таких «дебютов» Чернов быстро занял место в плеяде авторитетных исследователей литературной истории края.

По окончании аспирантуры в 1962 году Чернова назначили на должность инструктора отдела культуры ЦК КПСС, позднее он работал там же консультантом. Диссертацию так и не защитил, однако её капитальный набросок ныне можно найти в сборнике «Основные проблемы советской литературы на современном этапе» (М., 1962) – труд имел весьма громкое название «Социалистический реализм и художественная правда в искусстве»...

ЦК предоставил Чернову скромный служебный кабинет и одновременно грандиозные возможности для знакомства с интеллектуальной элитой страны, особых отношений с совершенно недоступными, казалось бы, людьми. Орловский уроженец не кичился этими знакомствами. Просто на склоне лет мог при случае вспомнить о той или иной встрече. Например, так: «Мне однажды, кажется в 1965 году, довелось встретиться с этим маститым учёным (Н.К.Пиксановым, автором фундаментального исследования «Областные культурные гнезда» - А.К.). Помню, что он предостерегал от опасной узости литературного краеведения, с чем в то время мне трудно было согласиться. И только теперь понимаешь, как дальновиден и справедлив был Пиксанов в своих опасениях»⁶. А сколько было таких встреч в Москве, в Ленинграде, в других городах!

В 1964 году в академическом издании «Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С.Тургенева»

публикуется статья Н.М.Чернова и В.А.Громова «Тургенев и болховской помещик И.В.Лавров», а в следующем выпуске этого сборника (1966) – комментарий Чернова к «Отцам и детям» «Уездный прогрессист Н.Д.Карпов». Особенно востребованными оказались его изыскания в связи с 150-летием со дня рождения И.С.Тургенева – появляются обширные публикации в «Литературной газете» и «Литературной России».

Чернов в 1960-е и 1970-е годы стремительно «рос». Изменился даже его экслибрис: вместо крестьянского мальчика мы видим на книжном знаке классический профиль немолодого Тургенева. Едва ли не главным «представителем» московского исследователя в Орле был страстный библиофил Алексей Серафимович Захаров (1944-1991). Именно к нему Чернов обращался, если требовалось отыскать в родном городе какое-либо издание, уточнить сведения у старожилов и знатоков краевой истории. А Захаров в свою очередь часто бывал в Москве, с участием Чернова пополнял библиотеку. Их очень сблизила «коронная тема» орловского библиофильства – поиск первых книг, изданных в Орле в начале XIX века. Николай Михайлович обследовал книгохранилища Государственной библиотеки имени В.И.Ленина и Исторической публичной библиотеки, что позволило выявить несколько не обнаруженных прежде орловских изданий того времени. Чернов обнаружил также неизвестные сведения об И.Я.Сытине, первом орловском издателе. У Николая Михайловича была единственная в стране, хотя и неполная, коллекция первых орловских книг. И потому, естественно, что он подготовил брошюру «Орловские пренумеранты», которая стала приложением к составленному А.С.Захаровым каталогу «Книги, отпечатанные в Орле в 1814-1830 г.г. Орёл, 1987».

Н.М.Чернов собирал печатные материалы об И.С.Тургеневе и его окружении, вел короткую биографических сведений о писателе и его спутниках, изучал малоизвестные факты из жизни Тургенева, так называемые «белые пятна», апокрифические события из его биографии и творчества. В разное время, как выражался сам Чернов, в его обширное «тургеневское собрание» поступили реликвии из коллекции Ю.Б.Шмарова, М.А.Дорофеева, В.М.Жаботинского, а также из семейных архивов М.Н.Эгершторм, З.П.Шеншиной, Рутценов, Дунаевских, Кутлеров, Бондаревых, О.И.Львовой, Н.С.Майковой, Н.К.Магвеева, А.С.Безра, Н.Д.Кучина и других лиц, связанных с Тургеневым родственными, соседскими, дружескими узами.

Ныне покойный историк дворянства Юрий Борисович Шмаров говорил: «Единственный в России тургеневед – это Чернов» (Шма-

ров тоже был фактограф, коллекционер и знаток генеалогии). А ещё его называли «Большевик в краеведении». Не раз он повторял: «Мы беспечны и расточительны, потому что – очень богаты. Таких культурных традиций, как в тургеневском крае, может быть, нет ни у кого. Трудно поверить, но до сих пор на Орловщине едва-едва поминают наших земляков, в буквальном смысле деятелей мирового масштаба». Называя далее имена Н.Я.Данилевского, В.В.Розанова, М.М.Бахтина, С.Н.Булгакова, Чернов подытожил: «Нет сомнения, что в комплексе орловских историко-литературных музеев со временем появится ещё одни – музей истории общественной мысли в России. Для этого имеются все возможности – научный потенциал, опыт, библиотечные и архивные фонды, прекрасные кадры исследователей»⁷.

В 1989 году Николай Михайлович вышел на пенсию. Первое время он был занят крупным издательским проектом: в 1991 году в столичном издательстве «Наука» (серия «Литературные памятники») вышли «Записки охотника» И.С.Тургенева. Чернов был ответственным редактором книги и одним из авторов комментария. Однако в начале 1990-х годов на крупные издательские проекты, да тем более связанные с классической литературой, рассчитывать не приходилось. Взявшись было писать обзорные статьи мемуарного характера (пример – о библиофильстве на Орловщине), Чернов, насколько я могу судить, вскоре охладел к этому занятию «истинного пенсионера». Полновесных мы так в итоге и не увидели. Зато его захватила ещё более сильная, чем прежде, волна интереса к Тургеневу (а отголосок увлечения «воспоминаниями» - сложившаяся несколько позже книга о Колпне, о родных местах).

Новый директор музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Николай Ильич Левин пригласил его на должность научного консультанта. Предложение было весьма логичным, ведь Чернов был признан в мире как один из ведущих исследователей жизни и творчества Тургенева, авторитетный специалист по дворянской генеалогии.

Оглядываясь на минувшие десятилетия, мы видим, что в начале 1990-х у вышедшего на пенсию Чернова ещё было время для большой и результативной работы. Он наметил несколько задач. В первую очередь, резко поднять научный и интеллектуальный потенциал музея в Спасском-Лутовинове. Сюда он передал с течением лет, насколько мне известно, всё свое «тургеневское собрание». При деятельной помощи Чернова были налажены связи Спасского с ведущими литературными музеями страны, с другими учреждениями культуры федерального уровня.

Чернов внес массу предложений в перспективный план деятельности научных сотрудников, постоянно консультировал их. Он многое сделал для осуществления своей мечты – начала издания научного сборника «Спасский вестник». В музее-заповеднике стало традицией ежегодное проведение январских научных конференций, которые собирали литературоведов столиц и многих регионов страны.

Очень высокую планку поставил Чернов и для себя лично на 1990-е годы: составить «Спасскую хронику», большую серию очерков о Спасском и тургеневском окружении, подготовить книгу «Тургенев в Москве» и книгу о провинциальных дворянских гнёздах.

Да, задачи были трудновыполнимые: сказывались почтенный возраст, грандиозный кризис в стране, изменившийся статус Чернова – теперь перед ним не были столь широко и гостеприимно, как прежде, открыты двери архивов и фондов музеев. Но старик Чернов (так он себя периодически называл в те годы) не унывал. Постоянно ездил из Москвы в Спасское-Лутовиново, освоил компьютер и электронную почту.

Итак, его мечтой было издание «Спасского вестника» - сборника научных трудов и публикаций старинных документов с комментариями. Первая книжка «Спасского вестника» вышла в 1992 году, Н.М.Чернов был членом её редакционной коллегии, а В.А.Громов – ответственным редактором. В том сборнике всего 92 страницы, но это был первый шаг на большом пути – в последующие годы вышло более полутора десятков выпусков «Спасского вестника», к тому же их объём вдвое, а то и втрое превзошёл первенца. И не было ни одной новой книжки провинциального издания без публикации Чернова (одной, а в ряде сборников и сразу по две). Назову хотя бы некоторые из них: «Спасское-Лутовиново в XVIII веке» (№1), «И.И.Лутовинов, его дом и хозяйство» (№2), «В старину у Тургеневых» (№3), «По следам семейных реликвий И.С.Тургенева» (№4), «Лаврецкие и Лутовиновы в жизни и в романе» (№5), «Петербургская юность Ивана Тургенева» (№6), «Тургеневы в чужих краях в 1882-1823 годах» (№7), «Мансуровы и Галаховы – наследники Спасского-Лутовинова» (№9), «Лебедань: конная ярмарка и рассказы Тургенева» (№10).

В 1990-е годы мы периодически встречались в Спасском, реже в Орле. Я с первых минут рассказывал о том, над чем работаю, делился планами. Чернов высказывал свои оценки этим темам, впрочем, никогда не настаивая закрыть то или иное исследование. Помнится, несколько раз он советовал мне непременно написать книгу о трёх орловских философах: Булгакове, Данилевском и Розанове... А в другой

раз чуть не до слёз смеялся, вспоминая, как московские дамы-литературоведы прокомментировали рассказы И.С.Тургенева – получилась какая-то полная чушь в объяснении читателю, что такое, например, «замашки»... Эти встречи помогли мне вернее определить направление краеведческой работы, давали уверенность и новые силы.

До последних дней Николай Михайлович продолжал неустанно трудиться над сбором, систематизацией материалов, связанных с жизнью и творчеством И.С.Тургенева. Были выпущены ещё четыре книги, написаны более ста статей. Не хочу подменять автора и пересказывать его труды. Просто дам право голоса самому Чернову.

В 1999 году вышла из печати «Спасско-Лутовиновская хроника. 1813-1883». В предисловии автор писал: «Спасская хроника вызвана к жизни практическими потребностями, необходимостью иметь хотя бы бегло очерченный перечень событий, относящихся к Спасскому-Лутовинову и семье И.С.Тургенева»... Жизнеописание Тургенева, особенно ранний период, перегружено «художественными» сюжетами и мифами... В ближайшие годы в орбиту тургеневедения будут, вероятно, вовлекаться новые источники, целые комплексы материалов. Ожидается более свободный доступ к парижским и другим зарубежным архивам, к частным собраниям. Предстоит, мы надеемся, публикация писем к Тургеневу от его близких родственников. В перспективе – подготовка «Тургеневской энциклопедии» и научной биографии писателя. Всё это потребует обширных, достаточно достоверных знаний об окружении писателя, о его частной жизни, материальном быте. «Спасская хроника», пусть отчасти, возможно, окажет этому содействие»⁸.

В том же году выходит в свет его книга «Тургенев в Москве». Чернов вполне обоснованно объяснил важность именно такого обозначения темы: «В нескольких поколениях Тургенева рождались и похоронены в Москве. Дед, Н.А.Тургенев, мать писателя, жена старшего дяди Катерина Михайловна, тётка Ивана и его крёстная Ф.Н.Теплова (родная сестра Сергея Николаевича), две Лутовиновых – тётки Варвары Петровны, - все покоятся в Донском монастыре. Их могилы сохранились. Возле алтарной апсиды Малого собора целый некрополь писательской родни! Ещё один тургеневский некрополь находился в Новодевичьем монастыре. К сожалению, он срыт в 1930-е годы. Там, в частности, были похоронены старший брат писателя и его жена А.Я.Тургенева»⁹.

А вот строки из авторского предисловия к книге «Провинциальный Тургенев» (2003): «Творческий мир этого национального художника – стихия народной жизни, эстетика деревенской, усадеб-

ной культуры, язык и природа Средней России... Хотелось, чтобы потомки нынешних россиян сберегли свои столь ценимые во всём мире качества, такие, как высокая духовность и уважение к культуре. Однако останется, видимо, извечная сложность, непредсказуемость русского характера... Тургенев был мудр и прозорлив, умел предвидеть ход событий. Поражаешься его способности проникнуть в самую суть человеческой натуры. В своём последнем письме, обращённом к жителям Спасского-Лутовинова, писатель завещал им две вещи: «Не пить без меры вина и учить ребятишек грамоте». Второй из наказов мы, кажется, выполнили, а вот первый – едва ли»¹⁰.

Татьяна Комарда писала в рецензии на эту книгу: «Вникая в обширный материал, собранный автором, знакомясь с документами, письмами и фотографиями, часть из которых публикуется впервые, читатель попадает в настоящий генеалогический лабиринт, в котором запрятана человеческая жизнь со своими радостями, страстями, ссорами, тайнами и легендами. Более того, потянув нить всего одной родословной, обнаруживаешь, как прихотливо нанизываются на нее события русского прошлого, где рядом с эпизодами из личной истории семьи располагаются общеизвестные имена и факты»¹¹.

Научная и поисковая деятельность Н.М.Чернова в 1990-е годы не ограничивалась Спасским-Лутовиновым. Тогда в Москве ещё не был открыт музей писателя, зато появилась Библиотека-читальня имени И.С.Тургенева. С первых же дней её существования Чернов стал частым гостем и участником проводившихся здесь встреч. Николай Михайлович ежегодно выступал на конференциях, постоянно оказывал помощь коллективу библиотеки-читальни своими консультациями; по заданию библиотеки готовил материалы, посвящённые жизни и творчеству И.С.Тургенева в Москве. А материал сложился богатейший: Чернов выявил более 50 мест, связанных с пребыванием И.С.Тургенева в Москве. Кстати, первое представление общественности книги «Тургенев в Москве» состоялось в этой библиотеке.

А ещё Чернов проводил автобусные экскурсии для сотрудников и читателей Тургеневской читальни, из личной библиотеки передал в её фонды книги, посвящённые жизни и творчеству Тургенева, материалы исследований.

Николай Михайлович умер 2 февраля 2009 года. Ныне с грустью приходится осознавать, что уже не увидим на книжной полке его новых книг. И дело не только в том, что он не представит на суд общественности новые факты из биографии Тургенева, из прошлого Орловского края.

Очень хочется, чтобы новыми поколениями исследователей не был утрачен «метод Чернова» - метод его неустанной разработки «подпочвы тургеневского космоса», отбора и систематизации фактов, умение связывать их и выстраивать в большое историческое повествование. Не случайно он когда-то говорил об условности самого понятия «литературные места». Как мы будем трактовать этот термин в XXI веке? Будем его сужать до чеканной строки литературной энциклопедии? Или расширять до картин бытовой истории? В своё время крестьянский сын, «большевик в краеведении» Николай Чернов сумел дать ответы на многие поставленные эпохой вопросы. В этом, наверно, он был и навсегда останется незаменим.

Краткая библиография книг Н.М.Чернова

Литературные места Орловской области.- Орёл: Орловское книжное издательство, 1959.

Литературные места Орловского края. - 2-е изд., доп.- Орёл: Орловское книжное издательство, 1961.

Орловские литературные места.- 3-е изд., доп.- Тула: Приокское книжное издательство, 1970.

Спасско-Лутовиновская хроника. 1813-1883: Документальные страницы литературной и житейской летописи.- [Тула], 1999.

Тургенев в Москве.- М.: Грааль, 1999.

Провинциальный Тургенев.- М.: Центрполиграф, 2003.

Дворянские гнёзда вокруг Тургенева: Очерки поместной и культурной жизни прошлых столетий в провинции.- Спасское-Лутовиново, 2003.

Колпна: Рассказ о её прошлом, осколки которого ещё можно собрать.- Орёл: Издательство ОРАГС, 2003.

Примечания.

1. Колпна: Рассказ о её прошлом. Орёл, 2003. С.109.
2. Там же. С.3.
3. Литературные места Орловского края. Орёл, 1961. С.5, 7.
4. Там же. С.54.
5. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева... Спасское-Лутовиново, 2003. С.5.
6. Там же. С.279.
7. Дворянские гнёзда вокруг Тургенева... С.28; Провинциальный Тургенев. М., 2003. С.172.
8. Спасско-Лутовиновская хроника... [Тула], 1999. С.2.
9. Тургенев в Москве. М., 1999. С.13.
10. Провинциальный Тургенев... С.3-4.
11. Комарда Т. Лабиринт Спасского-Лутовинова//Независимая газета. 2003. 18 дек.





VII.

*Друзья музея:
творчество*





*Духовный хор Ильи Кушелева в музее Тургенева
в день рождения коллектива 19 февраля 2008 года*

МЕСТО, ГДЕ ХОЧЕТСЯ ТВОРИТЬ...

Зимой 2006 года в Орле возник новый музыкальный коллектив. Стояли лютые «афанасьевские» морозы конца января - начала февраля, когда под сводами тёмной, плохо отапливаемой Николо-Песковской церкви зазвучало пение, какого, вероятно, давно не слышали эти стены. Наверное, впервые в Орле был создан церковный хор, состоявший исключительно из профессиональных вокалистов. Когда-то в России не разделяли голоса на сольные и хоровые, существовала единая постановка. Оттого на сохранившихся старинных записях церковные хоры звучат так ярко и колоритно.

Пожалуй, беспрецедентна была попытка возродить эту эстетику в нашем городе и ввести её в современное богослужение.

Понятно, что замысел этот, как всякая нетривиальная идея, был встречен с недоверием. Доказывать же его право на существование не было времени. «Имеющий уши да слышит». Надо было работать и преодолевать преграды, казавшиеся непреодолимыми: предстояло освоить с вокалистами, никогда не певшими в церкви, далекими от церковной лексики, огромное количество текстов на церковнославянском языке – песнопения на Великий Пост, на Пасху. Эти обстоятельства делали неизбежными «авральные» методы работы – порою было не до тонкостей. Многое, тем не менее, совершалось как бы само собой, благодаря нашей исполнительской воле и самоотдаче артистов.

Жаль, что проект, который мог бы быть столь многообещающим и при более благоприятных обстоятельствах стать вкладом в церковно-певческую культуру, оказался невостребованным в той среде, для которой он был задуман.

Спасением для замысла, который, казалось, погиб, так и не раскрывшись, стала по воле Провидения открывшаяся дверь тоже в храм, где тоже ежедневно совершается своего рода литургия (а литургия по словам Христа, «есть действие, творимое в его воспоминание»), храм, который, по мудрой мысли Н.Ф.Фёдорова, есть подобие «осеннего светлого храма» – всей Господней земли – музей – обитель муз. Часть «Всеобщего музея» – всей человеческой культуры – вот куда суждено нам было попасть.

И не случайно, наверное, первой нашей совместной работой с музеем И.С.Тургенева стала мемориальная акция «Последний

дневник Тургенева», совершенная в день памяти писателя, 3 сентября 2007 года. Сценарий, передающий драматизм момента, глубокие исповедальные, я бы даже сказал, эсхатологические тексты Тургенева, сильная актерская работа Заслуженного артиста России А.А.Магдалинина, как-то сами собой очень удачно подобранные православные песнопения – всё это создало единую направленно-скорбную атмосферу, превратив этот вечер в настоящий реквием по великому писателю. К счастью, хотя и не было сделано полной видеозаписи, в моем видеоархиве остались записи хоровых номеров того памятного вечера.

Эта работа стала пробным камнем в нашем творческом партнерстве, которому суждено было продолжиться.

Во всяком деле необходим союзник, человек, которому ничего не нужно объяснять и доказывать, с которым взаимопонимание происходит на уровне интуиции. Такого человека мы нашли в лице заведующей музеем Тургенева Л.А.Бальковой. Без её активного внимания и участия ничего не могло бы состояться. Думается, мы не ударили лицом в грязь: наши выступления на сцене музейного Лектория сразу приобрели поклонников среди его постоянных посетителей. С глубоким удовлетворением могу сказать, что все наши концерты происходили в радостной атмосфере взаимного интереса. А для артистов это лучшая награда. Музей Тургенева – это то место, где хочется творить – отдаваться искусству и отдавать его людям.

В 2008 году отмечалось 190-летие И.С.Тургенева и 90-летие его музея. Этим знаменательным датам мы посвятили целую серию совместных работ. Традиционный музейный фестивальный проект «От Святков до Святой» был решён как цикл концертов Духовного хора. В телевизионном интервью на открытии цикла Л.А.Балькова отмечала, что тема «Тургенев и духовное пение» никак не исследована, и наш коллектив стал первым, кто попытался её раскрыть. В цикле были представлены четыре большие тематические программы, каждая в двух отделениях, первое – сольное, второе – хоровое. Специфика коллектива, состоящего из певцов-солистов, позволила силами одной творческой единицы (Духовного хора) решить сразу несколько исполнительских задач.

Кажется, в последние десятилетия орловский музыкальный мир почти перестал замечать знаменательные даты. Так, «едва вспомнили» 100-летие со дня смерти Н.А.Римского-Корсакова, композитора, которого И.С.Тургенев знал лично и творчество которого

высоко ценил. Мы были первыми, кто отметил эту дату, посвятив Римскому-Корсакову всё первое отделение концерта, состоявшегося 17 февраля 2008 года. Фрагменты этого концерта транслировались по орловскому радио в сюжете, подготовленном журналистом Е.Костомаровой.

Кульминацией цикла стал Великопостный концерт, прозвучавший 6 апреля. Для сольной программы мы подобрали сравнительно редко исполняемые произведения русских композиторов: монолог «Подвиг» Чайковского, «Молитву» Калинникова, «Мы отдохнем», «На смерть чижики», «Воскрешение Лазаря» Рахманинова. Во втором отделении звучало «Помышляю день страшный» Архангельского, и – театрализованно, при свечах, наподобие того как это происходит в церкви – «Покаяния отверзи ми двери» Ведела. Газета «Орловский комсомолец» опубликовала тогда моё большое интервью, а позже, по итогам всего цикла Г.Молоткова подготовила прекрасную передачу, прозвучавшую как в местном эфире, так и на центральном канале радио «Россия».

Не всё, конечно, получалось гладко. Не удалось, например, опубликовать большой проблемный материал о путях развития церковно-певческого искусства. Тем не менее, благодаря работе в музее у нас завязались контакты со средствами массовой информации и появилась возможность рассказать о своей работе на страницах местной печати, в передачах теле- и радиоканалов.

Большой объем работы, стремление не повторяться, каждый раз готовить новую программу, отсутствие финансирования за исключением личных пожертвований людей, которым был дорог этот проект, ощущение, что нам приходится буквально «горы сворачивать», имели следствием некоторую усталость, проявившуюся к концу цикла. Болезнь некоторых солистов, невозможность их заменить, отсутствие поддержки со стороны товарищей по музыкальному цеху – всё это поставило под угрозу срыва последний концерт цикла. Но мы не отменили концерта, мы провели его – пусть не с таким размахом, как хотелось, но всё же – достойно.

Как всегда, лучшим выходом из кризиса явилась работа. Новый этап сотрудничества с музеем ознаменовался новым творческим проектом. Поводом послужило для меня одно знакомство, завязавшееся на вечерах «От Святков до Святой». Будучи ещё с юности поклонником блистательной актрисы, Заслуженной артистки России М.Н.Соколовой в музее Тургенева я получил возможность работать

с ней на одной сцене. После классических текстов в её исполнении невозможно было петь плохо, она задавала тон, её участие ободряло и оживляло нас.

Идею предложила Л.А.Балыкова. Драматический этюд «Искушение» по мотивам романа Тургенева «Дворянское гнездо» стал работой экспериментальной. Пожалуй, впервые хор, исполняющий церковные песнопения, был введен в сценическое движение наряду с актерами. Вот отрывок из эпитафии, предпосланного спектаклю автором сценария – М.Н.Соколовой: «Мы знаем, как привычка порой не позволяет нам замечать неповторимое своеобразие черт близких нам людей – то же происходит с литературными образами... Мы надеемся разрушить в вашем сознании привычный стереотип и открыть новый, духовный пласт в, казалось бы, известном произведении великого художника... Лиза Калитина предстает нам сегодня не только в ореоле страдания, но и мужественным, цельным, сильным созданием, готовым на искупительную жертву, на подвиг...»

Премьера спектакля состоялась в День памяти И.С.Тургенева, 3 сентября 2008 года. Воздействие его было столь сильным, что даже строгая и сдержанная директор Орловского объединенного литературного музея В.В.Сафронова тихо сказала, что она «была потрясена». Вскоре спектакль был показан на международной Тургеневской конференции, собравшей тургеноведов Орла, Москвы, Санкт-Петербурга, многих других городов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Большой честью для коллектива Духовного хора стало приглашение участвовать в юбилейных торжествах по случаю 90-летия музея Тургенева в Орле. Надеемся, что своим выступлением мы смогли украсить торжественный вечер, проходивший в областной филармонии 20 ноября 2008 года.

Своеобразным ответным жестом музея стало празднование в его стенах Дня рождения нашего коллектива. На вечер под названием «Духовный хор приглашает друзей» собрались поклонники творчества коллектива, студенческая молодежь, наши друзья-актеры. М.Соколова и Т.Шевченко в очередной раз вместе с нами представили «Искушение». Заместитель председателя Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.А.Ливцов торжественно вручил коллективу хора Благодарность за работу по популяризации памятников русской хоровой духовной музыки. Событие не осталось незамеченным: сюжет о нём прозвучит



чал на телеканале «Истоки». Это был ещё один, пусть небольшой, но столь важный для нас шаг к признанию...

В 2009 год мы вступили с новыми творческими надеждами. Давняя мечта полностью реализовать исполнительский замысел Литургии П.И.Чайковского овладела нами с новой силой. К открытию выставки, посвященной 200-летию юбилею Н.В.Гоголя, мы подготовили совместно с М.Н.Соколовой фрагменты «Авторской исповеди» Гоголя (составитель текста Л.А.Балыкова) в сопровождении избранных номеров из Литургии Чайковского (ор.41).

Вспоминая прошедшие годы, не могу не отметить сольные выступления артистов коллектива на многих важных музейных мероприятиях. Так, в 2008-2010 годах наши вокалисты Т.Полякова, Ю.Гарбуз, В.Попова, М.Самохина, Ю.Оловяникова пели на традиционно отмечаемом в музее 18 июля Дне рождения Полины Виардо. Яркими, эффектными всегда были выступления корифея орловской сцены А.Митина. Музейный Лекторий стал той концертной площадкой, с которой первые свои шаги на профессиональную сцену сделали молодые певцы, артисты Духовного хора – Мария Самохина, Светлана Золотухина, Игорь Голиков, Петр Чибисов, Павел Поляков.

Вспоминается теперь, что в те годы много приходилось делать помимо подготовки «музыкальной части». Придумывали и изготовляли афиши, разносили пригласительные билеты, оформляли сцену из того, что было под рукою: приходилось выступать и с вступительной речью, и с музыкальным комментарием и с мелодекламацией... Когда же появилась опасность фактической ликвидации музея Тургенева в Орле, мы сочли за честь подписать Обращение в его защиту.

Конечно, много творческих замыслов осталось нереализованными. Препградой к их осуществлению, в конце концов, стало отсутствие поддержки – административной и финансовой. Последний раз Духовный хор собирался и выступил 2 декабря 2009 года в Зале приемов резиденции Архиепископа Орловского и Ливенского, где мне довелось читать доклад о старинных нотах на заседании Церковно-археологического общества.

Суждено Духовному хору возобновить свою работу или нет, меня согревает мысль, что его смелая, красивая идея, вначале казавшаяся авантюрой, всё-таки воплотилась – вопреки всем обстоятельствам, и что хор продержался в «волнуемом напастей бурею житейском море», что ему удалось, пусть не очень стройно и согласованно, произнести своё слово, ставшее, как мне кажется, вызовом самоуверенной музыкальной рутине.

Сохранившиеся записи Духовного хора легли в основу любительского фильма, размещенного на международном видеопортале YouTube – свидетельство того, что само существование Духовного хора стало фактом музыкальной истории Орла, фактом, который нельзя уже из неё вычеркнуть.

САДЫ ВОКРУГ ТУРГЕНЕВА: ПОВЕСТЬ «ФАУСТ»

От составителей.

Мы предлагаем читателю «пробу пера» учениц Орловского лицея №1 им.М.В.Ломоносова А.Борок и Н.Забоевой, участниц и призеров литературных «Игр школяров» 2010 года,- сочинения на заявленную в титуле тему. На наш взгляд, авторы проявили самостоятельность, представив каждая своё видение одной из самых загадочных повестей Тургенева. При этом они не только выказали незаурядную способность «вчувствования» в литературный текст, проникновения в психологию тургеневских героев, но сумели также продемонстрировать владение приемами анализа художественного произведения «волшебника русской прозы».

А.Борок

ИСКУССТВО И ПРИРОДА В ПОВЕСТИ «ФАУСТ»

Образ сада в мировой культуре является одним из самых ярких. Сад Эдема, Висячие сады Семирамиды, Гефсиманский сад, вишневый сад Чехова... Часто он наделён прямо противоположными смыслами. С одной стороны, это место, освящённое божественной дланью, с другой – место искушения демоническими силами.

В произведениях И.С.Тургенева образ сада не случаен. Вся жизнь писателя-дворянина, помещика – неразрывно связана с природой. А сад – особый мир, особая жизнь. Во всем творчестве Ивана Сергеевича пейзаж психологичен, несёт в себе определенную тайну, связан с судьбами героев.

В повести «Фауст», относящейся к мистическому циклу, можно найти упоминание о трёх садах: в сельце М...ое – имении главного героя Павла Александровича, в Осиновке – имении Ельцовой, в имении Приимкова – мужа главной героини Веры Николаевны. Наиболее подробно представлен сад в старом родовом «гнезде» П.А. Само описание вводится как антитеза всему остальному: ветхому домишке, местным крестьянам, да и самому хозяину, от лица которого ведётся повествование.

Напомним, что повесть, написана в самом сентиментальном жанре и представляет собой девять писем, причём только одного адресата. И действительно, стиль первого письма полон чувствительности. П.А. умиляется развернувшейся перед ним панораме сада. Описание дано по принципу укрепления кадра. Сначала мы узнаём в целом о деревьях и кустарниках, составляющих сад. Это сирень, акация, жимолость (первый ряд); березы, клёны (второй ряд); липовые аллеи (третий ряд). Затем главный герой говорит о своей любви к липовым аллеям. Тройной повтор «люблю» убеждает в искренности его чувства. Конечно, читатель не может не вспомнить любовь самого Тургенева к аллеям Спасского. И уж, разумеется, последующее описание молодого дуба ещё более сближает характеры писателя и его героя.

Таким образом, отношение к саду, восторженное, умилённое, искреннее, характеризует Павла Александровича как человека мыслящего, сентиментального, тонко воспринимающего природу.

Через неделю в начале второго письма герой отказывается гулять в саду. Почему? Загадка. Случайная встреча с бывшим университетским товарищем Приимковым напоминает П.А. историю двенадцатилетней давности. Прогулки и беседы с юной Верочкой Ельцовой, вероятно, в саду, способствовали зарождению любви, которой не суждено было тогда развиться.

В третьем письме П.А. снова описана прогулка по саду главных героев, но уже спустя двенадцать лет. И опять, как-то мистически, сад в имении Приимкова похож на предыдущие. Прежде всего, тень высоких аллей, которая делает лицо Веры ещё милее для рассказчика, и разрушают границу времён. П.А. как будто снова оказывается в Осиновке, в ранней молодости. Но ему уже не мешает выражать свои чувства мать Веры. То есть, благодаря саду, прошлое и настоящее объединились, исчезли годы разлуки, воскресли прежние чувства. Сад – добрый гений. Но есть в повести и злой гений. Мистическая

сторона произведения связана с несколькими образами, главными из которых я считаю отца Ельцовой – чернокнижника в духе Фауста, пыгавшегося продлить жизнь человеческую, и Ельцову – мать Веры – с её теорией воспитания, по которой «надо всего себя переломить или уж не трогать». У читателя возникает ощущение, что Ельцова не умерла. Её дух (но не душа) остался в портрете с живым укоризненным взглядом, в чертах лица внучки Наташи, даже в явлениях природы – надвигающейся перед чтением «Фауста» и разразившейся вскоре после него, во время беседы героев грозе.

В четвертом письме наиболее подробно описано воздействие на Веру двух сил: умиротворяющей, усыпляющей силы природы и раздражающей, пробуждающей душу силы искусства. Внутренняя борьба, смятение чувств главной героини наиболее ярко переданы такой художественной деталью, как ветка дикой жимолости: она мимоходом сорвала ветку, потом вдруг бросила в сторону – как будто приняла какое-то решение. Победило искусство, душа пробудилась для чувств, гармония с окружающей природой, символом которой был сад, разрушилась.

Таким образом, сад для главной героини – источник жизненной энергии, гармонии с природой, но и ... душевного сна. А искусство, в данном случае литература – разрушитель стереотипов мышления, яблоко познания добра и зла. То есть в повести Тургенева природа и искусство – антиподы.

Ещё одно подтверждение этого находим в пятом письме. После чтения «Онегина» П.А. целует руку Веры. Она считает такое отношение неправильным. Психологически тонко и подробно передано душевное состояние тургеневской женщины во внешних проявлениях: «...слегка отодвинулась, устремила на меня взгляд... вдруг покраснела, встала и ушла... избегала меня...» Что за этим скрывается? На такие чувства «можно только указать – и пройти мимо». Но на следующее утро Вера первая предлагает П.А. пойти в сад. И, будто набравшись духовных сил, она укоряет его за вчерашний поступок.

Из шестого письма мы узнаём, как меняется Вера. Проходя по саду П.А. слышит её пение в китайском домике сада. Душа – «птенчик» выходит из-под «крыла» матери на волю. В ней пробуждается натура Манон Леско, унаследованная от страстной, загадочной, свободной бабки.

Следующие два письма самые короткие. В них нет ни одной пейзажной зарисовки – только чувства.

Девятое письмо – кульминация и развязка. После отчаянного признания Веры в любви П.А. «вышел в сад, забрался в глушь, прислонился к дереву» - вероятно, чтобы прийти в себя от избытка чувств.

Вера назначает свидание в китайском домике. Мистическое вмешательство матери губит Веру Николаевну. Смерть оказывается сильнее любви. И.С.Тургенев объясняет такой финал устами главного героя: жизнь – тяжелый труд, смысл её – отречение, исполнение долга. Позже, незадолго до смерти в стихотворении «Воробей» писатель скажет: «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь». А пока, в 1856 году, сильнее оказывается вечная, мудрая в своём спокойствии природа.



Н.Забоева

САД КАК «ЗЕРКАЛО ДУШИ» В ПОВЕСТИ «ФАУСТ»

«Две вещи наполняют душу всё большим восхищением и благоговением: звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас», - писал И.Кант. Счастлив тот человек, у кого есть возможность бессонной ночью выйти из дома в сад и, глядя на рассыпанные по чёрному куполу неба золотые точки, бродить по извилистым аллеям и размышлять о вечном и прекрасном. Дворянская усадьба восемнадцатого-девятнадцатого веков не существует в нашем представлении в отрыве от сада. Барский дом всегда утопал в зелени деревьев и кустов, находился на перепутье аллей и тропинок, где под сенью вековых дубов сгоравший от страсти молодой человек набирался мужества, чтобы сделать признание, а липовые листья шептали прекрасной барышне, что она любима. В ассоциативном ряду к слову «сад» всегда стоят слова «тайна», «любовь», «свидание».

В литературных произведениях окружающая героев природа часто не только отражает их настроение и внутренние переживания, но и формирует характер. Лучшие, любимые литературные персонажи тонко чувствуют природу, понимают её законы, живут в гармонии с ней. Татьяна Ларина и Лиза Калитина, Андрей Болконский и Илья Обломов, Ольга Ильинская и Наташа Ростова... Можно

сказать, что образ сада является ключевым, сквозным в литературе девятнадцатого века. А подчас сад становится и героем художественного произведения, свидетелем самых сокровенных моментов в судьбе персонажей, выразителем авторской позиции. Образ сада для И.С.Тургенева обязателен, психологичен, неразрывно связан с внутренним состоянием героев.

В повести «Фауст» действие разворачивается в дворянской усадьбе. Изображая старинное «дворянское гнездо» в первой главе, автор воссоздаёт в словесной форме Спасское, его окрестности, сад, фамильную библиотеку. Описание липовых аллей и молодого дуба сразу напоминает читателю о лутовиновском парке, горячо любимом писателем. Родной сад настолько же близок сердцу главного героя повести Павла Александровича. Вернувшись в своё имение после девятилетнего отсутствия, он замечает перемены, произошедшие в усадьбе и в людях. С грустной улыбкой герой смотрит на покосившийся домик, на сгорбившуюся и высохшую старушку-ключницу, на побелевшего старика Терентия. Всё это напоминает Павлу Александровичу о том, как постарел и переменялся он сам. Но такое философское, элегическое настроение сменяется другим, когда герой видит цветущий, полный жизни сад. Время сотворило с ним прямо противоположные перемены: «скромные кустики разрослись в великолепные сплошные кусты; берёзы, клёны – всё это вытянулось и раскинулось; липовые аллеи особенно хороши стали». Жизнь человека коротка, суетлива и быстротечна по сравнению с вечным царственным спокойствием природы. Прекрасный сад – именно то место, где исполняются желания: «Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть! Но не тем холодным сном могилы я б желал навеки так заснуть, чтоб в груди дремали жизни силы, чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь». Сад – приют тишины и спокойствия, земные заботы и тревоги не могут проникнуть в этот райский уголок, где душа купается в неге умиротворения и безмятежности. Павел Александрович бесконечно привязан к любимому саду и, описывая его в письме к другу, отзывается о нём с особой нежностью.

При солнечном свете жаркого дня атмосфера, царящая в саду, умиряет страсти и успокаивает душу, но, как только солнце уступает место луне и звёздам, среди тёмных аллей разгораются желания, а ночная свежесть толкает к действию. Не случайно одним из излюбленных писателем мест для свиданий героев является ночной сад. Когда тьма поглощает стыдливость и страхи, чувства вырываются

на свободу из самых потаённых уголков души. И хотя в повести «Фауст» сцены ночных свиданий в саду отсутствуют, главные герои не раз оказываются в окружении растущей зелени, где вспыхивают первые искры сильного чувства: «В тени высоких лип и берёз её лицо показалось мне ещё милее, особенно когда она слегка поворачивалась и закидывала голову, чтоб посмотреть на меня из-под края шляпки». Именно в саду Вера Николаевна обдумывала впечатления, оставленные чтением «Фауста». И в этот момент она была «бледная почти до прозрачности, слегка наклонённая, усталая, внутренне расстроенная – и всё-таки ясная, как небо!» Павла Александровича удивляют и восхищают в Вере Николаевне «проницательность мгновенная рядом с неопытностью ребёнка, здравый смысл и врождённое чувство красоты, постоянное стремление к правде, к высокому». Вера Николаевна, как дитя природы, отличается естественностью и непосредственностью чувств и поступков, цельностью натуры. Пейзаж часто становится зеркалом души главной героини. Описание сада и внутреннего состояния Веры Николаевны даются Тургеневым параллельно. Так, после ночной грозы сад успокоился и, обновлённый, взбодрившийся, задышал свежестью. Знакомство с поэмой И.В.Гёте «Фауст» как будто пробуждает главную героиню от глубокого сна, позволяет увидеть жизнь в новом свете. Проходя по саду, она срывает ветку дикого жасмина. По одной из версий, жасмин символизирует любовь, которой не страшны никакие преграды и запреты, по другим данным, жасмин – символ стремления к познанию жизни. И то, и другое внезапно пробудилось в душе героини. Всё же, в попытке уберечь себя от жизненных страстей, она просит Павла Александровича больше не смущать её покой. Происходила эта встреча в саду. Но не во власти человека оказалось справиться с таким сильным чувством.

В моменты эмоциональных потрясений тишина сада помогала героям успокоиться и привести в порядок растревоженную душу. После признания Веры Николаевны в любви долго стоял, прислонившись к дереву, Павел Александрович, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. С трепетом и волнением ждал на берегу озера герой женщину, которую любил. Ждал, томился, надеялся, но лишь темнота и тишина знали, что она уже больше никогда не придёт к нему. После смерти Веры Николаевны Павел Александрович навсегда поселился в глухом селе П...ом, где наверняка был свой сад. И в саду наверняка ещё долго вспоминал чувство, которое «промелькнуло

мгновенно, как молния, и как молния принесло смерть и гибель». И воспоминания о моментах счастья были неразрывно связаны с шёпотом листвы, солнечными бликами на дорожках, запахом ночной прохлады.

Повесть «Фауст» относят к мистическим произведениям Тургенева. В ней показаны фантастическая связь и фантастическое влияние на живого человека, Веру Николаевну Ельцову, призрака, духа её матери, с детства оберегавшей единственную дочь от соблазнов и страстей, но не защитившей её от самого опасного искушения – любви. Автор проводит параллель между судьбой главной героини и трагедией Гретхен – жертвы трагической любви к Фаусту. Все ключевые моменты взаимоотношений рассказчика и Веры Николаевны происходили в саду. Он – и молчаливый свидетель, и коварный искушитель, и злобный судия.

Таким образом, рассматривая любовь как проявление одной из стихийных, бессознательных сил природы, И.С.Тургенев в повести «Фауст» показывает беспомощность и незащищённость человека перед этой силой. Природа всегда брала над человеком верх. Мечты, чаяния, надежды героя рассыпались в прах в виду «великого спокойствия равнодушной природы». Сад видел это, сад пережил это.

Закончить своё размышление хотелось бы отрывком из стихотворения А.С.Пушкина:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Антон Бушунов

ИЗ СЕРИИ ЖЗЛ Фантазии на троих

*Музей Шопена. Волнорез.
С утра умеренно штормит.
Долги, провинция и бес
В ребро всё время норовит.*



*Островитянин, сердцеед,
От современников далёк
На этих скалах. Пляжный плед
Засыпят ноты и песок.*

*На санитарный век музей
Закрывает, заброшен палисад.
Шопен играет для друзей
И звуки клавиш моросят*

*По балюстраде и крыльцу,
Теснит окаменелый плен.
Столкнемся с ним лицом к лицу
И оба выдохнем: «Шопен!»*

** * **

*Ручное солнце. Поплавок.
Порхает перелётный крик.
Щипая плавильный сырок,
Рыбачит Мамин-Сибиряк.*

*И хокку Маццо Басё
Он подсекает каждый раз.
Под нос свистя, домой несёт
Набитый рыбою рассказ*

*В своё рабочее гнездо,
На крайней веточке сосны.
Пусть неудобно, но зато
Границы жанра не тесны.*

*В переплетении ветвей
Свинные хвостики висят:
Опять ручной воздушный змей
Ворует местных поросят.*

** * **

*Немного моря по ногам,
Немного жизни кочевой.*

*Не Франсуаза ли Саган
Звучит во фразе ключевой?*

*Её прикармливала власть,
Вручала яйца фаберже,
Но Франсуаза увлеклась
Охотой на морских ежей.*

*По сонной крабовой клешне
Парные капли моросят,
А с аквалангом и в кашне
Ей дашь от силы пятьдесят.*

*Потянутся на юбилей
В её стареющий бардак,
Сложившись на один билет,
Шопен и Мамин-Сибиряк...*

* * *

*Триста лет
По русскому горе-огороду
Хромаю в замызганных сапогах.
Мыши
В причёске императрицы
Шлифуют свою породу.
Убрано поле истории.
Мышами кишат стога.*

* * *

*Вползает гекзаметр в июльскую ночь грозовую.
Елозит по слякоти полуживая строка
О том многоопытном муже, который впустую
Объездил весь свет и такого свалая дурака,*

*Что сделался притчей, юродивым в этой округе.
В ночную грозу ли, в бессонницу, с пьяных ли глаз –
Ты ловишь себя на таком же почётном недуге –
Реликтовой строчке, вживлённой в июльскую грязь.*

ЛЕТО

*Природа на рассвете замирает,
Рождая новый и желанный день,
И всё живое будто умирает,
Пока не растворится ночи тень.*

*А ранний свет, на дымку чуть похожий,
Является как призрачный мираж,
И лишь один затерянный прохожий
Своим движеньем оживит пейзаж.*

*Лишь речка, чуть журча нестройно,
Покою нарушает тишь,
Да вторя ей, шуршит листвою
В заливе бархатный камыш.*

ИСПОВЕДЬ

*Ненавижу себя в постоянстве,
Всё расчерчено, всё не спеша.
Сердце где-то застряло в пространстве,
В прошлом времени бродит душа.*

*Или выбился, может из сил я,
Не познав, где родился и рос,
Что великое счастье – Россия!
Где на души повышенный спрос.*

*Растерял по частицам в болотах
Жизнь свою в тусклом звоне монет,
Или там, на крутых поворотах,
Где судьба заносила в кювет.*

*Что ж, надежда тонка, словно волос,
Уж ступил я на тонкий карниз,
Из тумана таинственный голос
Всё зовёт и зовёт меня вниз.*

*Да, земля в неизменном движенье
Будет так же кружить и кружить,
Только мне даже в воображенье
Невозможно себя пережить.*

*Ненавижу я жизнь в постоянстве,
Там цена ей два медных гроша,
Лишь надеюсь, что где-то в пространстве
Всё же встретится с сердцем душа.*

ПРОЙДИ МИМО

*Не приходи ко мне, печаль,
Вокруг дорожек очень много,
Больную душу не мочаль,
За сердце пальцами не трогай.
Не приходи ко мне, печаль.*

*Я так давно ищущ покой:
Уснуть и заново родиться,
Уйти от жизни от такой
И без неё в неё влюбиться.
Я так давно ищущ покой.*

*Не приходи ко мне, печаль,
Ты обойди меня стороной,
Другим свиданье назначай,
Не рви мне сердца нити тонкой.
Не приходи ко мне, печаль.*

12 апреля 2003 г.

ПАСХА

*Светлый праздник. Воскресенье.
Воскресение Христа.
Очищение, всепрощенье,
В грешных душах чистота.*

*Ужас пыток на Голгофе
Пышной радостью сменен,
И стихиры вечной звуки
Льются в сердце серебром.*

*Торжествует все благое.
Колокольный звон.
Солнце обнялось с рекою
В божьем царствии своем.*

ЧЕРЕМУХА

*Лепестки черемухи
Кроют старый двор.
Недомолвки, промахи,
Вздорный разговор...*

*Ссоры, примирения,
Утомленный взгляд,
В белом оперении
Полуночный сад...*

*Жизнь, короче встолоха,
Кажется, прошла.
Но цвела черемуха
И любовь была.*



* * *

*Когда ромашка каждым лепестком
Вдыхает сладкий запах земляники,
Висит пчела над синим васильком,
Скользят по листьям солнечные блики,*

*Я чувствую давно забытый лад,
В гармонии мои душа и тело,
Как будто жизнь – сплошной Эдемский сад,
И нет иного для неё удела.*

*Забыв о кружке с ягодой на дне,
Запоминаю чудное виденье,
Как яркое желанное мгновенье
В изменчивом и уходящем сне.*

* * *

*Молюсь о доме и отчизне,
Солёной радости труда,
О праведной и честной жизни
С неотторжимостью стыда.*

*Молюсь о падших поневоле,
О павших молча без наград,
О благодатной светлой доле
Для подрастающих ребят.*

*Молюсь за мучеников тоже
С их добротой невпопад,
Но более молюсь, о, боже,
За чахнувший весной сад.*

В СЕНТЯБРЕ

*Куст обвила повилика,
Спят на лету комары.*

*Детского шума и крика
В полдень лишились дворы.*

*Воздух вниманием молод.
Голос учителя тверд.
В окна врывается город,
Ролики, теннисный корт.*

*Сложены книги в портфели.
Класс опустел до утра.
Настежь открытые двери.
Теплое братство двора.*

ТРОПИНКА

*Зима, как новая хозяйка,
В порядок дивный привела
Дома, сады, поля, лужайки...
Всё вычистила добела.*

*В одном она перестаралась:
Мою тропинку замела,
Где мы с любимым повстречались,
И я счастливая брела...*

*Но я сама её раскрою,
Усталым шагом протопчу,
Чтоб встретились другие двое –
Им тоже я любви хочу.*

Александр Солдатов
д.Булатово, Орловское Полесье

ДЕРЕВЕНСКОЕ ЛЕТО

*Я люблю деревенское лето
И запах сена в стогах,*

*Люблю голубые рассветы
Над дымкой тумана в лугах.*

*И ласточек, рвущихся в сени,
И звонкую трель соловья,
И высоко над деревней
Плавный полёт журавля.*

*Пусть ветер деревья качает
Живи, наслаждайся, мечтай!
Меня здесь с любовью встречает
Мой милый берёзовый край!..*



Для заметок

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневское общество в Орле

Тургеневский ежегодник 2010 года

Составители-редакторы

*Л.А. Балыкова,
Л.В. Дмитрихина*

Компьютерный набор

А. А. Шевченко

Оригинал-макет, верстка

О.И.Гладковой

Издатель Александр Воробьёв

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 01.12.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,58. Тираж 100 экз. Заказ № 231.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.

E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru



Художник Л.А. Грекова